

Ч Ж У А Н - Ц З Ы
Л Е - Ц З Ы

ФИЛОСОФСКОЕ НАСЛЕДИЕ

Том 123

**ЧЖУАН-ЦЗЫ
ЛЕ-ЦЗЫ**

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО • МЫСЛЬ •
1995

ББК 87.3 (5 Кит)
Ч 57

РЕДАКЦИЯ ПО ИЗДАНИЮ БИБЛИОТЕКИ
«ФИЛОСОФСКОЕ НАСЛЕДИЕ»

Перевод с китайского, вступительная статья,
примечания и указатели *В. В. МАЛЯВИНА*

Работа выполнена автором в рамках программы
«Духовные цивилизации Востока» ИДВРАН

Чжуан-цзы. Ле-цзы/Пер. с кит., вступ. ст. и при-
Ч 57 меч. *В. В. Малявина*. — М.: Мысль, 1995. — 439, [1] с.
ISBN 5-244-00772-6

Книга содержит новый полный перевод двух важнейших даосских канонов и замечательных памятников мировой философской мысли — книг «Чжуан-цзы» и «Ле-цзы». Этот перевод, выполненный известным русским китаеведом В. В. Малявиным, учитывает новейшие достижения мировой синологии в области исследования даосских текстов.

Для читателей, интересующихся историей философии и культурными традициями Востока.

ББК 87.3(5Кит)

© В. В. Малявин. Перевод.
Вступительная статья.
Примечания. 1995

ISBN 5-244-00772-6

© Издательство «Мысль». 1995
© Сканирование и обработка: glarus63

МУДРОСТЬ «БЕЗУМНЫХ РЕЧЕЙ»

В этой книге представлены новые переводы двух важнейших канонов даосской традиции Китая — «Чжуан-цзы» и «Ле-цзы». Созданные более двух тысяч лет назад и, казалось бы, чуждые миросозерцанию современного человека, они тем не менее и сегодня привлекают к себе пристальное внимание. Возможно, тем и пленяют нас эти писания безвестных мудрецов, что, придя из глубины времен, они служат открытию неведомого в нас самих. Чтение этих странных книг в самом деле побуждает вступить в диалог с иным и непривычным видением мира. В мировой философской литературе, и не только древней, найдется не много произведений столь же блистательных и одновременно глубокомысленных: отточенная и динамичная мысль, вкус к парадоксам и неумная фантазия, неподдельно радостное чувство жизни — вот приметы веселого, трезвого и переменчивого, как сама жизнь, гения, создавшего эти классические памятники китайской традиции. И все это приметы ищущей, творческой, всегда готовой к диалогу мысли.

Неотразимое обаяние этих книг как раз и состоит в том, что они учат открывать безграничный мир безграничных возможностей; они приносят ту вечную свежесть духа, ради которой их авторы готовы пожертвовать всей «тьмой низких истин», устанавливаемых наивно-самонадеянным рассудком. Даосские писатели мало похожи на философов — «любителей знания», озадаченных поисками истины. Они — мудрецы, хранящие, укрывающие истоки знания в глубинах собственного сердца, ибо они знают, — даже если не знают ничего, — что только решимость верить себя бездне Непостижимого таит в себе обетование бесконечности человека.

Философ хочет все понять, и весь его труд, вся его умственная жизнь запечатлены в словах. Мудрец ведет речь

о неизъяснимо понятном, и он весь — в безмолвии, обнажаемом словами, присутствующем в иносказаниях и недомолвках. Тогда становится понятным, почему мудрец создает каноны, а философ — «сочинения». Ведь мудрец говорит о незримых «семенах вещей» — о том, что предвзает и опыт, и знание; его речи хранят в себе внутреннюю, лишь символически выражаемую глубину просветленного сознания, которая является одновременно и матрицей культурной практики человека. Поэтому слова мудрецов, как говорили в Китае, «предельно просты», но требуют толкований: оппозиция канона и толкования соответствует иерархии культуры и духовного опыта, ее рождающего. Подобно звону колокола, величаво плывущему в воздухе, канон наполняет наш опыт зовом непреходящего и, стало быть, единственно подлинного.

Канон ничего не объясняет и не определяет, он внушает и настраивает духовный слух. У него нет авторов, у него есть только преемники. Чтобы постичь мудрость канона, недостаточно отвлеченного понимания. Тут должна быть еще и решимость пережить *тот самый* опыт, постичь мир в момент его рождения, увидеть все совсем новым, свежим взглядом. Мы открываем этот опыт, когда достигаем пределов понимания — того горизонта нашего жизненного мира, который вечно задан нашей мысли и вечно влечет ее к себе. Ум нетерпеливый и поверхностный, довольствующийся очевидными истинами, не приученный вглядываться в непрозрачную и все же интимную бездну Сознającego Сознания, не готов к встрече с мудростью и не способен опознать ее сокровенный лик.

Самое понятие «Дао», давшее название учению даосизма, как раз и указывает на ту непознаваемую целостность духа, ту сокровенную матрицу культуры, которая предвосхищает и предопределяет все культурные формы, подобно тому как семя предвосхищает плод. Сущность даосской мудрости вне идеологии, субъективных представлений и переживаний, вообще вне всякой предметности. Она — чистое Присутствие, потаенная полнота жизни, неотличимые, впрочем, от совершенно безыскусного, спонтанного «пребывания-в-мире». Но эта полнота бытия приоткрывается лишь в вечном скольжении за рубежи воспринимаемого и понятного. Она обретается в *превращениях духа*: самое понятие «Дао» означает буквально «путь».

Давно сказано: мудрость открывается нам в том, что миру кажется безумием. Даосские авторы — те самые мудрецы, которые, по их собственному признанию, произносят

«безумные речи». Создатель канона, кто бы он ни был, не может быть таким, как «все люди»; он — вне волнений «суетного света» и даже вне истории, его личность окутана покровом великой тайны. Однако ж он не чужд земному бытию, заботам повседневной жизни, ведь о его правде свидетельствует все, что случается естественно и непроизвольно, повинувшись непостижимым законам творческой игры бытия. Истинный мудрец, говорили древние даосы, «не имеет собственного разума, но живет заодно с разумом народа». Поэтому есть своя закономерность в том, что даосский мудрец всем известен и все-таки живет в мире неузнанным. Такова судьба создателей публикуемых здесь даосских канонов, за которыми закрепилась слава фантазеров и балагуров, но вместе с тем великих магов и эрудитов. Слава великих мыслителей пришла к ним намного позднее. Лишь в последние десятилетия творчество древних даосов стало предметом фундаментальных исследований, в которых их то и дело сравнивают с корифеями современной философии от Ф. Ницше до М. Хайдеггера и Ж. Дерриды. Создается впечатление, что даосские мудрецы оказались для многих наших современников актуальнее И. Канта и В.Г.Ф. Гегеля. Почему? Ответ, вероятно, нужно искать в присущем нашей эпохе стремлении преодолеть то эгоцентрическое видение мира и тот образ «фаустовского человека», из которых произрастала философия Нового времени. Ибо даосы принадлежат к той разновидности писателей, которые обнажают шаткость мнимо прочных основ «позитивного знания» и увлекают в неявленную и неопределенную будущность, где дух наш ощущает себя в опасной и радостной близости с тайной бытия. Наследие даосов напоминает нам о том, чего лишил себя современный человек, вожделеющий материального и умственного комфорта.

Мудрость Дао есть таинство самопревращения духа: воспроизведение в себе непреходящего опыта, который не принадлежит отдельному лицу, но пришел «прежде нас» и переживается каждым с безупречной внутренней достоверностью. Глубочайшая внутренняя правда каждого человека неотделима от чистой со-общительности людей. И наследие даосов напоминает о том, что творчество по своим истокам и назначению не может не быть собирательным и жизнеспособная мысль не рождается в одиночестве. Оно заставляет верить, что человек не обречен выбирать между пустыней анонимного «обмена информацией» и фатально-разрушительным столкновением противоборствующих жизней.

«Безумные речи» даосов говорят о естественном содружестве единичного и единого, неповторимого и непреходящего. Они говорят о музыкальной полноте бытия, в которой самопознание оказывается неотделимым от соучастия в мировой жизни, подобно тому как музыка, собирая звуки в одно целое, лишь отчетливее выявляет уникальные качества каждого из них. В каждом образе, термине, сюжете своего необычного повествования даосские авторы говорят о свободе быть кем угодно, о свободе быть...

Быть — кем? Даосы отвечают на этот вопрос с полнейшей, истинно «безумной» откровенностью: быть «таким, каким еще не бывал», жить творческим мгновением, где настоящего «уже нет», а будущего «еще нет». Их странные речи как будто указывают на скрывающийся за всеми образами человека образ его двойника, извечно ускользающего и все же не позволяющего человеку утратить сознание своей целостности. Эта величавая тень человека, этот, говоря словами Чжуан-цзы, «истинный господин» в каждом из нас кажется недоступным и даже невозможным. И все-таки он неизбежен. Настоящий человек, утверждали даосы, «не может быть» и «не может не быть». Сказано слишком неопределенно? Может быть. Но с не меньшим основанием можно утверждать, что нет ничего постоянного непостоянства и определеннее неопределенности.

Позволять свершаться со-общительности сердец во всякого рода сообщениях, позволить всему быть самим собой и в этом бесконечно превосходить самого себя, позволить уклонению свершаться неуклонно — вот, согласно заветам даосов, миссия человека и самое человеческое — но отнюдь не *слишком* человеческое — начало в нас. И хотя даосы толкуют о безусловной свободе человеческого духа, их заветы не имеют ничего общего с интеллектуальной вседозволенностью — столь же благодушной, сколь и зловещей. Свобода, вообще говоря, вещь безупречная. Как ни зыбка, как ни неопределенна на первый взгляд позиция отцов даосской традиции, она предельно определена именно в своей истине со-общительности. Но открыть эту истину — значит измениться самому. Недаром еще Гераклит сказал, что у каждого спящего свой мир, но лишь пробудившиеся от сна живут в одном общем мире.

Два даосских канона, публикуемых в этой книге, носят имена их предполагаемых авторов: Чжуан-цзы и Ле-цзы. Первое из названных здесь имен всегда пользовалось в Китае особенно большой известностью. Нет сомнения, что Чжуан-цзы (его личное имя было Чжуан Чжоу) — реальное историческое лицо. Но сведения об этом человеке крайне скудны и происходят из источников, не слишком достоверных. Краткую и единственную в древнекитайской литературе биографическую справку о Чжуан-цзы поместил в своих «Исторических записках» знаменитый историк древнего Китая Сыма Цянь. По сведениям Сыма Цяня, Чжуан-цзы жил во второй половине IV в. до н. э. и умер в начале следующего столетия. В то время, традиционно именуемое эпохой Борющихся царств (Чжаньго), на территории древнего Китая существовало несколько самостоятельных государств. Чжуан-цзы был родом из небольшого царства Сун, располагавшегося в южной части равнины Хуанхэ, почти в самом центре тогдашней китайской ойкумены. Если верить Сыма Цяню, Чжуан-цзы в молодости был смотрителем плантаций лаковых деревьев, а потом, не желая более сковывать себя государевой службой, ушел в отставку и зажил жизнью свободного философа. Даже среди ученых мужей своего времени он выделялся, по слову Сыма Цяня, широтой познаний. К этому можно добавить, что древние летописи действительно упоминают о существовании в царстве Сун знатного рода Чжуан. Последний еще на рубеже VII—VI вв. до н. э. был разгромлен, после того как его вожди приняли участие в неудачной попытке дворцового переворота, и с тех пор навсегда сошел с политической сцены. По обычаю той эпохи, наш философ должен был считаться отпрыском поверженного рода.

Все прочие известия о даосском философе (в том числе и приводимые Сыма Цянем) относятся уже к его литературному образу, каким он складывается из текста трактата, приписываемого ему. Конечно, этот образ по-литературному символичен. Но ничего литературного, нарочито глубокомысленного в нем нет. Чжуан-цзы неизменно предстает простым, скромным, лишенным тщеславия человеком. Он живет в бедности и даже «плетет сандалии», но не чувствует себя стесненным и со смехом отказывается от предложения стать советником всемогущего правителя. Он беседует с учениками, друзьями, а то и с черепом, лежащим в придорожной канаве, удит рыбу, смеется, рассказывает

о своих снах, любит рыбу, резвящимися в воде, — короче говоря, живет бесхитростно. Ни тени высокомерия, ученого чванства, холода души. Чжуан-цзы живет в свое удовольствие и утверждает, что мир его радует. Он в радости даже тогда, когда хоронит жену и умирает сам. Его ироническая и все же неподдельно дружеская улыбка не позволяет превратить лик древнего даоса в маску безучастного и бездушного восточного мудреца.

Но улыбка Чжуан-цзы сообщает о чем-то бесконечно большем, чем веселый нрав или сатирический талант. В том-то и дело, что даос находит подтверждение своему величию в самоумалении, он прозревает беспредельное в себе благодаря «знанию своего предела». Даосский мудрец со всеми одинок, но он наполняет собою весь мир, он кажется странным лишь потому, что люди сами отстраняются от бытия. Он живет обыденной, неприметной жизнью, но в нем все воистину безмерно. Не хватает воображения, чтобы охватить взором бездны жизни, ему — ему одному! — доступные.

Эти грани души даосского мудреца представлены и в сведениях, относящихся к автору второго даосского канона — книги «Ле-цзы». В ряде сюжетов из «Чжуан-цзы» и «Ле-цзы» наш легендарный герой изображен вполне обычным, отчасти даже ограниченным последователем Дао, но иногда, как и полагается быть даосу, — подлинным сверхчеловеком, великим магом, который странствует в просторах вселенной «верхом на ветре» или управляет облачной колесницей, запряженной драконами. (Впрочем, такого рода фантастические мотивы, столь свойственные и главному даосскому святому — Лао-цзы, отсутствуют в образе Чжуан-цзы.)

ГОРИЗОНТЫ ВРЕМЕН

Формирование даосской традиции совпало с периодом радикальных перемен в жизни древнего китайского общества. Никогда бег китайской истории не был столь стремительным и напряженным, как в эпоху Чжаньго, т. е. Борющихся царств (V—III вв. до н. э.), — эпоху вызревания китайской империи со всеми ее институтами, ценностями, интеллектуальной традицией, которой предстояло просуществовать более чем 2000 лет. В жизненности императорского Китая причина жизненности идейного наследия эпохи Чжаньго, как бы ни был отличен ее политический и духовный климат от условий централизованной империи.

В политическом отношении то было время раздробленности и борьбы отдельных царств за верховенство. Ни дипломатического этикета, ни рыцарского кодекса никто не признавал, и с побежденными, даже с царями, не церемонились. Отсутствовала политическая стабильность и внутри царств: интриги, вероломные убийства, узурпации престола повсюду были повседневной реальностью царских покоев.

Среди воюющих государств почти затерялся домен чжоуского вана, когда-то, несколько веков назад, являвшегося верховным правителем, а потом долгое время считавшегося таковым. Институты чжоуской династии давно уже устарели, и ко времени жизни Чжуан-цзы дом Чжоу растерял остатки своего авторитета. Но он оставил в наследство политикам новой эпохи идею политического единства и смутный идеал «благого правления». Тут кроется вся двусмысленность и неопределенность нового исторического этапа: никто не верил в реставрацию Чжоу, дело же политического объединения находилось в руках тиранов. Желанной цели приходилось добиваться негодными средствами.

Смена эпох сопровождалась сменой богов. Не был исключением из этого правила и Китай времен Борющихся царств. К примеру, у Сыма Цяня помещен рассказ о Симэнь Бао (V в. до н. э.), правителе области Е близ Хуанхэ. Симэнь Бао прославился тем, что пресек местный обычай принесения девушек в жертву (в жены) богу реки Хэбо и изгнал руководивших ритуалом шаманов. Он также построил большую оросительную систему и расселил на орошенных землях крестьян. Симэнь Бао впоследствии сам стал местным божеством. Преемником же речного бога он оказался потому, что, укротив своенравную реку и заставив ее служить людям, он как бы перенял божественную силу Хэбо и тем самым «убил» его. Можно сказать, что рассказ о чиновнике — победителе Хэбо являет собой нечто вроде «скрытого мифа». Черты такого мифа еще отчетливее обнаруживаются в легендах о чиновнике Ли Бине, назначенном правителем в юго-западную область Шу. Там Ли Бин силой своих чиновничьих регалий победил в схватке бога реки, который, как и Хэбо, был божеством родовой общины и получал в жены местных девушек. Подобно Симэнь Бао, Ли Бин вел крупные гидротехнические работы и был обожествлен. Правда, как и в случае с Симэнь Бао, последнее обстоятельство не упоминается в историографической традиции служилой элиты.

Легенды о Симэнь Бао и Ли Бине обнажают не только религиозную подоплеку административной власти в императорском Китае, что хорошо известно, но и историческое содержание этой религиозности как преодоления архаической религии. Новая религиозность, как подсказывают те же легенды, воплощалась в божественной планиметрии и божественной технологии империи, сколь бы странным ни казалось в наши дни единение религии и техники. Она превосходила архаическую религию, ибо империя сложилась на развалинах родового строя и являла собой ее своеобразный гипостаз, поскольку древневосточная деспотия являла собой «общину более высокого порядка» (К. Маркс).

Так в классической традиции Китая архаический миф был радикально преодолен и разрушен, но древнекитайская деспотия не создала принципиально новой формы религиозного мировоззрения. Нельзя не поражаться странной двойственностью цивилизации императорского Китая. При наличии резкого разрыва с мифологией, почти без остатка вытесненной историческим, точнее, квазиисторическим сознанием, а также индивидуалистических тенденций в культуре, профанной теории государства, высокой степени рационализации государственного устройства, развитой научной и технической мысли эта цивилизация унаследовала фундаментальные черты архаического сознания: родовой концепт социума и власти (государство сводилось к «телу династии»), мифологему мирового тела, сакрализацию космоса, соединение религии и технологии в неомании мистического соучастия мировому процессу.

Кризис чжоуской культуры был прежде всего кризисом архаического ритуала, его расчленением на сугубо формальный этикет и закон, нравственный подвиг и магическое действие. Все эти аспекты культуры получили в дальнейшем самостоятельное существование. Но уже в чжоускую эпоху наметился характерный для китайской традиции путь к преодолению этого кризиса, выразившийся в акценте на экономии выразительных средств в ритуале, в сдержанности и самоуглубленности его участников. Данный путь, оставляя проблематичным статус ритуала как определенного действия, делал ритуал этической и эстетической нормой.

Действие «ритуалистической модели» мысли можно наблюдать практически во всех областях культурного самосознания в Китае. Вся общественная жизнь там осмыслялась в категориях ритуальной соборности, нераздельной

целокупности водного потока: не следует прилагать усилий для того, чтобы заставить поток течь в том направлении, куда он стремится по своей природе, но горе тому, кто вздумает преградить ему путь. В безбрежном потоке социально-космического бытия царит не-дуальность всепроницающего животворного духа (именно: дуновения — *фэн*) имперского правления, с одной стороны, и его объективированных, ограниченных форм, заявляющих о себе в обыденной действительности, локальных обычаях, нормах поведения и т. п. (*су*), — с другой. К персоне монарха всего ближе то, что наиболее от него удалено, — анонимная стихия народной жизни. Ее фоном, как на старинных европейских портретах, выступает целый мир; монарх, как Единственный, претворяется в мировое Все. Истинное согласие достигается через различие, единичное непринужденно изливается во всеобщее. Парадигмой человеческого существования в китайской мысли выступает образ водного потока, все частицы которого свободно взаимодействуют между собой, будучи захвачены общим движением.

Новая концепция «пути всех путей» соответствует, как уже было сказано, зарождению метафизики. На этой стадии развития мысли первоначальные представления о сакральной силе, воспринимавшейся чисто феноменально и как нечто необычное, перерастают в идею абсолюта как скрытой основы мира, источника мирового движения и незыблемой Судьбы всех вещей. В китайской традиции абсолют-*дао* сугубо безличен, и стяжание его могущества, соответствуя полному раскрытию человеческой природы, требует «сверхчеловеческих» усилий, устранения всего субъективного, чувственно и рассудочно обыденного. И наоборот: антропоморфные боги архаической религии оказались фактически на положении демонов, оборотней, т. е. тех, кто обладает человеческим обликом и смертоносным для человека «нутром».

Столь радикальная трансцендентность универсального Пути в китайской мысли дополняется столь же радикальным утверждением его имманентности миру и человеку. Реальность в Китае никогда не субстантивировалась и не отождествлялась с первоначалом, отличным от мира изменчивых вещей. Она была, если здесь уместен парадокс, «сущностью перемен», принципом движения, превосходящим всякие принципы. Она была именно дорогой, потому что понятие «Дао» никогда не теряло связи с его буквальным значением. Между небесным и человеческим в действительности нет зазора, на реальность нельзя «смотреть».

Едва ли не самая примечательная черта классической китайской культуры — отсутствие вкуса к созерцанию статичных форм. Пышная явленность церемониала, сладкозвучие музыки, монументальность архитектуры, пластика человеческого тела неуклонно отвергались ею. Разрушение форм архаического ритуала и мифа было настолько полным, а стремление интериоризовать их содержание настолько сильным, что в древнем Китае не сложились традиции театра и скульптуры. Объективированной красоте, располагающей к созерцанию, китайское искусство противопоставляет внутреннее видение, постижение жизни изнутри, проникновение в скрытую силу вещей, растворение в объекте созерцания.

Стремление осмыслить реальность одновременно в двух ее измерениях — в трансцендентном и имманентном — знаменует начало нового, критического и рефлексивного вопрошания человека о мире и о себе. Оно знаменует начало философии. И первым среди китайских философов по праву считается Конфуций, открывший внутреннее нравственное измерение жизни человека и его трансцендентную значимость. Вся система конфуцианской мысли построена на идее этической связи внутреннего и внешнего, утверждающей безусловное значение того и другого. Конфуцианство настаивало на публичности морального действия, так что ревностные его поклонники, даже находясь в одиночестве, «держались так, словно принимали почетных гостей». Но его отличает акцент на интериоризации морального идеала, «глубоком уединении» идеального человека.

Проповедь Конфуция задала основы китайской традиции. Она впервые определила культуру как синтез жизненной спонтанности, нравственного усилия и верности традиционным формам. Она впервые сделала человека хозяином самого себя, потому что она сделала его мостом к самому себе. Она стала первым и принципиально консервативным опытом гармонизации общества и государства на основе семейных добродетелей. Тем самым она очертила круг классических тем китайской культуры и главнейшую из них — проблему претворения (в Китае говорили «наполнения» или, лучше сказать, «восполнения») судьбы, приравненной к природе, поиска себя в том, что превосходит субъективные тенденции. Наконец, она открыла внутренний мир человека с его понятиями нравственной ответственности, выбора и раскаяния. Как обладатель «воли» (*чжи*) к реализации Судьбы, человек наделялся энергией,

необходимой для поддержания жизненной гармонии космоса, он вставал в центр мирового процесса.

Конфуцианство стало главным элементом культурной традиции служилой элиты империи (недаром само слово «конфуцианец» в древности было синонимом слова «ученый»). Хранители этой элитарной культуры известны под разными именами, например «благородный муж» (*цзюнь цзы*) или «достойный человек» (*сянь жэнь*). Но чаще всего их называли *ши*. В чжоуском обществе так именовали воинов или приближенных знатных аристократов, связанных со своими господами узами личной преданности. Те, кто называли себя *ши* в эпоху Борющихся царств, унаследовали свойственный их предшественникам пафос служения, но теперь он приобрел черты внутренней аскезы, а сами *ши* рассматривались как специалисты в делах администрации и политики, а также как нравственно безупречные мужи, необходимые для осуществления «благого правления».

Если говорить конкретнее, основы традиции *ши* были заложены главным образом так называемыми странствующими учеными (*ю ши*), искавшими применения своим талантам и удовлетворения своих амбиций при дворах правителей различных царств и уделов, где они выступали в роли «рассуждающих гостей» (*шуй кэ*), или «гостевых советников» (*кэ цин*). Эти пришлые дипломаты, стратеги, администраторы, наставники внушали государям куда больше доверия, чем аристократы, кичившиеся своими врожденными правами. Некоторые из них, найдя приют на чужбине, без колебаний поднимали руку даже на свое родное царство. В среде странствующих чиновников-профессионалов и независимых учителей мудрости сложились все классические школы китайской мысли. Различия во взглядах не мешали им отчетливо сознавать свою принадлежность к общему кругу идей и, главное, свою великую миссию «водворять порядок в поднебесном мире». Вся мудрость правителей, в их представлении, сводилась к умению окружить себя «настоящими *ши*».

Политический и моральный авторитет *ши* имел, однако, и свои теневые стороны. Те, кто добивались репутации «истинного *ши*», требовали от власти имущих особых знаков внимания. Более того, самым надежным способом заработать политический капитал был отказ от почестей или даже приглашений ко двору, дабы не дать повода быть заподозренным в корыстолюбии и тщеславии. Демонстрация своей «возвышенной воли» была тем более необходи-

мой, что «достойными мужами» не рождались, а становились; претензии на собственную исключительность должны были получить публичное признание. Однако далеко идущие, не сказать космические по своим масштабам, претензии *ши* наталкивались на тенденцию к усилению деспотической власти. Утверждать свою независимость в отношениях с государем значило открыто бросить вызов его державным полномочиям. Поэтому власть имущие и претенденты на звание *ши* были вовлечены в особую ритуальную игру признания социального лица обоих партнеров, — игру, требовавшую необычайной деликатности и отнюдь не исключавшую трагического исхода.

Чиновники и шаманы. Чиновники-маги. Чиновники-мистагоги. «Внутри — святой, снаружи — государь». Оппозиция и соединение этих начал очерчивают культурный горизонт духовного мира *ши*. Поскольку классические школы китайской мысли имели общую культурную основу, общие идейные мотивы, общую проблематику и терминологию, было бы наивно предполагать, что какая-либо одна схема их классификации, включая традиционную, может претендовать на универсальность.

Но у них есть и нечто общее, свойственное их положению профессиональных интеллектуалов. Начать с того, что все они апеллировали к универсальному и единственно верному, с их точки зрения, мировому порядку — прообразу универсальных законов разума. Так, провозглашенный Мо-цзы принцип «всеобщей любви» был усвоен даже противниками его доктрины, в частности софистом Хуэй Ши. Ряду других фигурирующих в данной главе философов приписывается принцип «равного отношения к вещам», или «поравнения вещей», усвоенный и развитый самим Чжуан-цзы. Обращение философов к всеобщности рациональных принципов предопределило и прочие особенности их мирозерцания и социальной позиции: их индивидуализм, проявлявшийся помимо прочего в требовании осознания и осуществления своего индивидуального долга, их претензии на роль учителей мудрости, их пацифизм, веру в мирное и справедливое разрешение политических конфликтов.

Но, доверившись силе интеллекта, став первым — и последним — в китайской истории поколением свободных мыслителей, призвавших разум править миром, философы эпохи Чжаньго неизбежно должны были воплотить в своей судьбе и внутренние противоречия чистого умозрения. Из той же верности универсальным законам разума им при-

шлось отказываться от той самой независимости, которая позволила им открыть эти законы. Начав с восстания против конфуцианского традиционализма и обещания предъявить миру универсальные критерии истины и лжи, эти философы, запутавшись в спорах об определении понятий, в конце концов призвали «отречься от себя, приречь знание». Единственным реальным прототипом их утопии разума стал призрак деспотической государственности, грозивший поглотить самих прожектеров.

Чжуан-цзы — проницательный свидетель краха иллюзий «странствующих философов». И он не хочет повторять их ошибок. Мораль? Не бывало еще подлеца, который не клялся бы ее именем. Награждать за заслуги и наказывать за проступки? Злодея наказаниями все равно не исправить, а порядочный человек и без наград будет жить честно. Государство? Пусть оно существует, но так, чтобы его никто не замечал. Вот веселые истины этого заклятого врага всех невежд, убежденных в том, что они знают, «как надо», всех тех, которые ищут руководство на все случаи жизни. И первыми среди них стоят знатоки «социальной инженерии» деспотизма, меряющие людей безликим стандартом «угломера и отвеса» государственных законов, мечтающие всех затащить в прокрустово ложе уставов и ради торжества единой меры готовые, по крылатому выражению Чжуан-цзы, «вытягивать ноги уткам, отрубать ноги журавлям».

Чжуан-цзы на редкость прозорливо для своей эпохи разглядел агрессивность и массовую паранойю, скрывавшиеся за демагогией деспотического порядка. Он сумел увидеть, что внешнее насилие есть не более чем продолжение насилия внутреннего и его кажущаяся немотивированность обманчива, ибо исток насилия — в самом стремлении гипостазировать ценности, помыслить сущности, опредметить себя и мир. Зло, утверждали даосы, появляется в тот момент, когда начинают призывать делать добро ради добра. И всякая дискурсия, всякая самоапология несет на себе родовое пятно этого первичного насилия, которое, будучи мерой отъединенности человека от мира, оказывается на самом деле не чем иным, как его бессилием. Отсюда вся двойственность отношения Чжуан-цзы к известным ему идеологам цивилизации — конфуцианцам и моистам. Он гневно клеймит этих любителей красивых фраз о «гуманности», «справедливости», «культурных достижениях» и т. п., которые не замечают или не желают замечать, что общество, в котором они проповедают, превращено с их помощью в толпу колодников, ожидающих лишь своей оче-

реди положить голову на плаху. Но он и снисходительно смеется над ними, ведь их величественные проекты общественного спасения точно очерчивают сферу человеческой беспомощности.

Даосы восстают против мертвечины и скрытой жестокости имперской технологии и имперской демагогии. Они против узды для лошадей, ярма для буйволов, клеток для птиц, конформизма в человеческом обществе. Они за полную, естественную, привольную жизнь для каждого живого существа. Шестой палец на руке может показаться лишним, но и его нельзя отрубить безболезненно. Конечно, для того чтобы думать подобным образом, совсем не обязательно быть даосом. Отрицание искусственных разграничений, устанавливаемых цивилизацией, апология имманентной ценности всякой жизни были заметным фактором в интеллектуальной жизни эпохи Чжаньго. Известно, что в одно время с Чжуан-цзы в южных краях Китая жили так называемые философы-земледельцы, заявлявшие, что правители должны пахать землю наравне с крестьянами. Другой популярный в то время философ, Ян Чжу, объявил мудростью умение прожить с небольшим наслаждением отведенный каждому жизненный срок. Главный принцип Ян Чжу: ничем не жертвовать из данного тебе природой ради внешних приобретений, обладание целым миром не может компенсировать потери даже одного волоса.

Но позиция Чжуан-цзы намного сложнее. Он превосходно знает общество «странствующих ученых». Ему известны тени его блеска. Но он стоит в стороне от него и зовет к пересмотру ценностей культуры *ши*. Более того, в творчестве философствующего «простака из Сун» мы наблюдаем вторжение в идеологию ученой элиты иного типа духовности, открыто враждебной, безличной и престижной, устанавливающей иерархию и классификационные схемы мудрости, — духовности, сопряженной с опытом индивидуального и экстатического общения с космической Силой. Чжуан-цзы охотно обращается к образам, почерпнутым из шаманистского наследия, к эзотерической практике аскетов и отшельников и поет дифирамбы таинственным «божественным людям», обладающим сверхъестественными способностями. Но он не претендует на звание магистра оккультных наук и не ищет спасения в безлюдных горах.

Очевидно, цель Чжуан-цзы состоит не в том, чтобы выбрать тот или иной «принцип», а в том, чтобы преодолеть ограниченность всякого принципа и всякой точки зрения.

Хотя, к примеру, влияние Ян Чжу заметно в некоторых главах «смешанной» части книги Чжуан-цзы, последнему чужды гедонизм и теоретические подсчеты выгод и убытков в жизни. Он требует неизмеримо большего: лелеять жизнь посредством «отрешения от жизни». Хотя Чжуан-цзы восхищен аскетическим подвигом отшельников, он не признает необходимости порывать с миром, и даже служба не помеха его мудрости. Одним словом, позиция Чжуан-цзы есть последовательное разоблачение всякой видимости, объективированной формы, всякой попытки универсализации частного опыта, всякой аргументации, опирающейся на логико-грамматические категории или исторические прецеденты. В этом суть даосской критики мысли — критики принципиально умеренной, так сказать, профилактической.

Даосы — свидетели глубочайшего кризиса доверия к человеку в том отношении, что истина, по их убеждению, лежит «вне человеческих понятий» и Путь истинный выше путей человеческих. Но это значит лишь, что человеку уготована несравненно более великая участь, чем то, что может быть постигнуто мыслью, ограничивающей бесконечность жизни в конечных понятиях. Чжуан-цзы сравнивает нормы культуры с постоянными дворами на пути к истине. Мудрые люди могут остановиться в них на ночь, но не задерживаются там. Наутро они снова пускаются в странствие по беспредельности не-мыслимого.

Философия даосов — приглашение к путешествию во вне себя и все же к себе, к самому удивительному и самому естественному для человека путешествию.

ЯЗЫК И ИСТИНА

Понять наследие древних даосов — значит прежде всего уяснить природу их совершенно необычной писательской манеры, получившей прозвание «безумные речи». Уже в последней главе книги, носящей имя Чжуан-цзы, помещен следующий отзыв о древнем даосе:

«В невнятных речах, сумасбродных словах, дерзновенных и необъятных выражениях он давал себе волю, ничем не стесняя себя, и не держался определенного взгляда на вещи. Он считал, что мир погряз в скверне и ему с ним не о чем говорить... Он скитался вместе с духовной силой Неба и Земли, но не смотрел свысока на тьму вещей, не судил об «истинном» и «ложном» и хранил целомудрие в мире обыденного. Хотя писания его вычурны, дерзновенность

их безобидна. Хотя речи его сумбурны, беспорядочность их доставляет удовольствие. В них таится неизбывная полнота смысла. В основе своей он необъятно широк и непосредствен. В истоке своем он бездонно глубок и раскован: можно сказать, все на свете охватил и достиг совершенства! И все же его истина соответствия переменам и проникновения в суть вещей безмерна и неуловима. Как она безбрежна, как смутна! Невозможно ее исчерпать» *.

Кто же такой Чжуан-цзы: литератор, пишущий для того, чтобы развлечь читателя, или философ, ищущий всеобщие и неизменные истины? В действительности он не был ни тем и ни другим. Чжуан-цзы писал не ради художественного эффекта, а для того, чтобы обнажить «неизбывную полноту смысла». Но он не искал логические формулы истины, а «давал себе волю в дерзновенных речах». Чтобы постичь «необъятную основу» мыслей даоса, недостаточно быть готовым понять ту или иную мысль, идею или точку зрения, ведь этот «друг Неба и Земли» не держался «определенного взгляда на вещи». Книга Чжуан-цзы населена десятками удивительных, часто откровенно гротескных персонажей, но мы не найдем среди них протагониста даосского мудреца. В ней звучат десятки разных голосов, но мы не услышим среди них авторского голоса. Все слова Чжуан-цзы — только укрытия для истины, все его образы — только маски, которые самой своей нелепостью напоминают о том, что они нереальны. Как ни странно, мудрость Чжуан-цзы оказывается искусством говорить «не то» и «не так». Течение мысли даосского писателя предстает вызывающе легкой игрой без границ и правил, нескончаемой чередой самоотрицаний — ошибок, промахов, «творческих неудач». Не книга философа, а какой-то философский курьез! Но курьез этот заставляет задуматься над парадоксальным взаимопроникновением смысла и бессмыслицы.

Чжуан-цзы и сам дал глубокомысленную оценку своему письму. В девяти случаях из десяти, говорил он, его речи не что иное, как иносказание: в них выговаривается не то, что они означают. В семи случаях из десяти он пользуется высказываниями от имени «людей, чтимых в свете», причем в уста этих знаменитых мужей былых времен он

* Наст. изд. С. 282 (цитаты в данной статье могут отличаться от переводов этих текстов в настоящем издании; далее страницы указаны в круглых скобках).

часто вкладывает суждения, которые никак не согласуются с их традиционным образом. Но превыше всего он ценит слова, которые «подобны перевортывающемуся кубку, всегда новые, как брезжущий рассвет, и сообразуются с Небесным единством».

Как явствует из этой откровенной и продуманной самооценки, даосский автор говорит не для того, чтобы что-то определить, о чем-то рассказать или даже чему-то научить. У него другая цель: намекнуть о нескáзанном и нескáзанном, побудить читателя самому открыть для себя неназванный, неявно присутствующий в словах смысл. Он ничего не описывает и не выражает, а *взывает* к истине, и все его слова — приглашение к безмолвно постигаемой каждым и всех объединяющей правде. Даосское «сообщение о Дао» потому и значимо, значительно, что хранит в себе внутреннюю глубину смысла, от всех ускользающую и все же всем доступную, ибо она есть прообраз внутренней глубины самого сознания.

Даос не владеет своей правдой. Он создает свой текст как некое пространство смысловой свободы, — текст, по отношению к которому одинаково свободны и писатель, и читатель: и тот и другой в равной мере вольны *не знать*, о чем сообщается в «сообщении о Дао». Речь идет о не-текстовом Тексте, который непрестанно ускользает, устраняется от самого себя, непрерывно теряет свои стилистические признаки: слова в нем постоянно обновляются и ведут себя подобно тому кубку для вина, который, согласно древнему комментарию, «опрокидывается, когда полон, и стоит прямо, когда пуст». Иначе говоря, слова у Чжуан-цзы «не держат» своих значений, вечно освобождаются от прилипших к ним смыслов и твердо стоят на своем месте, когда они пусты-бессмысленны в свете общепринятого их употребления. Идеал Чжуан-цзы — «бессловесный разговор».

Истинная мудрость, говорит Чжуан-цзы, пребывает «между словом и молчанием». Но что же это за мудрость, о которой не ведают не только читатели книги даоса, но и сам ее создатель, признающийся, что говорит он «просто так», «наобум», не умея определить для себя различие между истинным и ложным? Тут следовало бы уточнить, что для Чжуан-цзы проблематично не знание само по себе (ведь каждый из нас и впрямь что-то знает), а лишь объективность знания. Он не приемлет знания, выраженного в понятиях, — того самого технического знания, которое превращает вещи в предмет нашего воздействия, делает вещи полезными для нас (ведь пользоваться вещью мы

можем лишь в том случае, если обладаем ее значением). Мир вещей-предметов бессмыслен для Чжуан-цзы, ибо в нем утрачено интимное сродство всего сущего, в нем утрачена живая цельность «единого тела» мира. Обесмысленным смыслом технократического мира, мира Идеи и Пользы, даосский мыслитель противопоставляет осмысленную бессмыслицу самосвидетельств полноты жизни. Он говорит о пользе бесполезного, о *знающем незнании*:

«Все знают, что такое знать, полагаясь на познанное, но никто не знает, что такое знать, полагаясь на непознанное» (238).

Таковы «безумные речи» даоса. Они «безумны» потому, что противоречат обыденному словоупотреблению. О чем бы ни говорил Чжуан-цзы, он всегда говорит еще и о *другом*. И чем больше говорит он «не по существу», тем острее сознает правдивость своих слов. Так желанием высшей искренности вольнолюбивый подвижник Великого Пути приговорен в своем письме вечно скользить на грани мистификации, вполне им сознаваемой и все же совершенно произвольной. Оттого же никогда не поймет даосской мудрости тот, кто сочтет своей задачей лишь систематизацию и разъяснение того, что наличествует в писаниях даосского учителя, чего бы то ни было. Речи о Дао в действительности требуют от читателя деятельного участия в акте воссоздания или даже, лучше сказать, творения смысла.

Нельзя сказать, впрочем, чтобы тот же Чжуан-цзы не придавал значения логическим доказательствам. Его любимым собеседником был знаменитый софист Хуэй Ши, и он хорошо усвоил выводы предпринятой философами-рационалистами той эпохи критики понятий. Широкой известностью в те времена пользовались софисты, старавшиеся показать условный и противоречивый характер всяких значений, сочиняя всевозможные парадоксы вроде: «белая лошадь — не лошадь», «колесо телеги никогда не касается земли», «тень от летящей стрелы не движется» и т. п. Чжуан-цзы перенимает у софистов их логическое оружие, но обращает его против них самих. Коль скоро всякое имя дается произвольно и слово изначально способно вмещать в себя разные и даже взаимоисключающие значения, парадоксы софистов теряют всякий смысл. Софистическая критика понятий решительно ничего не показывает и может волновать умы лишь в том случае, если сохраняется вера в соответствие слов определенным сущностям. Предаваться словесной эквилибристике софистов, по Чжуан-цзы, означает «смотреть на небо через трубочку, целиться в землю

шиллом». Чжуан-цзы не упускает случая напомнить, что смешны не высмеиваемые софистами мнения, а сами софисты, не замечающие, что они, кичащиеся своей интеллектуальной свободой, остаются пленниками тех же самых иллюзий. Сам Чжуан-цзы призывает не увлекаться рассуждениями, а «оставить все вещи на обычном месте». Даосский мудрец живет «погребенным среди людей» и не восстает против людского мнения, но он не отождествляет себя с этим мнением. Он хранит в себе *безмолвное понимание*.

Так Чжуан-цзы приходит в конце концов к выводу, близкому многим мистикам: людское мнение — иллюзия, но иллюзия неизбежная и даже неустраняемая. Слово мудрости неотлично от говора толпы; неудивительно, что даосский мудрец подхватывает и рассуждения софистов, используя в своих целях проистекающие из них выводы. Чжуан-цзы говорит об «оси Пути», в которой оказываются собранными воедино и бесконечно замещают друг друга всякие оппозиции, все «да» и «нет» мира. Единовременное постижение мыслительных противоположностей в их бесконечном круговороте не может быть достигнуто рассудочным путем. Оно требует, по слову даосов, «просветленности разума» (*мин*), равнозначной всеобъятной «открытости сердца».

Но почему Чжуан-цзы ведет все эти «вздорные» речи о неразличимости «истинного» и «ложного», о «незнающем знании» и «полезности бесполезного»? А потому, что его, как нам уже известно, интересует не «объективное», выраженное в понятиях знание, а живой опыт преображения. Ему важно знать, что происходит с сознанием, когда оно устремляется за свои пределы. Все люди, как сознательные существа, соединяются в этом непрерывном и непроизвольном само-превозмогании. Их понимание интимно-безмолвно, ибо оно не имеет «объективной данности», в нем нет еще индивидуального, в себе замкнутого «я». Даос может лишь скрытно указывать на счастье этого полного и безупречного «понимания прежде знания», обретаемого без всяких усилий. Так, видя перед собой резвящихся рыбок, он восклицает: «Как весело играют эти рыбки! Вот радость рыб!» А на возражения философа-рационалиста, который заметит по этому поводу, что человек по законам логики не может знать радость рыб, он скажет: «Если мы признаем, что ни один человек не может познать другого, мы с тобой никогда не договоримся. Но ты сказал: «Откуда ты знаешь, в чем радость рыб?» Значит, ты, сам того не

желая, признал, что я могу знать радость рыб. А я узнал ее неволью, стоя вот на этом самом месте!» (166). Стихия живой речи, словно хочет сказать Чжуан-цзы, даже помимо нашей воли выдает наше безмолвное понимание; птичий щебет в своей безыскусности приобщает нас к тайнам жизни не хуже ученейшего трактата.

Даосская «просветленность разума» с неизбежностью разрывает искусственную самоизоляцию мысли. Диалоги Чжуан-цзы с его всегдашним другом-оппонентом Хуэй Ши подчеркивают контраст между честолюбивым интеллектуалом, кичащимся своим элитарным знанием, и скромным даосом, живущим «всеобщей радостью», даже если это радость рыбы или бабочки. Чжуан-цзы не желает отрывать себя от мира, он предпочитает словам усилие понимания. Софист не желает приобщать себя к миру. Он много говорит, но не способен измениться сам. Он *хочет* своей изоляции. Но мысль, замкнувшаяся в самосозерцании, немошна и бесплодна, ей нечего сказать даже самой себе, она с неизбежностью вырождается в равнодушие и позерство. Контраст между Чжуан-цзы и Хуэй Ши — это еще и контраст между притворной заинтересованностью умозрительными «проблемами» и открытостью миру, в которой реализуется жизнь каждого существа. Такие, как Хуэй Ши, обо всем судят по словам. Для Чжуан-цзы все решает неутаимое безмолвное отношение к миру. И рассудят их только плоды их жизненных позиций — вечная раздраженность философа-интеллектуала, чувствующего, что жизнь проходит мимо, и радость мудреца-подвижника, умеющего вверять себя бытию.

Мудрость Великого Пути — это всегда шаг за... возвращающий к безусловной жизненной полноте существования, в которой всякое «я» неотделимо от «не-я», все вещи «друг друга вмещают». Для даосов реальны не вещи, не идеи и не сущности, а бесконечная изменчивость как таковая или даже, точнее сказать, «одно сплошное превращение» (*и хуа*) — реальность вполне неизменная, непреходящая. Здесь кроется разгадка парадоксальной логики Дао, которая на поверку диктуется самим значением ее ключевых понятий. Ведь превращение, чтобы быть самим собой, должно само превратиться и тем самым обрести качество постоянства. Точно так же сознание, перерастая себя, как бы теряет, «забывает» себя, но потеря в пределе своего бытия должна сама быть потеряна, а забытье — забыто. Мы вновь убеждаемся в том, что миропонимание даосов предполагает некую всеобщую симуляцию понятий, но симуля-

цию неизбежную, произвольную и потому в своем роде вполне правдивую и искреннюю. Не приходится удивляться поэтому, что писания даосов проникнуты иронией и юмором, всегда гнездящимися там, где сталкиваются несовместимые смыслы. Речь идет, однако, не о жанровых особенностях текста, а о некоей исходной его тональности, лишенной жанровых признаков, подобно тому как свет, выявляя все цвета, сам недоступен для созерцания. Нарочитая, откровенно декоративная стилизация и парадность, свойственные даосским текстам, не могут заслонить того факта, что речи даосских писателей знаменуют собой, так сказать, «нулевой градус письма»: им чуждо противопоставление «буквального» и «переносного» смыслов и, следовательно, в них нет каких-либо словесных фигур (в китайской традиции, заметим, тропология так и не получила развития). Иронический же тон повествования, присущий даосским притчам, как нельзя лучше соответствует даосской идее безмолвного внутреннего постижения, ведь ирония, по определению, должна быть скрытой. Поистине, нет ничего труднее, чем указать, где находится ирония в тексте и что смешного в шутке. И вместе с тем ирония — спутница неизъяснимого и даже произвольного понимания между людьми.

Превращение — вот название вечнотекущей, самоизменяющейся, неуклонно уклоняющейся от самой себя реальности, определяющей природу как бытия, так и сознания. А поскольку для Чжуан-цзы в мире реально лишь Превращение, то и правда его есть не что иное, как Путь (*Дао*). Превращение есть нечто безусловное, нечто такое, что «в самом себе укоренено» (*цзы бэнь*), «само по себе таково» (*цзы жань*). Оно обладает внутренней глубиной, «вторым дном», и постигают его в два шага: для этого нужно «потерять и еще раз потерять потерю». Нужно постараться не делать никаких усилий — какая ирония! Сама даосская мудрость есть произвольное самопревращение сознания, которое нельзя «познать» просто потому, что в стихии творческих метаморфоз познавать нечего и некому. Все, на что может рассчитывать мыслящий, — это «быть близко к правде», и мудрый тем и отличается от невежд, что он «знает, где остановиться» в своих размышлениях.

Итак, в акте даосского Превращения все сущее становится тем, что оно есть. В этом событии человек становится подлинно человеческим именно потому, что постигает в нем свою со-бытийность со всем бытийствующим в мире. И чем более незначительным (и, следовательно, заслуживающим

добродушной шутки) кажется человек, поставленный *перед* мировым Все, тем более величествен он в своей причастности к Единому Движению мира. Его само-постижение неотлично от его само-потери.

Мир для даоса предстает бездной взаимоотражений, «чудесных встреч», несоизмеримых величин, и принцип его существования — это Небесные Весы, уравнивающие несопоставимое. В сущности, в этом мире, где правит случай и мельчайшая метаморфоза равнозначна обновлению всей вселенной, нет никакого господствующего, одного-единственного «правильного» принципа. Он являет собой Хаос как бесчисленное множество порядков, бесконечное богатство разнообразия. Самое же пространство со-бытийности вещей Чжуан-цзы именуется Великой Пустотой (*дай сюй*). Как видим, реальность для древнего даоса есть не сущность, а *среда* всякого существования — нечто всегда отсутствующее, ускользающее, но всеобъемлющее и целостное. Эта реальность, разумеется, сама себя теряет: Пустота не может не само-опустошаться и тем самым оборачиваться полнейшей наполненностью. Великая Пустота в даосской традиции приравнивается к Матери мира, к вселенской утробе, которая рождает и носит в себе все сущее.

Даосский мудрец подражает Пустоте и потому «в себе не имеет, где пребывать», не совершает самочинных действий, но лишь безупречно «следует» всякому самопроизвольному движению. Его сознание — точно зеркало, которое вмещает в себя все образы и не удерживает их. Комментарий Хуэйцзин выражается не менее определенно: «Нет места, где бы не было дао, и не бывает слов без дао».

Теперь легко предвидеть главное требование, предъявляемое Чжуан-цзы к словам: нужно устранить шум слов, чтобы сделать слышимым немолчный напев мирового хора, убрать краски слов, чтобы явить взору неколебимую данность бытия. Нужно сорвать концептуальное покрывало языка, чтобы обнажить его экзистенциальную значимость. Речь уподобляется абсолютно безыскусному «птичьему щебету». Так дети, еще не различая конвенционального смысла слов, способны наслаждаться музыкой слова. В горниле «поравнения смыслов», практикуемого даосами, слова очищаются от прилипших к ним словарных значений для того, чтобы вести за пределы сказанного, дать раскрыться пронизывающему их вселенскому Ветру. Простота, тишина, природная мощь — вот свойства «лишенного аромата» (по Лао-цзы), «неприметно-тихого» (согласно Чжуан-цзы) аутентичного слова даосов. Ему близки слова, которы-

ми ученый-монах Умэнь (XIII в.) пояснял смысл чаньского изречения «Обыкновенное сознание — это и есть Дао»:

Весной — сотни цветов.

Осенью — луна.

Летом — прохладный ветер.

Зимой — снега.

Если не будешь утруждать ум пустяками,

Всякое время станет прекрасной порой.

Главное достоинство слова не экстравагантность, а искренность, требующая искренности от внимающего ему, искренней доверительности за пределами расчета и даже убеждений. Изрекая свои «безумные речи», даосский мудрец именно без-умствует, говорит без тени лукавства, не пытаясь подменить или подкрепить самодельной правдой вольные превращения смысла. Этот без-умственный пафос даосской мысли передался всей китайской традиции. Преследующее многих европейских читателей впечатление наивной простоты, бесцветности, однообразия китайских текстов проистекает как раз из непонимания их внутренней глубины, их скрытой и лишь на уровне прагматики бытовавшей многозначности, которые делали ненужным явленный алогизм тропов.

Язык, освобожденный от самого себя в «безбрежной и смутной» стихии праязыка, ничего не обозначает. Слово не имеет «изначального» смысла, оно только чревато смыслом. Смысл — это только надежда. Язык должен вновь и вновь генерировать в себе присутствие бытия, слова должны «ежедневно обновляться». Истинное слово — это слово, переживаемое как процесс и в предельной конкретности своей откликающееся всей бездной мироздания, высвобождающее силу бытия, которую вещи несут в себе.

Такое слово стоит вне слов и молчания, но не является их отрицанием. Скорее наоборот, оно утверждает самоценность того и другого. Пусть в каждый момент времени слышна только часть голосов мирового хора. В свете совершенного единства разница между пением и паузой исчезает: все голоса звучат и все безмолвствуют. Чему же отдать предпочтение? Или, как рассуждает Чжуан-цзы в характерном для него загадочно-ироническом тоне, «существует ли в конце концов созидание и разрушение»? Или же созидания и разрушения вовсе не существует? «Когда было созидание и разрушение, Чжао Вэнь (знаменитый музыкант. — В. М.) играл на цине. Когда не было ни созидания, ни разрушения, Чжао Вэнь не играл на цине» (68).

Нет необходимости выбирать между статическим словом и молчанием. Ни то ни другое, говорит Чжуан-цзы, «не может исчерпать предела вещей». Молчание не разрушается и не разрешается словом. Оно очерчивается им, оставаясь «неколебимым присутствием» (*дин*) бытия, предполаганием, пред-восхищением всего сущего и вместе с тем чем-то, что опережает значение слов, некой «за-умью» словесной стихии. «Тишина» Великого Слова отнюдь не тождественна блеклости слова, превращенного в трюизм. Это слово — волна молчания, смывающая все установленное и устоявшееся. В нем все ново, все неожиданно, все топорщится, все поперек стоит — именно «торчит пучком». «При сильном ветре — большая гармония». Чем сильнее космический Ветер, тем туже натягивается небесный лук, тем величественнее гармония между словом и молчанием, жизнью и созерцанием.

Чуждые антропоцентристских предрассудков Запада, китайцы никогда не приписывали художнику роль «переводчика» языка природы на язык человека и не предполагали, что природа «ждет» своего воплощения в слове. Да и как может она чего-то «желать», если она непрерывно перерастает самое себя? В этой непосредственности предполагаемого людская речь и журчание речки навевают одно и то же.

Такого рода бытийственная основа всего сущего и условие порождения всякого смысла есть нечто «всегда другое». Даосское забвение есть за-бытие (другое бытие), стоящее за логически выведенным, субстантивированным бытием. Это — символическая перспектива слов, мерцающая бесконечным рядом значений. Это — глубокомыслие безмолвия, о котором нельзя рассказывать. Оно может только показать себя.

«Не то, что мните вы, природа...», не «физиология» и не пассивный материал для человеческого воздействия, но немая, искренняя, творческая выразительность: «Небо и Земля обладают великой красотой, а не говорят. Четыре времени года имеют ясный закон, а не судят. Вещи несут в себе совершенную истину, а не ведут речей...» (196).

Даосский «смысл» как всеобъятная устремленность воплощает помимо прочего интегральное единство телесной и духовной жизни. Призывая открывать в словах «смысл» динамической реальности, Чжуан-цзы предлагает как бы думать всем телом и доверяться транспытному потоку бытия. «Смысл» слов у Чжуан-цзы — это и *Urglaube* — доверительность целому, предшествующая всякому

опыту, и некая телесная интенциональность, ведь аутентичное слово-жест, подобно телу, погружено в поток времени. Заметим, что иероглиф «и» (смысл) представляет сочетание знаков «звук» и «сердце». *Пение сердца*, или зов сердца, к бесконечному — вот пребывающий в словах «смысл», о котором говорит Чжуан-цзы. В одной из притч философ так и характеризует «небесную музыку»: «Не произносятся слова, а сердце поет». Но постичь «смысл» — значит жизнь пере-жить, увидеть жизнь «прыжком скакуна через расщелину» (образ, несколько раз повторяющийся в книге Чжуан-цзы). Пере-живать жизнь — значит хоронить в себе бесконечность жизни.

Слово «Дао» — с двойным дном. Даос знает (т. е. не знает), что все его слова не могут не хранить (именно скрывать) смысл, о котором совершенно невозможно рассказать, ибо он не противоречит обыденному значению слов, но и не слит с ним. Употреблять ли слова, как принято их употреблять, или идти наперекор обычаю — это равным счетом ничего не меняет. Оттого даос спокоен и игрив: как ни скажешь — всегда смешно, ибо всякое слово употреблено еще и невпопад. Оттого же даос внутренне свободен: слова не довлеют над ним, но и он не властен над словами.

Мудрости Дао соответствует образ языка, преодолевающего порядок суждения и отсылающего к непосредственному присутствию бытия, к его мерцающей перспективе. Как точка предельной свернутости членораздельной речи, этот язык предстает, по слову самого Чжуан-цзы, «громовой тишиной», таящей неисчерпаемый смысл мира. Такую «паузу бытийствования» даосы и называли пустотой. Не претендуя на то, чтобы исчерпать неисчерпаемое, выделим отчасти уже знакомые нам основные аспекты понятия пустоты в даосской философии.

1. Пустота — прообраз высшей целостности мира. Всякое бытие, по мысли древних даосов, держится Пустотой. Это «пустое вместилище» (*сьюго*) — пустота сосуда или утробы «Матери мира», вмещающих в себя все сущее; пустота колесной втулки, держащей колесо мирового круговорота; пустота кузнечного меха, производящая мировое дыхание. Такая «наполненная пустота» стоит в одном ряду с понятиями «всепроницающее единство» (*тун и*), «единение» (*ци*), «согласие» (*хэ*), «единство» (*тун*).

2. Пустота — бытийственный и эпистемологический разрыв. В пустоте противоположности расходятся, чтобы соединиться; смысл исчерпывается в непостижимом «звучании яшмы», дух находит истинное пристанище в прахе,

полнейшая неопределенность переливается в абсолютную детерминированность, светлое начало Ян укоренено в самых сокровенных глубинах темного начала Инь, и наоборот. Так происходит потому, что, будучи бесконечной перспективой, превосходя всякое наличное бытие, пустота дана только как не-данность. Это что-то, чего уже нет и еще нет. Пребывая в пустоте, мы находимся в мире мета- и прото-

3. Пустота — среда и сила обновления. Теперь, когда выявлена значимость пустоты как «промежутка без предела» и «различия вне форм», может получить обоснование концепция реальных перемен, т. е. перемен, происходящих в бесконечности пространственно-временного континуума, и, стало быть, перемен несчислимых и нефиксируемых. Только теперь жизнь может быть постигнута как «прыжок скакуна через расщелину», как сила, опосредующая существование и несуществование. Даосов интересует не то, что есть вещи, а то, чем они могут стать. Их интересуют не «посылки» мысли, а то, что происходит с сознанием, когда оно устремляется за свои пределы; а происходит это с ним непрерывно. Пустота — это не просто «промежуток», но прежде всего переход.

Даосский философ ищет логику не сущностей, а логику осуществления. Пробраз ее он находит в загадке произвольной череды сновидений. Действительно, сон — самый надежный вестник нового, он вносит в жизнь неизведанное и неожиданное, ведь образы, возникающие во сне, не связаны с активной памятью. Поистине во сне скрыты начала всех вещей, подобно тому как в мифологии австралийских аборигенов весь мир начинается во сне. Но если сон всему кладет начало, то где его конец? Миг пробуждения вмещает в себя вечность сновидений. Чем больше мы сознаем себя бодрствующими, тем больше кажемся себе спящими.

Сказанное позволяет наметить некоторые фундаментальные отличия традиции Дао от классического философствования Запада. Одна из важнейших особенностей западной философии состоит в том, что она конституировалась на идее тождества мышления и бытия. Такая установка мысли ставила задачей философии выявление содержания мышления, восхождение от абстрактного к конкретному, от разума к вещи. Однако мыслящий субъект в процессе самозерцания неминуемо приходит к опустошению себя: в конечной точке этого процесса, в момент совпадения предмета мысли и мысли о предмете, субстанции и духа оказывается, что познавать нечего и некому.

Даосской мысли чужды самоограничение и апокалипти-

ческий подтекст классической европейской философии. Она обнаруживает бóльшую, нежели эта последняя, приверженность духу критицизма в том, что исходит из открытого признания разрыва между сознанием и бытием, незнанием и знанием, не замаскированного чисто спекулятивными редукционистскими схемами. Ключевые понятия даосизма — пустота, забытьё, сокрытие — не имеют ничего общего с западным типом философствования как теории сущего, как «феномено-логики». Вместо чистой имманентности субъекта даосизм утверждает субъект бытийствующий, внимающий интимно-неведомому присутствию бытия. Основной вопрос даосизма — не как знать, а как быть: «Только если есть настоящий человек, будет настоящее знание».

Так, даосская мысль на свой лад возвещает об извечной миссии философии осуществлять диалог существования и мышления, в котором претворяется единство природы и культуры, факта и артефакта, знания априори и знания апостериори, в котором мысль постоянно себя преодолевает и сама себя судит. Даос ничего не решает загодя, и ему нечего скрывать от других. Он загадочен только для того, кто не умеет быть самим собой, что означает: найти себя вне себя, быть бесконечно больше и бесконечно меньше самого себя.

ТВОРЧЕСТВО, ИЛИ ЖИЗНЬ В СИМВОЛАХ

Даосский мудрец видит реальность безбрежным светоносным полем, «чистым сиянием в пустой зале». Он уподобляет себя Небу — всеобъятному, прозрачному, возвышенному, бездонному, — и мудрая жизнь в даосском понимании есть по существу утончение, *просветление* человека, выявляющее Небесную глубину его сердца. Мудрый, говорит Чжуан-цзы, «сам устанавливает день, когда он уйдет».

Но даосы ведут речь о «потаенном», или «блуждающем», свете. Светоч Великого Единства разлит во мраке извечного бес-порядка, Хаоса. Неодолимым сном преследует пробудившееся — извечно пробуждающееся — сознание даосская Пустота.

В пространстве вездесущей, кристально чистой зеркальности все сущее является по противоположности: бездонная глубина Неба проступает на плоскости Земли, бесплотность духа отсвечивает вещественностью материальных форм, и все противоположности — семя и плод, день и

ночь, жизнь и смерть и т. п. — взаимно определяют друг друга, а потому не могут и друг друга отрицать. Как говорит Чжуан-цзы, «жизнь не оживляет мертвое, смерть не умерщвляет живое». Но жизнь подлинная с неизбежностью преодолевает самое себя, она есть нечто самоизбыточное по своей природе. И не будет удивительным узнать, что истинная жизнь, по Чжуан-цзы, является через смерть, что она гнездится в том, кто «отрекся от жизни» и уподобился «остывшему пеплу». Такая сверх-жизнь воплощает абсолютную полноту и завершенность бытия. Она есть своего рода универсальная причина, не имеющая следствия, ибо в ней все сущее возвращается к самому себе. Существует, говорили даосы, источник, из которого ничего не вытекает, и путь, который никуда не ведет. Но речь идет также о причине, которая, будучи всеобщей средой в пространстве со-бытийности вещей, сама выступает в качестве следствия. А потому, согласно древней даосской сентенции, существуют и «листья без корней». Эта причина-следствие может стать отправной точкой каждого явления, но она не излучает свет, не выражает себя, а, наоборот, поглощает всякий свет и себя скрывает. Собирая в себе бытие, она остается «пресно-безвкусной». Великий Хаос, неизменно уклоняясь от самого себя, превосходит не только явления, но и принцип, управляющий явлениями. Он лишь предвосхищает все формы, пред-оставляет всему сущему свободу быть и вместе с тем совпадает с неисчерпаемым разнообразием форм как венцом творения. Вот почему древние даосы говорили, что все вещи выходят из пустоты и в пустоту возвращаются.

Выше уже говорилось, что даосский образ мира есть как бы камертон, хор, оркестр, «Небесная флейта», где каждый звук есть также эхо, где вещи и исполнители своих партий, и слушатели, чутко внимающие космической музыке, где в конце концов нет ни исполнителей, ни слушателей, но и те и другие сливаются в «утонченном единстве самопревращения», единстве не умозрительном, а операциональном, определяемом ритмом мировой музыки, и ритм этот — предыстория мысли, составляющая неприметный, «забытый», но непреходящий фон всякого размышления, безграничная среда посредствования, которая не создается ни «мною», ни «другим» и никому не принадлежит, но одна вечно пребывает: все сущее сторает, а «огонь перекидывается дальше»... Творение мира, по Чжуан-цзы, знаменует рассеивание зримых форм, обнажающее внутреннее, теневое, пустотное «тело Пути». Собственно, магическая сила

вещей и проистекает из этого сокровенного и вечнотекучего двойника всего сущего.

Если понятие «Путь» в даосской традиции относилось прежде всего к круговороту творческих перемен Хаоса, то сила само-творения вещей обозначалась у даосов термином *дэ*. Для Чжуан-цзы *дэ* — это предел творческой самореализации вещи, в котором приводятся к полноте и согласию все ее свойства. Вершина же *дэ* есть «Небесное согласие», и в этом качестве *дэ* присуще лишь истинному правителю. Чрезвычайно трудно подыскать единый русский эквивалент этому китайскому понятию. В переводе оно передается обычно словами «жизненные свойства», «сила», иногда «власть». Во всяком случае переводить его словом «добродетель», как поступают многие европейские переводчики, совершенно неправомерно.

Очевидно, что в даосском учении отсутствовала идея метафизической реальности. В даосской картине мира как саморассеивающегося Хаоса нет места какому бы то ни было «первопринципу». Пустота в философии Дао есть среда «совместного рождения» противоположностей; в ней нет сущностей, а есть лишь со-бытие, как событийствуют друг с другом семя и плод, тело и тень, звук и эхо: здесь «предельно сокровенное» присутствует в «предельно явленном».

Даосский мудрец не ищет идеальных, умозрительных схем действительности. Он просто «оберегает вещи», вверив все сущее беспредельной открытости бытия. Ибо выше вещей ничего нет (хотя это не значит, что есть только вещи). В даосской литературе так часто приходится сталкиваться с уподоблением реальности «вещи», что нельзя не обратить на него особое внимание.

Как явствует из древних канонов, термин «вещь» (*у*) первоначально обозначал жертвенное животное, т. е. тот самый символ жизни истинной, который послужил в древнем Китае главной посылкой философы Пути — превращения всего сущего. Любопытно, что в ранних конфуцианских текстах термин «вещь» почти не встречается. Не потому ли, что Конфуций, предпочитавший умалчивать о делах божественных, еще помнил его священный смысл? Ко времени жизни Чжуан-цзы архаические истоки этого слова были уже основательно забыты, однако оно отнюдь не стало просто собирательным названием внешних предметов. В конфуцианской традиции, например у Мэн-цзы, понятие «вещь» обозначало нечто, принадлежащее в равной мере миру и человеческому сознанию и обладающее

моральными качествами, нечто живое и, как некогда живая жертва, связывавшее человека с Небом. Зачастую оно употреблялось просто в значении «другие люди».

Столь широкий спектр значений термина «вещь», в котором отобразился характерный для китайской мысли акцент на взаимопроникновение мира и человека, в еще большей степени свойствен даосским текстам. И Лао-цзы, и Чжуан-цзы готовы считать вещь всякое явление окружающего мира. Лао-цзы относит к разряду вещей все, что имеет форму, однако он проводит отчетливую грань между единичными вещами и «всей тьмой» («десятью тысячами») вещей. Последняя в качестве всеобщей природы вещей выступает у него прообразом пустотного динамизма мира, как, например, в сентенции из 16-го чжана «Даодэ-цзина»: «Вся тьма вещей рождается совместно, я прозреваю в ней возврат». Дао, как «мир в целом», и есть для Лао-цзы «вещь завершенная», сама Природа вещей, не переходящая в ограниченные формы.

Со своей стороны Чжуан-цзы еще решительнее утверждает и противостояние двух значений — физического и метафизического — понятия вещи, и их преемственность. С одной стороны, он идет дальше Лао-цзы в готовности объективировать вещи. Термин «вещь» систематически употребляется у него для обозначения логических объектов. В его книге появляется и общее определение понятия вещи: все, что имеет «форму, облик, звучание и цвет». С другой стороны, Дао у Чжуан-цзы не есть объект среди объектов, оно, по его собственным словам, «не вещь». Тем не менее поток перемен, существующий безотносительно к отдельным вещам, «нейтрализующий» бытие каждой вещи, не отличается от вещей. Согласно хорошо найденной формуле Чжуан-цзы, динамическая реальность мира «вещает вещи, но не является вещью для вещей». Было бы полезно не пренебрегать в данном случае семантикой слов: действие Дао как «вещание вещей» не отвечает метафизическому тезису о несовершенстве или иллюзорности вещей. Скорее в нем воплощена сама «вещная» бытийственность вещей.

В книге Чжуан-цзы о Лао-цзы и другом древнедаосском философе, Гуань Инь-цзы, сказано, что они «воздвигли свое учение на неизменном «отсутствии наличия», взяли за основу Великое Единое» и утверждали, что «в действительности Пустота не уничтожает всю тьму вещей». Философское содержание последнего тезиса можно было бы резюмировать следующим образом: нельзя оперировать аб-

страктым понятием Пустоты, отрицающей существование данной вещи, поскольку каждая вещь включает в себя свою противоположность и «несуществование» принадлежит вещам не меньше, чем их «существование». Вещи, как говорит Чжуан-цзы, «таковы» и «не таковы», пустотны и не пустотны, имеют имя и неназываемы. Как сказано у Чжуан-цзы, «имеющее имя и сущность — обитель вещи; не имеющее ни имени, ни сущности — пустота вещи».

Даосская реальность — это Вещь (Не-Вещь) в вещи, на которую распространяется не-дуальность вещного бытийствования, и так далее до бесконечности. Это беспредельный ряд самоотражений, которые хранят одну «Великую Вещь». Так понятие «вещь» снимает оппозицию феноменального и ноуменального, имманентного и трансцендентного, актуального и действительного, не утверждая параллелизма того и другого. Вещь у Чжуан-цзы самовысвобождается Не-принципом хаотического единства бытия. Эта вещь веющая. Она навевает единство более архаическое и безусловное, нежели концептуальное единство означающего и означаемого.

Чжуан-цзы задал условия опознания символической глубины образов, введя в китайскую традицию понятие «след» (*цзи*) подлинного бытия. Он заявляет, что тексты канонических книг относятся к живому опыту древних мудрецов так же, как след ноги — к самой ноге, и что поэтому пытаться вникнуть в правду древних, руководствуясь их отчужденными «следами», — верх глупости. Идеал же даоса характеризуется в одном месте как «возвращение к единству, отсутствие следов»; известна и даосская сентенция: «умеющий ходить не оставляет следов».

Идея «отсутствия следа», несомненно, согласуется с даосской темой само-сокрытия Дао. Но, как мы уже знаем, само-сокрытия очевидного. Нельзя не заметить, что Чжуан-цзы отвергает не столько «следы» как таковые, сколько превращение их в объективированную, умопостигаемую сущность, что подразумевает как раз признание существования метафизической реальности. Между тем следов лишена не только «незапамятная древность», но и нечто реально переживаемое, данное всегда в настоящем, то, что «день и ночь сменяются перед нами», т. е. тот мир «видимого и слышимого», к признанию бытийственной полноты которого в конце концов и приходит даосский философ.

Определение образов предметного мира как «следов» Великого Превращения указывает, скорее, на то обстоя-

тельство, что явление и реальность в даосской картине мира связаны между собой не по аналогии, а, скорее, по завершению, по своей внутренней самодостаточности. В самом деле, след и вещь, его оставившая, существуют в разных пространственных и временных измерениях: одно отнюдь не адекватно другому. Иными словами, след становится тем, что он есть благодаря чему-то бес-следному; его ценность как знака — в отсутствии означаемого. Только наличие следа делает возможным существование того, что не оставляет следов (не имеет сущности). А потому, удостоверяя реальность как отсутствующее и неведомое, след реализует себя в самоустранении. Говорить о бытии как следе означает, таким образом, говорить о временном характере бытия. В свете временной длительности настоящее переживается в контексте потери и предвосхищения, в пространстве Великого Превращения все существует как знак, прежде чем стать явлением, и сами знаки получают функцию сокрытия, стирания, помрачения. У теоретика поэзии IX в. Сыкун Ту мы встречаем примечательное суждение о природе бытия-следа: «Вот подлинный след: воистину познать его нельзя. Образ идеи только хочет родиться, а превращения уже творят новые чудеса!» Даосский мудрец живет экстатической устремленностью в неведомое, которая предвосхищает творчество, но не переходит в его плоды. Внушаемая этой вольной устремленностью идея Вечного Отсутствия противостоит идеалистическому мотиву воспоминания неизменных образцов. Жизнепониманию даосов близка ироническая исповедь чань-буддийского наставника: «Десять лет я искал дорогу назад, а теперь забыл, откуда пришел!»

Мы должны заключить, что реальность в даосизме предстает чистой текучестью времени и что в даосской философии не время является формой разворачивания системы понятий (как полагал, например, Гегель), а, наоборот, понятия выражают временную длительность. Даосской «концепции» вовсе не существует, и даосы говорят «наудачу», «просто так». Но все их слова — зов одного и того же, зов бесконечно разнообразного, не имеющего логической формы, всеобъемлющего потока «без начала и конца», «без правил и меры». Не единожды Чжуан-цзы выстраивает в своей книге нечто вроде генеалогии мудрости, как бы пародирующей настоящие, исторические родословные знатных семейств. Эти генеалогии откровенно пародийны, потому что всякое явление, согласно философии Дао, коренится в аморфном, непрестанно теряющем само себя

«теле Хаоса». В этом смысле даосизм обнажает иррациональную подоплеку культурных норм. И все же даосская родословная Великого Пути вполне серьезна, ибо она указывает на внутреннюю, извечно отсутствующую символическую глубину человеческой культуры. Главное же, Хаос не является метафизическим первопринципом, противостоящим миру форм. В силу своей самоотрицательной природы «тело Хаоса» изливается в физический мир, и символическая глубина вещей целиком дается в нашем чувственном опыте. Как любили повторять в Китае, «истина входит в тень и след». Великий Путь всеобщего превращения пребывает «вне себя» и тем себя оправдывает.

Сокрытость — таков, по Чжуан-цзы, способ бытия *Дао*, с тех пор как оказалась забытой «незапамятная древность». То, что обыкновенные люди считают сиянием дня, даосскому философу видится потемками; он ищет свет в непроницаемом мраке ночи.

Чжуан-цзы точно указывает, что именно скрывает *Дао*: «малые свершения» (*сяо чэн*) логической аргументации, превращающие истину в функцию субъективистского, или «машинного», знания. Не то чтобы эти «свершения» были плохи сами по себе. Духовный недуг общества заключается в самом желании ограничить значение слов, превратить «след» как формообразующее начало культуры из протознака в просто знак. Это означает забвение символической глубины образов — событие, совершенно не заметное для постороннего взора. Между тем смысл слов для даоса всегда наделен двойным дном, слова мерцают смыслом.

Повторим: главная проблема философии *Дао* не в том, как выражается *Дао*, а в том, как оно скрывается. Ибо раскрытие *Дао* предстает здесь его сокрытием. Вещи ценятся не за то, что они есть, а за то, что их нет. Слова дороги не за то, что их произносят, а за то, что их проглатывают. Но сфера открытости *Дао* растворяет все «формы выражения» в опыте абсолютной близости к реальности. Открытость — это не суждение о Ветре. Это сам Ветер, чистое событие, не скрытое анонимными закономерностями.

Даосский метод — если можно говорить о методе достижения абсолютной свободы — есть именно сокрытие объективированного. Понятие глубины образов играет в нем ключевую роль. Не иллюзорной глубины метафизической мысли, которая противопоставляет сущность выражению, абсолют — конечным вещам, не замечая, что и то и другое равно доступно ей и «ноуменальная реальность» выразима

не меньше, чем любой объект. Речь идет о глубине символической, постигаемой внутри самого созерцающего. Для стороннего наблюдателя эта реальность сливается с мраком и отсутствием потому, что она не идентична наличию, присутствию как таковому. Реальность в даосизме — это тьма творческой бездны превращений, несущей в себе нечто «другое» по отношению к предшествовавшим формам жизни.

Можно ли определить Путь «мысли о Дао», если его цель — неопределимое? Мы можем сказать, что он носит характер возврата и представляет движение от суждений о вещах к вещам, от образов бытия к его неисчерпаемой конкретности. Это движение от образов специфицированных к предельно общему образу («образу без образа»), из которого проистекают всякий оформленный образ и всякое частное суждение.

Это Путь *последовательного собирания*. Он собирает воедино глубокомысленный разговор и птичий щебет в чистой экспрессии выразительного акта, доводит до полного неразличения природное и культурное, факт и артефакт. Пустота флейты и Великого Кома едина, но музыкальный инструмент не тождествен тотальности сущего. Вещи различаются функционально, но они едины и равноценны в зиянии Вещи мира.

Интересно проследить, как в даосском «возврате к истоку» преодоление наличного бытия завершается апологией природы на новом уровне. Природа как простая совокупность вещей, физическая масса Земли сама по себе — неправда. В свете пустотного присутствия *Дао* вещи уже не являются тем, чем они кажутся: только дураки или лжецы могут утверждать, что они знают, «кто царь, а кто пастух». Пустота несводима к опытному миру и рациональному знанию, но философема пустоты «открывает открытое»: она обнажает «обыкновенное» (*юн*), «непоколебимое» (*дин*), отсутствующее присутствие бытия.

Мудрец даосов презирует блеск лукавых речей, не держится за самодельную истину, но оставляет все на обычном месте. Это называется «жить по сиянию правды». Даосский писатель говорит о единой Вещи мира как дорефлексивном и совершенно свободном присутствии, дающем бытие. Вещь оправдывается не ее идеей, а ее «обычным местом» — имманентным пределом ее бытия, динамизмом ее «само-превращения». Это означает, что каждая вещь оправдывается в свете «мира как целого».

Итак, слово в даосской традиции имеет двойственное

призвание. Во-первых, оно как бы постоянно опережает себя, выламывается из банальных, стертых обыденной речью значений и тем самым вырывает нас из дремоты обыденщины, открывает нам новые горизонты опыта, влечет к духовному прозрению. Во-вторых, оно есть слово-экран, слово-ограда, указывающее на внутреннее пространство вселенской со-общительности, символическое «тело Хаоса». В этом отношении наследие Чжуан-цзы есть памятник именно традиции, знак *внутреннего* лика вещей. Даосы эстетизируют секрет, создавая образы странных, недоступных пониманию простых людей учителей древности. Впрочем, эти образы насквозь пропитаны иронией, ведь речь идет о сокрытии неуитаемого. Мудр тот, говорит Чжуан-цзы, кто знает, как «спрятать Поднебесный мир в Поднебесном мире», и настоящий даосский учитель уходит из мира, ничему не научив других. Ведь обучать в понимании даосов — значит помогать каждому «потерять себя».

Мы должны, конечно, распространить принцип смыслового перевертывания понятий и на даосское понимание потери. Даос теряет там, где другие приобретают, но, теряя, поистине приобретает. Неизбежная пропажа вещей служит для Чжуан-цзы залогом их вечной сохранности в круге Вещи мира. Напротив, творение, созидание оказывается здесь отторжением, утратой, кражей. Даос теряет сотворенный мир ради восстановления несотворенного хаоса. Такое само-скрадывание мира означает возвращение к внутреннему совершенству бытия в его первозданной целостности, само-уподобление зародышу в материнском чреве и победу над «истинным вором» — процессом выражения и оформления вещей, оправдываемым словесной диалектикой. «Кто знает бессловесное рассуждение, непроезжий путь? — вопрошает Чжуан-цзы. — Это, если кто-нибудь способен это знать, зовется Небесной Сокровищницей. Добавляй в нее — и она не переполнится, черпай из нее — и она не оскудеет, и неведомо, откуда она возникает. Назовем сие потайным светом».

Образы Небесной Сокровищницы, или «Поднебесной, заключенной в Поднебесной», символизируют состояние полной открытости, когда «нечего и некуда прятать», но открытости, скрывающей себя, имеющей границу — этот всегдашний знак тьмы. Чжуан-цзы уточняет: истинный свет — потаенный. О сокрытии света говорит и Лао-цзы. В «Хуай Нань-цзы», где воспроизводится процитированный выше пассаж из Чжуан-цзы, говорится о «свете чи-

стом, как драгоценная яшма». Один из комментаторов Чжуан-цзы, Лю У, ссылаясь на ряд древних текстов, утверждает, что в действительности речь идет о «мерцающем», или «блуждающем», свете. Такое толкование согласуется с даосской темой двусмысленно-трепетной природы символа и взаимоперехода противоположностей, характеризующего «действие Дао». Впоследствии в даосской традиции бытовало представление о том, что средоточие мирового движения — Полярная звезда — окружено семью «черными солнцами», которые излучали «сокрытый», или «черный», свет. Эти звезды, именовавшиеся «плывущими потемками» и ассоциировавшиеся с женскими божествами, считались воплощением «недеяния».

Открытие открытости вещей в пустоте равнозначно сокрытию самого акта сокрытия. Отрицание должно быть отрицаемо. Двойное отрицание — судьба каждого понятия в даосской философии, в конце концов оказывающегося безыскусным самосвидетельством бытия: «Я знаю радость...»

Так видимый мир оказывается двойным отражением, отражением в зеркале, сном во сне, отголоском эха, не будучи производным от какой-либо высшей реальности. Даосское же «сияние правды» — двойной тенью, тенью теней, результатом двойного «сокрытия» в даосском смысле этого слова. Мудрый человек, по слову Лао-цзы, «очищает темное зеркало» в себе. Уже первое изречение «Даодэцзина» заканчивается словами: «Сокрой и еще раз сокрой (вариант: «сокровенное сокровенного») — вот врата всего утонченного». В пятом изречении той же книги сказано, что действие реальности «производит еще нечто большее». Сходные высказывания можно обнаружить и у Чжуан-цзы, например: «В животворном стяжай еще более животворное, тогда возвратишься к равенству с Небом» (174). Комментатор Го Сян дает более развернутую формулу: «Оставь утверждение и отрицание и вновь оставь свое [желание] оставить. Оставляя и снова оставляя, придешь к тому, когда нечего будет оставлять. Тогда, не оставляя, не будет ничего, что бы не было оставлено, а утверждение и отрицание исчезнут сами по себе».

Дао постигается в два шага, хотя, по видимости, разными путями: либо двойным отрицанием, либо удвоением позитивного начала. В действительности перед нами две стороны одного Пути. Два его этапа соответствуют двум уровням эпистемологии Чжуан-цзы: забытию и абсолютному не-знанию (как забытию). В любом случае перед

нами — *Путь*. Перед нами — реальность бытийственная, погруженная во время, можно сказать вызревающая во времени. Пытаться узнать о ней загодя — все равно что, по меткому слову Чжуан-цзы, «увидев яйцо, хотеть, чтобы оно кричало петухом». Ее не описывают и не вычисляют, а «взрачивают» (*ял*) в себе и потому оберегают.

Даосы учат не знанию каких-то особых фактов, а преображению сознания, которое должно обнажить то, что неотъемлемо принадлежит человеку, но в обыденной жизни погребено под грудой людского мудрствования. Для Чжуан-цзы речь идет о том, чтобы забыть непамятуемое и вспомнить незабываемое. Люди, говорит он, «не забывают то, что подлежит забвению, и забывчивы насчет того, что не забывается». Даосская правда есть то «незабвенное забытое», которое присутствует в любом суждении, любой классификации, любой данности опыта.

«Смотреть и не видеть, слушать и не слышать», — дважды говорится в «Даодэцзине». Не будем искать в словах Лао-цзы отвлеченный смысл: для даосов мудрость в том и состоит, чтобы не открывать что-то, никому не известное, а научиться просто смотреть. Научиться видеть, что нечто дается человеку прежде всякого объекта созерцания и что не является ни фактом, ни опытом, ни идеей, ни объектом.

Даос блюдет «пост разума»: нужно, чтобы зрение и слух были обращены вовнутрь и не зависели от воздействия «объектов», разум же был разомкнут и, вместо того чтобы удостоверять в вещах свои законы, предоставил бы всему быть тем, что оно есть.

Чжуан-цзы признает силу сознающего субъекта, но ставит перед ним задачу не мыслить ее, а позволить ей раскрыться. «Законченному субъекту» (*чэн синь*) он противопоставляет субъект «само-высвобождающийся», «пустотно-всеобъемный» и потому неопределимый. Даосское «постижение» есть пробуждение к зиянию Бытия, открытие открытого, открытие себя открытому. Не будучи предметным и не имея никакого предмета перед собой, бытийственный субъект даосов ничего не может «знать». Точнее, он может знать не больше, чем огонь может осветить сам себя. Даосское «Великое Пробуждение» не устраняет забытья, а погружает в него, приучает мыслить его как немислимую среду всякого размышления, творческое начало жизни.

Беспредельной сферой интуиции даосского мудреца, ее средой и проводником выступает «жизненная энергия» (*ци*). Подобно прочим ключевым понятиям даосской тра-

диции, термин *ци* восходит к архаической идее преемственности всего сущего и неуничтожимости жизни. Соответственно широк и спектр значений *ци*: это и испарения, чреватые благодатным дождем, и воздух между небом и землей, и ветер, и дыхание, наполняющее «одно тело» живой вселенной. Вершинное же состояние *ци* есть всеединство мира в пустоте. И этому «великому единству» уподобляется даосский мудрец, ему внемлющий. В сознании, освобожденном от тирании «завершенного субъекта», все формы опыта равноправны и равноценны. Человек Пути, согласно Чжуан-цзы, не пользуется отдельными органами чувств, он и чувствует, и думает всем телом, воспринимает «всем существом». Его существование есть «чудесное впадение» (*мяо ци*) несходного, благодаря которому опознается присутствие вечно отсутствующего «подлинного господина», нашего «подлинного облика», существующего «прежде нашего рождения». Этим опытом опознания, а лучше сказать, предчувствования неведомого, скрывающего свой лик божества вдохновлен ряд патетических пассажей даосских писателей, на первый взгляд несколько выпадающих из общего иронического, даже шутливого тона их книг.

Даосизм есть некая назидательная религия, своего рода псевдорелигия, где догматы и сама эстетизация тайны призваны скрывать присутствие Пустоты.

НЕБЕСНОЕ И ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ

Вторая глава книги Чжуан-цзы открывается красивой аллегорией, в которой бытие мира уподобляется звучанию флейты и даже, точнее говоря, трех разных флейт: «флейты человека», представляющей собой связку полых бамбуковых трубок, «флейты Земли», чье могучее пение складывается из всех голосов природы, и, наконец, «флейты Неба» — неслышной, «небесной» музыки мировой гармонии, благодаря которой все вещи могут «петь так, как им поется». В этом емком образе, как часто бывает у Чжуан-цзы, рельефно отобразились важнейшие черты даосского миропонимания. Музыкальная метафора сообщает о видении мира как пространства живого взаимодействия сил, бесчисленных эхо безмолвствующего голоса, вариаций неизреченной темы. Она указывает и на представление о реальности как чистой длительности, временной текучести, вечнопреемственности *этого*. Образ же флейты с необыкновенной наглядностью демонстрирует единство всего

сущего по причастности к Пустоте, ведь Пустота руко-творной флейты, Пустота естественных отверстий и поло-стей, творящая мировой хор голосов, и необъятная Пусто-та небес одна и та же. В пустоте, словно хочет сказать Чжуан-цзы, дела людей и покой Неба сходятся воедино. И все же одно вовсе не равно другому. В первых же строках шестой главы книги читаем:

«Знать действие небесного и знать действие челове-ческого — вот вершина знания. Тот, кому ведомо действие небесного, берет жизнь от Неба. Тот, кому ведомо действие человеческого, использует знание познанного для того, чтобы пестовать знание незнаемого... Но как знать, что именуемое нами небесным не является человеческим? А именуемое человеческим не является небесным? Следо-вательно, должен быть настоящий человек и тогда появится настоящее знание...» (94).

Взаимоотношения «небесного» и «человеческого» — одна из главных тем книги Чжуан-цзы, и трактуется она с примечательной неоднозначностью. Бывает, что Чжуан-цзы противопоставляет одно другому и притом решитель-но отдает предпочтение Небу — этому подлинному источ-нику жизни, соответствующему, заметим, «внутреннему» измерению бытия. Чжуан-цзы утверждает, что в Великом Пути «нет ничего от человеческих порядков», что «през-реннейшее среди людей есть самое ценное для Небес». Заметим, что в конфуцианской традиции Небо приобрело к тому времени значение безличной этической силы, опре-деляющей судьбу всего живого. Конфуцианцы приписыва-ли Небу роль верховного правителя и судьи, карающего за проступки и награждающего за добрые дела. Чжуан-цзы, разумеется, очень далек от столь плоского морализа-торства, но отголоски конфуцианских представлений о Небе угадываются в неоднократно встречающемся у Чжу-ан-цзы утверждении о том, что на Конфуции «лежит кара Небес». Для даосского мудреца «кара Неба» относится, по-видимому, к неспособности человека освободиться от морального суда, неизбежно ограниченного. Но в мотиве «небесной кары» у Чжуан-цзы имеется, возможно, и более глубокий подтекст, связанный с тем, что наказание есть свидетельство грехопадения человека и, следовательно, оно знаменует выделение человека из божественного и природ-ного миров, его собственное очеловечивание. В некоторых текстах Чжуан-цзы отсечение ступни, что в древнем Китае было распространенным видом наказания, объявляется ре-зультатом деяний Неба, ибо «небесное» в человеке вопло-

щено в том, что делает его «непохожим на других», тогда как человеческое в человеке — это «общий для всех облик». Заметим, что в мифах многих древних народов хромота предстает отличительным признаком человека-работника (вспомним хотя бы фигуру Гефеста в древнегреческой мифологии). Иными словами, физическая неполноценность человека оказывается не чем иным, как ценой его очеловечивания, превращения в сознательное и деятельное существо.

Порой Чжуан-цзы отождествляет «небесное» с биологической природой живых существ, как, например, в этом известном высказывании: «Четыре ноги у буйволов и коней — вот что такое небесное. Узда на коне, кольцо в носу у буйвола — вот что такое человеческое». Однако подобное отождествление явно метафорично: для даосов, как нам уже известно, физическая данность мира есть не что иное, как след, экран, *укрытие* животворной пустотности. К тому же Чжуан-цзы не интересуется человеческая природа сама по себе. Его больше занимает самореализация личности, он хочет знать, каким образом человек реализует в себе всю полноту своих жизненных свойств, как человеческое сознание становится чистым зеркалом, не замутненным субъективностью. Беспредельная глубина Воли — вот символическое, вечно отсутствующее пространство вселенской со-бытийности, в котором человеческое встречается с небесным. И не случайно мы не найдем у даосов идеи реальности, бытийственно отличающейся от мира человеческой деятельности. Человек, преданный Пути, живет *наравне* с Небом и Землей, и любимые персонажи даосских писателей — это мастеровые люди, для которых труд не проклятие, а источник радости. Хотя даосы не упускают случая посмеяться над претензиями антропоцентризма, над высокопарными рассуждениями о человеке как «венце творения», они вовсе не низводят человека до статуса «разумного животного», не снимают с человека его уникальной ответственности перед миром — возобновлять и утверждать свою принадлежность к «небесной» глубине мироздания и полноте жизни. Ибо Хаос и предметная практика человека едины не по аналогии, не по своему «образу и подобию», а по своему *завершению*: и то и другое являет собой по сути неисчерпаемую конкретность существования и смыкается *в пределе* своего бытия. Великая Пустота, о которой говорили даосы, изначально не отделена от человеческой деятельности, от человеческого усилия само-очеловечивания. Человек Пути ничему не противопоставляет себя, он

человечен именно своей космичностью. И если в западной традиции, основывавшейся на метафизике первоначала, господствует образ человека самоотчужденного, падшего, «рожденного в грехе» и вместе с тем противостоящего миру и обязанного трудиться, воздействуя на природу как на внешний объект, то даосскому мотиву вечнотекущего хаоса соответствует образ человека цельного, безбрежного, схороненного в мире, как зародыш в утробе матери, как Адам в раю, и живущего совместно, *собираательно* со всем сущим в сосредоточенной праздности «Недеяния». И в предельном своем раскрытии небесно-человеческий промысел Воли совпадает со спонтанным течением общественной жизни людей, с неотступной потребностью опредмечивать мир и превосходить все предметное. В одном месте книги Чжуан-цзы «постоянной природой» людей и, что еще более примечательно, их «небесной освобожденностью» (*тянь фан*) именуется то состояние, когда люди «ткуют и одеваются, пашут землю и кормятся, каждый живет сам по себе и не угождает другим».

То, о чем говорит Чжуан-цзы, не является ни сущностью, ни понятием и не может быть объектом знания. Но китайский мудрец говорит о чем-то, чего никто не может избежать, — об утверждении человеком человеческого в себе, о первозданной человечности, несводимой к факту или состоянию, ибо она есть только про-из-растание духа, безусловная открытость сознания зиянию Бытия, «пустота в пустоте». Чжуан-цзы говорит о подлинности недоказуемой, но интимно-внятной, внушающей безукоризненное доверие. Конечно, доверие Чжуан-цзы к человеку проистекает не из доктринерства или наивного благодушия. Оно основывается на жизненном опыте человека, ибо человеческим в человеке даос считает его способность открывать в себе новые миры, как путешественник открывает новые земли. Мерой доверия к человеку оказывается именно незнание, сопутствующее осознанию предельности человеческого существования. Беспредельность человека засвидетельствована для Чжуан-цзы его предельностью. А потому даосское доверие к человеку есть достоинство, а не награда. Оно требует решения идти своим путем, не различая даже жизнь и смерть, волю и судьбу, игру и фатальность.

Подлинное произрастание человека, жизнь истинная, говорит Чжуан-цзы, протекают в Пустоте. Но откуда берется Пустота, собирающая воедино земное, человеческое и небесное? Она появляется оттого, что действие Великого

Пути есть в сущности уступление: Мать мира *уступает себя* всему сущему, позволяя всему быть тем, что оно есть. В даосизме бытийственная Пустота оставлена (предоставлена) человеку богами, и человек растет в той мере, в какой он помнит, что ростом своим обязан молчанию богов. Мы открываем здесь действительное значение философии «Небесных весов», сообщающей о неопределенном равновесии человеческого и божественного. Пустота есть среда взвешивания человека и богов, она собирает, не уравнивая: чем весомее Человек, тем величественнее Небо. Человек велик не тем, что он сделал, а тем, что он еще не свершил, — вот веселая и вместе с тем в высшей степени серьезная истина древних даосов, — истина, дарующая веру в человека там, и именно там, где кончаются все зримые, все мыслимые образы человека. Чжуан-цзы не интересуется отвлеченным знанием, не создает своего «учения», своей особой «системы философии». Его странные речи ничего не выражают и не определяют, а лишь зовут к «тайному опознанию» внутреннего в нас самих — этому первичному предчувствованию жизни, предваряющему всякий опыт и всякое размышление. Он говорит об абсолютной свободе духа быть кем угодно и каким угодно. И о вечнопреемственности этой свободы, не изменяющей себе даже по прошествии «тысячи превращений, десяти тысяч перемен» мира. Более того, эта безупречная, всепокоряющая освобожденность духа только и может выявляться и действовать среди всех бесчисленных метаморфоз бытия. Вчитавшись в даосские тексты, обнаруживаешь за нестройным хором голосов прикровенную музыку покойной и чистой мечты, музыку вечно *другой* и все же такой настоящей, такой внятной каждому жизни:

«...Настоящие люди древности не знали, что такое радоваться жизни и отворачиваться от смерти, не гордились появлением на свет и не противились уходу из мира. Безмятежно они приходили, безмятежными уходили, не доискиваясь до начала вещей, не устремляясь мыслью к концу, но радуясь дарованному им и в приятном забытии возвращаясь к своему естеству. В беспредельной гармонии с миром пребывали они, и никто из живущих на земле не знал, где положен им предел...» (94).

РАДОСТЬ ПУТИ

Мир — одно живое тело, и живет он «одним дыханием». Мир оживает, открывая себя открытости Бытия. В этой

необозримой перспективе всего сущего собираются воедино небесное и земное, творящее и творимое. И оживает мир в час полночный, обыкновенному разумению неподвластный и даже не замечаемый им. Воровской час, когда неведомый Силач уносит сундуки самодовольных обывателей...

Обыватель прячется от мира в своем доме. Даосский мудрец находит свой дом в дороге, хороня себя в зиянии Бытия (а не просто в физическом мире, как можно заключить из некоторых притч в книге Чжуан-цзы). Странствие (ю) — вот способ его существования, о чем Чжуан-цзы заявляет уже заголовком первой главы своей книги: «Веселое странствие». Слово принадлежит к числу любимых у даосского философа: только во внутреннем разделе его книги оно употребляется, и притом подчеркнуто весомо, как философский термин, более 30 раз (для сравнения отметим, что термин «Дао» употреблен 39 раз). У этого слова древние литературные корни, и оно встречается, в частности, у Конфуция в значении «практиковать искусства», приличествующие благородному мужу. Значение, по-своему вполне подходящее для Чжуан-цзы, ведь его мудрец тоже мастер, практикующий (и никак иначе) «искусство Дао», хотя его невидимая, «небесная» работа совсем особенная, и практикует он... праздность. Все же практиковать Дао означает именно странствовать для философа, который считает реальность «превращением», разрывом, воплощенным в со-бытии, и объявляет истинной жизнью балансирование на грани миров, «хождение двумя путями» сразу. Мудрец у Чжуан-цзы, прозревая саморазличие всех вещей, во всех путях постигает тот же самый путь и «не имеет где приклонить голову». В одной из красивейших своих аллегорий Чжуан-цзы уподобляет жизненные принципы конфуцианства постоялым дворам, где мудрый может изредка остановиться на ночлег, но утром он уйдет, влекомый немолчным зовом, бродить по бескрайним дорогам Пустоты. Указывая путь от сущего к Бытию, от вещей к бытийственной Пустоте, это скитание каждый миг наполняет душу ликующей радостью.

Радость Чжуан-цзы всегда с ним независимо от того, снится ли он себе бабочкой, видит ли резвящихся рыбок или... хоронит жену! Даосский философ знает радость прежде всего другого, ведь она невыводима из опыта, но, напротив, предвосхищает всякий опыт и всякое знание. Радость — единственное, что служит ему источником доверия, только ею он может поклясться. Радость «небесного

единства» безусловна, разум не может «понять» ее. Чжуан-цзы говорит об этом с убежденностью, не оставляющей сомнения в том, что он знает, о чем он говорит:

«Думание не приведет к смеху. Радость смеха не уразуметь. Вверяя себя порядку вещей, действуй заодно с Преображением — тогда войдешь в покой небесного единства» (102).

Интеллект объявляет смех и безумие чем-то извечно невразумительным вроде темноты, которая везде одинаково темна. Но как реалии культуры, они социально обусловлены: что смешно и безумно в одних обществах, совсем не обязательно таково в других. Более того: противопоставление безумства разумному порядку цивилизации имеет смысл лишь постольку, поскольку признаются ценности этой цивилизации, так что самоопределение культуры не может не сопровождаться допущением присутствия святости в профанации, здравого смысла в сумасшествии, морали в дикости. Мы находим эту двусмысленность в гротескных образах премудрых безумцев, известных во всякой культурной традиции. Безумство — это не просто антитеза разумности, но нечто *другое* даже по отношению к самому себе.

Между тем смех кажется точным образом самоотрицательной и самодialogической природой бытия в даосизме. В смехе что-то осмеивается, но каждый в конце концов смеется над самим собой. Смех и условен и абсолютен в своей условности; он и предполагает историчность мысли, и упраздняет ее. На первый взгляд его значимость легко объяснить впервые высказанной А. Бергсоном мыслью о том, что смех сопутствует нашему самоумалению, вытекающему из осознания нами нашего несовершенства или, точнее, несостоятельности претензий нашего интеллекта. Мы можем сколько угодно посвящать себя возвышенным думам, но мы должны признать, как признает Чжуан-цзы, что правда есть даже в «кале и моче».

Смех соответствует вторжению в наше сознание грубого откровения природы, сметающего все формы интеллектуального самолюбования. Он выражает бунт против самождественного сознания «законченного субъекта», в нем всегда есть что-то от «скандала». Именно смех, кладущий предел нашей мысли, указывает на *провал* в нашем знании о мире как опыте отсутствия. Поэтому он приходит «внезапно», можно сказать, «врывается» в обжитой и привычный мир и как бы сплюснут в одно мгновение.

Смех разоблачает рутинный мир, но он обнажает От-

существование. Он указывает на «темного двойника» реальности — внеструктурное, хаотическое и операционное всеединство Дао. Смех, таким образом, соответствует основному ходу мысли в «теневом озарении» даоса: встать в афронт к недостижимому «другому» и возвратиться к первоизданной бытийственности всего сущего через испытание вещей «упрямым фактом» бытия. Смеяться — значит приоткрывать границы собственной жизненности, предоставляя свободу взрывчатой силе жеста.

Итак, смех врывается в сознание бесконечным потоком, но врывается лишь как отсутствие — на одно мимолетное мгновение. Это означает, что смех не терпит остановки, требует постоянного возобновления. Смехом создается ситуация «словоизвержения», словесной инфляции и балагурства, имманентная писательской манере даосов. Однако постоянно смеющийся человек кажется столь же ущербным и жалким, как и человек, никогда не улыбающийся. Человеческая природа не поддается субстантивации и не может быть сведена к способности смеяться (хотя такие попытки предпринимались в литературе). Смех, непрерывнорывающийся в наше сознание на одно мгновение, столь же постоянно и прерывается.

Истинный смех неразличим в том смысле, что он не имеет за собой ни концепта, ни сущности. Он восходит к Пустоте, равнозначной «великому единству» бытия, неограниченному полю опыта: «Мой смех потрясает Небо и Землю!» Речь идет об уничтожении всякого «единственно верного» или просто доминирующего образа, — уничтожении, которое являет точную параллель философствованию Чжуан-цзы как «нейтрализации вещей». Смех есть акт самовосполнения, но смеющийся человек ввергается «великому единству», теряя себя.

Чжуан-цзы не случайно связывает смех с идеей искренней дружбы — той, которая основана не на общности отвлеченных «взглядов» или убеждений, а на безмолвном единении сердец. Смех, обнажая первичное откровение природы, собирает; он есть способ сказать о том, что каждому внятно, но всегда дано как «другое». Человек серьезный, т. е. только сообщающий о мире, всегда одинок, как бы ни хотел он заинтересовать других; человек смеющийся, восстанавливающий прямое и непосредственное сообщение с миром, живет заодно с другими даже помимо своей воли. По той же причине смех настолько же зрелищен, насколько и сокрыт: он заставляет «стоять на миру», но он предполагает состояние поистине космического Одиночества.

Чжуан-цзы точно определяет смеховую ситуацию. Эта ситуация — сама смерть. Смеется умирающий Цзыюй. Смеется Шэньнун, узнав о смерти своего учителя. Веселится сам Чжуан-цзы над телом своей жены. Современному читателю сближение смеха и смерти может показаться очередной причудой сочинителя «безумных речей». Но оно не показалось бы странным многим доцивилизованным народам, у которых похороны служат поводом больше для веселья, чем для скорби. В противоположность распространенной в современной литературе тенденции приписывать смеху отрицательную и разоблачительную функцию, связывая его с площадным комизмом, «профанацией святынь» и т. п., даосы учат видеть в смехе утверждение абсолютной значимости жизни, поскольку жизнь находит свое завершение в смерти. Даосский смех учит понимать, что, как заметил Ж. Батай, «в человеке ничего не может быть возвышенного без того, чтобы не принадлежать по необходимости смеху». А что может быть возвышеннее смерти?

Смех утверждает — и утверждает вопреки воле субъективистского сознания — наше согласие с не согласующимся с нами потоком «бытия в целом». Он ограничивает нашу изоляцию, утверждая полноту существования. Этот произвольный исход даосского размышления есть подлинный способ пере-жития смерти: требуя полной потери индивидуального «я», он открывает неуничтожимость жизни. В смехе мы не только удостоверяем несовершенство интеллектуальных образов человека, но и испытываем первоизданную мощь жизни. Архитектура смеха соответствует внезапному преодолению отчаяния и ужаса само-потери; и, чем неотвязнее и пронзительнее ужас бездны, тем радостнее и беспечнее смех.

Фигуры смеха у Чжуан-цзы — чистые знаки, относящиеся к миру «другого». Но они еще и метафоры. Чжуан-цзы говорит о творчестве как не-деянии, о переживании бесконечного ряда возможностей, которое само по себе может служить источником эстетического наслаждения. Он говорит о том, что является одновременно и условием, и границей всякого творчества. Он иронически предлагает открыть величие человека в его конечности.

Ирония: вот исход размышлений Чжуан-цзы, их несказанная перспектива и наиболее доверительное свидетельство о реальности Дао. Она — неизбежная спутница даосского «знания незнания». Подобно Дао, она скрывает себя во всех выразительных фигурах. Сообщая о предельности человеческого бытия (или даже, точнее, о предель-

ности в человеческом бытии), ирония Чжуан-цзы не имеет отношения к теории, к поискам универсальных принципов. Значение ее сугубо практическое: она есть способ отношения тотальности хаоса к актуальности мира форм.

Ирония даосов вдохновлена опытом, который не требует выражения и предстает патетически-ликующим молчанием. В ней запечатлено «искусство Дао» как работа-игра в отмеченном выше смысле чистой траты, — работа, над которой не довлеет проклятие производства. Вот так играючи трудится повар-даос, который — Чжуан-цзы это оговаривает — двигается, повинувшись ритму танца, и позволяет своему ножу «привольно гулять» в туше быка, обращаемой магией музыкальных соответствий в пустотное тело. Даосское «гулянье» превосходит дихотомию труда и отдыха, полезного и бесполезного, хотя оно — подчеркнем еще раз — не сводит человеческую практику к некоему «прафеномену». Не является таковой, по определению, и игра.

Между тем игра предстает реальностью вездесущей и даже, кажется, неотделимой от жизни. Самое серьезное занятие можно превратить в игру, и, наоборот, любая игра требует полнейшей серьезности от ее участников. В каждом обществе, однако, мы встречаем правила и нормы, которые ограничивают двусмысленность.

Чжуан-цзы указывает на бытийственные корни игры, предшествующие любым ее «правилам». Он не допускает никаких изъятий из неограниченного поля опыта, открываемого игрой. Для него игра и есть сам фатальный танец вещей, стоящий выше богов, и в одном месте своей книги он заявляет, что миром движет «безудержная радость». А что, кроме игры, точнее, самого переживания игры, может даровать ничем не омрачаемое наслаждение? Чжуан-цзы говорит, выражаясь его собственным языком, о Великой Игре, ибо игра принадлежит кругу любезных сердцу даосского философа понятий вроде забвения, превращения, сокрытия и пр., которые уже семантически оправдывают себя посредством самоотрицания, но раскрываются как бесконечная перспектива изначально заданной оппозиции. В игре подлинной никто не играет и ничего не разыгрывается. В ней даже нельзя выбрать между существованием и несуществованием. Она неотличима от фатальности. Акт онтологической, чистой игры абсолютно пуст: он не требует ни разоблачения, ни воплощения.

Игра — точный образ даосского прозрения саморазличия вещей в том, что она освобождает от беспокойства

о «возможном» и «невозможном». В ее свете вселенная предстает перед человеком кладезем чудес и тайнств, бездной неопределенности — совсем как его собственное бытие. Неопределенность человека = неопределенности мира — вот формула даосского уравнения «Небесных весов», уравновешивающего несопоставимые величины. Позволяя человеку испытывать свою неопределенность, игра оказывается мощнейшим стимулом трансформации опыта. Но неопределенность игры — это прежде всего неопределенность отношений человека и мира. Как бы тесно ни связывал их поток игровых превращений, как бы ни были они в нем подобны друг другу, они стоят в нем и друг против друга. Сплошной поток творческих перемен есть пустота разрыва.

Разрыв. Отсутствие. «Застава без ворот». Вот названия реальности *Дао*, самой себя обыгрывающей и претерпевающей «десятки тысяч перемен и тысячи превращений». Играть по-даосски — значит каждый миг испытывать перевозданную неподатливость Великого Кома за пределами всех образов, фигур и идей. Погруженность в этот бытийственный поток игры даосские авторы часто уподобляли болезни — определение не менее двусмысленное, чем все прочие в практикуемой даосами всеобщей симуляции понятий. Болезнь служит метафорой некоего особого, отличного от «нормы» состояния, открывающего новые горизонты опыта и свободного от тирании «здорового смысла». Но болезнь знаменует и саму готовность к восприятию нового, само это переходное, неопределенное, «непамятуемое» состояние слитности с дао-бытием. Она — вестник обновления, для даосов неизбежно благостного.

Даосская «болезнь» кажется миру «безумием» — еще одно универсальное определение мудрости *Дао*. О безумии (*куан*) в древних текстах впервые упоминается в связи с празднествами оргиастического характера. У Чжуан-цзы названы «безумными» не испорченные цивилизацией жители блаженной страны, помещенной даосским писателем на далекие южные окраины тогдашней китайской ойкумены:

«...Люди там неучены и неотесанны, мало заботятся о себе, не имеют корыстных желаний, умеют мастерить, а ничего не накапливают, дают и ничего не требуют взамен, не знают, зачем следовать долгу, не ведают, для чего выполнять ритуал, в безумстве, без причины и без цели бродят по великому простору...»

Жизнь этих добрых дикарей от даосизма напоминает

праздник во всех его чертах — от нарушения социальных норм и коммуналистского пафоса до их способности «мастерить и ничего не накапливать». Но где «добрый дикарь» — там «печальные тропики». Даосские философы стоят вне архаического праздника, к их времени уже распавшегося на серьезные церемонии и «непристойные» игрища. Даосская апология безумия возникла уже после утраты последним его священного ореола и его исключения из ритма культурной жизни. Поэтому даосское безумство указывает на несоответствие культурных норм природе. Протест против цивилизации — хорошо известная тема в наследии даосского философа, давшего Китаю классические образцы сатиры на плоское просвещенчество. Корень зла для Чжуан-цзы и его учеников — утрата «всеединства в великой полноте» бытия, появление «законченного субъекта», что не могло не сопровождаться насильственным выталкиванием части прежнего мира человека за пределы его сознания и «воровством», т. е. частным присвоением того, что принадлежит всем. Воруют, по Чжуан-цзы, все, кто претендует на привилегии для себя, и пуще всех сам правитель — тот, кто сумел украсть целое царство. Но насилие по отношению к другим существам не более чем продолжение насилия над собой.

Но даосское прозрение есть еще и игра в безумии, вдохновлявшая впоследствии идею игры в безумие, которая превращала безумие из реальной угрозы культуре в угрозу игровую, нереализуемую. Безумие как игра соответствует культуре с устойчивыми механизмами саморегуляции.

Так даосская «болезнь», или «безумство», служила сдерживанию и преодолению разрушающего поток природного бытия и в конечном счете — включению в культуру неподвластной ей реальности. Даосский мудрец, отдающийся своей «болезни», повинуетя тому же зову, что и участник древних празднеств, надевающий маску демона или зверя. Но в отличие от «дикаря» он делает предметом созерцания самое свое бытие, отвлекается от внешних форм и превращает в метафору то, что прежде переживалось как подлинное.

Мы можем оценить метаморфозы творческого начала игры на примере так называемой даосской утопии. Последняя не является абстрактно-рационалистической концепцией, принадлежащей области политической мысли.

Описания даосских идиллий неизменно складываются из подчеркнуто условных, картинно-импрессионистских штрихов: жители даосских утопий «радовались, набивая

рот, празднично гуляли, хлопая себя по животу»; они были довольны всем, что у них было, до конца жизни не покидали родной деревни и вместо письма завязывали узелки; они «дни напролет распевали песни» или спали беспробудным сном, просыпаясь «один раз в 50 дней», и притом «увиденное во сне считали настоящим, а увиденное наяву — ненастоящим» и т. д. Нарочито нереальный колорит даосских утопий смутил не одного исследователя. Можно предположить, однако, что утопические картины у даосов не предназначались для практического осуществления и что, более того, они не были иллюстрацией к теории общества, каковой у древнедаосских авторов и не было. Декларируемое в них «великое единство» (*да тун*) являет как бы образ самопревращающегося сознания Дао. О том же опыте самоуверенности себя в «другом» сообщают и такие формулы, как «деревня, которой нигде нет», «царство Великого Отсутствия» и т. п. Черты даосской утопии открыты и для более конкретной интерпретации их символического смысла. К примеру, ненакопительство идеальных людей, их любовь к безвозмездной трате внушает мысль о Дао как силе «благотворного разрушения», а их отвращение к путешествиям словно символизирует их внутреннюю сосредоточенность и т. д. Аналогичным образом «древность» у Чжуан-цзы является метафорой Дао-бытия, подчеркивающей разрыв между бытийственной полнотой хаоса и актуальным состоянием мира. Древность есть нечто необычайное, это не история, но фантазм ее утерянного рая способен постоянно преследовать людей.

Даосская утопия предстает размышлением о посреднической миссии символизма в культуре, о человеческой коммуникации, о «междучеловеческом», чем в действительности и является для даоса природа людей. Ее сфера — беспредельный поток жизни, в котором «тайно опознается» интимное сродство всех людей и всего живого. Идеальные люди древности, по Чжуан-цзы, были «едины в не-знании». Такое общество не может быть декретировано. «Даосский социум» как среда «тайного опознания» всеединства бытия в его бесконечном разнообразии — это сама социальность, которая не имеет адекватной «общественной формы». Весьма возможно, что возведение этого социума к «незапамятной древности» — это не наивные мечтания, а сознательный прием, призванный указать на недостижимость предела самовосполнения природы и в то же время предотвратить смешение социального идеала даосов с каким бы то ни было общественным состоянием. Мы имеем дело

скорее с указанием на саму возможность существования общества, подобно тому как Великая Игра делает возможными все виды человеческой деятельности, не переходя в них.

Идеальный социум даосов, будучи образом само-различия вещей в *Дао*, сам раскрывается в единстве контрастных аспектов. С одной стороны, он воздвигнут на коммуналистском базисе, предполагает доступность всех материальных средств для каждого его члена, не знает дисфункции человеческой практики и культуры и тем самым словно являет иллюстрацию к традиционному в Китае идеалу: «Поднебесная — одна семья». Отношения между людьми в нем основаны на полном доверии друг к другу и действительно напоминают отношения между матерью и младенцем, понимающими друг друга без слов и даже без самого «понимания». Не менее примечательно и другое сравнение, к которому прибегает Чжуан-цзы: наступив на ногу незнакомому человеку, мы спешим извиниться, но в семейном кругу церемонность может показаться подозрительной и даже обидной (вспомним также, что друзья Хаоса пробуравили в нем дырки из *благодарности*).

Нельзя считать даосский идеал «великого единения» чистым домыслом. Многие черты его на удивление близки реальным институтам первобытного общества. Но еще более поразительно то, что этот идеал при всей его фантастичности адресован цивилизованному обществу и имеет в нем сугубо практическое назначение: он учит отвлечению от всех внешних форм, мудрому равновесию между ценностями цивилизации с ее апологией материальных и духовных «накоплений» и «расточительством» как нормой первобытности. Даосская Великая Игра не позволяет отчуждать символическую активность человека от его опыта, превращать культурные символы в анонимные средства коммуникации, подавляющие человеческую природу. Вместе с тем она не позволяет абсолютной открытости человека миру как чистой траты принять характер взаимного уничтожения. Она преобразует человеческую агрессивность в танец. Таким образом, в философии Дао и «первобытное», и «цивилизованное» оказываются метафорами, которые указывают на всеобъемлющее единство человеческой практики.

Как видим, отношение даосской «утопии» к реальности сложнее, чем обычно представляют. Его нельзя свести ни к протесту против действительности, ни к бегству от нее, ни даже к ее идеальному восполнению. Утопическая древ-

ность выступает прообразом того вездесущего, но недостижимого забвения, которое возбуждает творческую работу мысли. Здесь, вероятно, действует тот же механизм, который определяет социальную орбиту безумия: принять под маской прошлого еще не имеющее санкций и оправданий настоящее, через апологию «безумства» разрешить конфликт установленных ценностей и ценностей, еще растворенных в стихийной практике. В таком случае обращение даосов к самой седой старине оказывается естественным дополнением к их готовности, неопровержимо засвидетельствованной многими источниками, служить оформлению практики нарождавшейся бюрократической империи. Любопытная деталь: именно в даосских книгах встречаются рассказы об искусно сделанных механических людях, ничем не отличающихся от живых. Фантазия даосов отчасти напоминает увлечение автоматами в Европе накануне промышленного переворота. Не значит ли это, что в обоих случаях игра пробивала дорогу новому образу мира и новой действительности и что попавший на страницы даосских книг фантазм человека-робота есть в некотором роде предвосхищение мира имперской технологии?

Даосское едино-видение есть созерцание потока природного бытия как неизменного Отсутствия. Не говорит ли позиция даосов о бытии культуры в свете чистого динамизма истории как некоей самостоятельной силы, существующей даже безотносительно к историческому прогрессу? Такая сила, по определению, не отливается в устойчивые и зримые формы. Более того, речь идет о реальности, скрывающейся вещи и вещами скрадываемой. Она заявляет о себе отсутствием форм, одним фактом умолчания о ней. Стремясь отыскать ее, мы пойдем по пути самих китайцев, ценивших древних мудрецов не за то, что они сказали, а за то, что они не говорили.

Нам уже приходилось отмечать отсутствие в классической китайской культуре вкуса к статическому созерцанию, воспрепятствовавшему появлению в древнем Китае драмы, устойчивой традиции живописи и скульптуры. Литературному же герою древнего Китая надлежало «быть сокрытым в глубоком уединении». Архаический ритуал был превращен в норму внутренней самооценки. Эпическое (начатки которого существовали в эпоху Чжаньго, но не получили развития) свелось к цитате, ссылке, архетипическому прецеденту, трансформируясь далее в игру намеков и аллюзий, приобретающую со временем необыкновенную утонченность и высочайший престиж.

Чистая знаковость и *élan vital* соседствуют на популярных в эпоху Борющихся царств изображениях массовых батальных сцен или сцен охоты. От теснящихся на них и до крайности схематично, лишь условно обозначенных человечков уже веет леденящим фантазмом империи-муравейника, превращающей человека в объект насилия, а самое насилие — в формальную процедуру. Но фигурки схвачены в динамических, напряженных позах и разбросаны в живом, игнорирующем законы симметрии беспорядке. Нечто подобное можно наблюдать и в трансформации ритуальных бронзовых сосудов. Они теряют стройность форм, расплываются, обрастают украшениями, и пышный их облик словно являет образ прихотливого и чувственного желания. То же и в музыке: древняя ритуальная музыка перестала прельщать слушателей, свелась к отвлеченной схеме, хотя — и это примечательный факт — осталась эталоном; в обиход же вошли новые музыкальные формы, считавшиеся тогдашними моралистами «развратными».

Барокко в искусстве — макиавеллизм в политике. На политической сцене эпохи действуют большие и малые деспоты, столь же жестокие, сколь и распущенные. Рядом с ними стоят вероломные и своевольные полководцы, администраторы, дипломаты. Им по виду противостоят, а в действительности их дополняют так называемые странствующие люди долга, не жалевшие ни своей, ни чужой жизни ради отмщения за поруганную честь. Культ чувственного удовольствия, настроение анархической вольницы были оборотной стороной военно-бюрократического бездушия.

Из всех философских школ древнего Китая даосизм представляет, пожалуй, наиболее радикальную и во всяком случае наиболее продуманную и последовательную попытку примирить подлинность с безличной судьбой, опыт собственного могущества — с подавляющим индивидуальность математизированным порядком деспотии. Пытаясь связать несвязуемое, Чжуан-цзы провозглашает торжество игры, которая расставляет возможные точки отношения к миру в бесконечную перспективу посредования, не подчиняя их одному догматически установленному принципу. В игре доводится до предела контрастная событийность «своего» и «чужого», личной воли и анонимного порядка, испытующего и испытываемого. Чжуан-цзы до такой степени предан игре, что распространяет ее даже на древние символы святости, упраздняет с ее помощью ди-

станцию между богами и людьми, но делает это для того, чтобы собрать воедино божественное и человеческое и позволить человеку интериоризировать, схоронить в себе Небо. Не поклонение богам, а включение их в себя, низведение небес до земли без отрицания противостояния того и другого составило впредь содержание религиозного подвижничества даосов.

Даосская философия в своей основе не есть «школа», или «течение», мысли. Она представляет самое сердце культуры, поскольку именно игра и коммуникация, а не идеи и не формулы вдыхают в нее жизнь. Ее источник — не отливающаяся в законченные продукты, неопределенная и вездесущая творческая стихия, которая в равной мере заявляет о себе в снах и воображении, игре и смехе, грезах и видениях — во всяком первичном до-чувствовании, до-верии, до-понимании, прежде чем она станет тем или иным видом «творческой деятельности» и перейдет в признанные культурой формы. Это творческое бытие, равно принадлежащее жизни и культуре, не поддающееся концептуализации, но представляющее неограниченный контекст мысли, связует все формы человеческого сознания в единстве крайне неопределенном, но более безусловном, чем связи понятийных схем. Оно преломляется в сознании каждого бесконечно разнообразной игрой граней единого кристалла.

Остается связать то, что несвязуемо: забытое и предвосхищаемое, фантастическое и безыскусное, жертвуемое и ничейное. Здесь мы достигаем предела субъективного и воспринимаемого языка и должны шагнуть к внесубъективному и невоспринимаемому языку Начала, не имеющего продолжения. Даосские философы не стремятся ни доказывать, ни убеждать. Они лишь предлагают каждому испытать себя жизнью и найти самому, с чем ему легче и радостнее всего живется. И жить с этим. Ибо каждое дело повернется плодами его.

ЧЖУАН-ЦЗЫ

ВНУТРЕННИЙ РАЗДЕЛ

ГЛАВА I

БЕЗЗАБОТНОЕ СКИТАНИЕ

В Северном океане обитает рыба, зовут ее Кунь. Рыба эта так велика, что в длину достигает неведомо сколько ли. Она может обернуться птицей, и ту птицу зовут Пэн. А в длину птица Пэн достигает неведомо сколько тысяч ли. Поднатужившись, взмывает она ввысь, и ее огромные крылья застилают небосклон, словно грозовая туча. Раскачавшись на бурных волнах, птица летит в Южный океан, а Южный океан — это такой же водоем, сотворенный природой. В книге «Цисе»¹ рассказывается об удивительных вещах. Там сказано: «Когда птица Пэн летит в Южный океан, вода вокруг бурлит на три тысячи ли в глубину, а волны вздымаются ввысь на девяносто тысяч ли. Отдыхает же та птица один раз в шесть лун».

Пыль, взлетающая из-под копыт диких коней, — такова жизнь, наполняющая все твари земные. Голубизна неба — подлинный ли его цвет? Или так получается оттого, что небо недостижимо далеко от нас? А если оттуда посмотреть вниз, то, верно, мы увидим то же самое.

По мелководью большие корабли не пройдут. Если же вылить чашку воды в ямку на полу, то горчичное зернышко будет плавать там, словно корабль. А если поставить туда чашку, то окажется, что воды слишком мало, а корабль слишком велик. Если ветер слаб, то большие крылья он в полете не удержит. Птица Пэн может пролететь девяносто тысяч ли только потому, что ее крылья несет могучий вихрь. И она может долететь до Южного океана потому лишь, что взмывает в поднебесье, не ведая преград.

Цикада весело говорила горлице: «Я могу легко вспорхнуть на ветку вяза, а иной раз не долетаю до нее и снова падаю на землю. Мыслимое ли дело — лететь на юг целых

девяносто тысяч ли?!» Те, кто отправляются на прогулку за город, трижды устраивают привал, чтобы перекусить, и возвращаются домой сытыми. Те, кто уезжают на сто ли от дома, берут с собой еды, сколько могут унести. А кто отправляется за тысячу ли, берет еды на три месяца. Откуда же знать про это тем двум козявкам?

С маленьким знанием не уразуметь большое знание. Короткий век не сравнится с долгим веком. Ну, а мы-то сами как знаем про это? Мушки-однодневки не ведают про смену дня и ночи. Цикада, живущая одно лето, не знает, что такое смена времен года. Вот вам «короткий век». Далеко в южных горах растет дерево минлин. Для него пятьсот лет — все равно что одна весна, а другие пятьсот лет — все равно что одна осень. В глубокой древности росло на земле дерево чунь, и для него восемь тысяч лет были все равно что одна весна, а другие восемь тысяч лет были все равно что одна осень. Вот вам и «долгий век». А Пэнцзу по сию пору славится своим долголетием — ну не грустно ли?

Иньский царь Тан как раз об этом спрашивал у советника Цзи. Он спросил: «Есть ли предел у мироздания?»
— За беспредельным есть еще беспредельное.

Далеко на пустынном Севере есть океан, и этот океан — водоем, сотворенный природой. Обитает в нем рыба шириной в несколько тысяч ли, длины же она неведомо какой, и зовется она Кунь. Еще есть птица, и зовется она Пэн. Ее спина велика, как гора Тайшань, а ее крылья подобны туче, закрывшей небосклон. Раскачавшись на могучем вихре, она взмывает ввысь на девяносто тысяч ли и парит выше облаков в голубых небесах. Потом она летит на юг и опускается в Южный океан. А болотный воробышек смеялся над ней, говоря: «Куда только ее несет? Вот я подпрыгну на пару локтей и возвращаюсь на землю. Так я порхаю в кустах, а большего мне и не надо. И куда только несет эту птицу?» Такова разница между малым и великим.

Пожалуй, точно так же думают о себе исправный чиновник, управляющий волостью, или добрый государь, владеющий целым царством. А Сун Жун-цзы над такими смеялся. Да если бы целый свет его хвалил, он все равно бы не загордился. И если бы весь свет принял его бранить, он бы не счел себя опозоренным. Он понимал, что

такое различие между внутренним и внешним, он знал, где слава, а где позор. Вот какой он был человек! Нет, он не старался угодить мирским нравам. И все-таки даже он не утвердился в самом себе так же прочно, как стоит в земле дерево. Ле-цзы был великий мастер ездить верхом на шести ветрах², он проводил в странствиях десять и еще пять дней и совсем не думал о собственном благополучии. Но хотя он умел летать, он все же не мог обойтись без опоры. А вот если бы он мог оседлать истину Неба и Земли, править всеми переменами мироздания и странствовать в беспредельном, то не нуждался бы ни в какой опоре. Поэтому говорится: «Мудрый человек не имеет ничего своего. Божественный человек не имеет заслуг. Духовный человек не имеет имени».

Когда-то царь Яо³, уступая Поднебесный мир Сюй Ю, говорил: «Коль на небе светят солнце и луна, может ли огонь лучины сравниться с их сиянием? И не напрасный ли труд поливать всходы, когда идет дождь? Займите, уважаемый, мое место, и в Поднебесной воцарится покой. Я же, как сам вижу, в государи не гожусь, а потому прошу вас принять от меня во владение сей мир». Сюй Ю же ответил: «При вашем правлении Поднебесная процветает, для чего же мне менять вас на троне? Ради громкого имени? Но имя перед сутью вещей — все равно что гость перед хозяином. Так неужели мне следует занять место гостя? Птица, вьющая гнездо в лесу, довольствуется одной веткой. Полевая мышь, пришедшая на водопой к реке, выпьет воды ровно столько, сколько вместит ее брюхо. Ступайте, уважаемый, туда, откуда пришли. Поднебесный мир мне ни к чему! Даже если у повара на кухне нет порядка, хозяин дома и распорядитель жертвоприношений не встанут вместо него к кухонному столу».

Цзяньу сказал Лян Шу: «Мне доводилось слышать Цзе Юя. Его речи завораживают, но кажутся неразумными. Они увлекают в неведомые дали и заставляют забыть о знакомом и привычном. С изумлением внимал я этим речам, словно перед взором моим открывалась бесконечно убегающая вдаль река. Речи эти исполнены неизъяснимого величия. О, как далеки они от людских путей!»

— Что же это за речи? — спросил Лян Шу.

— Далеко-далеко, на горе Гуишань, — ответил Цзяньу, — живут божественные люди. Кожа их бела и чиста, как заледенелый снег, телом они нежны, как юные де-

вушки. Они не едят зерна, вдыхают ветер и пьют росу. Они ездят в облачных колесницах, запряженных драконами, и в странствиях своих уносятся за пределы четырех морей. Их дух покоен и холоден как лед, так что ничто живое не терпит урона, и земля родит в изобилии. Я счел эти речи безумными и не поверил им.

— Ну, конечно! — воскликнул Лян Шу. — Со слепым не будешь любоваться красками картин. С глухим не станешь наслаждаться звуками колоколов и барабанов. Но разве слепым и глухим бывает одно лишь тело? Сознание тоже может быть слепым и глухим. Это как раз относится к тебе. В мире все едино, люди же любят вносить в мир путаницу и раздор — как же не погрязнуть им в суете? А тем божественным людям ничто не может причинить вред. Даже если случится мировой потоп, они не утонут. И если нагрянет такая жара, что расплавятся железо и камни и высохнут леса на горных вершинах, им не будет жарко. Да для них сам великий Яо или Шунь — все равно что пыль или мякина. Неужели станут они заниматься ничтожными делишками этого мира?

Один человек из царства Сун поехал в Юэ торговать шапками, а в тех краях люди бредутся наголо, носят татуировку, а шапок им вовсе не нужно⁴.

Когда Яо был царем Поднебесной, во всех пределах земли царил порядок. А потом Яо встретился с четырьмя мудрыми мужами, побывал на далекой горе Гуишань на север от реки Фэньшуй и позабыл о том, что царствовал в Поднебесной.

Хуэй-цзы сказал Чжуан-цзы: «Правитель Вэй подарил мне семена большой тыквы. Я посадил их в землю, и у меня выросла тыква весом с пуд. Если налить в нее воду, она треснет под собственной тяжестью. А если разрубить ее и сделать из нее чан, то мне его даже поставить будет некуда. Выходит, тыква моя слишком велика и нет от нее никакого проку».

Чжуан-цзы сказал: «Да ты, я вижу, не знаешь, как обращаться с великим! Один человек из Сун знал секрет приготовления мази, от которой в холодной воде не трескаются руки. А знал он это потому, что в его семье из поколения в поколение занимались вымачиванием пряжи. Какой-то чужеземный купец прослышал про эту мазь и предложил тому человеку продать ее за сотню золотых. Сунец

собрал родню и так рассудил: «Вот уже много поколений подряд мы вымачиваем пряжу, а скопили всего-навсего несколько золотых, давайте продадим нашу мазь». Купец, получив мазь, преподнес ее правителю царства У. Тут как раз в земли У вторглись войска Юэ, и уский царь послал свою армию воевать с вражеской ратью. Дело было зимой, сражались воины на воде. И вышло так, что воины У наголову разбили юэцев, и уский царь в награду за мазь пожаловал тому купцу целый удел. Вот так благодаря одной и той же мази, смягчавшей кожу, один приобрел целый удел, а другой всю жизнь вымачивал пряжу. Получилось же так оттого, что эти люди по-разному использовали то, чем обладали».

Хуэй-цзы сказал Чжуан-цзы: «У меня во дворе есть большое дерево, люди зовут его Деревом Небес. Его ствол такой кривой, что к нему не приставишь отвес. Его ветви так извилисты, что к ним не приладишь угольник. Поставь его у дороги — и ни один плотник даже не взглянет на него. Так и слова твои: велики они, да нет от них проку, оттого люди не прислушиваются к ним».

Чжуан-цзы сказал: «Не доводилось ли тебе видеть, как выслеживает добычу дикая кошка? Она ползет, готовая каждый миг броситься направо и налево, вверх и вниз, но вдруг попадает в ловушку и гибнет в силках. А вот як: огромен, как заволокшая небо туча, но при своих размерах не может поймать даже мыши. Ты говоришь, что от твоего дерева пользы нет. Ну так посади его в Деревне, Которой нет нигде, водрузи его в Пустыне Беспредельного Простора и гуляй вокруг него, не думая о делах, отдыхай под ним, предаваясь приятным мечтаниям. Там не срубят его топор и ничто не причинит ему урона. Когда не находят пользы, откуда взяться заботам?»

ГЛАВА II

О ТОМ, КАК ВЕЩИ ДРУГ ДРУГА УРАВНИВАЮТ

Цзы-Ци из Наньго сидел, облокотившись на столик, и дышал, внимая небесам, словно и не помнил себя. Прислуживавший ему Яньчэн Янь почтительно стоял рядом.

— Что я вижу! — воскликнул Яньчэн Янь. — Как же такое может быть?

Тело — как высохшее дерево,
Сердце — как остывший пепел.
Ведь вы, сидящий ныне передо мной,
Не тот, кто сидел здесь прежде!

— Ты хорошо сказал, Янь! — ответил Цзы-Ци. — Ныне я похоронил себя. Понимаешь ли ты, что это такое? Ты, верно, слышал флейту человека, но не слышал еще флейты земли. И даже если ты внимал флейте земли, ты не слышал еще флейты Неба.

— Позволь спросить об этом, — сказал Яньчэн Янь. — Великий Ком¹ выдыхает воздух, зовущийся ветром. В какое пребывает он. Иной же раз он приходит в движение, и тогда вся тьма отверстий откликается ему. Разве не слышал ты его громоподобного пения? Вздвигающие гребни гор, дупла исполинских деревьев в сотню обхватов — как нос, рот и уши, как горлышко сосуда, как винная чаша, как ступка, как омут, как лужа. Наполнит их ветер — и они завоют, закричат, заплачут, застонут, залают. Могучие деревья завывают грозно: у-у-у! А молодые деревца стонут им вслед: а-а-а! При слабом ветре — гармония малая, при сильном ветре — гармония великая. Но стихнет вихрь, и все отверстия замолкают. Не так ли раскачиваются и шумят под ветром деревья?

— Значит, флейта земли — вся тьма земных отверстий. Флейта человека — полая бамбуковая трубка с дырочками. Но что же такое флейта Неба?

— Десять тысяч разных голосов! Кто же это такой, кто позволяет им быть такими, какие они есть, и петь так, как им поется? ²

Большое знание безмятежно-покойно.
Малое знание ищет, к чему приложить себя.
Великая речь неприметно тиха,
Малая речь гремит над ухом.
Когда мы спим, душа отправляется в странствие.
Пробудившись от сна, мы открываемся миру.
Всякая привязанность — обуза и путы,
И сознание вечно бьется в тенетах.
Одни в мыслях раскованны,

другие проникновенны,
третьи тщательны.

Малый страх делает нас осторожными.
Большой страх делает нас раскованными.
Мысли устремляются вперед,
как стрела, пущенная из лука:
так стараются люди определить,

где истина и где ложь.

Словно связанные торжественной клятвой:
так судят неуступчивые спорщики.

Увядает, словно сад поздней осенью:
такова судьба истины, за которую держатся упрямо.
Остановилось движение, словно закупорен исток:
так дряхлеет все живое.

И в час неминуемой смерти

Ничто не может снова вернуть нас
к жизни.

Веселье и гнев, печаль и радость, надежды и раскаяние, перемены и неизменность, благородные замыслы и низкие поступки — как музыка, исторгаемая из пустоты, как грибы, возникающие из испарений, как день и ночь, сменяющие друг друга перед нашим взором. И неведомо, откуда все это? Но да будет так! Не от него ли то, что и днем, и ночью с нами? Как будто бы есть подлинный господин, но нельзя различить его примет. Деяниям его нельзя не довериться, но невозможно узреть его образ!

Не будь «другого», не было бы и моего «я» ³, а не будь моего «я», не было бы необходимости делать выбор. Кажется, тут мы недалеко от истины, но все еще не знаем, откуда приходят наши мысли.

Сотня костей, девять отверстий и шесть внутренних органов ⁴ — все они присутствуют во мне, что же из них мне ближе всего? Нравятся ли они мне все одинаково, или какому-то органу я отдаю предпочтение? Управляет ли этот орган всеми прочими, как если бы они были его подданными? А может, органы нашего тела не могут друг дру-

гом управлять и сменяют друг друга в роли правителя и подданного? Или все-таки у них есть один подлинный государь? Но даже если мы опознаем этого государя, мы ничего не сможем ни прибавить к его подлинности, ни отнять от нее.

Однажды получив свое тело, мы обладаем им до самой смерти и не можем взять себе другое. Не зная покоя, мы плывем по бурным водам жизни, неудержимо стремясь, словно скачущий конь, к общему для всех концу. Как это печально! Мы изнемогаем всю жизнь в бесплодных усилиях, в трудах и заботах проводим дни и даже не ведаем, за что нам выпал такой удел. Как это горько! Для чего говорить о бессмертии, коли тело наше рано или поздно обратится в прах, а вместе с ним исчезнет и сознание? Вот поистине величайшая из людских печалей! Неужто жизнь человека и впрямь так неразумна? Или я один такой неразумный, а другие умнее меня? Если вы следуете за своими сложившимися взглядами, как за наставником, то кто среди людей не будет иметь наставника? Почему таким наставником может быть только тот, кто умеет делать выбор в соответствии со своими убеждениями? Ведь и невежда способен поступать так же. Рассуждать об истине и лжи, прежде чем появится ясное понимание их природы, — все равно что «отправиться в Юэ сегодня, а приехать туда вчера»⁵. Это значит объявлять существующим то, чего нет. А как несуществующее сделать существующим, не знал даже великий Юй. Я же и подавно знать о том не могу.

Речь — это не просто выдыхание воздуха. Говорящему есть что сказать, однако то, что говорит он, крайне неопределенно. Говорим ли мы что-нибудь? Или мы на самом деле ничего не говорим? Считают, что человеческая речь отлична от щебета птенца. Есть ли тут отличие? Или отличия нет? Отчего так затемнен Путь, что существует истинное и ложное? Почему так невнятна речь, что существует правда и обман? Куда бы мы ни направлялись, как можем мы быть без Пути? Как можем мы утверждать существование чего-то такого, чего не может быть? Путь затемняется человеческими пристрастиями, речь становится невнятной из-за цветистости. И вот уже возникает «правильное» и «неправильное», о которых толкуют последователи Конфуция и Мо Ди, и то, что одни объявляют правдой, другие начисто отрицают. Но вместо того чтобы принимать то, что они отрицают, и отрицать то, что они провозглашают, лучше прийти к прозрению.

Каждая вещь в мире есть «то», и каждая вещь в мире есть «это». Каждый знает то, что доступно ему, и не видит того, что доступно другому. Вот почему говорится: «То рождается из этого, а это сообразуется с тем». Оттого ли утверждают, что «то» и «это» возникают одновременно? Следовательно, «в рождении мы умираем»⁶, возможное невозможно, а невозможное возможно, говоря «да», мы говорим «нет», а говоря «нет», говорим «да». Посему мудрец не делает этих различий, но смотрит на все в свете Небес и лишь следует этому⁷

Всякое «это» есть также «то», а всякое «то» есть также «это». Там говорят «так» и «не так», имея свою точку зрения, и здесь говорят «так» и «не так», тоже имея свою точку зрения. Но существует ли в действительности «это» и «то», или такого различия вовсе не существует? Там, где «это» и «то» еще не противостоят друг другу, находится Ось Пути. Постигнув эту ось в центре мирового круговорота, обретаем способность бесконечных превращений: и наши «да», и наши «нет» неисчерпаемы. Вот почему сказано: нет ничего лучше, чем прийти к прозрению.

Вместо того чтобы доказывать, что палец не является пальцем, лучше сразу сказать, что непалец не является пальцем. Вместо того чтобы доказывать, что «лошадь не является лошадью», лучше сразу сказать, что нелошадь не является лошадью. Небо и Земля — один палец, вся тьма вещей — одна лошадь⁸.

Возможным называют то, что кажется возможным, а невозможным — то, что кажется невозможным. Дорога появляется, когда ее протопчут люди. Вещи становятся такими, какие они есть, когда им дают названия. Каковы же они? Они такие, какие есть. Почему они не таковы? Они не таковы потому, что такими не являются. Каждой вещи изначально свойственно особое качество, и каждая вещь изначально имеет свои возможности. Нет вещи, которая была бы лишена присущих ей качеств и возможностей. Посему, если кто-то произвольно противопоставляет прокаженного красавице Сиши, былинку — столбу, а благородство — подлости, то пусть собирает все это воедино. Их разделение — это их созидание, их созидание — это их разрушение. Но все вещи — рождающиеся и погибающие — друг друга проникают и сходятся воедино. Только человек, постигший правду до конца, знает, что все приходит к одному. Он не прибегает к частным суждениям, но оставляет все сущее на обычном месте⁹. Обычное определяется полезным, полезное — проникновением в суть

вещей, а проникновение — доступным. Как только мы приходим к доступному, нам уже нет нужды идти далеко. Тут наши утверждения исчерпывают себя. Остановиться на этом и не знать, почему так происходит, — вот это и значит пребывать в Пути.

Пытаться уразуметь Единое и не знать, что все едино, называется «три поутру». Что такое «три поутру»? Жил был один человек, содержащий в доме обезьян, и вот этот человек как-то сказал своим обезьянам: «Утром дам вам три меры желудей, а вечером — четыре». Обезьяны рассердились. Тогда он сказал: «Ладно, я дам вам утром четыре меры, а вечером — три». И все обезьяны обрадовались. Вот так этот человек по поведению обезьян узнал, как нужно действовать, не поступаясь ни формой, ни существом дела. Он тоже, что называется, «следовал тому, что есть». Посему мудрый приводит к согласию утверждение и отрицание и пребывает в центре Небесного Круга. Это называется «идти двумя путями сразу»¹⁰.

Люди древности в своих знаниях достигли предела. Чего же они достигли? Они знали, что изначально вещи не существуют, — вот предел, вот вся бездна смысла, и добавить к этому нечего. Те, кто шли за ними, считали, что вещи существуют, но нет границ между вещами. Те, кто шли потом, считали, что границы между вещами существуют, но никакая вещь не может быть «этим» или «тем». Противопоставление «этого» и «того» — вот причина затемнения Пути. А когда Пути нанесен ущерб, возникает любовная привязанность. Действительно ли в мире Путь понес ущерб и возникла любовная привязанность, или ничего этого не было? Когда Чжао Вэнь играл на своей лютне — вот это было нанесение ущерба Пути и возникновение любовной привязанности. А когда лютня Чжао Вэня молчала, Путь не терпел ущерба, и не появлялось любовной привязанности¹¹. Чжао Вэнь, играющий на лютне, мастер Куан, отбивающий такт посохом, и Хуэй-цзы, опирающийся на столик, — какими познаниями обладали эти трое? Знание каждого из них было совершенным, а потому предания о них дошли и до наших дней. Но каждый из них в своих пристрастиях отличался от других и притом старался разъяснить лишь то, к чему сам питал пристрастие, а потому умалчивал о других точках зрения. Вот почему они кончили никчемными спорами о «твердости» и «белизне», а сын Чжао Вэня остался всего лишь обладателем лютни отца, так и не сумев достичь высот в музыке. Если о таких людях можно сказать, что они добились успеха, то

в таком случае и я небезуспешно прожил свою жизнь. А может, следует сказать, что эти люди не добились успеха? В таком случае ни я, ни кто-нибудь другой не изведаль в жизни успеха. Вот почему истинно мудрый презирает блеск изощренных речей. Он не придумывает истины, а оставляет все вещи на их обычном месте. Вот это и называется «осветить вещи светочем разума». Предположим, я высказываю суждение о чем-то и не знаю, следует ли его определять как «истинное» или как «неистинное». Но каким бы оно ни было, если мы объединим «истинное» и «неистинное» в одну категорию, то исчезнет всякое отличие от иного суждения. Воспользуюсь одним примером. Положим, есть «начало» и есть «то, что еще не начало быть началом». Тогда есть «то, что еще не начало быть тем, что еще не начало быть началом». Положим, есть «бытие» и есть «небытие». Тогда есть «то, что еще не есть бытие» и есть «то, что еще не есть то, что еще не есть бытие». Внезапно мы приходим к «небытию» и не знаем, что же на самом деле существует: «бытие» или «небытие»? А что до меня, то я, несомненно, что-то сказал, но так и не знаю, сказал ли я в конце концов что-нибудь, или же я на самом деле ничего не сказал? ¹²

В целом мире нет ничего больше кончика осенней паутинки, а великая гора Тайшань мала. Никто не прожил больше умершего младенца, а Пэнцзу умер в юном возрасте. Небо и Земля живут вместе со мной, вся тьма вещей составляет со мной одно.

Коль скоро мы составляем одно — что еще тут можно сказать? Но уж коли мы заговорили об одном, то можно ли обойтись без слов? Единое и слова о нем составляют два, а два и одно составляют три. Начиная отсюда, даже искуснейший математик не доберется до конца чисел, что уж говорить об обыкновенном человеке! Даже идя от несуществующего к существующему, мы должны считать до трех. Что уж говорить, когда мы пойдем от существующего к существующему! Но не будем делать этого. Будем следовать данному, и не более того ¹³.

Путь изначально не имеет пределов, слова изначально не имеют установленного смысла. Только когда мы держимся за свои придуманные истины, появляются разграничения. Попробую сказать об этих разграничениях: существует левое и существует правое, существуют приличия и существует долг, существует определение и существует толкование, существует спор и борьба. Все это называют восьмью достоинствами. То, что пребывает за пределами

мироздания, мудрый принимает, а о том не ведет речей. О том, что пребывает в пределах мироздания, мудрый говорит, но не выносит суждений. Касательно деяний прежних царей, о которых поминают в летописи, мудрый выносит суждения, но не ищет им объяснений.

Воистину, в каждом определении есть нечто неопределимое, в каждом доказательстве есть нечто недоказуемое. Почему это так? Мудрый хранит правду в себе, а обыкновенные люди ведут споры, чтобы похвастаться своими знаниями. Вот почему говорится: «В споре есть нечто не замечаемое спорщиками».

Великий Путь не называем.
Великое доказательство бессловесно.
Великая человечность нечеловечна.
Великая честность не блюдет приличий.
Великая храбрость не горит отвагой.

Путь, проявивший себя, перестает быть Путем. Речь, ставшая словом, не выражает правды. Человечность, которая всегда добра, не свершит добро. Показная честность не внушает доверия. Храбрость, не знающая удержу, не приносит победы. Все эти пять вещей закруглены и обтекаемы, как шар, но могут вдруг обрести острые углы.

Знать, как остановиться на неизвестном, — это есть совершенство. Кто же знает бессловесное доказательство и неизъяснимый Путь? Вот что такое, если кто-нибудь способен это знать, Небесная Кладовая. Добавляй в нее — и она не переполнится. Черпай из нее — и она не оскудеет, и неведомо, почему это так. Сие зовется потаенным светом¹⁴.

Беззубый спросил у Ван Ни: «Знаете ли вы, в чем вещи подобны друг другу?»

— Как я могу это знать? — ответил Ван Ни.

— Знаете ли вы то, что вы не знаете?

— Как я могу это знать?

— Стало быть, никто ничего не знает?

— Как я могу это знать? Однако же попробую объяснить: откуда вы знаете, что то, что я называю знанием, не является незнанием? И откуда вы знаете, что то, что я называю незнанием, не является на самом деле знанием? Позвольте теперь спросить: если человек переночует на сырой земле, у него заболит поясница и отнимется полтела. А вот случится ли такое с лосем? Если человек поселится на дереве, он будет дрожать от страха, а вот так ли будет чувствовать себя обезьяна? Кто же из этих троих знает, где

лучше жить? Люди едят мясо домашних животных, олени едят траву, сороконожки лакомятся червячками, а совы охотятся за мышами. Кому из этих четырех ведом истинный вкус пищи? Обезьяны брачуются с обезьянами, олени дружат с лосями, угри играют с рыбками. Маоцзян и Сиши слыли первыми красавицами среди людей, но рыбы, завидев их, тотчас уплыли бы в глубину, а птицы, завидев их, взметнулись бы в небеса. И если бы их увидели олени, они бы с испугу убежали в лес. Кто же среди них знает, что такое истинная красота? По моему разумению, правила доброго поведения, суждения об истине и лжи запутанны и невняты. Мне в них не разобраться!

Беззубый спросил: «Если вы не можете отличить пользу от вреда, то уж совершенный человек, несомненно, знает это различие, правда?»

Ван Ни ответил: «Совершенный человек живет духовным! Даже если загорятся великие болота, он не почувствует жары. Даже если замерзнут великие реки, ему не будет холодно. Даже если молнии расколуют великие горы, а ураганы поднимут на море волны до самого неба, он не поддастся страху. Такой человек странствует с облаками и туманами, ездит верхом на солнце и луне и уносится в своих скитаниях за пределы четырех морей. Ни жизнь, ни смерть ничего в нем не меняют, тем паче мысли о пользе и вреде!»

Цюйцяо-цзы спросил у Чанъу-цзы: «Я слышал от Конфуция, что мудрый не обременяет себя мирскими делами, не ищет выгоды, не старается избегнуть лишений, ни к чему не стремится и даже не держится за Путь. Порой он молчит — и все выскажет, порой говорит — и ничего не скажет. Так он странствует душой за пределами мира пыли и грязи. Конфуций считал, что это все сумасбродные речи, а я думаю, что так ведут себя те, кто постигли сокровенный Путь. А что вы думаете?»

Чанъу-цзы ответил: «Эти речи смутили бы даже Желтого Владыку, разве мог уразуметь их Конфуций? К тому же ты слишком скор в суждениях. Видишь яйцо — и уже хочешь слышать петушиный крик, видишь лук — и хочешь, чтобы тебе подали жаркое из дичи. Я расскажу тебе, как придется, а ты уж, как придется, послушай, хорошо?»

Может ли кто-нибудь встать рядом с солнцем и луной, заключить в свои объятия вселенную, жить заодно со всем сущим, принимать все, что случается в мире, и не видеть различия между людьми низкими и возвышенными? Обык-

новенные люди трудятся не покладая рук. Мудрый действует не умствуя, и для него десять тысяч лет — как одно мгновение. Для него все вещи в мире существуют сами по себе и друг друга в себя вмещают. Откуда мне знать, что привязанность к жизни не есть обман? Могу ли я быть уверенным в том, что человек, страшась смерти, не похож на того, кто покинул свой дом и боится вернуться? Красавица Ли была дочерью пограничного стражника во владении Ай. Когда правитель Цзинь забрал ее к себе, она рыдала так, что рукава ее платья стали мокрыми от слез. Но когда она поселилась во дворце правителя, поделила с ним ложе и вкусила дорогие яства, она пожалела о том, что плакала. Так откуда мне знать, не раскаивается ли мертвый в том, что прежде молил о продлении жизни? Кто во сне пьет вино, проснувшись, льет слезы. Кто во сне льет слезы, проснувшись, отправляется на охоту. Когда нам что-нибудь снится, мы не знаем, что видим сон. Во сне мы можем даже гадать по своему сну и, лишь проснувшись, знаем, что то был сон. Но есть еще великое пробуждение, после которого узнаешь, что есть великий сон. А глупцы думают, что они бодрствуют и доподлинно знают, кто в мире царь, а кто пастух. До чего же они тупы! И вы, и Конфуций — это только сон, и то, что я называю вас сном, тоже сон. Речи эти кажутся загадочными, но, если после многих тысяч поколений в мире появится великий мудрец, понимающий их смысл, вся вечность времен покажется одним быстротечным днем!»

Положим, мы затеяли с тобой спор, и ты победил меня, а я не смог переспорить тебя, значит ли это, что ты и в самом деле прав, а я на самом деле не прав? А если я победил тебя, а ты не смог переспорить меня, значит ли это, что прав именно я, а ты не прав? Обязательно ли кто-то из нас должен быть прав, а кто-то не прав? Или мы можем быть оба правы и оба не правы? И если мы сами не можем решить, кто из нас прав, а кто нет, то другие люди тем более не сделают этого за нас. Кто же рассудит нас? Если придет кто-нибудь, кто согласится с тобой, то как ему рассудить нас? А если кто-то третий будет согласен со мной, то и ему не удастся нас рассудить. Если же, наконец, позвать того, кто не согласен ни со мной, ни с тобой, то такой человек тем более не поможет нам установить истину. А если позвать того, кто согласится со мной и с тобой, то мы опять-таки не доберемся до истины. Выходит, ни я, ни ты, ни кто-либо другой не можем установить общую для всех истину. На кого же нам надеяться?

Противоречивые суждения о вещах друг друга поддерживают, а если они перестают поддерживать друг друга, следует привести их к равновесию на весах Небес¹⁵. Будем же следовать вольному потоку жизни и исчерпаем до конца свой земной срок! Но что значит «привести к равновесию на весах Небес»? Ответу: «истинное» есть также «неистинное», «правильное» — это также «неправильное». Если истина и в самом деле является истиной, то она отличается от неистинного, и тут не о чем спорить. Если правильное и в самом деле является правильным, то оно отличается от неправильного, и тут тоже не о чем спорить. Забудем о наших летах, забудем о наших обязанностях, достигнем беспредельного и будем пребывать в нем без конца.

Полутень спросила у Тени: «Раньше ты двигалась, теперь ты стоишь на месте, раньше ты сидела, теперь стоишь. Почему ты так непостоянна в своих поступках?»

Тень ответила: «А не потому ли я такая, что я от чего-то завишу? А может, то, от чего я завишу, тоже от чего-то зависит? Может быть, я завишу от чешуйки на хребте змеи или от крылышек цикады? Откуда я могу знать, почему я такая или другая?»

Однажды я, Чжуан Чжоу, увидел себя во сне бабочкой — счастливой бабочкой, которая порхала среди цветков в свое удовольствие и вовсе не знала, что она — Чжуан Чжоу. Внезапно я проснулся и увидел, что я — Чжуан Чжоу. И я не знал, то ли я Чжуан Чжоу, которому приснилось, что он — бабочка, то ли бабочка, которой приснилось, что она — Чжуан Чжоу. А ведь между Чжуан Чжоу и бабочкой, несомненно, есть различие. Вот что такое превращение вещей!

ГЛАВА III

ГЛАВНОЕ ВО ВСКАРМЛИВАНИИ ЖИЗНИ

Наша жизнь имеет предел, а знанию предела нет. Имея предел, гнаться за беспредельным губительно. А пытаться употребить в таких обстоятельствах знание — верная гибель.

Делая добро, избегай славы; делая зло, избегай наказания. Идя срединным путем, можно себя уберечь, благополучно прожить свои годы, вскормить родных людей, исчерпать свой земной срок.

Повар Дин разделявал бычьи туши для царя Вэнь-хой. Взмахнет рукой, навалится плечом, подопрет коленом, притопнет ногой, и вот: вжик! бах! Сверкающий нож словно пляшет в воздухе — то в такт мелодии «Тутовая роща», то в ритме песен Цзиншоу¹.

— Прекрасно! — воскликнул царь Вэнь-хой. — Сколь высоко твое искусство, повар!

Отложив нож, повар Дин сказал в ответ: «Ваш слуга любит Путь, а он выше обыкновенного мастерства. Поначалу, когда я занялся разделкой туш, я видел перед собой только туши быков, но минуло три года — и я уже не видел их перед собой! Теперь я не смотрю глазами, а полагаюсь на осознание духа, я перестал воспринимать органами чувств и даю претвориться во мне духовному желанию. Вверяясь Небесному порядку, я веду нож через главные сочленения, непроизвольно проникаю во внутренние пустоты, следуя лишь непреложному, и потому никогда не наталкиваюсь на мышцы или сухожилия, не говоря уже о костях. Хороший повар меняет свой нож раз в год — потому что он режет. Обыкновенный повар меняет свой нож раз в месяц — потому что он рубит. А я пользуюсь своим ножом уже девятнадцать лет, разделал им несколько тысяч туш, а нож все еще выглядит таким, словно он только что сошел с точильного камня. Ведь в сочленениях

туши всегда есть промежуток, а лезвие моего ножа не имеет толщины. Когда же не имеющее толщины вводишь в пустоту, ножу всегда найдется предостаточно места, где погулять. Вот почему даже спустя девятнадцать лет мой нож выглядит так, словно он только что сошел с точильного камня. Однако же всякий раз, когда я подхожу к трудному месту, я вижу, где мне придется нелегко, и собираю воедино мое внимание. Я пристально вглядываюсь в это место, двигаюсь медленно и плавно, веду нож старательно, и вдруг туша распадается, словно ком земли рушится на землю. Тогда я поднимаю вверх руку, с довольным видом оглядываюсь по сторонам, а потом вытираю нож и кладу его на место».

— Превосходно! — воскликнул царь Вэнь-хой. — Послушав повара Дина, я понял, как нужно вскармливать жизнь.

Когда Гунвэнь Сюань повстречал Полководца правой руки, он спросил в изумлении: «Что это за человек? Почему одноногий? ² Это от Неба или от человека?»

— От Неба, а не от человека. От Неба дается нам то, что отличает нас от других. Человеческий облик для всех одинаков. Вот почему мы знаем, что это идет от Неба, а не от человека.

Фазану, живущему в камышах, нужно пройти десяток шагов, чтобы склюнуть зернышко, и сотню шагов, чтобы выпить глоток воды, но он не хочет жить в клетке, где ему будет вдоволь еды и питья. Одухотворенный человек не соблазнится даже царским чином.

Когда умер Лао Дань, Цинь И пришел в его дом, чтобы выразить соболезнования, трижды громко возопил и вышел вон. Ученик спросил его: «Разве покойный был вашим другом?»

— Да, был, — ответил Цинь И.

— Тогда прилично ли вот так выражать свою скорбь о нем?

— Конечно! Поначалу я думал, что покойный был просто человеком, но теперь знаю, что ошибался. Я пришел выразить соболезнования, и что же? Вокруг старики, плачущие так, словно они скорбят о своих детях, и юноши, рыдающие, точно они потеряли матерей. Сойдясь вместе, они говорят, когда не нужно слов, и плачут, когда не нужно слез. Поистине они отворачиваются от Небесного закона и забывают о том, что им врождено. Древние называли это

«бегством от кары Небес». Когда настал срок, учитель пришел. Срок истек — и учитель покорился. Когда живешь, повинуюсь велениям времени, печаль и радость не завладевают тобой. Древние называли это «царственным освобождением».

Сколько бы хвороста ни принести руками человеческими, он все равно прогорит. Но огонь перекидывается дальше, и никто не знает, где ему конец.

ГЛАВА IV
СРЕДИ ЛЮДЕЙ

Янь Хой пришел к Конфуцию и попросил разрешения уехать.

— Куда же ты направляешься? — спросил Конфуций.

— Я еду в царство Вэй, — ответил Янь Хой.

— А что ты будешь там делать?

— Я слышал, что правитель Вэй молод летами и безрассуден в поступках. Он не заботится о благе государства и не замечает своих промахов. Столь низко ценит он человеческую жизнь, что в его владениях громоздятся горы трупов, а люди доведены до отчаяния. Я помню, учитель, ваши слова: «Не беспокойтесь о тех царствах, где есть порядок. Идите туда, где порядка нет. У ворот дома, где живет доктор, много больных». Я хочу как-нибудь применить на деле то, чему вы меня учили, и навести порядок в том несчастном царстве.

— Ах, вот как! — отозвался Конфуций. — Боюсь, ты спешишь навстречу собственной гибели. Великий Путь не терпит смятения, ибо, когда умы наши охвачены смятением, истина дробится, а когда истина раздроблена, люди охвачены тревогой, если же ты не можешь одолеть тревогу в своей душе, ты никогда не станешь свободным. Совершенные люди древности учили других лишь тому, в чем сами находили прочную опору.

И пока ты сам не нашел такую опору в себе, как можешь ты братья за воспитание надменного владыки? Да и понимаешь ли ты, что источник нашей власти над людьми есть также подлинный исток нашего знания? Власть над людьми находит выражение в славе, знание же рождается из соперничества. «Приобрести имя» — значит победить в борьбе, и знание есть орудие этой борьбы. И то и другое — вредоносные орудия, никак не способствующие нашему совершенствованию. Еще нужно сказать тебе, что обладать выдающимися способностями, безупречной честностью, но

не видеть, что таится в душе другого, не стремиться к славе, не понимать человеческого сердца и проповедовать добро, справедливость и благородные деяния перед жестокосердным государем — значит показать свою красоту, обнажая уродство другого. Поистине такого человека следовало бы назвать «ходячим несчастьем». А тому, кто доставляет неудовольствие другим, люди конечно же тоже будут стараться навредить. Боюсь, не избежать тебе гонений света! И еще: если уж правитель Вэй так любит умных и достойных мужей и ненавидит людей ничтожных, то какой смысл тебе доказывать, что ты человек незаурядный? Уж лучше тебе не вступать в спор с державным владыкой, ведь государь наверняка станет придираться к твоим недостаткам и расписывать собственные достоинства.

Твой взор он помутит.
Твою гордость он смирит.
Твои уста он замкнет.
Твою гордость уьет.
И даст тебе другое сердце.

Тогда придется тебе «огнем тушить огонь, водой заливать воду». Вот что называется «и было плохо, а стало хуже некуда!». Если ты уступишь ему с самого начала, будешь угождать ему потом до конца своих дней. А тогда он едва ли будет прислушиваться к твоим восторженным речам, и, значит, рано или поздно не миновать тебе плахи.

Еще хочу тебе сказать вот что. В старину царь Цзе казнил Гуань Лунфэна, а царь Чжоу казнил Биганя. Оба казненных были людьми безупречного поведения, пекшимися о благе народа. А вышло так, что из-за их добронравного поведения их повелители решили избавиться от них. И кроме того, это были люди, мечтавшие о славе. Когда-то Яо пошел войной на владения Цзун, Чжи и Сюао, а Юй напал на удел Юху, и эти царства были обращены в пустыню, их правители сложили головы на плахе. Не было конца грабежам и казням, нет предела и жажде побед. А все потому, что люди эти искали славы. Не говори мне, что ты никогда не слышал о них! Даже мудрейший может соблазниться славой, что же говорить о таких, как ты? Однако же, думаю, тебе есть что сказать в ответ — так говори же!

Янь Хой сказал: «Хорошо ли быть внимательным и всеобъемным в устремлениях, прилежным и целеустремленным?»

Конфуций отвечал: «О нет, это никуда не годится! Правитель Вэй не умеет сдерживать свои страсти, и в душе

у него нет равновесия. Обыкновенные люди, конечно, не смеют уклониться от встречи с ним и стараются спрятать свое беспокойство и страх под покровом спокойствия. В них не родится даже то, что называют «благотворным влиянием, растущим день ото дня», — что же говорить о великой силе?! А он будет стоять на своем и не захочет меняться. По видимости он может соглашаться с тобой, но в душе он с тобой не будет считаться. Что же тут хорошего?»

— Коли так, — сказал Янь Хой, — я буду прям внутри и податлив снаружи, я буду верен своим убеждениям, но уступать царской воле. Как человек «прямой внутри», я буду послушником Неба. Тот, кто становится послушником Неба, знает, что и Сын Неба, и он сам — дети Неба и что он один умеет говорить от себя как бы без умысла — так, что иной раз людям его речи нравятся, а иной раз не нравятся. В мире к таким людям относятся как к детям. Вот что я называю «быть послушником Неба». Тот же, кто «податлив снаружи», будет послушником человека. Держать в руках ритуальную табличку, падать на колени и prostираться ниц — так ведет себя подданный. Все люди так поступают, отчего и мне не поступать так же? Делая то, что и другие делают, я никому не дам повода быть недружелюбным ко мне. Вот что я называю «быть послушником человека». Будучи верным своим убеждениям и послушным царской воле, я буду послушником древних. Правдивые слова, будь то распоряжения или назидания, восходят к древним, и сам я за них не в ответе. В таком случае я могу быть прям, не рискуя собой. Вот что я называю «быть послушником древних». Годится ли такое поведение?

— Никуда не годится! — отвечал Конфуций. — Планы хитроумные, да осуществить их трудно. Будь проще, и тогда, даже не выделяясь большим умом, ты избежишь беды. Однако же на этом следует остановиться. Своего повелителя тебе все равно не переделать. Ты со своими планами слишком полагаешься на свой ум.

— Мне больше нечего сказать, — промолвил Янь Хой. — Прошу вас, учитель, дать мне совет.

— Постись, и я скажу тебе, — отвечал Конфуций. — Действовать по собственному разумению — не слишком ли это легко? А тот, кто предпочитает легкие пути, не зреет Небесного сияния.

— Я из бедной семьи и вот уже несколько месяцев не пил вина и не ел мяса. Можно ли считать, что я постился?

— Так постятся перед торжественным жертвоприношением, я же говорю о посте сердца.

— Осмелюсь спросить, что такое пост сердца?

— Сделай единой свою волю: не слушай ушами, а слушай сердцем, не слушай сердцем, а слушай духовными токами¹. В слухе остановись на том, что слышишь, в сознании остановись на том, о чем думается. Пусть жизненный дух в тебе пребудет пуст и будет произвольно откликаться внешним вещам. Путь сходится в пустоте. Пустота и есть пост сердца.

— Пока я, Хой, еще не постиг своего истинного бытия, я и в самом деле буду Хоем, — сказал Янь Хой. — Когда же я постигну свое истинное бытие, я еще не буду Хоем. Вот это и значит «сделать себя пустым»?

— Именно так! — отвечал Конфуций. — Вот что я тебе скажу: войди в его ограду² и гуляй в ней свободно, но не забивай себе голову мыслями о славе. Когда тебя слушают, пой свою песню, когда тебя не слушают, умолкни. Для тебя не должно быть внутренних покоев и простора вовне. Остановись на неизбежном и в этом обрети свой единый дом. Тогда ты будешь близок к правде. Легко ходить, не оставляя следов. Трудно ходить, не касаясь земли. Деяниям людей легко подражать, свершениям Неба подражать трудно. Ты знаешь, что такое летать с помощью крыльев. Ты еще не знаешь, что такое летать без крыльев. Ты знаешь, что такое знанием добывать знание, но еще не знаешь, что значит благодаря незнанию обретать знание. Вглядишься же в тот сокровенный чертог: из пустой залы исходит ослепительный свет. Удачу приносит прекращение прекращения. Пока же ты не придешь к этому концу, ты будешь мчаться галопом, даже восседая неподвижно. Если твои уши и глаза будут внимать внутреннему и ты отрешись от умствования, то к тебе стекнутся божества и духи, не говоря уже о людях! Вот что такое превращение всей тьмы вещей. Юй и Шунь здесь обретали тот узел, в котором сходятся все нити. На этом Фуси и Цзи Цзюй здесь прекратили свои странствия, ну а простым людям и по давню нужно остановиться!

Правитель удела Шэ Цзыгао, собираясь отправиться в царство Ци, спросил у Конфуция: «Поручение, которое дал мне мой повелитель, чрезвычайно ответственное, а в царстве Ци послов принимают с почетом, но только очень уж медлят с ответом. Даже простолюдина поторапливать — труд неблагодарный, что же говорить о владыке удела!

Я очень этим обеспокоен. Вы как-то сказали мне: «Мало сыщется в этой жизни дел, больших и малых, которые не побуждали бы нас добиваться успеха. Если мы не добьемся успеха, нас накажут люди, а если добьемся, нас накажут стихии. Только человек, исполненный силы, способен избежать неблагоприятных последствий и в том случае, когда он добивается успеха, и в том случае, когда не добивается». Что касается меня, то я питаюсь простой пищей и на кухне в моем доме нет недовольных. Но нынче я, получив приказания утром, пью ледяную воду вечером, и вот у меня уже поднялся жар. Еще не приступив к делам, я уже страдаю от «наказания стихий», а если мое предприятие завершится неудачей, мне не избежать «наказания людей», и это еще хуже. Я, кажется, не в состоянии выполнять свои обязанности подданного, молю вас дать мне совет».

Конфуций ответил: «В мире для каждого из нас есть два великих правила: одно из них — судьба, другое — долг. Любовь детей к родителям — это судьба, ее невозможно вырвать из сердца. Служение подданного правителю — это долг, и, что бы ни случилось с подданным, он не может без государя. Правила, которые невозможно обойти в этом мире, я называю великими. Вот почему в служении родителям извечная вершина сыновней любви — покойно жить с отцом-матерью. В служении государю вершина преданности — хладнокровно выполнять поручения. А в служении собственному сердцу вершина добродетели — покойно принимать судьбу, не давая волю огорчениям и радостям и зная, что иного пути нет. В нашем служении как сына или подданного есть нечто такое, чего нельзя избежать. Если делать лишь то, что требуют обстоятельства, забывая о себе, то разве станете вы себя убеждать, что вам лучше сохранить свою жизнь, чем умереть? Вот как вы должны поступать.

Позвольте мне напомнить вам кое-что из слышанного мною. В общении с ближними мы должны доверять им и сами внушать доверие. В общении же с дальними мы должны убеждать в своей преданности при помощи слов и кто-то должен эти слова передавать. А на свете нет ничего труднее, чем передавать речи сторон, которые друг другом довольны или, наоборот, недовольны. В первом случае непременно будет слишком много восторгов, а во втором — слишком много упреков. Но всякое преувеличение есть пустословие, а пустословие не породит доверия. Если же нет доверия, то и человек, доносящий эти речи до государя,

вовек не добьется успеха. А потому существует правило, гласящее: «Если ты сообщаешь только то, что есть в действительности, и не говоришь ничего лишнего, тогда ты едва ли подвергнешь себя опасности». И заметь еще: те, кто состязаются в каком-нибудь искусстве, сначала стараются как можно лучше показать себя, потом становятся скрытными, в самый разгар состязания пускаются на разные хитрости. Участники торжественного пира поначалу держатся очень церемонно, потом забывают о приличиях, а в разгар пиршества веселятся без удержу. То же самое случается во всех делах: начинают сдержанно, а заканчивают развязно. И то, что поначалу кажется нам делом простым, под конец уже неподвластно нам. Речи наши — как ветер и волны. Дела наши их подтверждают или опровергают. Ветру и волнам легко прийти в движение. И так же легко поступки наши могут навлечь на нас беду. Следовательно, гнев, угрожающий нам, порождается не иначе как лукавыми речами и пристрастными суждениями. Когда зверь чует свою смерть, он иступленно кричит, напрягая все свои силы, так что крик его проникает прямо в сердце охотника и наполняет его неистовой страстью. Если чересчур настаивать на своей правоте, собеседник обязательно будет спорить с вами и даже сам не будет знать почему. Если он не понимает даже того, что побудило его поступить так, то как он может знать, чем закончится беседа? Вот почему существует правило, гласящее: «Не пренебрегай указаниями, не домогайся успеха, во всем блюди меру». Пренебрегать указаниями и домогаться успеха — значит подвергать себя опасности. Блестящий успех требует времени, а дело, закончившееся плачевно, уже невозможно поправить. Так можете ли вы позволить себе быть неосмотрительными? И последнее: привольно странствовать сердцем, пользуясь вещами как колесницей, и возвращать в себе Срединное, доверяясь неизбежному, — вот предел нашего совершенства. Как же можно ожидать вознаграждения за совершенное нами? В жизни нет ничего важнее, чем исполнить то, что предназначено вам. И ничего более трудного».

Когда Янь Хэ назначили воспитателем наследника престола при дворе вэйского царя Лин-гуна, он спросил у Цюй Боюя: «Представим себе, что рядом с нами живет человек, которого Небо наделило страстью к убийству. Если я в его присутствии буду вести себя несдержанно, я подвергну опасности мое царство, а если я буду сдержан,

то подвергну опасности самого себя. Ума у него хватает лишь на то, чтобы знать промахи других, но он не догадывается о настоящих причинах этих промахов. Как мне быть с таким человеком?»

Цюй Боюй ответил: «Как хорошо ты спросил! Будь всегда осторожен, будь внимателен! Будь безупречен в своем поведении. В поступках наших главное — быть своевременным, в чувствах наших главное — пребывать в согласии. Правда, и то и другое создает свои трудности. Когда ты действуешь своевременно, ты все же не хочешь оказаться втянутым в мирские дела, а когда ты пребываешь в согласии, ты не хочешь, чтобы мир в твоём сердце выскользнул наружу. Если ты окажешься втянутым в мирские дела, тебя захлестнут раздоры и губительные страсти. Если ты позволишь душевной гармонии выскользнуть наружу, она обернется пошлой славой и лукавством. Если он хочет поиграть с ребенком, играй вместе с ним. Если он хочет скакать по полям, скачи вместе с ним. Если он хочет плавать по глади вод, плыви вместе с ним. Постигай досконально его нрав и следуй в нем тому, что не несет в себе порчи. Разве не приходилось тебе видеть богомола? Яростно стучит он лапками перед приближающейся повозкой, не ведая о том, что не выдержать ему тяжести колес. А все потому, что у него слишком благородный характер. Будь же осторожен, будь внимателен! Если ты обнажишь перед ним те свои качества, которыми любой мог бы гордиться, ты не выдержишься долго. Разве не знаешь ты, как поступают люди, укрощающие тигров? Они не дают тиграм живых животных, ибо тигры рассвирепеют, убивая их. Не дают тиграм и целые туши животных, ибо тигры рассвирепеют, раздирая эти туши на части. Зная, когда тигры голодны, а когда сыты, они умеют укрощать их ярость. Тигры — существа другого рода, нежели люди, но если они ласкаются к тому, кто кормит их, так получается потому, что человек следует их природным наклонностям. Если же они свирепы, то потому, что человек идет против их природы. Наездник, души не чающий в своем коне, будет смиренно собирать навоз и мочу своего любимца. Но если на коня усядется комар и хозяин невзначай прихлопнет его, конь взбрыкнет копытами и, глядишь, проломит своему хозяину голову. Намерения у хозяина коня были самые добрые, а исход этого происшествия был бы самый плачевный. Так можно ли не быть осторожным в этой жизни?»

Когда плотник Ши направлялся в царство Ци и проходил мимо деревушки Цюйсюань, он увидел у алтаря духов земли огромный дуб. Крона этого дуба была так широка, что в тени ее могли бы укрыться несколько тысяч быков. Его ствол был шириной, наверное, в сотню обхватов, высотой он превосходил окрестные холмы. А самые нижние его ветви начинались саженей за десять от земли. Ветви, из которых можно было бы выдолбить лодку, исчислялись десятками. На дерево глазела толпа зевак, как на рынке, но плотник даже не удостоил его взглядом и пошел дальше, не останавливаясь. Когда его ученик вдоволь нагляделся на это диковинное дерево, он догнал плотника Ши и спросил его: «Учитель, с тех пор как я взял в руки топор и пошел за вами, мне не доводилось видеть такой превосходный материал. Почему же вы даже не взглянули на то дерево, не придержали шага, проходя мимо?»

— Довольно, не напоминай мне больше об этом, — ответил плотник Ши. — Дерево это ни на что не годное. Сделаешь из него лодку — и она потонет, сделаешь гроб — и он быстро сгниет, сделаешь чашку — и она тут же растрескается, сделаешь двери и ворота — и они вскоре рассынутся, сделаешь столб — и его источат жуки. Это дерево никчемное, нет от него никакой пользы — вот почему оно смогло прожить так долго.

Когда плотник Ши вернулся домой, священный дуб явился ему во сне и сказал: «С чем ты хочешь сравнить меня? С какими-нибудь изящными, годными для обработки деревьями? Или с деревьями, приносящими плоды, как вишня, груша или мандариновое дерево? Когда плоды на них созревают, их безжалостно обдирают, ломая ветви, отрывая маленькие побеги. Деревья эти терпят урон из-за своих способностей и умирают, не исчерпав своего жизненного срока, уготованного им природой. Они страдают из-за пошлых мирских нужд. И такое случается с каждой вещью, которая полезна для людей. Я же давно стремлюсь к тому, чтобы стать совсем бесполезным, и сейчас, на склоне лет, добился своего. Моя бесполезность для других очень полезна для меня самого! Ну, а если бы я оказался полезным для других, разве смог бы я вырасти таким огромным? Такова участь всех вещей в этом мире. Какая глупость — думать, как вещи относятся друг к другу! Разве станет никому не нужный человек, который вот-вот умрет, интересоваться никому не нужным деревом?»

Проснувшись, плотник Ши рассказал про свой сон уче-

нику. «Если это дерево хочет быть бесполезным, — сказал ученик, — почему оно растет у алтаря?»

— Молчи! — отвечивал плотник. — Оно стоит у алтаря только потому, что хочет уберечься от невежд. Ведь деревья, которые не слышат священными, люди калечат куда чаще. А кроме того, дерево оберегает святыню, далекую от всего пошлого и обыденного, и разве были бы мы далеки от истины, если бы сказали, что оно выполняет свой высокий долг?

Когда Цзы-Ци из Наньбо гулял на горе Шан, он увидел огромное дерево, которое уже издали выделялось среди всех прочих. Под его роскошной кроной могла бы найти укрытие целая тысяча экипажей. «Что это за дерево? — сказал Цзы-Ци. — По всему видно, оно не такое, как другие». Посмотрел он вверх и увидел, что ветви дерева такие кривые, что из них нельзя сделать ни столбов, ни стропил. Взглянул вниз на его могучий корень и увидел, что он так извилист, что из него не выдолбишь гроб. Лизнешь его листок — и рот сводит от горечи! Вдохнешь источаемый им запах — и три дня ходишь одурманенный. Цзы-Ци сказал: «Вот ни на что не годное дерево, потому-то оно и выросло таким огромным. Теперь я понимаю, почему самые светлые люди в мире сделаны из материала, в котором никто не нуждается!»

Есть в царстве Сун местечко — оно зовется Цзинши, — где в изобилии произрастают и катальпа, и кипарис, и тутовое дерево. Но дерево толщиной в обхват или более того обязательно срубят кто-нибудь, кому нужен столб, чтобы привязывать обезьян. Дерево толщиной в три-четыре обхвата срубят тот, кто хочет вытесать колонну для своего дворца, а деревом толщиной в семь-восемь обхватов рано или поздно завладеет какой-нибудь богатый и знатный человек, желающий изготовить себе гроб. Вот так ни одно дерево не имеет возможности прожить сполна срок, дарованный ему природой, и безвременно гибнет от топора. Таково несчастье тех, кто представляет собой добротный материал. Недаром запрещается приносить в жертву духу реки быка с белым пятном на лбу, свинью с перекошенным пяточком или человека в стружьях. Всех их отвергают колдуны, ибо они считаются предвестниками несчастья. А духовный человек видит в них вестников большой удачи.

Вот таким был калека Чжи: подбородок врос в пупок,

плечи выше головы, шейные позвонки торчат в небеса, пять хрящей позвоночника сгрудились вверху, бедра поднялись к плечам. Кормился он тем, что штопал и стирал одежду, а когда брал в руки палочки, чтобы погадать другим об их судьбе, ему подносили еды на десятерых. Если власти набирали войско, калека Чжи, размахивая руками, ходил вразвалку среди рекрутов. Если отбирали людей для общественных работ, его всякий раз освобождали от повинностей. Когда же в городе раздавали милостыню больным и немощным, он получал целых три меры зерна и десять связок хвороста. Если даже человек, ущербный телом, способен уберечь себя и прожить сполна свой срок, установленный для него природой, то тем более способен добиться этого тот, кто сделал себя ущербным в жизненных свойствах!

Когда Конфуций странствовал в царстве Чу, тамошний безумец Цзе Юй, проходя мимо него, пропел:

О, Феникс, Феникс!³
Как померкла доблесть твоя!
На грядущее нет надежды.
К прошлому нет возврата.
Когда Поднебесная процветает,
Мудрый окружен славой.
Когда Поднебесная в упадке,
Мудрый радуется жизни.
А в наше смутное время
Он сочтет за благо избежать казни.
Счастье легче пуха.
Нельзя его удержать.
Несчастье тяжелее всей земли,
Нельзя его обойти.
Но довольно, довольно
Править людьми властью добра!
Гибельно, гибельно
Прятаться в круге, начертанном на песке!
Земные тернии — не терзайте скитальца!
Мой путь извилист,
Не раньте мне ноги!

Деревья в лесу сами привлекают к себе топор. Масло в светильнике само сжигает себя. Коричное дерево источает аромат — и его срубают. Лаковое дерево полезно для людей — и его долбят. Все знают пользу полезного, но никто не знает пользы бесполезного.

ГЛАВА V

ЗНАК ПОЛНОТЫ СВОЙСТВ

В царстве Лу жил человек по имени Ван Тай, у которого в наказание отсекли ногу¹, но учеников у него было не меньше, чем у самого Конфуция. Чан Цзи спросил у Конфуция: «Ван Таю в наказание отсекли ногу, а его ученики не уступают числом людям вашей школы. Встав во весь рост, он не дает наставлений. Сидя на полу, он не ведет бесед, но всякий, кто приходит к нему пустым, уходит от него наполненным. Видно, он и в самом деле несет людям бессловесное учение, и, хотя тело его ущербно, сердце его совершенно. Что же он за человек?»

— Этот человек — настоящий мудрец, — ответил Конфуций. — Если бы не разные срочные дела, я бы уже давно пошел к нему за наукой. И уж если мне не зазорно учиться у него, то что же говорить о менее достойных людях? Я не то что наше царство Лу — весь Поднебесный мир приведу к нему в ученики!

— Если даже с одной ногой этот человек превосходит вас, учитель, он в самом деле должен быть мужем редкостного величия. А если так, то и сознание у него должно быть какое-то необыкновенное, верно?

— И жизнь, и смерть воистину велики, но череда смертей и жизней в этом мире ничего не трогает в нем. Даже если обвалится небо и обрушится земля, он не погибнет. Он постиг Подлинное в жизни и не влечется за другими, позволяет свершиться всем жизненным превращениям и оберегает их исток.

— Что это значит? — спросил Чан Цзи.

— Если смотреть на вещи исходя из различий между ними, то печень и селезенка будут так же отличаться друг от друга, как царство Чу от царства Юэ. А если смотреть на вещи исходя из их сходства, то мы увидим, что все в мире едино. Такой человек даже не знает, чем отличаются друг от друга глаза и уши, и привольно странствует

сердцем в крайнем согласии, проистекающем из полноты жизненных свойств. Он видит, в чем все вещи едины, и не видит, чего лишена каждая из них. Для него лишиться ноги — все равно что стряхнуть с себя комочек грязи.

Чан Цзи сказал: «Он живет сам по себе и знание свое употребляет на постижение собственного сердца, а сердцем своим постигает Неизменное в своем сердце. Отчего же другие люди тянутся к нему?»

— Мы не можем смотреться в текущие воды и видим свой образ лишь в стоячей воде. Только покой может успокоить все, что способно покоиться. Среди всего, что растет на земле, лишь сосны и кипарисы живут по истине, ибо они не сбрасывают зеленого убора даже в зимнюю пору. Среди тех, кто имел повеление от Неба, только Яо и Шунь жили по истине, ибо тот, кто живет по истине сам, сделает истинной жизнь всех людей. А приверженность человека Изначальному доказывается отсутствием страха. Храбрый воин выступит в одиночку против целого войска, и если такое может совершить даже человек, мечтающий о мирской славе, то тем более такое под силу тому, кто видит Небо и Землю своим домом, всю тьму вещей — своей кладовой, собственное тело — убежищем, а глаза и уши — вместилищем всех образов; кто возводит все, что он знает, к одному и обладает вечно живым сердцем! Он сам выберет себе день, когда покинет этот мир. И пусть другие по своей воле идут за ним — он не станет вникать в чужие дела.

Шэньту Цзя, которому отрубили ногу, вместе с Цзы-Чанем был учеником у Бохуня-Безвестного. Однажды Цзы-Чань сказал Шэньту Цзя: «Если ты первый захочешь уйти, то я останусь. А если я захочу уйти первым, то останешься ты». На следующее утро он снова встретился с Шэньту Цзя в комнате для занятий, сел с ним рядом и сказал ему: «Если я выйду первым, ты останешься. А если ты выйдешь первым — останусь я. Нынче я собираюсь уйти отсюда — не соблаговолишь ли ты остаться? Или, может быть, ты не пожелаешь этого? И если ты не посторонишься перед первым советником государя, значит ли это, что ты считаешь себя равным ему?»

— Так, значит, среди учеников нашего учителя есть даже первый советник! — воскликнул Шэньту Цзя. — Видно, это тот, кто, как ты, радуется званию первого советника и презирает других. Мне приходилось слышать такую поговорку: «Если зеркало светлое, на него пыль не сядет, а если на зеркале пыль, значит, оно не светлое». Дружи

долгое время с достойным мужем, и ты не сможешь совершить дурной поступок. Ныне ты считаешь нашего учителя величайшим из наставников на земле и все-таки столь невежливо разговариваешь со мной. Куда это годится?

Цзы-Чань ответил: «Ты, я гляжу, такой человек, что и с самим Яо будет спорить, кто из вас лучше. Прикинь-ка лучше, хватит ли у тебя мужества, чтобы честно оценить себя самого?»

— Среди нас, — возразил Шэньту Цзя, — найдется немало людей, которые охотно расскажут о своих дурных поступках, полагая, что они не заслужили наказания. Немногие откажутся рассказать тебе о своих проступках, полагая, что они не заслужили прощения. А вот что до того, чтобы признать Неизбежное и покойно принять Судьбу, то на это способен лишь истинно прозревший муж. Гулять под прицелом стрелка и не быть сраженным стрелой — это и есть судьба. Многие, у которых ноги целы, смеются надо мной, потому что у меня только одна нога. Их насмешки приводят меня в ярость, но стоит мне поговорить с учителем, и гнев у меня пропадает, прежде чем я доберусь до дома. Уж не знаю, что тому причиной: то ли учитель очистил меня своей добротой, то ли я прозреваю истину сам. Я прожил с учителем девятнадцать лет и за это время ни разу не вспомнил о том, что мне отсекли ногу. Нынче мы с тобой ищем правду внутри нас самих, а ты заставляешь меня взглянуть на себя извне. Разве это не прегрешение?

Цзы-Чань смутился и, приняв почтительный вид, сказал: «Тебе нет необходимости говорить еще что-нибудь».

В царстве Лу жил человек с одной ногой, звали его Шушань-Беспалый. Однажды он приковывал к Конфуцию, чтобы поговорить с ним. «Прежде ты был неосторожен, — сказал Конфуций. — После постигшего тебя несчастья зачем тебе искать встречи со мной?»

— Я не был осмотрителен и легкомысленно относился к самому себе, оттого и лишился ноги, — ответил Беспалый. — Однако ж все ценное, что было в моей ноге, и сегодня присутствует во мне, вот почему я пуще всего забочусь о том, чтобы сохранить себя в целостности. На свете нет ничего, что не находилось бы под небом и на земле. Я относился к вам, учитель, как к Небу и Земле. Откуда мне было знать, что вы отнесетесь ко мне с такой неприязнью?

— Я был груб с вами, уважаемый, — сказал Конфуций. — Отчего же вы не входите в мой дом? Дозвольте мне наставить вас в том, что мне довелось узнать самому.

Когда Беспалый ушел, Конфуций сказал: «Ученики мои, будьте прилежны! Этот Беспалый в наказание лишился ноги, но и теперь еще посвящает свою жизнь учению, дабы исправить свои прежние ошибки. Что же говорить о том, кто сохраняет свою добродетель в неприкосновенности?»

А Беспалый сказал Лао Даню: «Конфуций стремится к совершенству, но еще не достиг желаемого, не так ли? Для чего ему понадобилось приходиться к вам и просить у вас наставлений? ² Видно, ему все еще хочется снискать славу удивительного и необыкновенного человека. Ему неизвестно, что человек, достигший совершенства, смотрит на такую славу как на оковы и путы».

— Почему бы не заставить его понять, что смерть и жизнь — как один поток, а возможное и невозможное — как бусинки на одной нити? — сказал Лао Дань. — Неужто нельзя высвободить его из пут и оков?

— Как можно сделать свободным того, кого покарало само Небо? — изрек Беспалый.

Ай-гун, правитель Лу, говорил Конфуцию: «В царстве Вэй жил один уродец, которого так и звали: Урод То. Молодые люди, приходившие к нему, чтили его так высоко, что не могли заставить себя покинуть его дом. Девушки, которым доводилось его видеть, говорили, что уж лучше пойти к нему в наложницы, чем в жены к кому-то другому. И таких были десятки. Никто никогда не слышал, чтобы он сказал что-то такое, чего никто не знал. Он всегда лишь соглашался с другими — и не более того. Не было у него ни державной власти, спасающей людей от смерти, ни огромных богатств, дарующих людям благоденствие. А все же, с его уродливой внешностью, способной напугать кого угодно, с его привычкой соглашаться со всеми и ничего не говорить от себя, он был необыкновенным человеком; даже дикие звери спаривались там, где ступала его нога. Я пригласил его к себе, чтобы хорошенько рассмотреть, и увидел, что он и в самом деле был так уродлив, что мог бы напугать кого угодно. Он остался в моей свите, и не прошло месяца, как я стал приглядываться к нему всерьез. А еще через год он пользовался полным моим доверием. Когда мое государство осталось без первого советника, я назначил его на эту должность. Он принял это назначение после долгих раздумий и поблагодарил меня сдержанно, как если бы отклонял мое предложение. Такой он был странный! В конце концов он взял в руки бразды правле-

ния, но вскоре покинул мой двор. Я был так опечален, словно похоронил близкого человека и словно рядом со мной не осталось никого, с кем я мог бы разделить радость управления целым царством. Что же он был за человек?»

— Я расскажу вам одну историю из своей жизни, — ответил Конфуций. — Однажды я был послан с поручением в царство Чу и увидел, как маленькие поросята пробовали сосать мертвую мать. Очень скоро они оставили ее и разбрелись кто куда. Так произошло потому, что они не узнавали в мертвой матери себя, не видели в ней существа того же рода. В своей матери они любили не просто ее тело, а то, что делало это тело одушевленным. Воинам, погибшим в битве, не требуются роскошные гробы. Человек, которому в наказание отсекли обе ноги, охотно одолжит вам туфли. Ибо все они уже лишились того, что делало их важными в этом мире. Когда девушка становится наложницей Сына Неба, ей не срезают ногти и не протыкают уши. Тот, кто взял себе новую жену, не является ко двору государя и не выполняет служебных поручений. Уж если мы настолько заботимся о сохранности своего тела, то мы тем более должны заботиться о сохранности своих жизненных свойств! Ну а Урод То внушает к себе доверие, прежде чем вымолвит слово, приобретает расположение других, не оказав им никаких услуг, побуждает правителя верить его попечению целое царство и притом заставляет державного владыку опасаться, что не примет его предложения. Нет сомнения, он один из тех, в ком талант не имеет изъяна, вот только его жизненные свойства не вполне воплотились в его телесном облике.

— Что значит: «талант не имеет изъяна»? — спросил Ай-гун.

Конфуций ответил: «Жизнь и смерть, существование и гибель, победа и поражение, богатство и бедность, мудрость и невежество, хвала и хула, голод и жажда, жара и холод — все это превращения вещей, действие судьбы. День и ночь эти превращения свершаются перед нашим взором, и нашего знания не хватает на то, чтобы понять исток их. А потому они не могут ничего добавить к нашей внутренней гармонии, и нет для них места в Волшебной Кладовой³. Хранить в душе мир и радость и не терять ни того ни другого, когда наши органы чувств открываются внешнему миру, сделать так, чтобы в нас день и ночь не были оторваны друг от друга, и жить одной весной со всем сущим — значит быть человеком, в котором каждое впе-

чатление откликается в сердце движением всей вселенной. Вот что я называю «талант не имеет изъяна».

— А что значит: «жизненные свойства не вполне воплотились в телесном облике»?

— Располагаться строго по уровню — таково свойство покоящейся воды. Если вода может послужить здесь образцом, то лишь потому, что внутри она предоставлена самой себе и не ищет себя вовне. Полнота свойств — это вершина нашего совершенствования в жизненной гармонии. От полноты свойств, даже не проявившейся до конца в телесном облике, ничто сущее в этом мире отойти не может.

На другой день Ай-гун сказал Минь-цзы: «Поначалу я управлял царством, как подобает державному владыке: держал в руках бразды правления, печалился о страданиях и смертях людских и думал, что достиг совершенства. А нынче услышал речи истинно мудрого человека и понял, что легкомысленно относился к себе и вот подвергнул опасности собственное государство. Мы с Конфуцием не правитель и подданный, а друзья по духовным свершениям, вот мы кто с ним!»

Урод Безгубый со скрюченными ногами служил советником при вэйском Лин-гуне. Государю так нравился его советник, что, когда он смотрел на обыкновенных людей, ему казалось, что у них слишком длинные ноги. Горбун с огромной шишкой на шее служил советником при Хуань-гуне, правителе царства Ци. Хуань-гуну так нравился его советник, что, когда он видел перед собой обыкновенных людей, ему казалось, что у них слишком длинная шея.

Насколько в людях проступает полнота свойств, настолько же забывается их телесный облик. Когда люди не забывают то, что обычно забывается, и забывают то, что обычно не забывается, это называется настоящим забвением.

Вот почему, где бы ни пребывал мудрец, для него знание — это беда, а обещание — клей⁴, добродетель — задача милостыни, ремесло — рыночный торг. Коль скоро мудрый не строит планов, зачем ему знание? Коль скоро он не делает заметок, зачем ему склеивать расписки? Коль скоро он ничего не лишается, зачем ему требовать уплаты долга? Коль скоро он ничего не продает, зачем ему доходы? Все, что ему нужно, он приобретает на Небесном торжище. Приобретать на Небесном торжище — значит кормиться от Неба. И если он кормится от Неба, для чего

ему люди? Он обладает человеческим обликом, но в нем нет человеческой сущности. Обладая человеческим обликом, он живет среди людей. Не обладая человеческими наклонностями, он стоит в стороне от «истинного» и «ложного». Неразлично мало то, что связывает его с людьми. Необозримо велико — таково небесное в нем, и он в одиночестве претворяет его!

Хуэй Ши спросил у Чжуан-цзы: «Верно ли, что люди изначально не имеют человеческих наклонностей?»⁵

— Да, это так, — ответил Чжуан-цзы.

— Но если человек лишен человеческих наклонностей, как можно назвать его человеком? — вновь спросил Хуэй Ши.

— Дао дало ему облик, Небо дало ему тело, как же не назвать его человеком?

— Но если он человек, то как может он жить без собственных ему наклонностей?

— Одобрение и порицание — вот что я называю человеческими наклонностями, — пояснил Чжуан-цзы. — Я называю человеком без человеческих наклонностей того, кто не позволяет утверждением и отрицанием ущемлять себя внутри, следует тому, что само по себе таково, и не пытается улучшить то, что дано жизнью.

— Но если он не улучшает того, что дано жизнью, как может он проявить себя в этом мире?

— Дао дало ему облик, Небо дало ему тело. Он не позволяет утверждением и отрицанием ущемлять себя внутри. Ты же вовне обращаешь свой ум на внешние вещи, а внутри насилуешь свою душу. Прислонись к дереву и пой! Облокотись о столик и спи! Тебе тело вверили небеса, а вся твоя песня — «твердость» да «белизна»!

ГЛАВА VI

ВЫСШИЙ УЧИТЕЛЬ

Знать действие Небесного и действие человеческого — вот вершина знания. Тот, кому ведомо действие Небесного, берет жизнь от Неба. Тот, кому ведомо действие человеческого, употребляет знание познанного для того, чтобы пестовать непознанное в известном. Прожить до конца срок, уготованный Небом, и не погибнуть на полпути — вот торжество знания.

Однако тут есть сложность: знание, чтобы быть надежным, должно на что-то опираться, но то, на что оно опирается, крайне неопределенно. Как знать, что именуемое нами небесным не является человеческим? А именуемое человеческим не является небесным? Следовательно, должен быть настоящий человек, и тогда появится настоящее знание. Что же такое настоящий человек? Настоящие люди древности не противились своему уделу одиноких, не красовались перед людьми и не загадывали на будущее. Такие люди не сожалели о своих промахах и не гордились своими удачами. Они поднимались на высоты, не ведая страха, погружались в воду, не замочив себя, входили в огонь и не обжигались. Таково знание, которое рождается из наших устремлений к Великому Пути. Настоящие люди древности спали без сновидений, просыпались без тревог, всякую пищу находили одинаково вкусной, и дыхание в них исходило из их сокровеннейших глубин. Ибо настоящий человек дышит пятками, а обыкновенные люди дышат горлом. Скромные и уступчивые, они говорили сбивчиво и с трудом, словно заикались. А у тех, в кого желания проникли глубоко, источник Небесной жизни¹ лежит на поверхности.

Настоящие люди древности не знали, что такое радоваться жизни и страшиться смерти; не торопились прийти в этот мир и не противились уходу из него. Не предавая забвению исток всех вещей, не устремляясь мыслью к концу всего сущего, они радовались дарованному им, но

забывали о нем, когда лишались этого. Вот что значит «не вредить Пути умствованием, не подменять небесное человеческим». Таковы были настоящие люди. Сердце у таких людей было забывчивое, лик покойный, чело возвышенное. Прохладные, как осень, теплые, как весна, они следовали в своих чувствах четырем временам года, жили, соображаясь со всем сущим, и никто не знал, где положен им предел.

Посему, когда мудрый вступает в войну, он может погубить государство и все же не лишиться любви людей. Она распространяет свои милости на тысячи поколений, но не потому, что любит людей. Стало быть, человек, который хочет все узнать, не мудр. Благоволить же кому-либо — значит не быть добрым. Того, кто старается выгадать время, не назовешь достойным человеком. Того, кто не смотрит дальше выгоды и вреда, не назовешь благородным мужем. Того, кто добивается славы, не заботясь о себе, не назовешь благоразумным. Тот, кто лишается жизни, не думая о подлинном в себе, не может быть господином среди людей.

Настоящие люди древности жили праведно и не старались другим угодить. Вид у них был такой, словно им чего-то не хватало, но они ничего не брали себе. Они были покойны и уверены в себе, но не упрямы. Они были открыты миру и всеобъятны, но красоваться не любили. Жили с легкой душой и как бы в свое удовольствие, делали лишь то, чего нельзя было не делать. Решительны были они и делали все по-своему.

Уверенные в себе! А упрямства в них не было.
С открытой душой! А красоваться не любили.
Безмятежные! И жили как бы в свое удовольствие.
Все делали по необходимости! И не могли иначе.
Мужественные! Всегда поступали по-своему.
Осторожные! Делали только то,
что было в их силах.
Учтивые! Казались истинно светскими людьми.
Такие гордые! Никому не позволяли
повелевать собой.
Скрытные! Как будто рта раскрыть не желали.
Рассеянные! Вмиг забывали собственные слова.

Для настоящего человека наказание — основа, ритуал — дополнение, знание — это умение соответствовать обстоятельствам, а доблесть — следование естественному течению событий. Опирается на наказания означает правильно применять казнь. Подкреплять основу ритуалом означает учтиво вести себя в обществе. Сделать знание

умением действовать по обстоятельствам означает делать лишь то, чего нельзя не делать. Сделать своей добродетелью следование естественному течению событий означает подниматься пешком на холм — труд поистине нелегкий.

То, что настоящие люди любили, было едино. И то, что они не любили, тоже было едино. В едином они были едины, но и в не-едином они тоже были едины. В едином они были послушниками Неба. В не-едином они были послушниками человека. Тот, в ком ни небесное, ни человеческое не ущемляют друг друга, достоин зваться настоящим человеком.

Смерть и жизнь — это судьба. А то, что они постоянно сменяются, как день и ночь, — это Небесный удел. Там, где люди не в силах изменить что-либо, — там и пребывает естество вещей. Для них собственный отец равен Небу², и они любят его всей душой. Что же говорить о том, кто вышагивает над ними? Каждый из нас полагает, что его господин лучше него самого, и потому готов отдать за него жизнь. Что же говорить о самом подлинном из владык в этом мире?

Когда высыхает пруд, рыбы, оказавшиеся на суше, увлажняют друг друга жабрами и смачивают друг друга слюной. И все-таки лучше им забыть друг о друге в просторах многоводных рек и озер. А восхвалять Яо и хулить Цзе хуже, чем забыть про них обоих и пребывать в Дао.

Великий Ком вверил мне мое тело и ниспослал мне бремя земной жизни. Он дал мне вдохновение в старости и упокоит меня в смерти. То, что сделало доброй мою жизнь, сделает доброй и мою смерть.

Если спрятать лодку в бухте, а холм в озере, то покажется, что они надежно укрыты. Но в полночь явится Силач и унесет все на своей спине, а Невежде будет невдомек. Как бы ни было удобно прятать малое в большом, оно все равно может пропасть. Вот если спрятать Поднебесную в Поднебесной, ей некуда будет пропасть. Таков великий закон сбережения всех вещей.

Люди почитают за небывалое счастье родиться в облике человека. Насколько же радостнее знать, что то, что имеет облик человеческий, претерпит тысячи и тысячи превращений и им не наступит предел! Поэтому мудрый пребывает там, где вещи не могут пропасть и доподлинно присутствуют. Для него равно хорошо и погибнуть в молодости, и умереть в старости, и начинать, и заканчивать. Люди охотно берут его за образец. Что говорить о том, кто стоит

у начала всего сущего и кем держится Единое превращение мира?

Путь существует доподлинно и внушает доверие, даром что не действует и не имеет облика. Его можно воспринять, но нельзя передать³, можно постичь, но нельзя увидеть. Он сам себе ствол и сам себе корень. Еще до появления Неба и Земли он существовал с незапамятных времен. Он одухотворил божества и царей, породил Небо и Землю. Он выше верхнего края вселенной, а не высок. Он ниже нижнего края вселенной, а не низок. Он родился прежде Земли, а век его не долгий. Он старше самой седой древности, а возраст его не старый. Сивэй обрел его — и держал в кулаке Небо и Землю. Фуси обрел его — и постиг Матерь жизненных сил. Полярная звезда обрела его — и не меняет своего положения на небе. Солнце и луна обрели его — и вечно сменяют друг друга. Каньпэй обрел его — и добрался до горы Куньлунь. Пинъи обрел его — и погрузился в большую реку. Цзяньу обрел его — и поселился на горе Тайшань. Желтый Владыка обрел его — и вознесся в заоблачные дали. Чжуаньской обрел его — и сделал своей обителью Темный Дворец. Юйцян обрел его — и нашел себе место у северного края земли. Царица-мать Запада обрела его — и воссела на престоле на горе Шаогуан. Никто не знает, где его начало и где конец. Пэнцзу обрел его — и жил со времени царствования Шуня до эпохи Пяти властителей. Фуюз обрел его — и стал советником у царя У Дина, владел всей Поднебесной, а после смерти попал на небеса и странствовал вместе со звездами.

Цзыкуй из Наньбо спросил Женщину Цзюй: «Вам уже много лет, но выглядите вы еще совсем юной, почему?»

— Я слышала о Пути, — ответила Женщина Цзюй.

— Можно ли научиться Пути? — спросил Цзыкуй.

— О нет, нельзя. Ты для этого не годишься. Знавала я одного человека по имени Булян И. Он обладал способностями истинного мудреца, но не знал, как идти праведным Путем. А я знаю, как идти праведным Путем, но не обладаю способностями мудрого. Я попыталась обучить его Пути, ведь он и в самом деле мог стать настоящим мудрецом. В конце концов совсем нетрудно разъяснить путь мудрого тому, кто обладает способностями мудреца. Я стала оберегать его, чтобы истина открылась ему, и через три дня он смог быть вне Поднебесной. Когда он научился быть вне Поднебесной, я снова поберегла его, и через семь дней

он научился быть вне вещей. После того как он смог быть вне вещей, я снова поберегла его, и спустя девять дней он смог быть вне жизни. А научившись быть вне жизни, он в сердце своем стал как «ясная заря». Став в сердце своем «ясной зарей», он смог прозреть Одинокое⁴. А прозревши в себе Одинокое, он смог быть вне прошлого и настоящего. Превзойдя различие между прошлым и настоящим, он смог быть там, где нет ни рождения, ни смерти. Ибо то, что убивает жизнь, само не умирает, а то, что рождает жизнь, само не живет. Что же это такое? Следует за всем, что уходит, и привечает все, что приходит; все может разрушить, все может создать. Поэтому называют его «покойное в превращениях». «Покойное в превращениях» означает: все достигнет завершенности через превращения.

— Откуда же вы все это узнали? — спросил Цзыкуй.

Женщина Цзюй ответила: «Я восприняла это от сына писца, сын писца воспринял это от внука чтеца, внук чтеца перенял это от Ясного Взора. Ясный Взор перенял это от Чуткого Слуха, Чуткий Слух перенял это от Труженника, Труженник перенял это от Сладкоголосого, Сладкоголосый перенял это от Глубочайшего Мрака, Глубочайший Мрак воспринял это от Хаоса, а Хаос перенял это от Безначального».

Четверо — Цзы-Сы, Цзы-Юй, Цзы-Ли и Цзы-Лай — вели между собой такой разговор: «Кто может представить небытие головой, жизнь — хребтом, а смерть — задом и кто понимает, что жизнь и смерть, существование и гибель — это одно тело, тот будет нам другом». Все четверо посмотрели друг на друга и рассмеялись. И, не испытывая друг к другу никакой неприязни в сердце, они подружились. Внезапно Цзы-Юй заболел, и Цзы-Сы пошел проведать его. Цзы-Юй сказал: «Поистине, велик творец! Гляди, как он меня скрутил!» Спина его вздыбилась так, что внутренности оказались наверху, лицо ушло в живот, плечи поднялись выше темени, шейные позвонки словно устремились в небеса. Силы Инь и Ян в нем были спутаны, а сердце невозмутимо-спокойно. Кое-как доковыляв до колодца, он взглянул на свое отражение. «Ого! — снова воскликнул он. — Ну и скрутил меня творец — дальше некуда!»

— Страшно тебе? — спросил Цзы-Сы.

— Чего же тут страшиться? — ответил Цзы-Юй. — Положим, моя левая рука станет петухом — тогда я буду оповещать о ночных часах. Положим, моя правая рука превратится в самострел — тогда я буду добывать ею дичь

на жаркое. Положим, мои ягодицы станут колесами экипажа, мой дух — лошадью. Тогда я обзаведусь собственным экипажем для выезда! А кроме того, мы получаем жизнь, когда приходит время, и лишаемся ее, когда срок истекает. Так покорись времени, не противься уходу, и тогда ни радости, ни печали не заденут тебя. Вот что древние называли «освобождением от пут». А того, кто сам себя не может освободить, вещи свяжут еще крепче. Однако ж вещам против Неба не устоять, так чего ради отвергать мне мои превращения?

Вскоре заболел Цзы-Лай, и смерть подступила к нему. Его жена и дети стояли вокруг него и громко рыдали. Цзы-Ли отправился проститься с ним и, войдя в его дом, крикнул тем, кто оплакивал умирающего: «Эй вы, прочь с дороги! Не мешайте свершаться переменам!» Потом он прислонился к двери и заговорил с Цзы-Лаем: «Как грандиозен путь превращения вещей! Чего только не сотворят из тебя нынче! Куда только не заведут тебя перемены! Быть может, ты превратишься в печень крысы? Или в лапку насекомого?»

Цзы-Лай ответил: «Ребенок, имеющий отца-матерь, может пойти на восток и запад, на север и юг — ему достаточно повиноваться родительской воле. А силы инь и ян для человека — больше, чем отец и мать. Если они подвели меня к смерти, а я не захочу слушаться их, то лишь выкажу свое упрямство. На них-то вины не будет. Великий ком вверил мне тело, ниспослал мне бремя этой жизни, сделал легкой мою старость и упокоит меня в смерти. То, что сделало доброй мою жизнь, сделает доброй и мою смерть. Ты только представь: Великий Плавильщик плавит металл, и вдруг капелька этого металла подпрыгивает и кричит ему: «Хочу быть волшебным мечом Мосе — и ничем другим!» Великий Плавильщик, конечно, счел бы такой металл ни на что не годным. И если бы я, обладающий человеческим обликом, стал бы кричать сейчас: «Хочу быть только человеком! Только человеком!», творец вещей наверняка сочтет меня никудышным человеком. Если считать Небо и Землю одним плавильным котлом, а превращение вещей — плавкой металла, то могу ли я что-то не принимать в моей судьбе, что бы ни случилось со мной? Свершив свой земной путь, я усну глубоким сном, вернувшись к началу — вновь пробужусь».

Трое мужей — Цзы-Санху, Мэн Цзыфань и Цзы-Циньчжан — говорили друг другу: «Кто из нас способен быть

вместе, не будучи вместе, и способен действовать заодно, не действуя заодно? Кто из нас может взлететь в небеса и странствовать с туманами, погружаться в Беспредельное, и вовеки жить, забыв обо всем?» Все трое посмотрели друг на друга и рассмеялись. Ни у кого из них в сердце не возникло возражений, и они стали друзьями.

Они дружно прожили вместе некоторое время, а потом Цзы-Санху умер. Прежде чем тело Цзы-Санху было предано земле, Конфуций узнал о его смерти и послал Цзы-Гуна участвовать в траурной церемонии. Но оказалось, что один из друзей покойного напевал мелодию, другой подыгрывал ему на лютне, и вдвоем они пели песню:

Эй, Санху!
Эй, Санху!
Ты возвратился к подлинному,
А мы все еще человеки.

Цзы-Гун поспешно вышел вперед и сказал: «Осмелюсь спросить, прилично ли вот так петь над телом покойного?»

Друзья взглянули друг на друга и рассмеялись: «Да что он знает об истинном ритуале!»

Цзы-Гун вернулся и сказал Конфуцию: «Что они за люди? Правил поведения не блюдут, даже от собственного тела отрешились и преспокойно распевают песни над телом мертвого друга. Уж не знаю, как все это назвать. Что они за люди?»

— Эти люди странствуют душой за пределами света, — ответил Конфуций. — А такие, как я, живут в свете. Жизнь вне света и жизнь в свете друг с другом не соприкасаются, и я, конечно, сделал глупость, послав тебя принести соболезнования. Ведь эти люди дружны с Творцом всего сущего и пребывают в едином дыхании Неба и Земли. Для них жизнь все равно что гнойник или чирей, а смерть — как выдавливание гноя или разрезание чирея. Разве могут такие люди отличить смерть от жизни, предшествующее от последующего? Они подделываются под любые образы мира, но находят опору в Едином Теле вселенной. Они забывают о себе до самых печенок, отбрасывают зрение и слух, возвращаются к ушедшему и заканчивают началом, не ведают ни предела, ни меры. Безмятежные, скитаются они за пределами мира пыли и грязи, весело странствуют в царстве недеяния. Ужели станут они печься о мирских ритуалах и угождать толпе?

— В таком случае, учитель, зачем соблюдать приличия самим? — спросил Цзы-Гун.

— Я один из тех, на ком лежит кара Небес, — ответил Конфуций.

— Осмелюсь спросить, что это значит?

— Рыбы устраивают свою жизнь в воде, а люди устраивают свою жизнь в Пути. Для тех, кто устраивает свою жизнь в воде, достаточно вырыть пруд. А для тех, кто устраивает свою жизнь в Пути, достаточно отрешиться от дел. Вот почему говорят: «Рыбы забывают друг о друге в воде, люди забывают друг о друге в искусстве Пути».

— Осмелюсь спросить, что такое необыкновенный человек? — спросил Цзы-Гун.

— Необыкновенный человек необычен для обыкновенных людей, но ничем не примечателен перед Небом, — ответил Конфуций. — Поэтому говорят: «Маленький человек перед Небом — благородный муж среди людей. Благородный муж перед Небом — маленький человек среди людей».

Янь Хой спросил у Конфуция: «Когда у Мэнсунь Тая умерла мать, он громко рыдал, но не проливал слез, не горевал в душе, а на похоронах не выражал скорби. Но, несмотря на эти три оплошности, он прослыл лучшим знатоком погребального ритуала в своем царстве Лу. Значит, и в самом деле на свете есть люди, которые умеют добиваться славы, не подкрепленной истинными заслугами. Признаться, я пребываю в недоумении».

— Этот Мэнсунь Тай достиг совершенства, ибо он пошел дальше обыкновенного знания, — ответил Конфуций. — Упростить дело еще не значит чего-то добиться, а вот покончить с ним вообще — это значит кое-что упростить. Мэнсунь не знает, отчего он родился и почему умрет. Он не знает, что идет впереди, а что следом, и позволяет свершаться превращениям, полагаясь на Неизменное, которое ему не дано знать. Ибо, пребывая в превращениях, как может знать он то, что не превращается? А будучи захваченным превращениями, как может он знать, что такое перемены? Не похожи ли мы в этом на тех, кто спят и еще не начали пробуждаться? К тому же, хоть тело его меняется, сердце не терпит ущерба. Он меняет свое пристанище с каждым днем, а дух его не рассеивается. Мэнсуню конечно же ведомо, что такое пробуждение. Когда другой человек плачет, он плачет тоже, потому что следует всему, что происходит. Ведь даже когда мы говорим себе: «Вот я», можем ли мы быть уверены в том, что именуемое нами самое «я» в действительности таковым не является? Во

сне мы видим себя птицей и взмываем в поднебесье, а то вдруг видим себя рыбой и погружаемся в пучину вод. И никто не знает, спит или бодрствует тот, кто сейчас говорит эти слова. Чем строить расчеты, лучше смеяться, а отчего мы смеемся — умом не понять. Вверяя себя порядку вещей, действуй заодно с извечным превращением — тогда войдешь в простор Небесного Единства.

Иэр-цзы пришел к Сюй Ю. Сюй Ю спросил: «Каким богатством одарил тебя Яо?»

Иэр-цзы ответил: «Яо сказал мне: «Ты должен со всем тщанием претворять человечность и справедливость и выявлять истинное и ложное»».

— Тогда зачем ты пришел сюда? — сказал в ответ Сюй Ю. — Если Яо уже выжег на тебе клеймо человечности и справедливости и искалечил тебя разговорами об истинном и ложном, как можешь ты странствовать на дорогах, где гуляют беспечно и ходят как попало?

— И все-таки я хотел бы отправиться в те края, — сказал Иэр-цзы.

— Нет, у тебя ничего не выйдет, — ответил Сюй Ю. — Слепцу не объяснишь очарование ресниц и щечек красавицы, люди с бельмом на глазу не оценят достоинства парадных одежд из желтого и зеленого шелка.

— Учжуан лишился своей красоты, Цзюйлян лишился своей силы, Желтый Владыка растерял свою мудрость. Все сущее претерпевает изменения. Откуда нам знать, что Творец всего сущего не захочет стереть с меня мое клеймо и устранить мое увечье, чтобы я снова стал целым и невредимым и мог последовать за вами. Разве не так, учитель?

— Гм, почему бы и нет? Ну хорошо, я тебе скажу вкратце. О, мой учитель! Мой учитель! Он губит все вещи, а не жесток; одаривает милостью тысячи поколений, а не добр; он старше самой седой древности, а не стар; обнимает собой Небо и Землю, высекает все формы, а не искусен. Вот в чем мы должны пребывать!

Янь Хой сказал: «Я кое-чего достиг».

— Чего именно? — спросил Конфуций.

— Я забыл о ритуалах и музыке.

— Это хорошо, но ты еще далек от совершенства.

На другой день Янь Хой снова повстречался с Конфуцием.

— Я снова кое-чего достиг, — сказал Янь Хой.

— Чего же? — спросил Конфуций.

— Я забыл о человечности и справедливости.

— Это хорошо, но все еще недостаточно.

В другой день Янь Хой и Конфуций снова встретились.

— Я опять кое-чего достиг, — сказал Янь Хой.

— А чего ты достиг на этот раз?

— Я просто сижу в забытьи.

Конфуций изумился и спросил: «Что ты хочешь сказать: «сижу в забытьи»?»

— Мое тело будто отпало от меня, а разум как бы угас. Я словно вышел из своей брэнной оболочки, отринул знание и уподобился Всепроницающему. Вот что значит «сидеть в забытьи».

— Если ты един со всем сущим, значит, у тебя нет пристрастий. Если ты живешь превращениями, ты не стесняешь себя правилами. Видно, ты и вправду мудрее меня! Я, Конфуций, прошу дозволения следовать за тобой!

Цзы-Юй и Цзы-Сан были друзьями. Однажды дождь лил не переставая десять дней подряд. Цзы-Юй сказал: «Как бы Цзы-Сан не заболел!» Он собрал еду и отправился навестить друга. Подойдя к дому Цзы-Сана, он услышал не то пение, не то плач. Это хозяин пел, подыгрывая себе на лютне:

О, отец!
О, мать!
Небо ли?
Человек ли?

Голос поющего срывался, а слова комкались.

— Почему ты так странно пел? — спросил Цзы-Юй, войдя в дом.

— Я искал того, кто довел меня до этой крайности, и не мог найти, — ответил Цзы-Сан. — Разве мой отец и мать могли пожелать мне такой бедности? Небо беспристрастно укрывает, а земля беспристрастно поддерживает все сущее. Неужто они могли пожелать мне одному такой бедности? Я искал того, кто сделал это, и не мог найти. Выходит, то, что довело меня до такой крайности, — это судьба!

ГЛАВА VII

ДОСТОЙНЫЕ БЫТЬ ВЛАДЫКОЙ МИРА

Беззубый задавал вопросы Ван Ни, задавал их четыре раза, и тот четыре раза не знал, как ответить. Беззубый даже запрыгал от радости и рассказал об этом Мудрецу в Тростниковой одежде. «Неужто ты узнал про это только сегодня? — спросил Мудрец в Тростниковой одежде. — Царствование Ююя не сравнится с царствованием Тая¹. Наш государь из рода Ююй все еще привлекает к себе людей человечностью, и люди повинуются ему, но он пока что не преступил пределы человеческого. А государь из рода Тай спит без волнений, просыпается без тревог. Он позволяет считать себя то «лошадью», то «быком». Его знания подлинны и вырастают из доверия, его добродетель безупречна, и он не запятнал себя людской пошлостью».

Цзяньу повстречал безумца Цзе Юя. «Что сказало тебе Полуденное Начало?» — спросил безумец Цзе Юй.

— Оно сказало мне, что государь среди людей сам устанавливает законы, правила, положения и образцы и никто из смертных не отваживается не внимать им и не изменяться благодаря им! — ответил Цзяньу.

— Это несправедная власть, — сказал безумец Цзе Юй. — Управлять Поднебесной — все равно что переходить вброд океан, долбить долотом реку, учить комаров ходить строем или нести гору на спине. Когда мудрый берется за государственные дела, разве он станет управлять внешним? Он сначала выправляет себя, а уже потом действует и делает лишь то, что может сделать безупречно. Ведь и птицы летают высоко, чтобы быть недосыгаемыми для стрелы, а полевая мышь роет себе нору под священным холмом как можно глубже, чтобы никто не мог добраться до нее или выгнать ее оттуда. Неужели люди глупее этих крошечных существ?

Укорененный в Небе скитался к югу от горы Инь и пришел на берег Реки Чистоты. Там ему встретился Безымянный человек, и он спросил его: «Позвольте поинтересоваться, как нужно управлять Поднебесным миром?»

— Поди прочь, низкий ты человек! Зачем ты спрашиваешь меня о таком скучном деле? — ответил Безымянный. — Я как раз собираюсь стать другом Творца всего сущего, а когда мне и это наскучит, я сяду верхом на Птицу Пустоты и умчусь за шесть пределов вселенной и буду гулять по Деревне, которой нигде нет, поселюсь в Пустыне Безбрежных просторов. Зачем смущать мою душу вопросами о таком ничтожном деле, как управление Поднебесной?

Все же Укорененный в Небе повторил свой вопрос. Безымянный ответил: «Пусть сердце твое погрузится в пресно-безвкусное. Пусть дух твой сольется с бесформенным. Следуй естеству всех вещей и не имей в себе ничего личного. Вот тогда в Поднебесной будет порядок»².

Ян Цзыцзюй пришел к Лао Даню и сказал: «Предположим, в мире появится человек чуткий, деятельный, знающий, наделенный ясным умом и не ведающий усталости в деле постижения Пути. Можно ли сравнить такого с просвещенными царями белых времен?»

— Для истинно мудрого все это — оковы и путы царской службы, они изнуряют наше тело и понапрасну волнуют наше сердце, — ответил Лао Дань. — К тому же красивый узор на шкуре тигра и леопарда привлекает охотника, а самую ловкую обезьяну и самого усердного пса первыми сажают на поводок. Разве можно сравнить такого человека с просвещенными царями?

— Могу ли я узнать, как управляет просвещенный царь? — спросил Ян Цзыцзюй.

Лао Дань ответил: «Когда правит просвещенный царь, его деяния распространяются на весь мир, но как бы не от него исходят, его власть передается всем вещам, но люди не ищут в ней опоры. Он правит во славе, но никто не воздает ему хвалу, и каждому он дает жить в свое удовольствие. Он укореняется в Безмерном и пребывает в Отсутствующем».

В царстве Чжэн жил могущественный колдун по имени Ли Сянь, который умел угадывать судьбы людей — будет ли человек жить или умрет, спасется он или погибнет, встретит или не встретит удачу, умрет ли в молодости или

доживет до глубокой старости. Еще он умел предсказывать события, называя и год, и месяц, и даже день. Так велико было его искусство, что жители Чжэн, завидев его, обращались в бегство. Когда Ле-цзы увиделся с ним, ему в сердце словно хмель ударил, и он, вернувшись домой, сказал учителю Ху-цзы: «Раньше я думал, учитель, что ваш Путь выше прочих, но теперь я знаю, что есть и еще более высокий».

— Я изучил с тобой писания о Пути, но не вникнул в существо Пути,— ответил Ху-цзы.— Постиг ли ты Путь воистину? Даже если кур много, а петуха на них нет, откуда же возьмутся яйца? Ты чрезмерно стараешься осуществить Путь в миру, завоевать доверие людей, а потому облик твой слишком выдает твои намерения. Попробуй привести его сюда, пусть он посмотрит на меня.

На следующий день Ле-цзы привел колдуна к Ху-цзы. Когда колдун вышел, он сказал Ле-цзы: «Гм, твой учитель — мертвец, ему не прожить и десятка дней. Я увидел нечто странное, увидел сырой пепел!»

Ле-цзы вошел в комнату учителя, обливаясь слезами, и передал ему слова колдуна.

Ху-цзы сказал: «Я только что показался ему в образе Земли, притаился в незыблемом, но вовеки подвижном. Ему же, верно, привиделось, что жизненной силе во мне прегражден путь. Приведи его ко мне еще раз».

На следующий день колдун вновь пришел к Ху-цзы, а уходя, сказал Ле-цзы: «Счастье, что твой учитель встретился со мной. Ему сегодня намного лучше! Он совсем ожил! Я вижу, что жизненные силы в нем свободны». Ле-цзы передал слова колдуна учителю, и тот сказал: «На сей раз я предстал ему зиянием Небес. Ни имя, ни сущность в нем не гнездятся, а жизненная сила во мне исходила из пяток. Он, верно, увидел во мне это истечение силы. Приведи-ка его еще раз».

На следующий день колдун вновь пришел к Ху-цзы, а выйдя от него, сказал Ле-цзы: «Учитель твой так переменчив! Я не могу разгадать его облик. Подождем, пока он успокоится, и я снова осмотрю его». Ле-цзы передал слова колдуна учителю, и тот сказал: «Я предстал ему Великой Пустотой, которую ничто не одолеет. И вот он узрел во мне глубочайший исток жизненных сил. Ибо и в стоячей, и в текучей воде есть темные глубины, и насчитывается их всего девять, а показал я только три. Пусть он придет еще раз».

На следующий день колдун снова пришел к Ху-цзы, но

не успел он усесться на своем сиденье, как в смятении вскочил и выбежал вон. «Догони его!» — крикнул Ху-цзы ученику. Ле-цзы побежал за колдуном, да так и не догнал его. А Ху-цзы сказал: «На сей раз я показал ему свой изначальный образ — каким я был до того, как вышел из своего предка. Я предстал перед ним пустым, неосвязаемо-податливым; невдомек ему было, кто я и что я такое, вот и показалось ему, что он скользит в бездну и плывет свободно по лону вод. Поэтому он убежал от меня».

Тут Ле-цзы понял, что еще и не начинал учиться. Он вернулся домой и три года не показывался на людях.

Сам готовил еду для жены.
Свиней кормил, как гостей.
Дела мира знать не хотел.
Роскошь презрел, возлюбил простоту.
Возвышался один, словно ком земли.
Не держался правил, смотрел в глубь себя.
Таким он прожил до последнего дня³.

Не отягощай себя мечтами о славе.
Не строй корыстных расчетов.
Не бери на себя бремя пошлых дел.
Не пытайся владеть тем, что знаешь.

Соединись до конца с Беспредельным и обрети свой дом в бездонном покое. Исчерпай то, что даровано тебе Небом, и не желай приобретений: будь пуст — и не более того. У Высшего человека сердце что зеркало: оно не влечется за вещами, не стремится к ним навстречу, вмещает все в себя — и ничего не удерживает. Вот почему такой человек способен превзойти вещи и не понести от них урона.

Владыкой Южного Океана был Быстрый, владыкой Северного Океана был Внезапный, а владыкой середины земли был Хаос. Быстрый и Внезапный время от времени встречались во владениях Хаоса, а тот принимал их на редкость радушно. Быстрый и Внезапный захотели отблагодарить Хаос за его доброту. «Все люди имеют семь отверстий, благодаря которым они слышат, видят, едят и дышат, — сказали они. — Только у нашего Хаоса нет ни одного. Давайте-ка продолжим их в нем». Каждый день они проделывали одно отверстие, а на седьмой день Хаос умер.

ВНЕШНИЙ РАЗДЕЛ

ГЛАВА VIII

ПЕРЕПОНКИ МЕЖДУ ПАЛЬЦАМИ

Перепонок между пальцами ног или шестой палец на руке даются человеку природой, но ничего не прибавляют к нашей природе. Тот, кто привержен долгу и человечности, пожалуй, сочтет их столь же близкими себе, как и органы тела, но все же не в них воплощаются свойства праведного Пути. Выходит, перепоночка между пальцами ног — бесполезный кусочек плоти, а шестой палец на руке — ненужный отросток. Считать истинным назначением телесных органов перепоночку и шестой палец — все равно что судить о поведении людей по законам человечности и долга, полагаясь только на свой ум.

Посему пристрастие к созерцанию затуманивает наше восприятие пяти цветов, смешивает для нас все узоры мира, подобно тому как многоцветные одеяния ослепляют наш взор. Вы не согласны? Но пример Ли Чжу доказывает это. Пристрастие к сладкозвучию смешивает для нас пять музыкальных нот, подобно тому как гимны Хуан-чжуан и Да-люй оглушают нас. Вы не согласны? Но пример учителя музыки Куана доказывает это. Заботиться о своей человечности, точно о лишнем отростке на руке, — значит насиловать свои жизненные свойства и ставить препоны своей природе ради того, чтобы стяжать уважение и славу и заставить мир под звуки дудок и гонгов покориться никому не нужным законам. Вы не согласны? Но ученые Цзэн и Ши доказали это. Тот, кто увлекается спорами, строит башни из черепиц и завязывает узлы на веревке, выдумывая мудреные слова и завлекательные суждения, чтобы заставить всех думать о том, что такое «твердость» и «белизна», «подобное» и «разное», и восхищаться пустопорожними речами. Вы не согласны? Но примеры Ян Чжу и Мо Ди доказывают это. Все это искусства, прославляющие внешнее и никчемное и далекие от праведного Пути в этом мире.

Тот, кто идет праведным Путем, не отходит от своей

природы и судьбы. Поэтому единение с другими для него — не бесполезная перепонка, размежевание с другими для него — не никчемный отросток. Обильное в нем не находится в избытке, скудное в нем не находится в недостатке. У утки короткие лапы, но попытайтесь вытянуть их — и вы сделаете ее несчастной. У журавля длинные ноги, но попробуйте укоротить их — и вы причините ему страдания. Поэтому то, что длинно от природы, нельзя укорачивать, а то, что от природы коротко, нельзя удлинять. В природе не от чего избавляться, в природе ничто не может доставить нам неудовольствие. Но ведь человечность и долг тоже не составляют существа человека. Отчего же наши высоко- нравные мужи так пекутся о них?

А притом попробуйте срезать кому-нибудь перепонки на пальцах — и он будет плакать от боли. Попробуйте кому-нибудь отрубить шестой палец — и он закричит от боли. Среди этих двух у одного конечностей больше, чем положено, но больно им будет одинаково. Благочестивые люди нашего времени в своей слепоте сокрушаются о несчастьях света. Негодяи попирают свою природу и свой удел, чтобы добиться почестей и богатства. А посему не следует ли заключить, что человечность и долг не составляют сущности человека? Отчего же со времен Трех Династий¹ в мире было так много шума вокруг них?

Полагаться на циркуль, отвес и угольник, для того чтобы выправлять вещи, — значит насиловать их природу. Полагаться на веревку, клей и лак, для того чтобы скреплять вещи, — значит покушаться на их жизненные свойства. А кланяться и сгибаться согласно этикету, восхвалять человечность и долг, желая успокоить сердца людей, — значит отказываться от постоянства в себе. В Поднебесной, несомненно, существует постоянство. Но кривизна как постоянное свойство вещей происходит не от циркуля плотника, а прямота как постоянное свойство вещей происходит не от его угольника, сращивание вещей достигается не клеем и лаком, связанность вещей достигается не веревками и узлами. Так все существа в Поднебесном мире живут и не знают, чему обязаны своей жизнью. Все они в равной мере обладают полнотой жизненных свойств, а почему так происходит — не ведают. Посему прошлое ничем не отличается от настоящего, и ничто в мире не сойдет со своего места. Отчего же глашатаи человечности и долга нескончаемой вереницей, словно склеенные или связанные веревками, приходят в этот мир и проповедуют нравственность, внося смуту в умы?

Люди, слегка заблудившиеся, сбиваются с пути. Люди, заблудившиеся всерьез, отворачиваются от своей природы. Откуда нам известно это? С тех пор как род Юй привлек благонравных мужей к управлению Поднебесной, все люди в мире устремились наперегонки за человечностью и долгом. Разве это не означает променять свою природу на человечность и долг? Попробуем разобраться в этом. Со времен Трех Династий каждый человек в мире променял свою природу на что-то иное. Низкий человек жертвует собой ради выгоды, служилый человек жертвует собой ради славы, сановный муж не щадит себя ради семьи, а мудрец приносит себя в жертву всему миру. И как бы ни были различны занятия этих людей, какую бы память они ни оставили о себе, все они были одинаковы в том, что наносили ущерб своей природе и губили себя.

Два пастушка, Цзан и Гу, вместе пасли стадо, и оба потеряли своих овец. Когда их спросили, чем они занимались на пастбище, то выяснилось, что Цзан читал книги, а Гу играл в кости. Занятия пастушков были неодинаковы, но в том, что они потеряли овец, они были совершенно одинаковы. Бои умер ради славы на горе Шоуян. Разбойник Чжи погиб из-за своей алчности у Восточного холма. Оба они погибли по разным причинам, но в том, что они лишились жизни, они были совершенно равны. Должны ли мы полагать, что Бои был прав, а разбойник Чжи нет? В мире никто не в силах избежать смерти. Того, кто гибнет из-за человечности и долга, простачки зовут благородным мужем. А того, кто гибнет из-за сокровищ, простачки зовут низким человеком. Хотя и тот и другой погибают, один слывет благородным мужем, а другой — низким человеком. Но ведь разбойник Чжи, погубивший себя, ничем не отличается от Бои. Какое же имеет значение, кто из них благородный муж, а кто низкий человек?

Того, кто подчиняет свою природу человечности и долгу, будь он даже умен, как ученые Цзэн и Ши, я не назову великим. И того, кто насилует свою природу в угоду пяти вкусовым ощущениям, даже если он умен, как Юй Эр, я тоже не назову великим. Того, кто насилует свою природу из любви к сладкозвучию, будь он даже искусен в музыке, как учитель Куан, я не назову человеком с хорошим слухом. И того, кто терзает свою природу из любви к цветам, даже если он разбирается в них, как Ли Чжу, я не назову человеком, обладающим острым зрением. Когда я называю кого-нибудь великим, я говорю не о человечности и долге, а о полноте жизненных свойств. Опять-таки, называя кого-

нибудь великим, я говорю не об умении различать пять вкусовых ощущений, а о доверии к своей природе и своей судьбе. Когда я называю кого-нибудь человеком с хорошим слухом, я говорю не о том, что он хорошо слышит других, а о том, что он умеет вслушиваться в себя. Когда же я называю кого-нибудь человеком с острым зрением, я говорю не о том, что он хорошо видит других, а о том, что он умеет всматриваться в себя. Смотреть на других и не всматриваться в себя, не постигать себя, а постигать других — значит приобретать то, что принадлежит другим, и не приобретать того, что принадлежит себе. Это значит подлаживаться к тому, что угодно другим, и не подлаживаться к тому, что угодно себе². Если же жить лишь ради того, что угодно другим, и не жить ради того, что угодно себе, тогда и Бои, и разбойник Чжи, можно сказать, «впали в излишества». Я склоняюсь перед праведной силой жизни, а потому не желаю ни упражняться в осуществлении человечности и долга, ни жить таким образом, чтобы «впасть в излишества».

ГЛАВА IX

КОНСКИЕ КОПЫТА

Конь может ступать копытами по инею и снегу, а шкура защищает его от ветра и холода. Он щиплет траву и пьет воду, встает на дыбы и пускается вскачь. Такова настоящая природа коня. И если бы его пустили жить в высокие террасы и просторные залы, он вряд ли возрадовался бы этому.

Но вот пришел Болэ и сказал: «Я умею укрощать коней». И он стал прижигать и стричь их, прибивать подковы и ставить клейма, стреноживать и запирать в конюшне, а потому два-три коня из каждого десятка погибали. Он стал морить коней голодом и жаждой, заставляя их бегать рысью и галопом, в одной упряжке и друг за другом. Он мучил их уздечкой и шлеей, нагонял на них страх плеткой и кнутом, и коней погибало больше половины.

Горшечник говорит: «Я умею обрабатывать глину». И вот он выделывает круглое с помощью циркуля, а квадратное с помощью угольника. Плотник говорит: «Я умею обделывать дерево». И вот он вытесывает круглые столбы при помощи крюка и прямые доски при помощи отвеса. Но разве глина и дерево по природе своей желают, чтобы их обрабатывали с помощью циркуля и угольника, крюка и отвеса? И тем не менее в мире поколение за поколением твердят: «Болэ искусно управлялся с лошадьми, горшечник и плотник искусно управляются с глиной и деревом». Вот в чем ошибка тех, кто правит Поднебесной.

Я же полагаю, что те, кто искусны в управлении Поднебесной, поступают иначе. Люди от природы обладают постоянством:

Они ткут — и одеваются.
Пашут землю — и кормятся.
Это зовется «быть единым в свойствах жизни».
Они все заодно и не имеют корысти.
Имя этому — Небесная свобода.

Во времена, когда свойства жизни не терпели ущерба, походка у людей была уверенная, а взгляд — непреклонный. В ту пору в горах еще не было тропок, а на озерах — ни лодок, ни мостов. Все существа жили сообща, и людские селения лепились друг к другу¹. Звери и птицы сбивались в стаи, деревья и травы вырастали в полный рост. Поэтому каждый мог приладить поводок к животному или птице и пойти с ним на прогулку или нагнуть дерево и заглянуть в гнездо вороны или синицы. В те времена люди жили вместе с птицами и зверями, словно потомки одного рода. Где уж им было знать, кто благородный муж, а кто низкий человек!

Едины все в незнании,
От силы не отходят.
Подобны в нежелании,
Просты и безыскусны!

В простом и безыскусном обретается человеческая природа.

А потом пришли «прославленные мудрецы», и люди стали считать человечностью умение ходить, хромя, а следованием долгу — умение стоять на цыпочках. Мир оказался в смятении. Распушенность стала высокочтимой музыкой, суетливость превратилась в торжественный ритуал. Вот тогда в мире начался разброд. Если не расколото цельное древо жизни, откуда возьмется жертвенный сосуд? Если не разбита белая яшма духа, откуда возьмется державная печать? Если Путь и жизненные свойства не отвергнуты, кто возлюбит человечность и долг? Если не презрели мы свое естество, кому нужны будут ритуалы и музыка? Если не перемешаны пять цветов, кто возьмется делать украшения и узоры? Если не перепутаны пять нот, кто захочет настраивать музыкальные инструменты? Разрушать цельное древо для того, чтобы изготовить отдельный предмет, — вот прегрешение ремесленника. Разбить Путь и его свойства для того, чтобы насадить человечность и долг, — вот прегрешение «прославленных мудрецов».

Ну а кони? Они любят жить на воле, щипать траву и пить ключевую воду. Когда они радуются, то трутся друг о друга шеями. Когда они сердятся, то поворачиваются друг к другу задом и лягают друг друга. Вот в чем состоит их природное знание. А если надеть на коней хомут и накинуть на них узду, они будут дергать головой и кусать удила, упираться и брыкаться. Вот почему если даже у ло-

шадей появляются разбойничьи повадки, то повинен в том сам Болэ.

Во времена царствования рода Хэсуй люди, живя в своих домах, не знали, чем они занимаются, а выехав в путешествие, не знали, куда направляются. Набивали себе рот — и радовались жизни. Хлопали себя по животу — и гуляли в свое удовольствие. Таковы были их природные склонности. А потом пришли «прославленные мудрецы», и они сгибались и кланялись по правилам ритуалов и музыки, желая установить правильные формы всех вещей, и заставляли всех тянуться за человечностью и долгом, чтобы вселить в людские сердца покой. Вот тогда люди принялись ходить на цыпочках перед «знающими мужами» и стали соперничать за выгоду для себя, и невозможно было положить этому конец. Таково зло от «прославленных мудрецов».

ГЛАВА X
ВЗЛАМЫВАЮТ СУНДУКИ

Чтобы уберечься от воров, которые взламывают сундуки, шарят в мешках и залезают в комоды, люди обвязывают эти вещи веревками и канатами, навешивают на них замки и засовы. В миру это называют предусмотрительностью. Но если придет большой вор, то он взвалит на себя сундук, подхватит мешок и утащит комод, страшась только, что все эти веревки и замки окажутся недостаточно прочными. И разве то, что прежде называли предусмотрительностью, не окажется на самом деле накоплением богатства для большого вора?

Есть ли среди тех, кого в свете называют предусмотрительными, такие, которые не собирают добро для большого вора? Есть ли среди тех, кто слынут в свете мудрецами, такие, которые не охраняют больших воров? Как мы можем знать, так ли это на самом деле? Когда-то в царстве Ци города располагались в пределах видимости, люди слышали крики петухов и лай собак в соседней деревне, а вокруг столицы на две тысячи ли ставили сети на реках и распахивали землю сохами и мотыгами. Во всех пределах царства строго блюли уложения «прославленных мудрецов» о храмах предков и алтарях духов земли и хлебных злаков, чтили обычаи каждой области и каждой деревушки. И вот однажды Тянь Чэн-цзы убил правителя Ци и присвоил себе его царство. Но разве он украл только государство? Вместе с государством он украл и введенные мудрецами законы. Поэтому у Тянь Чэн-цзы была слава разбойника, но жил он безмятежно, как сам Яо и Шунь. Малые царства не осмеливались его порицать, а большие — карать, и потомки Тянь Чэн-цзы на протяжении двенадцати поколений владели Ци. Не следует ли в таком случае сказать, что Тянь Чэн-цзы украл мудрые установления, чтобы сберечь свои разбойничьи повадки?

Посмотрим теперь, нет ли среди тех, кого в мире зовут

самыми мудрыми, таких, которые собирают добро для большого вора? И нет ли среди тех, кого зовут самыми мудрыми, таких, которые охраняют воров и разбойников? Как мы можем знать, так ли это на самом деле? В старину отрубили голову Лунфэну, вырвали сердце у Биганя, вспороли живот Чанхуну, бросили в реку Цзысюя. Все эти четверо были достойнейшими мужами, а не смогли избежать позорной смерти.

Однажды подручный разбойника Чжи спросил у него: «У разбойников тоже есть Путь?»

— Как можно направляться куда-нибудь, не имея Пути? — ответил Чжи. — Уметь догадаться, где в доме спрятаны драгоценности, — это как мудрость. Войти туда первым — это как мужество. Выйти последним — все равно что верность долгу. Знать, сможешь ли унести награбленное, — это как знание ученого мужа. Разделить добычу поровну — это как человечность. Тот, кто не обладает этими пятью качествами, не станет хорошим разбойником.

Отсюда видно, что добрый человек, не постигнув путь истинно мудрых, не занимает славы, а разбойник, не постигнув путь истинно мудрых, не достигнет успеха. В Поднебесной добрых людей мало, а плохих много, поэтому польза от истинно мудрых мала, а вред от них велик. Недаром в народе говорят: «Плохое вино привезли из Лу, а осаде подвергся Ханьдань»¹. Когда рождаются мудрецы, плодятся и разбойники. Уберите мудрецов, оставьте разбойников в покое, и в мире воцарится порядок.

Когда высыхает река, пустеет долина.

Когда срывают холмы, заполняются пропасти.

Коли будут мертвы мудрецы, исчезнут и разбойники. Повсюду восторжествует мир, и не будет никаких беспорядков.

Но пока мудрецы не перемрут, не переведутся и разбойники. И если в мире станет вдвое больше мудрецов, то для разбойника Чжи выгода возрастет вдвое. Если вы учредите меры для обмера вещей, он украдет и товар, и вещи, и меры. Если вы поставите весы, чтобы взвешивать вещи, он украдет и вещи, и весы. Если вы учредите печати и клейма, он украдет товар вместе с печатями и клеймами. А если вы провозгласите человечность и долг, чтобы выправлять вещи, он опять-таки украдет все, что можно украсть, вместе с человечностью и долгом. Откуда мы знаем, что так и будет? Укравшего поясную пряжку тащат на пла-

ху, укравший же царство восседает на троне, а у ворот его дворца толпятся любители человечности и долга. Не есть ли это кража человечности и долга, мудрости и знания? Вот так большой разбойник захватывает престол, крадет человечность и долг, меры и весы, печати и клейма и пользуется ими с такой выгодой для себя, что его уже ни колесницей и шапкой знатного вельможи не приманить, ни топором палача не отпугнуть. Для разбойника Чжи тут выгода двойная, и никакими наказаниями людей от нее не отвлечь. Вот каково прегрешение «прославленных мудрецов»!

Говорят: «Рыбе нельзя покидать глубины, острое оружие государства нельзя показывать народу»². Те «прославленные мудрецы» как раз и есть острое оружие Поднебесной, и показывать их миру ни в коем случае нельзя. Посему откажитесь от мудрецов, отбросьте знания — и большие разбойники исчезнут. Выбросьте вон яшму, растолките жемчуг — и в стране не будет мелких воров. Сожгите верительные бирки и печати — и народ будет прост и бесхитростен. Разбейте меры и сломайте весы — и люди перестанут соперничать друг с другом. Отмените законы, введенные мудрецами, — и тогда с людьми можно будет говорить о праведной жизни. Расстройте музыкальные созвучия, разбейте свирели и гусли, заткните уши музыканту Куану — и люди наконец смогут положиться на свой слух. Уничтожьте узоры, смешайте пять цветов, заклейте глаза Ли Чжу — и люди наконец смогут положиться на свое знание. Разбейте плотницкие крюки и отвесы, избавьтесь от угольников и циркулей, переломайте пальцы Мастеру Чую — и люди наконец смогут положиться на собственное искусство. Ибо сказано: «Великое мастерство похоже на неумение»³. Перестаньте завидовать поведению Цзэн и Ши, заткните рот сторонникам Ян Чжу и Мо Ди, отбросьте человечность и долг — и жизненные силы в Поднебесной наконец будут едины в своей сокровенной глубине. Если люди будут полагаться только на свое зрение, в мире не останется ослепленных вещами. Если люди будут полагаться только на свой слух, в мире не останется увлеченных делами. Если люди будут полагаться только на свои жизненные свойства, в мире не останется пристрастных. Цзэн и Ши, Ян Чжу и Мо Ди, Учитель Куан и Мастер Чуй и знаток цветов породили в мире смятение и разброд. Тут уж законы бессильны помочь.

Разве вы не слышали о временах, когда в мире еще была жива истинная добродетель? Некогда, в царствование

Жунчэна, Датина, Бохуана, Чжунъяна, Лилу, Лисюя, Сяньюаня, Хэсюя, Цзуньлу, Чжужуна, Фуси и Шэньнуна, люди вместо письма завязывали на веревке узелки, любили свою простую пищу и свое безыскусное платье, не стеснялись своих обычаев и были довольны своими жилищами. Они видели дома соседних селений, слышали, как там кричат петухи и лают собаки, но до самой смерти не ходили туда. Вот так и жили люди в благословенные времена.

А нынче дошло до того, что люди встают на цыпочки и вытягивают шею, а потом говорят, что в таком-то месте появился достойный муж! Захватив с собой еду, они бегут во всю прыть к этому человеку, позабыв о любви к родителям и долге перед господином. Ноги их так и мелькают на границах царств, экипажи их так и снуют за тысячи ли от родного дома. Вот преступление правителей, ищущих знаний!

Если правитель любит знания, но не следует Пути, в Поднебесной начнется великая смута. Откуда мы знаем, что так и будет? Если наши познания насчет луков и арбалетов, силков и ловушек чересчур велики, то не будет порядка среди птиц в Поднебесье. Если мы знаем чересчур много о крючках и гарпунах, вершах и неводах, то не будет порядка среди рыб в глубине вод. Когда слишком много знают о ямах и капканах, пиках и рогатинах, то не будет порядка среди зверей в лесной чаще. Когда слишком много судят о «твердости» и «белизне», «подобии» и «различии»⁴, обыкновенные люди пребывают в замешательстве. Поэтому всякий раз, когда в Поднебесной начинается великая смута, вина лежит на любителях знания.

В мире все знают, как познавать непознанное, но никто не знает, как познавать уже известное. Все знают, как отвергать то, что мы считаем дурным, но никто не знает, как отвергать то, что мы считаем добрым. Вот почему в мире нынче воцарилась великая смута. И вот люди ставят преграды свету солнца и луны вверху, разрушают природу гор и рек внизу и вмешиваются в круговорот времен года. И среди тварей земных, ползающих и летающих, нет ни одной, которая смогла бы сохранить в целостности свою природу. О, в какую смуту ввергли Поднебесный мир любители знания! И так продолжается уже со времен Трех Династий. Людей достойных презирают, а услужливых негодяев возносят до небес. Людей покойных и безмятежных не ценят, а суетливыми и никчемными восторгаются. Вся эта суета несет гибель Поднебесному миру.

ГЛАВА XI

ДАТЬ ВОЛЮ МИРУ

Я слышал о том, что Поднебесному миру нужно позволить быть таким, каков он есть, но не слышал о том, что миром нужно управлять. Я говорю: «позволить быть», ибо опасаясь, что природу людей извратят управлением. Я говорю: «быть таким, каков он есть», ибо опасаясь, что управлением можно насильственно изменить свойства людей. Но если никто не склонен к излишествам и не отрекается от своих жизненных свойств, для чего тогда управлять Поднебесной?

В старину, когда Яо взялся наводить в мире порядок, он сделал так, что каждый человек возлюбил свою природу, и вся Поднебесная ликовала. А когда Цзе завел свои порядки, люди возненавидели свою природу, и вся Поднебесная пребывала в унынии. Но ликовать или печалиться — значит идти против своих естественных свойств, а все, что этим свойствам противоречит, не может быть долговечным.

Люди чересчур радовались? Но это означает, что они слишком склонились к стихии Ян. Когда силы Инь и Ян не находятся в равновесии, нарушается круговращение времен, холод и тепло пребывают в разладе, и здоровье человека терпит ущерб. Тогда люди перестают к месту радоваться и к месту печалиться, лишаются постоянства в жизни, много умствуют, но не могут достичь удовлетворения и бросают дела на полпути. Мир сотрясают необузданные страсти, и в нем появляются, с одной стороны, разбойник Чжи, а с другой — ученые Цзэн и Ши. Тогда, даже если вы призовете весь мир карать зло, оно не исчезнет. Как ни велик мир, у него неостанет сил на то, чтобы вознаграждать или карать. Со времен Трех Династий люди только и занимались тем, что кого-то поощряли или наказывали. И что же, помогло это занятие нам утвердиться в нашей природе и в нашей судьбе?

Может быть, лучше искать утех в созерцании красок мира? Но это означает предаваться излишествам в цветах. Напрягать свой слух? Но это означает предаваться излиществам в звуках. Искать удовольствие в человечности? Это погубит жизненные свойства. Любить долг? Это разрушит всеобщий порядок в мире. Любить ритуал? Это приучит нас к неестественности. Любить музыку? Но это значит поддаться соблазнам. Подражать мудрым? Это значит упражняться в никчемных искусствах. Любить знание? Это значит привлекать к себе недоброжелателей. Когда все живое в мире принимает свою природу и судьбу, не имеет значения, существует или не существует в нем восемь названных здесь вещей. Когда же нет возможности принять свою природу и судьбу, тогда эти восемь ложных добродетелей опутывают людские сердца и ввергают мир в смуту, так что люди начинают чтить их и не хотят с ними расставаться. О, как обманут мир! Кто скажет, что люди одолели эти соблазны и избавились от них? Нет, люди постыятся, прежде чем заговорить о них преклонив колена, оповещают о них царей и в их честь пляшут под торжественную музыку. Что тут поделаешь!

Посему, если благородному мужу приходится взойти на престол, ему лучше всего следовать недеянию. Благодаря недеянию он обретет покой в своей природе и судьбе. Поэтому сказано: «Если ты ценишь себя больше всей Поднебесной, тебе можно доверить судьбу мира. Если ты любишь свою жизнь больше мира, то мир можно оставить на твое попечение»¹ И если благородный муж способен не причинять ущерба своему телу и не напрягать зрения и слуха, то, даже сидя недвижно, как труп, он будет иметь драконий облик, и, даже храня глубокое безмолвие, он возымеет громоподобный глас. Он будет воздействовать духовной силой и соединяться с Небесным в самом себе. Он будет как бы бездеятелен, а все сущее предстанет ему паром, возносящимся ввысь. К чему тогда думать о том, как лучше управлять Поднебесной?

Цуй Шу спросил у Лао Даня: «Если не управлять Поднебесной, то как исправить сердца людей?»

— Будь осторожен, не тревожь людские сердца! — ответил Лао Дань. — Сердце у человека опускается, когда его унижают, и возносится, когда его хвалят. Человек с опустившимся сердцем — что узник; человек с вознесшимся сердцем — все равно что палач. Сердце человека, будучи уступчивым и мягким, становится сильным и жест-

ким, оно и острое, и гладкое. Загораясь, оно становится горячим, как пламя. Остывая, оно становится холодным, как лед. Так быстро оно меняется, что не успеешь взгляд переверести, как оно дважды успеет побывать за пределами Четырех морей. Покоясь, оно черпает свой покой из бездны в себе. Действуя, оно взмывает к самым небесам. Что может быть более гордым и свободным на свете, чем сердце человека?

В старину Желтый Владыка впервые растревожил сердца людей человечностью и долгом. А потом Яо и Шунь трудились до изнеможения ради благоденствия всего живого на земле, истязали себя ради человечности и долга, не жалели сил ради законов и уложений, а успеха так и не добились. И тогда Яо сослал Хуань Доу на гору Чун, изгнал племя Саньмяо в Саньвэй и отправил Гун-гуна в Юду. Значит, успеха он так и не добился, верно? А когда пришли времена Трех царей ², весь мир был уже объят страхом. Хуже всех были злодей Цзе и разбойник Чжи, лучше всех были добродетельные ученые Цзэн и Ши. А еще поднялись последователи Конфуция и Мо Ди. С тех пор они то дружески, то враждебно спорили друг с другом, то ловко, то простодушно обманывали друг друга, то мягко, то злобно нападали друг на друга, то благородно, то бесчестно высмеивали друг друга, а жить становилось все хуже. Великое Совершенство перестало объединять людей, природа их была унижена и разорвана на части. В мире возлюбили знания, и все сто фамилий ³ погрязли в корыстолюбии. И вот пустили в дело топоры и пилы, чтобы навести порядок, стали казнить по угольнику и отвесу, выносить приговор долотом и шилом. Поднебесный мир был ввергнут в великую смуту, и преступление поселилось в людских сердцах. С тех пор достойные мужи скрылись от мира в неприступных горах, а земные владыки дрожали от страха в храмах предков. Нынче казненные лежат друг на друге, закованные в колодки теснят друг друга, приговоренные к смерти стоят друг за другом. А между закованными в кандалы и наручники ходят на цыпочках и размахивают руками последователи Конфуция и Мо Ди. Куда уж дальше! Большого позора и бесстыдства придумать нельзя! Неужели не видно, что их мудрость и знание служат долоту и ошейнику? Что их человечность и долг служат кандалам и наручникам? Как знать, не были ли ученый Цзэн и летописец Ши разящей стрелой тирана Цзе и разбойника Чжи? Вот почему говорится: «Покончите с мудростью, отбросьте знания, и в Поднебесной воцарится порядок» ⁴.

После того как Желтый Владыка девятнадцать лет управлял Поднебесной и приказы его исполнялись во всех пределах земли, он прослышал о том, что на горе Пустого Подобия обитает мудрец Гуан Чэн-цзы. Желтый Владыка пришел к нему и спросил: «Я слышал, что вы, уважаемый, постигли высший Путь. Позвольте спросить, в чем суть высшего Пути? Я желаю вобрать в себя тончайшие испарения⁵ Неба и Земли, чтобы помочь вызреванию хлебных злаков и благоденствию народа».

— То, о чем ты спрашиваешь, — ответил Гуан Чэн-цзы, — это сущность вещей. Но то, чем ты хочешь управлять, это мертвая оболочка вещей. С тех пор как ты управляешь Поднебесной, дождь выпадает, прежде чем соберутся облака, листья и травы увядают, не успев пожелтеть, а солнце и луна тускнеют неотвратимо. Ты слишком мелок душой — как можно удостоить тебя разговором о высшем Пути?

Желтый Владыка ушел восвояси, сложил с себя царский титул, построил себе уединенную хижину, сплел себе циновку из белого тростника и прожил отшельником три месяца. Потом он снова пришел к Гуан Чэн-цзы за наставлением. Гуан Чэн-цзы лежал головой к югу. Желтый Владыка почтительно подполз к нему на коленях и, поклонившись до земли, спросил: «Я слышал, уважаемый, что вы постигли высший Путь. Позвольте спросить: что нужно делать с собой, чтобы долго жить?»

Гуан Чэн-цзы поспешно поднялся и сказал: «Какой прекрасный вопрос! Подойди, я поведаю тебе о высшем Пути:

Семя высшего Пути
Так глубоко! Так сокровенно⁶!
Исток высшего Пути
Так темен! Так неприметен!
Не смотри и не слушай,
Храни свой дух, себя упокой,
И тело твое выправится само.
Будь же покоен, будь всегда чист,
Не изнуряй себя трудами,
Не отдавай жизненных сил,
И ты сможешь жить долго.

Пусть глазам твоим будет не на что смотреть, ушам нечего слушать, а сознанию нечего знать. Оберегай духом свое тело, и оно будет вечно жить.

Внимай тому, что хранится внутри, затворись от всего, что приходит снаружи, ибо многознайство сулит гибель.

Тогда я воспарю с тобой выше светила небес — к истоку высшего Ян. Я погружусь с тобой в чертоги подземного мрака — к истоку высшего Инь.

Умей быть господином Неба и Земли,
Умей вместить в себя и силу Инь, и силу Ян.
Будь осторожен, умей себя уберечь,
И все живое счастье само обретет.

Я оберегаю единство всех вещей и в себе храню вселенскую гармонию. Я совершенствуюсь уже тысячу двести лет, и тело мое до сей поры не одряхлело».

Тут Желтый Владыка дважды отвесил земной поклон и воскликнул: «Да будет Гуан Чэн-цзы моим «Небом!»»⁷

— Подойди и внемли,— отозвался Гуан Чэн-цзы.— Эта вещь безмерна, а люди думают, что у нее есть мера. Тот, кто обретет мой Путь, вверху станет царственным пределом, внизу — грядущим правителем. Тот, кто потеряет мой Путь, вверху прозреет свет, внизу сольется с прахом земным. Ведь все живое в этом мире выходит из праха и в прах возвращается. А потому я покину тебя и войду во врата Бесконечного, буду странствовать в просторах Безбрежного. Я сольюсь со светом солнца и луны, соединюсь с вечностью Неба и Земли. Кто идет ко мне, меня не приметит. Кто уйдет от меня, обо мне не вспомнит. Все люди смертны, я же пребуду вовеки.

Облачный Полководец помчался на восток и у дерева Фуяо⁸ повстречался с Хун Мэном, который прогуливался, подпрыгивая по-птичьи и похлопывая себя по бедрам. Завидев его, Облачный Полководец в смущении остановился и спросил почтительно:

— Кто вы такой? И что вы здесь делаете?

— Вот прогуливаюсь,— отвечал Хун Мэн, продолжая прыгать и хлопать себя.

— Позвольте задать вам вопрос,— сказал Облачный Полководец.

— Ого! — ответил, взглянув на Облачного Полководца, Хун Мэн.

— В небесных парах нет согласия, в земных испарениях — застой, шесть видов энергии вышли из равновесия, в смене времен года нет порядка. Что мне делать, если я желаю упорядочить все силы вселенной, дабы помочь росту всего живого?

— Не знаю, не знаю,— ответил Хун Мэн, все так же подпрыгивая и тряся головой.

Облачный Полководец не посмел спрашивать далее. Прошло три года. Странствуя на востоке и пролетая над сунской равниной, Облачный Полководец снова заметил Хун Мэна и радостно поспешил к нему со словами:

— О, равный Небу, вы не забыли меня?

Засим он дважды отвесил земной поклон и уже хотел задать Хун Мэну вопрос, но тот сказал:

— Что я могу знать?

Странствую, не зная зачем.
Мчусь, не ведая куда.
Скитаюсь привольно,
Вглядываясь лишь в сущностное.
Что же я могу знать?

— Я тоже думаю о себе, что скитаюсь привольно,— сказал Облачный Полководец.— Но люди следуют за мной повсюду, и я ничего не могу с ними поделать. Теперь же, как принято у людей, хочу услышать от вас хотя бы одно слово.

Тут Хун Мэн сказал:

— В том, что порядок Небес поколеблен, природа вещей испорчена, труды небесные не имеют завершения, стада разбегаются, птицы кричат по ночам, огонь сжигает деревья и травы, гибнут даже гады и насекомые, виноваты те, кто взялся устанавливать порядок среди людей.

— Так что же мне делать? — спросил Облачный Полководец.

— Ах! Бросьте все и уходите,— отвечал Хун Мэн.

— С вами, равный Небу, тяжело говорить. Скажите еще хотя бы слово.

— Ах! — отвечал Хун Мэн.— Пестуйте свое сердце, пребывайте в недеянии, и вещи все свершат сами по себе. Отриньте свое тело, отбросьте свое зрение и слух, забудьте и о людях, и о вещах, слейтесь с беспредельным, освободите свое сердце, отпустите на волю свой дух, исчезните, словно в вас не стало души. «Все сущее сменяет друг друга в неисчерпаемом многообразии, и каждая вещь возвращается к истоку, возвращается к истоку!»⁹ Пусть не останется в вас ни грана знания, погрузитесь в бездонный хаос и существойте так вовеки. Если ж будете пытаться это понять, отдалитесь от этого. Не спрашивайте же его имени, не допытывайтесь его свойств, и все сущее будет рождаться само собой.

— Вы, равный Небу, ниспослали мне совершенство, наставили меня безмолвием,— сказал Облачный Полково-

дец. С этими словами он дважды поклонился до земли, попрощался и полетел дальше.

Обыкновенным людям нравится, когда другие чем-то на них похожи, и не нравится, когда другие чем-то от них отличаются. Любовь к себе подобным и неприязнь к непохожим на себя рождена желанием выделиться из толпы. Но разве тот, кто жаждет выделиться из толпы, и в самом деле человек выдающийся? Чем добиваться всеобщего одобрения твоего искусства, лучше позволить быть на равных всем искусствам. Но те, кто хотят управлять государством, ищут в порядках Трех Царей только полезное и не замечают того худого, что есть в них. Это означает доверить судьбу царства случаю, а долго ли будет процветать царство, коли судьба его зависит от случая? Шансов сохранить его — один на десять тысяч. А шансов погубить его — более десяти тысяч против одного. Увы, владыки земель того не ведают! Тот, кто владеет землей, владеет одной великой вещью. А кто владеет великой вещью, не может видеть перед собой только вещь. Тот, кто способен не видеть вещи в вещах, способен предоставить каждой вещи быть такой, какая она есть. Кто понимает, что вещь становится вещью благодаря тому, что вещью не является, тот не просто управляет людьми, а выходит за пределы земного мира и в него возвращается, привольно скитаясь по всем Девяти областям Земли¹⁰. Одинокий он уходит, одинокий приходит, а потому зовется «в одиночестве живущим». Ценнее же человека, в одиночестве живущего, в мире ничего нет.

Учение Великого Человека — словно тень, отбрасываемая телом, и эхо, вторящее голосу. На любой вопрос откликнется, понимая чувства людей, ощущая сопричастность свою всему свету. Он пребывает в незыблемом покое, а движется, не ведая границ, ведет каждого сообразно его устремлениям и приводит каждого к его изначальной природе. Странствует привольно и бесконечно, выступает, никуда не отклоняясь, и безначален, как солнце, а телом слит с Великим Единством. В Великом Единстве нельзя иметь ничего личного. Не имея же ничего личного, ничем нельзя обладать. Наблюдающие за обладаемым — таковы благородные мужи древности. Наблюдающие за тем, чем обладать нельзя, — таковы друзья Неба и Земли.

Презранны, а в жизни необходимы: таковы вещи. Низменны, а нельзя на них не опереться: таковы простые люди. Утомительны, а нельзя ими не заниматься: таковы мир-

ские дела. Грубы, а нельзя не оповещать о них: таковы законы. Далеко отстоит, а нужно держаться за него: таков долг. Всегда рядом с тобой, а должна быть распространена на всех: такова человечность. Разделяют, а должны свиваться в одну нить: таковы ритуалы. Пребывают внутри, а нужно к ним стремиться: таковы жизненные свойства. Едино, а не может не изменяться — таков Путь. Обладает духовной силой, а не может не действовать: таково Небо. Поэтому мудрый созерцает Небо, а помощи не предлагает; постигает в себе жизненные свойства, а ничем не связан; исходит из Пути, а не строит планов. Он безошибочно выполняет долг, но не взирает на образцы, в совершенстве владеет ритуалом, но не признает запретов, блестяще разрешает все дела и не отворачивается от них, разумно применяет законы и не вносит путаницы в жизнь, чутко внимает чувствам людей и не презирает их, полагается на вещи и не отбрасывает их. А что касается вещей, то ни одна из них недостойна того, что делается с ней, хотя бы и нельзя не делать этого.

Кто не имеет ясного понимания Неба, не будет чист и в жизненных свойствах. Кто не постиг Путь, не сможет ничего свершить в жизни. Горе тому, кто не прозрел Путь! Что же такое Путь? Есть Путь Неба, и есть Путь Человека. Быть чтимым благодаря недеянию — вот Путь Неба. Совершать действия и быть связанным ими — вот Путь Человека. Путь Неба приличествует господину, Путь Человека — слуге. Нельзя не видеть, сколь далеки друг от друга Путь Неба и Путь Человека.

ГЛАВА XII

НЕБО И ЗЕМЛЯ

Как ни велики Небо и Земля, а превращения их уравновешиваются. Как ни многочисленны вещи в мире, а порядок их един. Как ни много людей в мире, а все они повинуются государю. Правитель же черпает свою силу в свойствах самой жизни и претворяет свое назначение благодаря Небу. Поэтому говорят: «В глубокой древности миром управляли лишь Недеянием и Небесным Совершенством».

Судите о словах, исходя из Пути, и правление в государстве будет безупречным. Судите о понятиях, исходя из Пути, и в отношениях между правителями и подданными не будет изъяна. Судите о способностях и событиях, исходя из Пути, и чиновники в Поднебесной будут служить исправно. Смотрите на все, исходя из Пути, и все вещи в мире достигнут совершенства.

То, что пронизает собою Небо и Землю, — это Путь. То, что созвучно Земле, — это «полнота жизненных свойств». То, что претворяется в судьбе вещей, — это «долг»¹. То, что вносит порядок в жизнь людей, — это «деяние». То, в чем проявляется искусство, — это «мастерство». Мастерство сопрягается с деянием, деяние сопрягается с долгом, долг сопрягается с полнотой жизненных свойств, а полнота жизненных свойств — с Путем Небес. Потому и говорится, что древние пастыри Поднебесного мира не имели желаний, и в мире царило довольство; они ничего не делали, а в мире все свершалось; они были покойны в глубине своего сердца, а народ жил безмятежно. Как сказано в записях: «Постигай Единое, и все деяния обретут завершенность; освободись от своего сознания, и духи покорятся тебе».

Учитель сказал:

«Путь поддерживает и покрывает все сущее. О, как велик он! Благородный муж благодаря ему не может не от-

крыть сердце. То, что действует надеянием, — это Путь. А то, благодаря чему мы говорим о надеянии, — это полнота жизни. Любовь к людям и польза для вещей зовется человечностью.

Подобие неподобного зовется величием. Поведение, не проводящее границ и различий, зовется великодушием. Обладание тьмой разных вещей зовется богатством. Поэтому держаться полноты жизни — значит иметь основу. Стяжать в себе полноту жизни — значит обрести опору. Следовать Пути — значит иметь всего в достатке. Не менять своих убеждений из-за других — значит достичь завершенности. Если благородный муж поймет эти десять истин, то будет великим и в делах своих, и в помыслах. К нему стекутся все вещи мира. Тогда он сможет оставить золото сокрытым в горах, а жемчужины схороненными в морской пучине. Он не станет обогащаться товарами, не будет искать знатности и богатства, не будет желать долголетия, не будет печалиться о ранней смерти. Он не радуется благоденствию и не скорбит в бедности, не присваивает себе блага мира, не добивается славы для себя. Он не хочет быть царем Поднебесной, чтобы быть у всех на виду.

Все сущее в мире — одна кладовая. Жизнь и смерть — одна судьба».

Учитель сказал: «О, как глубок Путь и как покоен он в своей глубине! Как чист! Без него не запоют ни металл, ни камень. А потому нельзя не вслушаться: отчего исторгают звуки камень и металл? Кто же предписывает вещам быть такими, какие они есть?»

Человек, наделенный царственным могуществом, находит себе прибежище в превращениях вещей, но считает для себя зазорным быть сопричастным мирским делам. Он находит опору в Первозданной Основе и сведущ в духовном, а потому могущество его распространяется широко. То, что исходит из его сердца, все живое принимает. Ибо не бывает форм вне Пути, и жизнь, лишенная силы, не проявит себя. И кто, как не человек, обладающий царственным могуществом, способен сберечь формы и постигнуть жизнь, утвердить власть и явить миру Путь? О, как необозрим, необъятен он! Появляется внезапно, движется неудержимо, и все в мире ему повинуется! Таков человек, обладающий царственным могуществом.

Всматривайся в незримое и вслушивайся в беззвучное. Во мраке прозреешь свет, в тишине услышишь гармонию. Будь глубже глубокого — и сможешь постичь Сущее. Будь

духовнее духа — и сможешь слиться с семенем жизни. Принимай все, что есть в мире: сливаясь с Отсутствующим, даешь каждому быть тем, что он есть; ускользая вместе с летучим временем, послужишь каждому опорой. Тогда великое окажется малым, длинное — коротким, а близкое — далеким.

Прогуливаясь к северу от Красных вод, Желтый Владыка взошел на гору Куньлунь и взглянул на юг. Возвращаясь обратно, он потерял Черную Жемчужину. Он послал на поиски жемчужины Знание, но Знание не смогло найти ее. Тогда он послал Зоркое Око, и оно тоже ее не нашло. Он послал Сметливого, но и тот не нашел жемчужину. Наконец он послал Отсутствующего, и тот нашел жемчужину.

— Как чудесно, — воскликнул Желтый Владыка, — что нашел жемчужину Отсутствующий!

Учителя Яо звали Сюй Ю, учителя Сюй Юя звали Беззубым, учителя Беззубого звали Ван Ни, а учителя Ван Ни звали Тростниковая Накидка. Вот однажды Яо спросил у Сюй Юя: «Можно ли Беззубого облечь Небесной властью? Я попрошу Ван Ни передать ему это предложение».

— Вручать ему бразды правления в Поднебесной опасно! — ответил Сюй Ю.

— Ведь Беззубый сообразителен и умудрен знанием — прочие с ним не сравнятся. Если человеческое в нем восполнить небесным, он сможет запретить преступления, но не сможет понять, откуда происходят преступления. Как же можно облечь такого Небесной властью? Он будет полагаться лишь на человеческое и отринет небесное, поступать по собственному разумению и идти наперекор другим. А еще он чтит знания и скор на поступки, но привязан к обстоятельствам, любит смотреть по сторонам и получать одобрение толпы, переменчив и не имеет постоянства в помыслах. Разве достоин он Небесной власти? Хотя у него есть свой род и предки и он может быть отцом многих, но ему не под силу быть отцом отца многих. Поистине, он вызовет смуту в мире. Поставь его лицом к северу — навлечет бедствие. Посади его лицом к югу — станет разбойником!

Яо совершал поездку по царству Хуа, и пограничный страж Хуа сказал ему: «Н-да, и в самом деле мудрец! Позвольте поприветствовать мудреца, долгих вам лет жизни!»

— Не желаю! — отвечивал Яо.

— Да будет мудрый человек богат! — воскликнул пограничный страж.

— Не желаю! — отвечивал Яо.

— Пусть родится у вас много сыновей!

— Не желаю!

— Но ведь долголетия, богатства и мужского потомства желают все люди, отчего же вам не угодно сие?

— Чем больше сыновей, тем больше волнений, — ответил Яо. — Чем больше богатства, тем больше тревог. Чем дольше живешь, тем больше унижений. Все это не помогает возвращать в себе жизненную силу, поэтому я не хочу это иметь.

— Сначала я подумал, что вы — мудрец, — сказал пограничный страж. — А теперь вижу, что вы — всего лишь благородный муж. Небо, давая жизнь всем людям, каждому предоставляет еще и занятие. Пусть у вас есть сыновья — но если вы подыщите для каждого занятие, к чему волноваться? Пусть вы богаты — но если вы дадите каждому его долю, то о чем вам беспокоиться? Ну а мудрец —

Стоит, как перепел, а ест, как цыпленок,
На своем птичьем пути ² не оставляет следов.
Когда в Поднебесной есть порядок,
Он радуется жизни вместе со всеми.
Когда в Поднебесной нет порядка,
Он пестует Силу в уединении.
За тысячу лет он пресытится миром,
И уйдет из него, и вознесется на небо.
Он сядет в ту облачную колесницу
И умчится в обитель царственных предков.
Тяготы мира его не коснутся,
Несчастья жизни минуют его стороной.
Откуда же тогда взяться унижениям?

Пограничный страж пошел прочь, а Яо побежал за ним следом со словами: «Позвольте вас спросить!»

— Подите прочь! — ответил пограничный страж.

В начале начал было Отсутствие, и не было у него ни свойств, ни имени. Из него появилось Единое. Появилось Единое, но еще не было форм. А то, благодаря чему живут все вещи, называется жизненными свойствами. Когда еще нет форм, различие уже есть. Неизбежное, не допускающее разрывов, зовется Судьбой. Благодаря остановке в движении рождаются вещи. Вещь, осуществившая в себе свой жизненный принцип, зовется Формой. Форма хранит в себе Дух. Каждая Форма имеет свои правила, и вместе они зо-

вутся Природой. Кто печется о своей природе, возвращается к жизненной Силе. А кто достиг предела Силы, становится единым с Началом. Становясь единым, мы опустошаем себя; будучи пусты, мы становимся великими, а будучи великими, приводим к согласию щебет всех птиц. Согласие всех голосов согласуется с Небом и Землей.

Это согласие столь безыскусно!
Ты кажешься глупцом, ты кажешься помраченным.
Вот что зовется Глубочайшею Силою,
И в ней мы едины с Великим Движением!

Конфуций спросил у Лао Даня: «Вот есть человек, который ищет истину, прибегая к парам понятий: «возможное» и «невозможное», «правильное» и «неправильное». А любители рассуждать говорят: «Отделите твердое от белого, как если бы их можно было развесить в разных местах». Можно ли таких людей назвать мудрыми?»

— Все это оковы раба и тяготы ремесленника, бесплодное истязание тела и души. Самую сноровистую собаку первой сажают на поводок, самую ловкую обезьяну первой отлавливают в лесу. Сейчас я поведаю тебе такое, о чем нельзя услышать и нельзя рассказать. Среди всех, наделенных головой и ногами, тех, кто лишен разума и слуха, больше всего. Среди тех, кто имеет зримый облик, нет ни одного, кто существовал бы вместе с бесформенным и безобразным. Их движения и покой, смерть и жизнь, дряхление и расцвет не есть то, благодаря чему они существуют. Познавать их порядок — это дело людей. Забыть же о вещах, забыть о Небе — это называется «забвение себя». О людях, забывших себя, как раз и можно сказать, что они пребывают в чертогах Небесного.

Путешествуя по южным землям, Цзы-Гун дошел до царства Чу и уже возвращался во владения Цзинь. Когда он шел северным берегом реки Хань, то заметил человека, который вскапывал огород и поливал его, лазая в колодец с глиняным кувшином. Человек трудился неутомимо, сил тратил много, а работа у него шла медленно.

— Теперь есть машина, которая за один день поливает сотню грядок! — крикнул ему Цзы-Гун. — Много сил с ней тратить не нужно, а работа подвигается быстро. Не желаете ли вы, уважаемый, воспользоваться ею?

Человек, работавший в огороде, поднял голову и спросил: «Что это за машина?»

— Ее делают из дерева, задняя часть у нее тяжелая, а передняя легкая. Вода из нее течет потоком, словно кипящая струя из ключа. Ее называют водяным колесом.

Огородник нахмурился и сказал с усмешкой: «Я слышал от своего учителя, что тот, кто работает с машиной, сам все делает, как машина, у того, кто все делает, как машина, сердце тоже становится машиной. А когда сердце становится, как машина, исчезает целомудрие и чистота. Если же нет целомудрия и чистоты, не будет и твердости духа. А тот, кто духом не тверд, не сбережет в себе Путь».

Устыдившись своих слов, Цзы-Гун опустил голову и ничего не ответил. Тогда огородник спросил его: «Ты кто такой?»

— Я — ученик Конфуция, — ответил Цзы-Гун.

— Не из тех ли ты многознающих, которые восхваляют мудрецов, чтобы встать над другими? Не из тех ли ты, что в одиночестве щиплют струны и печально поют, торгуя в мире своим именем? Если бы ты забыл про свой дух и освободился от своей телесной оболочки, ты, может быть, и приблизился бы к правде. Но ты ведь сам с собой сладить не можешь, где тебе найти управу на всю Поднебесную. Уходи! Не мешай мне работать.

Пристыженный Цзы-Гун в растерянности зашагал прочь и, лишь пройдя тридцать ли, пришел в себя. Ученики спросили его: «Что это был за человек? Почему вы, учитель, после разговора с ним так бледны и целый день не можете опомниться?»

— Раньше я думал, что в Поднебесной есть только один человек, а теперь узнал, что есть в ней еще один, — ответил Цзы-Гун. — Учитель наставлял меня: в делах будь благоразумен, к успеху стремись неустанно, малыми силами добивайся многого — таков путь истинно мудрого. А этот человек учит по-другому: кто следует Пути, в том жизненные свойства целостны, в ком целостны жизненные свойства, целостно и тело, а в ком тело целостно, дух тоже целостен. Быть целостным в духе — вот Путь истинно мудрого. Вверяясь жизни, мудрый действует заодно со всеми людьми и не знает, почему так поступает. Так помрачен он и так безыскусен! Мысли о заслугах и выгодах, уловках и удаче не тревожат его сердце. Такой человек против своей воли не пойдет, наперекор своим желаниям жить не будет. Добившись успеха, он не станет любоваться собой, даже если весь мир будет хвалить его. Потерпев неудачу, он не смутится, даже если весь мир будет бранить его. Ни хвала, ни хула света ничего ему не прибавят и ничего от него не отни-

мут. Вот что такое человек, чьи жизненные свойства целостны! Я же из тех, кого носит ветер по волнам.

Вернувшись в Лу, Цзы-Гун рассказал обо всем Конфуцию, и Конфуций сказал: «Тот человек делает вид, будто владеет искусством Хаоса³. Он знает лишь одно и не желает знать другого, заботится о внутреннем и не думает о внешнем».

Сердцем прозрел, душой безыскусен,
Недеяньем живет, вернулся к началу,
Природу постиг, бережет в себе дух,
Чтоб привольно скользить в пошлой жизни мирской.

Ну как тут не подивиться? Но разве дано тебе и мне познать искусство Хаоса?

Цзянлюй Мянью повстречал Цзи Чэ и сказал ему: «Правитель Лу просил меня дать ему наставление. Я отказывался, но безуспешно, так что пришлось мне дать ему совет. Не знаю, попал ли я в цель. Прошу вас оценить мои слова, а сказал я лускому царю вот что: «Нужно следовать за почтительными и бережливыми, выдвигать справедливых и преданных, отвергать корыстолюбивых и льстивых. Тогда в народе никто не посмеет нарушить порядок»».

Цзи Чэ рассмеялся и сказал: «Вы, уважаемый, с вашими увещеваниями перед царем — все равно что богомол, преграждающий путь повозке: разве сможете вы добиться желаемого? Ваши советы только навлекут на государя беду, ведь башни его дворца заполнены сокровищами, и, куда бы он ни направился, за ним всюду следует толпа».

Цзянлюй Мянью задрожал от страха и сказал: «Мне, уважаемый, слова ваши непонятны. Прошу вас, учитель, пояснить их смысл».

— Когда великий мудрец правит Поднебесной, — ответил Цзи Чэ, — он воодушевляет сердца людей, желая, чтобы они обратились к просвещению и исправили свои обычаи, подавили свои разбойничьи помыслы и прониклись возвышенными устремлениями, словно такова их природа и они сами не знают, почему они таковы. Такого человека следовало бы считать старшим братом Яо и Шуня. Сколь велик, сколь беспределен он! Он хочет соединиться с полнотой жизни в себе и вовек пребывать в ней сердцем!

Чжун Ман отправился к Восточной Пучине и там встретил Юань Фэна.

Юань Фэн спросил:

— Куда вы направляетесь?

— Я лечу к Восточной Пучине.

— Для чего?

— Хочу там погулять. Ведь Великий Океан не переполняется, сколько бы в него ни вливалось, и не мелеет, сколько бы из него не вытекало.

— Не уделите ли вы внимание нам, «людям с глазами, посаженными вдоль»? Хотелось бы услышать о мудром правлении.

— При мудром правлении служилые люди воздают каждому должное, выдвигают каждого, не упуская его способностей, видят все с одного взгляда, так что все дела сами собой делаются, все слова сами собой произносятся, а Поднебесная благоденствует. Достаточно одного взмаха руки — и люди стекаются со всех сторон. Вот что такое мудрое правление.

— Позвольте спросить: что такое человек жизненной силы?

— Человек жизненной силы в покое не думает, в движении не размышляет, не следует мнениям об «истинном» и «ложном», «красивом» и «уродливом». Он находит радость в том, что приносит пользу всем. Он обретает покой в том, что приносит удовольствие всем. Не будь его — и народ растеряется, как ребенок, потерявший мать, или путник, сбившийся с дороги. Всякого добра у него будет в избытке, а откуда — неведомо; еды и питья будет вдоволь, а от кого — неизвестно. Таким выглядит человек жизненной силы.

— Хотелось бы услышать о человеке духовном.

— Человек духовный мчится с лучом света и исчезает вместе с вещами.

Это называется «осветить беспредельное». Он до конца претворяет свою судьбу и исчерпывает свои чувства, радуется Небу и Земле и возвращается к сущности всех вещей. Это называется «первозданным хаосом».

Любящий сын не льстит своим родителям, а преданный подданный не обманывает своего государя. Таковы достоинства сына и подданного. Если же соглашаться с каждым словом родителей и одобрять любой их поступок, то даже самые заурядные люди сочтут тебя недостойным сыном. А если соглашаться с каждым словом правителя и одобрять любой его поступок, то те же заурядные люди назовут тебя недостойным подданным. Но понимают ли те люди, что и к ним самим следует относиться таким же образом? Если соглашаться с каждым словом заурядных людей и одобрять

каждый их поступок, то они сами не назовут тебя никчемным человеком. Значит ли это, что люди в миру имеют больше влияния, чем родители, и больше власти, чем правитель?

Назови заурядного человека льстецом — и он обидится. Назови его лжецом — и он рассердится. А ведь, возможно, тот человек и в самом деле всю жизнь был льстецом и лжецом. Когда он привлекает к себе толпу с помощью громких слов и напыщенных речей, начало у него не связывается с концом, цели не совпадают с результатом. Он изысканно одевается и вежливо держится, ловя восхищение света, а сам не считает себя ни льстецом, ни лгуном. Они довольствуются положением ученика, твердят об истинном и ложном, а сами не считают себя заурядными людьми. Вот верх глупости.

Тот, кто знает про свою глупость, уже не такой большой глупец. Тот, кто знает про свои заблуждения, заблуждается не так уж глубоко. От глубокого заблуждения не освободишься всю жизнь. От большой глупости не избавишься до конца дней. Если среди трех путников заблуждается лишь один, они все равно дойдут до цели, ибо заблуждающийся среди них в меньшинстве. Но если в заблуждение впадут два человека, то до цели они, как бы ни старались, добраться не смогут, ибо заблуждающиеся будут в большинстве. И сегодня, когда целый мир погряз в заблуждениях, я в одиночку ничего не сделаю, даже указывая всем правильный Путь.

Великая музыка ⁴ не трогает слух простолюдинов, но, слушая песенки, вроде «Ломаем тополь» или «Пышные цветы» ⁵, они приходят в восторг. Оттого же возвышенные речи не задерживаются в сердцах заурядных людей. А когда не звучат слова правды, торжествуют пошлые речи. Звон от пары пустых горшков заглушит благородный колокол, и тогда уже будет поздно ударить в него. Нынче же вся Поднебесная сбилась с Пути, и пусть я показываю верную дорогу — но кто услышит меня? Знать же, что тебя не слушают, и настаивать на своем — это еще одно заблуждение! А потому лучше всего предоставить жизни идти своим чередом и никого не подталкивать. Если я никого не буду подталкивать, никто не будет терпеть от меня неудобства.

После того как Яо уступил престол Шуню, а Шунь сделал своим преемником Юя, Бочэн Цзыгао отказался от своего удела и стал пахать землю.

Юй приехал к нему с визитом и застал его работающим в поле. Юй подошел к нему быстро, оказывая хозяину почет, и спросил его: «Прежде, когда Яо правил Поднебесной, вы владели уделом, а после того как Яо уступил трон Шуню, а Шунь передал его мне, вы отказались от удела и взялись за соху. Позвольте спросить, почему вы так поступили?»

— Прежде, когда Яо правил миром, люди старательно трудились, даже не надеясь на награду, и были послушны, даже не страшась наказания. А теперь вы награждаете и наказываете, но в людях нет доброты. Отныне нравы будут портиться, а наказания — множиться. Вот где сокрыты семена грядущей смуты! Отойдите, уважаемый, не мешайте работать.

И Бочэн Цзыгао продолжил пахоту, даже не глядя в сторону царя.

Мэн Угуй и Чичжан Маньцизи осматривали дружину царя У.

«Это войско не сравнится с дружиной царя Ююя, вот почему нам сегодня трудно!» — сказал Чичжан Маньцизи.

— Если бы в мире был порядок, смог ли Ююй водворить в нем спокойствие, или в мире должна была царить смута, чтобы Ююй навел в нем порядок? — спросил Мэн Угуй.

— Если ты мечтаешь о мире, в котором царит порядок, то зачем тебе нужен Ююй? — откликнулся Чичжан Маньцизи. — Когда Ююй лечил язвы мира, это было все равно что покрывать париком лысину или звать врача к умирающему. Любящий сын, который подносит лекарство больному отцу, выглядит растерянным. Мудрый человек этого стыдится. Во времена, когда жизненная сила не терпела ущерба в мире, никто не преклонялся перед «достоинными» и не звал на службу «способных». Государь подобен верхушке дерева, простые люди подобны дикому оленю. Они стоят прямо, но не считают это своим долгом, любят друг друга, но не считают это человеколюбием, честны, но не считают это преданностью, верят друг другу на слово, но не считают это доверием. Полагаясь друг на друга и друг друга воодушевляя, словно рой насекомых в весеннюю пору, они не считают это благодеянием государства. А потому они живут, не оставляя следов, и создают, ничего не передавая потомству.

У Прокаженного в полночь родился сын. Он тут же принес огня и стал вглядываться в младенца, боясь только, чтобы сын не оказался на него похожим.

Столетнее дерево срубили, сделали из его ствола жертвенную чашу и украсили ее черным и желтым узором, а обрубки выбросили в канаву. Сопоставим сосуд и обрубки в канаве, и мы увидим, сколь велика разница между красотой и уродством. Но и сосуд, и обрубки утратили природу дерева. У Разбойника Чжи и ученых Цзэн и Ши разные понятия о справедливости, но они все равны в том, что утратили свою природу. Ведь существует пять поводов для погубления природы: пять цветов расстраивают зрение, пять звуков расстраивают слух, пять запахов расстраивают обоняние, пять вкусов расстраивают вкусовые ощущения, а пристрастия и неприязнь загрязняют наше сознание. Эти пятеро — враги жизни. А теперь еще Ян Чжу и Мо Ди стали изобретать свои частные истины. Я же назвать это истинной не могу.

Ведь если человек обрел одни затруднения, разве можно назвать это обретением истины? Тогда и сова с голубкой, очутившись в одной клетке, могут назвать это приобретением. Пристрастия и неприязнь, звуки и цвета делают человека нечувствительным внутри, а кожаная шапка с перьями зимородка, табличка для записей и широкий пояс ограничивают человека вовне. Внутри — клетка, снаружи — ограда. А тот, кто щеголяет в своих шнурах, — это такое же приобретение, как для преступника — веревки, опутывающие плечи, и тиски, сжимающие пальцы, а для тигров и барсов — мешки и загоны.

ГЛАВА XIII
НЕБЕСНЫЙ ПУТЬ

Небесный Путь влечет по кругу, не воздвигая преград, и потому все сущее свершает в нем свою судьбу. Путь предков влечет по кругу, не воздвигая преград, и потому весь мир ему покорен. Путь мудрецов влечет по кругу, не воздвигая преград, и потому все живое в пределах морей ему послушно.

Кто прозрел Небо, стяжал мудрость и познал тайну царственных предков, тот в своих действиях неизменно покоен, даже сам того не замечая. Мудрец покоен не потому, что считает покой добродетелью. Он покоен потому, что ничто на свете не заронит тревогу в его сердце. Стоячая вода так покойна, что в ней отразится каждый волосок на нашем лице, и она так ровна, что послужит образцом даже для лучшего плотника. Если вода, будучи покойной, способна так раскрывать природу вещей, то что же говорить о человеческом духе? О, как покойно сердце мудрого! Оно есть ясный образ Неба и Земли, зеркало всех вещей.

Пустота и покой, отсутствие образов и деяний — вот основа Неба и Земли, предел Пути и его жизненных свойств. Посему царственные предки и истинные мудрецы пребывают в покое. Будучи покойными, они пусты. Будучи пустыми, они наполнены¹. Будучи наполненными, они держатся безупречно². Будучи пустыми, они покойны, в покое они движутся, в движении обретают непреходящее. Будучи покойными, они предавались недеянию, а тот, кто не действует, целомудрен, а тот, кто хранит целомудрие, избегнет забот и несчастий и будет жить долго.

Пустота и покой, бесформенность и недеяние — корень всех вещей. Знать это, восседая на троне, — значит быть правителем, подобным Яо. Знать это, стоя лицом к северу³, — значит быть подданным, подобным Шуню. Обладать этим, находясь наверху, — значит иметь власть царственного предка и Сына Неба. Обладать этим, находясь

внизу, — значит идти путем Сокровенного мудреца, Неукрашенного государя. Обладай этим, живя в уединении и затворничестве, и мужи рек и морей, гор и лесов склонятся перед тобой. Обладай этим, возложив на себя заботу о мире, и ты возымеешь великие заслуги и приведешь Поднебесную к единству. В покое мудрый, в деяниях царственный, ты ничего не предпринимаешь, но окружен почетом, ты прост и безыскусен, но никто в целом свете не сравнится с тобой красотой.

Прозреть воистину творящую силу Неба и Земли — это и означает быть в согласии с Небом в Великом Корне и Великом Истоке. Так приводится к равновесию мир и достигается согласие среди людей. Согласие с людьми зовется «человеческой радостью». Согласие с Небом зовется «небесной радостью». Чжуан-цзы говорил: «О, мой учитель! Мой учитель! Ты сокрушаешь все вещи, а не жесток, одариваешь милостью десять тысяч поколений, а не милосерден, ты старше самой седой древности, а не стар, ты поддерживаешь небо и землю, высекаешь все формы, а не искусен»⁴. Вот что называется «Небесной радостью». А потому и сказано, что тот, кто познал радость Небес, —

В жизнь идет вместе с Небом.
В смерти превращается вместе с вещами.
В покое сливается с силой Инь.
В движении сливается с действием Ян.

А потому для того, кто познал радость Небес, —

Нет проклятья Небес.
Нет упреков людей.
Нет бремени вещей.
Нет возмездия духов.

И вот сказано: «В своих движениях — как Небо. В своем покое — как Земля. Твердостью сердца правит всем миром. Дух его непреклонен, душа его вечно бодрствует, и он твердостью сердца покоряет все вещи». Здесь говорится о том, что мудрый пустотой и покоем овладевает Небом и Землей, постигает природу всех вещей. Это и есть Небесная радость. Небесная радость — это то, благодаря чему сердце мудрого вмещает в себя всю Поднебесную.

Сила державных владык своим истоком имеет Небо и Землю, своим господином — Путь и полноту жизненных свойств, своим образцом — Недеяние. Тот, кто претворяет недеяние, с избытком обладает всем, что потребно для управления Поднебесной. А тот, кто уповает на свои дея-

ния, никогда не возымеет власти над Поднебесной. Вот почему древние столь высоко ценили надеяние. Если верхи претворяют надеяние, а низы им вторят, тогда низы ничем не будут отличаться от верхов. Когда низы ничем не отличаются от верхов, тогда нет и настоящих подданных. Если низы деятельны и верхи им вторят, тогда верхи ничем не будут отличаться от низов. А когда верхи ничем не отличаются от низов, тогда нет настоящего повелителя. Верхи должны надеянием поставить себе на службу Поднебесную, а низы должны делами своими служить Поднебесной. Таков неизменный порядок ⁵.

Посему те, кто в древности управляли Поднебесной, не искали применения своему уму, даже если знания их охватывали Небо и Землю. Они не говорили от себя, даже если постигли до конца природу вещей. Они не предпринимали самочинных действий, даже если могли свершить любое дело в пределах морей. Ведь Небо ничего не рождает, а вещи превращаются, Земля ничего не растит, а вещи вызревают, державный владыка ничего не делает, а в мире все свершается. Поэтому говорят: «Нет ничего одухотвореннее Неба, ничего богаче Земли и ничего величественнее державного владыки». И еще говорят: «Могущество державного владыки слито с Небом и Землей». Вот так можно сделать Небо и Землю своей колесницей, пустить вскачь десять тысяч вещей и приставить к делу всех людей.

Корень занимает высшее положение, а ветви — низшее. Правитель — это главное, подданный — второстепенное. В движении трех армий и войск пяти родов — верхушки добродетели. В наградах и порицаниях, выгоде и ущербе и пяти наказаниях — верхушки воспитания. В ритуалах и законах, числах и мерах, титулах и званиях, сопоставлениях и расследованиях — верхушки правления. В звучании колоколов и барабанов, явлениях птичьих перьев и бычьих хвостов ⁶ — верхушки радости. В плаче и причитаниях и разных траурных одеждах — верхушки скорби. Эти пять верхушек следуют движениям духа и волнению сердца. Учение о верхушках было и у древних, но его не ставили на первое место.

Правитель идет впереди, а подданные за ним следуют. Отец идет впереди, а сын за ним следует. Старший брат идет впереди, а младший за ним следует. Мужчина идет впереди, а женщина за ним следует. Муж идет впереди, а жена за ним следует. Быть благородным или презренным, первым или последним — это порядок Неба и Земли, мудрый берет его за образец. Небо высоко, а Земля низко: их

положения определены просветленностью. Весна и лето — впереди, а осень и зима — позади: таков порядок смены времен года. Все вещи в своих превращениях зарождаются, достигают расцвета и гибнут: таков путь перемен. Небо и Земля заключают в себе высшую духовность, а все же устанавливают различия между почтенным и презренным, предшествующим и последующим. Что же говорить о Пути Человека! В родовом храме чтут предков, при царском дворе чтут знатных, в деревнях чтут старейших, а в делах людских — достойных. Таков всеобщий Путь. Говорить о Пути, но отвергать его порядок — значит отвергать и сам Путь.

Поэтому древние мужи, постигшие Великий Путь, сначала прозревали Небо, а Путь и его свойства шли следом. Когда Путь и его свойства были явлены воочию, следом шли человечность и долг, потом — удел каждой вещи, потом формы и имена, потом предписания и обязанности, потом изучение и расследование, потом суждение об истинном и ложном, потом награды и наказания. А после того как стали явными награды и наказания, умные и глупые, благородные и презренные, достойные и ничтожные заняли подобающие им места и каждому был предписан его непреложный удел, соответствующий его способностям. И с той же непреложностью каждому было определено его назначение, соответствующее его званию. Так служили государю, так заботились о подданных, так поддерживали порядок в мире, так совершенствовались себя. К хитрости и расчету не прибегали, ибо в каждом деле уповали лишь на небесное в себе. Это и называлось Великим Равновесием, вершиной правления.

В книгах говорится: «Есть образы, и есть имена». Хотя образы и имена существовали и в древности, люди в те времена не ставили их на первое место. Когда древние рассуждали о Великом Пути, об образах и именах речь заходила лишь на пятой ступени, а на девятой ступени полагалось говорить о наградах и наказаниях. Начать наставления с образов и имен — значит не понимать основы. Прежде времени толковать о наградах и наказаниях — значит не понимать их истока. Те, кто судят наперекор Пути, должны сами находиться под началом других, разве могут они управлять другими! Прежде времени толковать об образах и именах, наградах и наказаниях — значит обладать лишь орудиями правления, но не Путем правления. Так можно служить миру, но нельзя заставить мир служить себе. О та-

ких говорят: «Искусные спорщики — у каждого свой любимый уголок». Ритуалы и законы, числа и меры были и у древних людей, но лишь для того, чтобы служить верхам, а не для управления низами.

В старину Шунь спрашивал у Яо: «Какие старания прилагает небесный государь?»

— Я презираю безропотных, не отворачиваюсь от бедных, скорблю об умерших, радуюсь новорожденным и жалею женщин, — ответил Яо.

— Это все хорошо, — сказал Шунь, — а все-таки для истинного величия еще недостаточно.

— Что же я должен делать? — спросил Яо.

— Небесное Совершенство рождает возвышенный покой, солнце и луна излучают свет, и времена года сменяют друг друга, как бегут друг за другом день и ночь. Дождь идет, когда соберутся облака!

— О, как я был суетлив! — воскликнул Яо, услышав эти слова. — Ты соединяешься с Небом, я же ищу единения с людьми.

Древние считали великими Небо и Землю, а достойными восхищения — Желтого Владыку, Яо и Шуня. Что же в таком случае делали те, кто в стародавние времена владели Поднебесной? Они были Небом и Землей — только и всего!

Шичэн Ци встретился с Лао-цзы и спросил его: «Я слышал, что вы, учитель, мудрый человек. Так мог ли я утрачиться дальнего пути и не прийти к вам? Я миновал сотню постоянных дворов, натер на ногах мозоли, ни разу не позволил себе отдохнуть. И теперь, увидев вас, я вижу, что вы вовсе не мудрец. У мышиной норки разбросаны объедки, а забывать о своих младших братьях — немилосердно! У вас предостаточно и сырого и вареного, а вы все накапливаете, не умея сдержаться».

Лао-цзы промолчал с равнодушным видом.

На следующий день Шичэн Ци снова пришел к Лао-цзы и сказал: «Вчера я посмеялся над вами, а вот сегодня раскаиваюсь, почему это?»

— Я и сам думал, что избавился от тех, кто легко распознает людей одухотворенных и мудрых. Назови ты меня вчера быком, я был бы быком. Назвал бы ты меня лошадью — и я был бы лошадью. Если люди дают имя какой-то сущности, то, не приняв этого имени, навлечешь на себя беду. Я покорился потому, что хотел покориться. Я покорился, не думая о том, чтобы быть покорным.

Шичэн Ци, склонившись, пошел наискось, стараясь не наступить на свою тень, вошел в дом, не сняв сандалий, и спросил о том, как ему лучше совершенствоваться.

— Ты держишься надменно и смотришь дерзко, — ответил Лао-цзы. — Черты лица у тебя грубые, речи дерзкие, вид самодовольный. Кажется, вот-вот помчишься, вскачь, словно конь, а все стараешься удержать себя. Движения у тебя резкие, взгляд придиричивый, ум расчетливый, — уж больно ты в себе уверен. Доверять тебе не будут. Таких, как ты, повсюду много, и зовут их ворами.

В мире Великий Путь ценят благодаря книгам. Но в книгах нет ничего, кроме слов, и, стало быть, ценят в мире слова. Слова же ценят за то, что в них есть смысл. Но смысл откуда-то приходит, а уж это невозможно выразить словами. И все-таки в мире ценят слова и передают их в книгах. Пусть в мире их ценят, я же не считаю их ценными. Ведь ценят их не за то, что есть в них действительно ценного. Ибо видеть глазами можно только образ и цвет. Слышать ушами можно только имена и звуки. Увы! Люди в мире полагают, что образов и цветов, имен и звуков довольно для того, чтобы понять природу другого. На самом же деле образов и цветов, имен и звуков недостаточно для того, чтобы понять природу другого. Поистине «знающий не говорит, говорящий не знает»! ⁷ Но кто в мире может это понять?

Царь Хуань-гун читал книгу в своем дворце, а у входа во дворец обтесывал колесо колесник Бянь. Отложив молоток и долото, колесник вошел в зал и спросил: «Осмелюсь полюбопытствовать, что читает государь?»

— Слова мудрецов, — ответил Хуань-гун.

— А мудрецы те еще живы? — спросил колесник.

— Нет, давно умерли.

— Значит, то, что читает государь, — это всего только шелуха душ древних людей.

— Да как смеешь ты, ничтожный колесник, рассуждать о книге, которую читаю я — единственный из людей? Если тебе есть что сказать, то говори, а нет — так мигом простишься с жизнью!

— Ваш слуга судит об этом по своей работе, — ответил колесник. — Если я работаю без спешки, трудностей у меня не бывает, но колесо получается непрочным. Если я слишком спешу, то мне приходится трудно и колесо не прилаживается. Если же я не спешу, но и не медлю, руки словно

сами все делают, а сердце им откликается, я об этом не сумею сказать словами. Тут есть какой-то секрет, и я не могу передать его даже собственному сыну, да и сын не смог бы перенять его у меня. Вот почему, проработав семь десятков лет и дожив до глубокой старости, я все еще мастерю колеса. Вот и древние люди, должно быть, умерли, не раскрыв своего секрета. Выходит, читаемое государем — это шелуха душ древних мудрецов!

Когда Конфуций поехал на запад, чтобы поместить свои книги во дворце Чжоу, его ученик Цзы-Лу советовал ему:

— Я слышал, что среди хранителей исторических записей в Чжоу есть некий Лао Дань, который уже оставил службу и живет в уединении. Если вы хотите поместить в хранилище свои книги, вам лучше обратиться к нему.

— Хорошо, — ответил Конфуций и отправился с визитом к Лао Даню, но тот не дал разрешения принять книги.

Тогда Конфуций стал разъяснять Лао Даню смысл всех двенадцати канонов.

— Ты слишком многословен, — прервал Лао Дань Конфуция. — Я хочу услышать главное.

— Главное заключается в человечности и долге, — сказал Конфуций.

— Позвольте спросить, относится ли человечность и долг к природе человека?

— Конечно! Ведь благородный муж коли не человек — значит, не созрел; коли не знает долга — значит, в жизнь не вошел. Человечность и долг — это поистине природа настоящего человека. Каким же еще ему быть?

— А позвольте спросить, что вы понимаете под человечностью и долгом?

— В сердце своем находить удовольствие в бескорыстной любви ко всем — вот сущность человечности и долга.

— Ах вот как! — отозвался Лао Дань. — Твои последние слова меня настораживают. В стремлении любить всех подряд есть что-то подозрительное. А в желании всегда быть бескорыстным есть своя корысть. Вы, кажется, хотите, чтобы мир не утратил своей простоты? Так посмотрите вокруг: Небу и Земле свойственно постоянство, солнцу и луне свойственно излучать свет, звездам свойственно составлять созвездия, зверям и птицам свойственно собираться в стаи, деревьям свойственно тянуться вверх. Если бы вы, уважаемый, дали свободу своим жизненным свойствам, вы бы уже давно достигли истины. К чему эта суэта

вокруг человечности и долга? Вы похожи на человека, который бьет в барабан, разыскивая беглого сына. Вы вносите смуту в души людей — только и всего!

Учитель сказал: «Путь не имеет конца среди наибольшего и не теряется среди наименьшего. Благодаря ему все вещи становятся такими, какие они есть. Столь обширен он, что вмещает в себя все сущее! Столь глубок он, что невозможно измерить его! Наказания и добродетели, человечность и долг — только зримые конечности духовного. Кто, как не Высший Человек, расставит их по местам?

Для Высшего Человека владение миром — большое дело, но и оно не обременяет его. Все в мире добиваются власти, он один не соперничает с другими. Он не имеет в себе изъяна и потому не влечется за вещами. Он прозревает подлинное в вещах и потому всегда верен корню всего сущего. Так он может пребывать за пределами Неба и Земли, возноситься над всей тьмой вещей, и дух его никогда не ведает стеснений.

Проникает в сердце Пути.
Соединяется с силою жизни.
Упраздняет человечность и долг.
Забывает о церемониях и музыке.

Сердце Высшего Человека не изменяет своему постоянству!»

ГЛАВА XIV

КРУГОВОРОТ НЕБЕС

Небо движется по кругу,
Земля покоится на месте.
Луна и солнце бегут друг за другом.
Какая сила их толкает?
Что за сеть их обнимает?

Кто же он такой, кто пребывает в недеянии, но все приводит в движение? Значит ли это, что в мире есть тайный завод¹ и то, что случается в нем, не может не случиться? Значит ли это, что в мире все само собой движется по кругу и не может остановиться? Облака ли порождают дождь? Дождь ли порождает облака? Кто столь щедро осыпает милостями? Кто-нибудь, пребывая в праздности и веселясь без удержу, движет миром?

Ветер поднимается с севера
И летит на восток и на запад.
Вихрем кружит в вышине,
Кто вдыхает его, кто выдыхает?
Кто же он, не знающий забот и насылающий ветер?
Дозвольте спросить: где искать этому причину?

Колдун Сянь² говорит: «Подойди, я скажу тебе. На Небе есть Шесть Полюсов и Пять Постоянств³. Государь, сообразующийся с ними, наведет порядок, а идущий против них попадет в беду. Благодаря девяти знакам Ло⁴ осуществляются жизненные свойства вещей. В зеркале мудрого правителя отражается вся земля внизу, и вся Поднебесная хранит его в себе. Вот что значит быть державным владыкой».

Бэймэнь Чэн спросил у Желтого Владыки: «Вы, владыка, с редким искусством исполнили песнь «Сяньчи»⁵ на просторах у озера Дунтин. Услышав ее, я поначалу испугался, потом успокоился, а под конец пришел в смяте-

ние. Взволнованный, я долго молчал, не в силах овладеть собой».

— Кажется, ты все правильно понял! — воскликнул Желтый Владыка. — Я сложил эту песнь по человеческому разумению, а подобрал ее лад по разумению небесному. Я исполнил ее в согласии с ритуалом и долгом и вложил в нее дух Великой Частоты. Четыре времени года сменяют друг друга, и вся тьма вещей свершает круг своей судьбы. Расцвет и упадок, начало мировое и начало воинственное чередуются в управлении. Чистое и мутное — сила Инь и сила Ян пребывают в равновесии, и в блуждающем свете звучит их гармония. Раскатами грома я пробуждаю от зимней спячки насекомых. В конце не прекращается, в начале не начинается. То смерть, то рождение, то упадок, то подъем — и так без конца, и ни в чем нет опоры, вот ты и испугался.

Я снова заиграл мелодию, и она выражала гармонию Инь и Ян, блистала сияньем солнца и луны. Звуки ее были то отрывистые, то протяжные, то мягкие, то резкие, и все они сливались в верховное единство. И не было в том единстве ничего постоянного. В долине заполняла она долину, в ущелье заполняла она ущелье. Размах ее зависел от вместимости вещей: закупорь все отверстия, и дух в ней сохранится целиком. Звучание ее раздольное, и слава ее возвышенно-светла. А потому благодаря ей божества и духи пребудут в мире мрака, а солнце, и луна, и звезды будут идти своим путем. Я останавливался там, где надлежало быть покою, и двигался там, где все находилось в движении. Как бы ты ни старался, тебе этого не понять, как бы ни всматривался — не увидеть, как бы ни бежал вдогонку — не догнать. Отрешенный, себя не помнящий, стоял я на путях пустоты всех четырех пределов и, опираясь на платан, пел:

Взор мой исчерпал себя у пределов зримого,
Силы мои исчерпали себя
у пределов вещественного,
Я стою у Недостижимого — и довольно!
В теле моем пустота и великий покой!

Ты почуял этот великий покой и потому сам успокоился.

Я снова заиграл, презрев покой, и слил мелодию с неотвратимым течением жизни. Звуки полились беспорядочно и вольно, как сплетаются дикие травы. Разливалась песнь широко, но не достигала предела, замирала вдали — и не

открывалась. Она уносилась в Беспредельное, погружалась в Незримое. Иным казалась она смертью, иным — жизнью, иным — внутренней полнотой, иным — внешним блеском. Так растекалась и рассеивалась она в целом мире, и не было в ней ничего постоянного. Обыкновенные люди слушали ее с недоверием, и лишь мудрые ей внимали. Ибо мудрые проникают в суть вещей и следуют велениям Судьбы. Действие Небесной пружины не проявляется вовне, а пять органов чувств чутко внимают. Слова не звучат, а сердце поет: вот это зовется «Небесной музыкой». Род Янь воздал ей хвалу в гимне:

Слушай — и звука ее не услышишь.
Смотри — и формы ее не увидишь.
Небо заполнит, заполнит и Землю,
Шесть Полюсов обнимет собою.

Ты захотел послушать ее, не смог сердцем принять ее — вот и пришел в смятение.

Музыка начинается от страха, а страх внушает почтение. Я продолжил спокойно, и ты тоже успокоился. А закончил я смятением, смятение же ведет к помраченности. Тот, кто помрачен, живет по истине. Вот так можно вместить в себя Путь и хранить его в себе.

Когда Конфуций странствовал на западе в царстве Вэй, Янь Юань задал вопрос наставнику Цзиню:

— Что вы думаете о поведении учителя?

— Твой учитель дошел до крайности, как прискорбно!

— Что это значит? — спросил Янь Юань.

— Когда, совершая обряд, соломенное чучело собаки еще не показывают собравшимся, его хранят в корзине, покрытой узорчатым платом, а предок и распорядитель церемонии не смеют коснуться ее, не проведя в посте день.

— Когда же обряд совершен, чучело выбрасывают и прохожие топчут его тело, солому же просто забирают на растопку. Если кто-нибудь подберет это чучело, снова положит его в корзину и, странствуя, положит его под голову, ему приснится страшный сон, и у него заболят глаза. Твой учитель из тех, кто подбирает лежалые чучела собак, которыми пользовались еще во времена древних царей, созывает учеников, странствует вместе с ними, да еще и кладет чучело себе под голову. Поэтому на него повалили дерево в царстве Сун, ему пришлось бежать из Вэй, он терпел лишения на границе Чэнь и Цай, семь дней оставался без

горячей пищи и чуть не умер с голоду — чем это лучше болезни глаз?

По воде лучше передвигаться в лодке, а по суше — в телеге. В лодке можно без усилий плыть по воде, но толкать лодку на суше — значит за всю жизнь не продвинуться ни на шаг. Разве древность не отличается от нынешнего времени, как вода от суши? Применять в Лу чжоуские установления — не значит ли пытаться плыть в лодке посуху? Только из сил выбьешься, а проку не будет никакого. Учитель твой не ведает, что такое пребывать в беспредельном и откликаться переменам, вовек себя не исчерпывая. Не приходилось ли тебе видеть колодезного журавля? Хочешь зачерпнуть воду — он опустится, отпустишь его — поднимется. Это человек его нагибает, а сам он не нагибается. Поэтому его движения не могут доставить неудовольствие людям.

Ритуалы и законы, понятия долга и меры древних царей чтили не за то, что они были одинаковы, а за то, что они способствовали доброму правлению. Сравнить их между собою — все равно что уподоблять друг другу резань и грушу, мандарин и помелон: все это съедобные плоды, однако же вкус у них разный. Так же и ритуалы, законы, понятия долга и меры меняются со временем. Тщиться ныне во всем быть подобным древним — все равно что пытаться обезьяну нарядить в платье Чжоу-гуна — она непременно станет кусаться и рвать платье до тех пор, пока не стащит его с себя. Разница между древностью и современностью подобна разнице между Чжоу-гуном и обезьяной.

В старину красавица Сиши из-за более в сердце была печальна. Увидала ее некая Уродина и, вернувшись домой, тоже стала хвататься за сердце и охать на виду у всех. Однако богачи, завидев ее, бросались запираť ворота, а бедняки, повстречав ее, убегали прочь вместе с домочадцами. Уродина понимала только, что быть печальной красиво, но не понимала, почему это так. Увы! Учитель твой дошел до крайности!

Конфуций дожил до пятидесяти одного года, но так и не постиг Путь. Он отправился на юг, пришел во владения Пэй и там повстречался с Лао-цзы.

— Ты пришел? — удивился Лао-цзы. — Я слышал, что ты — достойнейший муж северных краев. Ты тоже обрел Путь?

— Еще нет, — ответил Конфуций.

— А как ты искал его? — спросил Лао-цзы.

— Я пять лет искал его в установлениях и числах, но не мог постичь.

— А потом?

— Я искал его в учении об Инь и Ян, но так и не постиг его.

— Иначе и быть не могло, — сказал Лао-цзы. — Если бы Путь можно было вручить как подношение, то не было бы на земле подданного, который не поднес бы его своему правителю. Если бы Путь можно было подарить, то не было бы на земле человека, который не подарил бы его своим родителям. Если бы о Пути можно было поведать, то не было бы на земле человека, который не поведал бы о нем своим братьям. А если бы Путь можно было передать, то не было бы на земле человека, который не передал бы его своим детям и внукам. Однако же сие невозможно, и тут уж ничего не поделаешь. Если в самом себе не обретишь Путь, то удержать его не сможешь. Если делами своими Путь не подтвердишь, он в мире не претворится. Что исходит изнутри, не примут вовне, а потому мудрый себя не раскрывает. Что входит извне, не найдет места внутри, а потому мудрый не таится. Имя — общая принадлежность, им нельзя пользоваться в одиночку. Человечность и долг — временное пристанище древних царей, в них можно скоротать ночь, но нельзя жить долго: если же люди приметят, что ты в них живешь, не оберешься неприятностей.

Настоящие люди древности ради удобства шли дорогами человечности, ночевали в постоянных дворах долга, чтобы потом привольно гулять на просторе. Они кормились простой пищей и жили на земле, не взятой взаймы. Когда ты привольно гуляешь, ты следуешь Недеянию. Когда ты питаешься простой пищей, легко насытиться. Когда живешь на земле, не взятой взаймы, не лишаешься своих сокровищ. Древние называли это «странствием ради обретения подлинного».

Тот, кто жаждет богатства, не может отказаться от наград. Тот, кто жаждет славы, не может отказаться от известности. Тот, кто жаждет власти, не может дать людям воли. Подбодришь его — и он возгордится. Упрекнешь его — и он расстроится. Такие ничего не замечают вокруг себя и ни на миг не могут обрести покой. Они из тех, на ком лежит кара Небес ⁶.

Устрашать и миловать, отбирать и давать, бранить и наставлять, дарить жизнь и казнить — таковы восемь способов исправления людей, и применять их может лишь тот,

кто умеет, не стесняя себя, идти за Великим превращением. Потому и говорят, что лишь тот, кто сам прям, выпрямит других. А если нет праведности в его сердце, то и Небесные Врата в нем не откроются.

Конфуций пришел к Лао Даню и стал рассказывать ему о человечности и долге.

Лао Дань сказал: «Когда мякина на току залепляет глаза, земля и небо и все стороны света оказываются не на своих местах. Когда комары и оводы впиваются в наше тело, мы не можем сомкнуть глаз ночь напролет. Человечность и долг терзают наши сердца и не дают нам покоя — нет напасти страшнее! Если вы хотите, чтобы Поднебесный мир не утратил своей изначальной безыскусности, странствуйте по свету привольно, как ветер, и будьте таким, каким делает вас природная сила жизни. К чему эта суета с человечностью и долгом? Вы уподобляетесь человеку, который искал своего беглого сына, стуча в барабан. Лебедю не нужно купаться каждый день, чтобы быть белым. Ворона не нужно мазать грязью, чтобы он был черным. О естественных свойствах белизны или черноты нет нужды спорить. Когда из пруда выпускают воду и складывают рыбу на берегу, рыбы теснее прижимаются друг к другу, увлажняя друг друга своими жабрами. Но они с радостью забудут друг о друге, если снова окажутся в большом озере или реке».

Конфуций сказал Лао Даню: «Я много лет изучал все Шесть канонов — «Книгу Песен», «Книгу Преданий», «Записки о ритуале», «Записки о музыке» и «Книгу Перемен». Теперь я досконально постиг их смысл. Обладая этим знанием, я посетил семьдесят два правителя уделов, но ни один из них не усмотрел в моих рассказах ничего полезного для себя. Как трудно заставить мир принять праведный Путь!»

— Вы бы лучше подумали о том, как вам повезло в том, что вы не встретились с мудрыми царями былых времен, — ответил Лао Дань. — Ведь Шесть канонов — это только внешние следы деяний древних мудрецов. Но разве в них заключен смысл этих деяний? Вы же ведете речь только о следах. Следы появляются там, где ступила нога, но сами-то они отнюдь не нога! Белые цапли зачинают, глядя друг на друга немигающим взором. У насекомых это происходит, когда самец зовет самку сверху, а самка откликается снизу. Ну, а существо, именуемое Лэй, зачинает само от

себя. Природу живых существ нельзя изменить, их судьбу невозможно поправить, время нельзя остановить, а действию Пути нельзя поставить преграду. Если следовать Пути, для себя нет ничего невозможного, если же идти наперекор Пути, ничего не сможешь совершить.

Конфуций не выходил из дома три месяца. Когда он снова пришел к Лао Даню, он сказал: «Вороны и сороки откладывают яйца, рыбы мечут икру, все в мире свершается через мельчайшие метаморфозы. Когда рождается младший брат, старший брат плачет. Слишком долго я не понимал, что значит быть другом перемен в мире. И если человек не умеет быть другом перемен, разве может он изменить других людей?»

— Неплохо,— молвил в ответ Лао Дань.— Вы, кажется, все правильно поняли.

ГЛАВА XV

ТЩЕСЛАВНЫЕ ПОМЫСЛЫ

Выделяться тщеславными помыслами и необычными поступками, уходить от мира и жить не так, как все, презрительно рассуждать о людях и насмехаться над ними, быть одержимым собственным величием — таковы нравы мужей гор и ущелий, отвергнувших свет и находящих удовольствие в том, чтобы всячески мучить и терзать себя.

Говорить о человеколюбии и долге, преданности и доверии, быть почтительным и скромным и думать только о собственном совершенстве — таковы нравы мужей, правящих миром и наставляющих людей; они находят удовольствие, будь они дома или на чужбине, в непрестанном учении.

Говорить о великих подвигах и искать славы, требовать от государей и подданных соблюдения правил благопристойности, следить за тем, чтобы каждый занимал предписанное ему место, заботиться только о благе государства — таковы нравы придворных мужей, чтущих правителей и пекущихся о процветании царства; эти находят удовольствие лишь в том, чтобы приносить пользу своей стране.

Скрываться в лесах и болотах, жить на диком просторе, удить рыбу и в покое проводить свои дни — таковы нравы жителей рек и морей, бегущих от мира; эти находят удовольствие единственно в праздности.

По-особенному вдыхать и выдыхать, удалять из себя старое и привлекать в себя новое, ходить по-медвежьи и вытягиваться по-птичьи¹, мечтая только о продлении своих лет, — таковы нравы знатоков телесных упражнений, совершенствующих свое тело; эти любят только секреты долголетия Пэн-цзы.

А вот быть возвышенным без тщеславных помыслов, совершенствовать себя без человеколюбия и долга, управлять государством без подвигов и славы, быть праздным, не уходя на реки и моря, жить долго без телесных упражнений, все забыть и всем обладать, быть целомудренным и

ничем не ограничивать себя, чтобы все людские достоинства сами собой сошлись в тебе, — таков путь Неба и Земли и его сила, обретающаяся в истинном мудреце.

Безмятежность и покой, пустота и неделание — это равновесие Неба и Земли, сущность Пути и его силы. Мудрый обретает в них успокоение. Будучи покоен, он уравновешен и нескован. Будучи уравновешенным и нескованным, он безмятежен. А если он уравновешен и нескован, то —

Заботы и тревоги в него не войдут,
Духовные болезни в него не проникнут.

Стало быть, его жизненная сила пребывает в целостности и его дух не терпит ущерба. Посему говорится: «В жизни мудрец идет вместе с Небом, в смерти он превращается вместе с вещами, в покое он причастен к силе Инь, в деянии причастен к силе Ян».

Ради личной выгоды других не опередит,
Избегая несчастья, не сделает первый шаг.
Лишь испытав воздействие, откликнется,
Лишь подвергшись натиску, подвинется.
Лишь по необходимости берется за дело.
Отвергает знания и доводы,
А внемлет лишь истине Небес.
И следовательно, он
Не знает гнева Небес,
Не ведает бремени вещей,
Не навлекает на себя неприязнь людей,
Не подвергается преследованиям духов.
Его жизнь — как плавание по водам,
Его смерть — как отдохновение.
Он свободен от суетных мыслей,
Он не строит планов и расчетов.
Он просветлен, хоть и не озабочен чистотой духа.
Он всем внушает доверие, хоть и не дает обещаний.
Он спит без сновидений
И пробуждается, не ведая тревог.
Его дух чист и нежен,
Его душа ничем не отягощена.

В покое и безмятежности соединяется он с Небесным Совершенством. А потому говорят, что печаль и радость — это искажение жизненной силы, веселье и гнев — это нарушение Пути, пристрастия и неприязнь — утраты души. Когда в сердце нет ни радости, ни печали, открывается полнота жизненных свойств. Когда сердце едино и неизменно, сполна достигается покой. Когда никто нас не обременяет, сполна прозревается пустота. Когда мы не связаны вещами,

сполна познается безмятежность. Когда мы не препятствуем течению жизни, сполна проявляется утонченность духа. Вот и говорится: «Если тело не отдыхает от напряжения, оно изнашивается. Если дух вечно в заботах, он увядает».

Вода по природе своей такова, что, если ее не мутить, она сама по себе станет чистой; если ее не взбалтывать, она сама по себе станет ровной. Но если создать преграду ее течению, она никогда не будет чиста. В этом вода являет образ Небесного Совершенства. Посему говорится: «Быть чистым и ни с чем не смешиваться, быть покойным и не изменять своему покою, быть безмятежным и несуетным, действовать, как Небо действует, — вот путь питания духа».

Тот, кто обладает мечом из страны Гань² или Юэ, хранит его в ларце и пользуется им с крайней осмотрительностью, ибо такой меч высоко ценится в мире. А духовная сила наполняет вселенную, нигде не встречая преград. Вверху она достигает неба, внизу охватывает землю, вскармливает все сущее и не имеет образа. Ее следует назвать «единой с верховным предком».

Идя путем Чистоты,
Вечно пребываешь в духе.
Будь в нем, не теряй его вовек,
Храни Великое Единство в себе.

Когда духовная сила едина, она пронизает все сущее, сообразуясь с Небесным порядком. Как говорят в народе, «обыкновенный человек ценит выгоду, честный человек ценит славу, достойный муж ценит возвышенные помыслы, но истинный мудрец ценит духовную силу».

Когда говорят, что духовная сила «проста», это означает, что она ни с чем не смешивается. А когда говорят, что духовное начало есть «чистота», это означает, что она не имеет изъяна. Тот, кто стяжал простое и чистое, тот достоин называться Настоящим Человеком.

ГЛАВА XVI

ЛЮБИТЕЛИ ПОПРАВЛЯТЬ ПРИРОДУ

Любители поправлять природу, гордясь своими пустыми познаниями, хотят восстановить изначальные свойства вещей. Соблазненные пошлыми желаниями, гордясь своими пустыми понятиями, они стараются достичь просветления духа. Таких людей следовало бы называть ослепленными.

Древние, претворявшие Путь, возвращали знание безмятежностью. Знание росло, а к делу его не прикладывали — вот это и называется «возвращать дело безмятежностью». Знание и безмятежность друг друга укрепляли, а природа всех вещей поддерживала гармонию и истину. Полнота жизненных свойств — это гармония. Путь — это всеобщая истина. Свойства пронизывают все живое в мире — такова их человечность. Путь содержит в себе всякую истину — такова его праведность. Когда праведность явлена миру и все живое по-родственному соседствует, торжествует верность. Когда форма наполнена внутри и не теряет своего естества, тогда звучит подлинная музыка. Когда доверие выражается в облике и запечатлевается в правилах поведения, тогда осуществляется ритуал. Если же ритуал и музыка не претворяются сполна, в Поднебесной царит смута. Пусть каждый будет прям и хранит в себе свои жизненные свойства. Если же свойства проступят наружу, природа вещей понесет урон¹.

Люди древности тайлись в смутно-необозримом, не желая быть на виду у света. В те времена силы Инь и Ян пребывали в покое и согласии, божества и духи не знали тревог, времена года исправно сменяли друг друга, вещи не терпели ущерба и живые существа не гибли безвременно. Люди имели знания, а применения им не искали. В те времена никто ничего не предпринимал, а все совершалось само собой.

А потом праведность в мире силы своей лишилась, и за

управление взяли Суйжэнь и Фуси. И вышло так, что послушание появилось, а единства не было. Когда же Божественный Землепашец и Желтый Владыка возымели власть в Поднебесной, праведность ослабла еще больше. В мире царило спокойствие, но не было послушания. И совсем погибла жизнь праведная, когда Яо и Шунь взяли управлять Поднебесным миром. Тогда и начались разные усовершенствования в устройении государства, исчезли первоначальная чистота и безыскусность нравов, люди отошли от Пути, гонясь за добродетелями, и отреклись от своих жизненных свойств ради благочестивого поведения. Вот тогда люди отвернулись от своей природы и стали жить собственным разумением. Как ни старались они договориться друг с другом, порядка в Поднебесной им навести не удалось, и они решили упорядочить свою жизнь с помощью наук. Но правила благочестия разрушают наше естество, а науки губят разум. Среди людей начались разброд и смута, и стало уже невозможно вернуть мир к его изначальному состоянию. Нельзя не видеть нынче, что мир погиб для Пути, а Путь погиб для мира. Воистину мир и Путь погибли друг для друга. Если Путь не может вернуть мир к процветанию, а мир не может вернуть к процветанию Путь, то даже величайший мудрец, остающийся среди людей, не в силах явить миру истинную силу жизни. И если мудрец нынче скрывает себя, то не потому, что он сам предпочитает жизнь сокровенную.

То, что в древности называли «сокровенным мужем», не означало желанья скрыться от людских взоров и не показывать себя, замкнуть свои уста и не высказывать суждений прилюдно, спрятать свои знания и не обнаруживать их на людях. Просто слишком уж смутные настали времена. Если бы мудрый встретил свою судьбу и свершил в мире свои великие деяния, он вернулся бы к Единому и следы его сокрылись. Если бы мудрый не встретил своей судьбы и остался бы в мире не у дел, он бы глубже простер свои корни, упокоился бы в Пределе вещей и стал бы ждать. Вот Путь сохранения своей жизни².

Те, кто в древности оберегали свою жизнь, не старались доказательствами украсить свое знание и знаниями своими объять весь мир или постичь первородное Совершенство вещей. Они довольствовались своей долей и наслаждались своей природой. Что они еще могли делать? Ведь Путь — это, конечно, не мелкие дела, а Совершенство жизни — это, конечно, не ограниченные знания. Ограниченные знания губят Совершенство жизни, мелкие дела губят Путь. Поэто-

му и говорят: «Будь прям — только и всего». Успехом зовется счастье сознавать себя целым и невредимым.

Древние называли успехом не обладание колесницей и шапкой знатного вельможи, а всего лишь невозможность добавить что-нибудь к своему счастью. Нынче же успехом считается обладание шапкой и колесницей знатного вельможи. Но шапка и колесница не дарованы нам нашей природой и судьбой. То, что дается нам по случаю, задерживается у нас лишь на время, и мы не можем ни привлечь эту вещь, ни удержать ее у себя навеки. А потому не разжигай в себе страстей из-за шапки и экипажа, не подлаживайся под нравы света из-за приобретений или потерь. Будь счастлив всегда и везде и не позволяй житейским волнениям завладеть тобой. Нынче же, когда временно приставшее к нам уходит от нас, мы печалимся. Вот и видно, что мы даже счастьем своим не умеем дорожить. Поэтому говорят: «Тех, кто отрекаются от себя ради вещей и пренебрегают своей природой в угоду свету, следует называть людьми, которые все ставят с ног на голову».

ГЛАВА XVII
ОСЕННИЙ РАЗЛИВ

Пришло время осеннего разлива вод. Сотни потоков устремились в Желтую Реку, и она разлилась так широко, что на другом берегу невозможно было отличить лошадь от коровы. И тогда Дух Реки Хэбо возрадовался, решив, что в нем сошлась красота всего мира. Он поплыл вниз по реке на восток и достиг Северного Океана. Долго смотрел он на восток, но так и не увидел предела водному простору. В недоумении повертел он головой и, глядя на раскинувшуюся перед ним ширь, сказал со вздохом Духу Океана по имени Жо: «В народе говорят: «Узнал сотую часть Пути и уже мнит, что не имеет себе равных». Это сказано про меня! Мне приходилось слышать, как свысока судили об учености Конфуция и без почтения отзывались о подвиге Бои, и я не верил этому. Но теперь, видя, сколь вы могучи, я не могу не прийти к воротам вашего дома, иначе мне суждено вовеки быть посмешищем в глазах великих мужей!»

— С лягушкой, живущей в колодце, не поговоришь об океане, ведь она привязана к своей дыре, — ответил Дух Океана Жо. — Летней мошке не объяснишь, что такое лед, ведь она стеснена сроком ее жизни. С ограниченным ученым¹ не поговоришь о Великом Пути — ведь он скован своим учением. Ты сейчас вышел из своих берегов, увидел великий Океан и понял свою ничтожность. Значит, с тобой теперь можно толковать о великой истине.

В мире нет воды большей, чем Океан. Все потоки земли днем и ночью вливаются в него, а он не переполняется. С незапамятных времен через проход Вэйлюй из него выливается вода, а он не мелет. Ни весной, ни осенью не меняется в нем уровень вод, не ведает он ни потопа, ни засухи. Невозможно даже сосчитать, во сколько раз он больше самых больших рек! И если я сам никогда не находил в этом повода для гордости, то потому лишь, что, объятый Небом

и Землю и питаемый силами Инь и Ян, я в этом огромном мире — все равно что камешек или кустик на большой горе. Если я столь ничтожен перед лицом мира, как могу требовать многого для себя? Но перед Небом и Землей даже весь мир в пределах четырех морей — все равно что муравьиная кочка среди огромного болота. А Срединная страна на этом свете — не более чем рисовое зернышко среди просторного амбара. Мы говорим, что вещей в мире «бесчисленное множество», а человек — лишь одна из них. И перед лицом этого великого разнообразия вещей разве не кажется он всего лишь крохотной волосинкой на теле лошади? Все то, ради чего передавали друг другу власть Пять Царей, боролись за главенство Три Правителя², чему посвящали свои помыслы человеколюбивые мужи, а мужи ответственные — свои труды, вполне в этом уместается! Бой, отвергнувший эту малость, прославился в веках, а Конфуций, рассуждавший о ней, прослыл великим ученым. Эти люди считали себя величайшими мужами земли. Но не таков ли и ты сам, посчитавший себя величайшей пучиной мироздания?

— В таком случае должен ли я считать великими Небо и Землю, а малым — кончик волоска? — спросил Хэбо.

— Нет, — ответил Дух Океана Жо, — среди вещей мера не имеет устойчивого значения, время не знает остановки, границы вещей непостоянны, начала и концы не установлены раз и навсегда. Вот почему мудрые люди охватывают взором разом далекое и близкое и поэтому не считают малое ничтожным, а большое — великим. Ибо знание меры вещей само не имеет конца. Эти люди досконально постигли и прошлое, и настоящее, а потому привольно странствуют сердцем в беспредельном просторе. Они не тянутся за недостижимым, ибо знают, что время не останавливается ни на миг. Зная о незыблемом порядке наполнения и опустошения, они не радуются, обретя что-либо, ибо удел наш непостоянен. Они ясно понимают неизменный Путь, а потому не радуются жизни и не горюют о смерти, зная, что начала и концы спутаны и ненадежны. Прикинь-ка, много ли человек знает? Его знания не сравнятся с тем, что ему неизвестно. А время его существования не сравнится со временем его несуществования. Тот, кто, опираясь на крайне малое, пытается постичь крайне большое, обязательно впадет в заблуждение и останется навеки неудовлетворенным. Если вот так смотреть на вещи, то откуда мне знать, можно ли считать кончик волоска образцом предельно малого, а Небо и Землю — образцом предельно большого?

— В мире любители рассуждать говорят: «Мельчайшее лишено формы, величайшее нельзя охватить»³. Это верно?

— Если на великое смотреть, исходя из малого, то оно покажется беспредельным. А если на малое смотреть, исходя из великого, то оно покажется незаметным. Ведь внутренняя сущность — это неразлично-мелкое, а внешний предел — это необозримо-великое. Следовательно, различие между ними есть не более чем условность: все зависит от того, с какой стороны посмотреть. И тонкое, и грубое присутствуют в каждой форме. Бесформенное же не поддается делению, а необъятное нельзя исчерпать счетом. То, о чем можно поведать словами, — это грубая сторона вещей. То, что может быть постигнуто мыслью, — это тонкая сторона вещей. А то, о чем нельзя поведать словами и что не может быть постигнуто мыслью, не относится ни к грубому, ни к тонкому.

Посему великий человек деяниями своими не причиняет вреда людям, но и не выделяется пристрастием к человечности и долгу. Он усердствует не ради выгоды и не презирает обязанности даже презренного привратника, к богатству не стремится, но и от дел насущных не бежит; живет, не пользуясь услугами других, но и не стремится непременно кормить себя сам, а на подлых и алчных не смотрит свысока. Поведением своим он не похож на простых людей, но и не мечтает стоять над ними. Он живет «как все» и не восстает против пустословия и обмана. Все награды и чины мира не вскружат ему голову, все унижения и наказания мира не опозорят его, ибо он знает, что истинное и ложное невозможно отделить друг от друга и невозможно провести границу между великим и малым. Я слышал такие слова: «Человек Пути остается безвестным. Человек совершенных свойств ничем не владеет. Великий человек лишен самого себя». Вот высшая истина человеческой судьбы.

— Где же искать грань между ценным и ничтожным, большим и малым — вне вещей или внутри их? — спросил Хабо.

— Если смотреть на это, исходя из Пути, то вещи не ценны и не ничтожны, — ответил Дух Океана Жо. — А если смотреть на это, исходя из вещей, то сами себя они считают ценными, а всех прочих ничтожными. Если смотреть на это, исходя из обычая, то граница между ценным и ничтожным не зависит от самих вещей. Если смотреть на это, исходя из различий между вещами, и считать великим лишь то, что кажется великим, тогда среди вещей не окажется ни

одной, которая не была бы великой. А если считать малым лишь то, что кажется таковым, тогда среди вещей не окажется ни одной, которая не была бы малой. Если знать, что Небо и Земля — как просяное зернышко, а кончик волоска — как высокая гора, тогда станут понятны и различия в величине вещей. Если смотреть на это, исходя из заслуг, и считать имеющими заслуги лишь тех, кто сам себя таковым считает, тогда в мире не будет вещей, которые не имели бы заслуг. А если не считать имеющими заслуги тех, кто сам себя таковым не считает, то в мире не останется вещей, которые имели бы заслуги. Если знать, что восток и запад друг другу противостоят, но не могут быть друг без друга, тогда каждая вещь займет свое место. Если смотреть на это, исходя из наклонностей, и считать правильными тех, кто сам их считает таковыми, тогда в мире не будет вещей, наклонности которых были бы неправильны. А если считать неправильными наклонности тех, кто сам их считает таковыми, тогда в мире не будет вещей, наклонности которых были бы правильны. Если знать, что и мудрец Яо, и злодей Цзе считали себя правыми, а другого неправым, тогда истоки разных наклонностей проявляются вочию.

В стародавние времена Яо по своей воле уступил престол Шуню, и тот стал великим царем, а Куай уступил престол Чжи, и тот бесславно сгинул. Тан и У оспаривали престол и стали правителями, а Богун оспаривал престол — и погиб. Если судить по этим примерам, соперничество за престол или отказ от него, поведение мудрого Яо или злодея Цзе могут быть подходящими или неподходящими в зависимости от обстоятельств, а потому и значение их изменчиво. Тараном можно пробить крепостную стену, но им нельзя заткнуть брешь — стало быть, у этого орудия есть свой особый способ применения. Скакун Хуалю¹ пробежал за день тысячу ли, но в ловле мышей он, конечно, не сравнился бы с дикой кошкой — стало быть, у этого животного были свои особые способности. Сова ночью поймает даже блоху и увидит кончик волоска, а среди бела дня таранит глаза и не видит даже горы — стало быть, у нее особенная природа. Поэтому сказать: «Почему бы не поступать только по истине и не отвергать неправду, стремиться к порядку и отвергать беспорядок?» — означает не понимать законов Неба и Земли и сущности вещей. Это все равно что признавать только Небо и отвергать Землю, признавать силу Инь и отвергать силу Ян. Ясно, что так поступать нельзя. А если кто-нибудь все же продолжает на этом настаивать, тот или дурак, или лжец. Древние правители от-

рекались от престола при разных обстоятельствах, и Три Династии при разных же обстоятельствах наследовали друг другу. Того, кто не умел правильно выбрать время и поступал вопреки тогдашним нравам, люди называли узурпатором. А того, кто правильно выбирал время и следовал обычаю, люди называли человеком долга. Молчи, Хэбо! Откуда тебе знать, где врата к славе и где — к позору, какое учение великое, а какое — ничтожное?

— Но если так, то что же мне делать, а чего не делать? — спросил Хэбо. — На каком основании могу я что-то принимать или отбрасывать, к чему-то стремиться и от чего-то бежать?

— Если смотреть на вещи, исходя из Пути, то окажется, что в мире нет ни ценного, ни ничтожного, а есть только «возвращение к истоку». Не ограничивай свои устремления, ведь так ты лишь воздвигнешь преграды на своем пути. В мире нет ни малого, ни великого, а есть лишь «уступление в круговороте». Будь же величественно-строг, словно царь земли, не выказывающий пристрастий. Будь благостен, словно божество земли, не ищущее счастья для себя. Будь всеобъятен, как весь белый свет, и нигде не ставь себе пределов. Обними все вещи одинаково — какая же из них заслуживает прежде других твоей благосклонности? Это называется «быть открытым всем пределам». Все вещи в мире уравниваются в Едином — какие же из них хуже, а какие лучше?

У Пути нет ни конца, ни начала,
А все живое рождается и умирает.
Неведомо нам совершенство:
Что нынче пусто, завтра будет полным.
Не даны навеки формы вещам.
Не задержать вереницу лет.
Не остановить времени бег.
Упадок и расцвет, изобилие и скудость:
Приходит конец — и снова грядет начало!

Вот слова, раскрывающие смысл великой справедливости мироздания и закон всех вещей! Жизнь всех вещей — как скачка на коне: ни одного движения без перемен, ни одного мига без изменений! Что нам делать и чего не делать? Оставь! Все само собою свершится!

— Но коли так, то что же ценного в Пути?

— Познавший Путь непременно постиг порядок природы, постигший же порядок природы непременно осознает равновесие вещей. А тот, кто осознает равновесие вещей, ничем не навредит себе. Человек совершенных качеств в огне не сгорит и в воде не утонет; ему холод и жара не

страшны, его звери и птицы не погубят. Это не значит, что ему все нипочем. Я говорю о том, что он умеет отличать опасное от безопасного, покоен в счастье и несчастье, осмотрителен в сближении и отдалении, и поэтому ничто в мире не может ему навредить. Сказано ведь: «Небесное — внутри, человеческое — вовне». А жизненная сила пребывает в Небесном. Тот, кто знает деяния Неба и Человека, тот укоренится в Небесном и сам себя обретет:

Вперед и назад, растягиваясь и сжимаясь,
Он вернется к основе и оповестит о великом ⁵.

— Но что же такое небесное и что такое человеческое?

— У быков и коней по четыре ноги — это зовется небесным. Узда на коня и кольцо в носу у быка — это зовется человеческим. Поэтому говорится: «Не губи небесное человеческим, не губи своим умом собственной судьбы, не губи доброе имя своей алчностью». Строго блюди эти заповеди и никогда от них не отступай, — и ты, что называется, «возвратишься к подлинному».

Одноногий Куй ⁶ завидовал Сороконожке, Сороконожка завидовала Змее, Змея завидовала Ветру, Ветер завидовал Глазу, а Глаз завидовал Сердцу.

Куй сказал Сороконожке: «Я передвигаюсь, подпрыгивая на одной ноге, и нет ничего проще на свете. Тебе же приходится передвигать десять тысяч ног, как же ты с ними управляешься?»

— А чему тут удивляться? — ответила Сороконожка. — Разве не видел ты плюющего человека? Когда он плюет, у него изо рта вылетают разные капли — большие, как жемчуг, или совсем маленькие, словно капельки тумана. Вперемешку падают они на землю, и сосчитать их невозможно. Мною же движет Небесная Пружина во мне, а как я передвигаюсь, мне и самой неведомо.

Сороконожка сказала Змее: «Я передвигаюсь с помощью множества ног, но не могу двигаться так же быстро, как ты, хотя у тебя ног вовсе нет. Почему так?»

— Мною движет Небесная Пружина во мне, — ответила Змея. — Как могу я это изменить? Для чего же мне ноги?

Змея говорила Ветру: «Я передвигаюсь, сгибая и распрямляя позвоночник, ибо у меня есть тело. Ты же с воем поднимаешься в Северном Океане и, все так же завывая, несешься в Южный Океан, хотя тела у тебя нет. Как это у тебя получается?»

— Да, я с воем поднимаюсь в Северном Океане и лечу в Южный Океан. Но если кто-нибудь тронет меня пальцем, то одолеет меня, а станет топтать ногами — и сомнет меня. Пусть так — но ведь только я могу ломать могучие деревья и разрушать огромные дома. Вот так я превращаю множество маленьких не-побед в одну большую победу. Только истинно мудрый способен быть великим победителем!

Чжуан-цзы удил рыбу в реке Пушуй, а правитель Чу прислал к нему двух своих сановников с посланием, и в том послании говорилось: «Желаю возложить на Вас бремя государственных дел».

Чжуан-цзы даже удочки из рук не выпустил и головы не повернул, а только сказал в ответ: «Я слышал, что в Чу есть священная черепаха, которая умерла три тысячи лет тому назад. Правитель завернул ее в тонкий шелк, спрятал в ларец, а ларец тот поставил в своем храме предков. Что бы предпочла эта черепаха: быть мертвой, но чтобы поклонялись ее костям, или быть живой, даже если ей пришлось бы волочить свой хвост по грязи?»

Оба сановника ответили: «Конечно, она предпочла бы быть живой, даже если ей пришлось бы волочить свой хвост по грязи».

— Уходите прочь! — воскликнул Чжуан-цзы. — Я тоже буду волочить хвост по грязи!

Хуэй-цзы был первым советником в царстве Лян, и Чжуан-цзы захотел навестить его. Кто-то сказал Хуэй-цзы: «К вам едет Чжуан-цзы. Он хочет сменить вас на посту первого советника». Хуэй-цзы очень испугался и приказал искать Чжуан-цзы по всему царству. И Чжуан-цзы искали три дня и три ночи. Чжуан-цзы приехал к Хуэй-цзы и сказал: «На юге живет птица, которую зовут Юаньчу. Ты знаешь об этом? Она взмывает ввысь в Южном Океане и летит в Северный Океан. Она отдыхает только на вершинах платанов, питается только плодами бамбука и пьет только ключевую воду. Однажды некая сова нашла дохлую крысу. Когда птица Юаньчу пролетала над ней, сова подняла голову и угрожающе заухала. Не хочешь ли ты погрозить мне своим царством?»

Чжуан-цзы и Хуэй-цзы прогуливались по мосту через реку Хао.

Чжуан-цзы сказал: «Как весело играют рыбки в воде! Вот радость рыб!»

— Ты ведь не рыба, — сказал Хуэй-цзы, — откуда тебе знать, в чем радость рыб?

— Но ведь ты не я, — ответил Чжуан-цзы, — откуда же ты знаешь, что я не знаю, в чем заключается радость рыб?

— Я, конечно, не ты и не могу знать того, что ты знаешь. Но и ты не рыба, а потому не можешь знать, в чем радость рыб, — возразил Хуэй-цзы.

Тогда Чжуан-цзы сказал: «Давай вернемся к началу. Ты спросил меня: Откуда ты знаешь радость рыб? Значит, ты уже знал, что я это знаю, и потому спросил. А я это узнал, гуляя у реки Хао»⁷

Когда Конфуций был в царстве Куан, люди Сун окружили его в несколько рядов, но он беспрерывно пел и перебирал струны своей лютни.

— Отчего вы, учитель, веселитесь? — спросил его Цзылу.

— Подойди, я скажу тебе, — ответил Конфуций. — Давно уже ждал я беды и не смог избежать ее — такова судьба. Давно уже ожидал я удачи, но не достиг ее — такие уж времена. При Яо и Шуне в Поднебесной не было неудачников, успеха же добивались не знаниями. При Чжоу и Цзе не было людей удачливых, и случилось так не из-за отсутствия знаний. Таковы веления времени. На воде не избегать встречи с драконом — таково мужество рыбака. На суше не избегать встречи с тигром — таково мужество охотника. Выйти навстречу протянутому клинку и встретить смерть, как жизнь, — таково мужество героя. Знать, что неудача происходит от судьбы, знать, что успех зависит от времени, и бестрепетно встретить великую беду — таково мужество мудрого. Остайся же со мною! Участь моя решена!

Но в скором времени подошел воин, отвесил прощальный поклон и сказал:

— Вас приняли за Ян Ху, поэтому и окружили. Мы снимаем осаду и тотчас уходим⁸.

Гуньсунь Лун спросил у вэйского царя Моу:

«Я с детства изучал путь древних царей, а в зрелые годы постиг смысл человечности и долга. Я научился объединять «подобное» и «различное», разделять «твердость» и «белизну», превращать утверждение в отрицание, а возможное — в невозможное. Я поверг в смущение все сто

школ и превзошел в красноречии всех спорщиков. Я полагал, что никто в целом свете не сравнится со мной в учености. Ныне же я услышал речи Чжуан-цзы и пребываю в великом изумлении. Не могу понять, то ли я уступаю ему в умении рассуждать, то ли знания мои не столь обширны, как у него. Теперь я и рта не смею раскрыть. Позвольте спросить, в чем тут дело?»

Царь Моу облокотился о столик, медленно вздохнул и, глядя в небо, рассмеялся. «Разве ты не слыхал про лягушку, которая жила в глубоком колодце? — сказал он. — Эта лягушка однажды сказала черепахе, обитавшей в Восточном Океане: «В моей жизни так много удовольствий! Когда я хочу прогуляться, я вылезая на перила колодца. Вернувшись к себе, я отдыхаю на отвалившейся от стенки черепице. Если я хочу купаться, я прыгаю в воду, и она доходит мне до самой шеи. А когда я выхожу на берег, моя нога погружается в грязь по самую щиколотку. Ни вьющаяся вокруг мошкара, ни крабы, ни жабы не имеют таких удовольствий. Поистине обладать целой лужей воды и глубоким колодцем, в котором я могу делать все, что пожелаю, — это вершина счастья! Почему бы вам не прийти ко мне в гости, не посмотреть, как я живу?»

Не успела черепаха из Восточного Океана ступить в колодец левой ногой, как ее правая нога уже застряла там. Пришлось ей отползти назад, и тут она рассказала лягушке про свой океан:

«Даже расстояние в тысячу ли не даст представления о том, как широк Океан, в котором я живу, а расстояние в восемь тысяч ли не даст представления о том, сколь глубок этот Океан, — сказала она. — Во времена царя Юя за десять лет случилось девять наводнений, но вода в Океане не поднялась. При царе Тане за восемь лет было семь засух, но воды в Океане не ubyло. Не быть увлекаемым потоком в часы приливов и отливов, не чувствовать волнения, когда вода прибывает или убывает, — такова радость жизни в Восточном Океане».

Тут лягушку из колодца прямо оторопь взяла, и она лишилась дара речи. Ну а тебе, не умеющему распознать даже границу между истинным и ложным, пытаться уразуметь слова Чжуан-цзы — все равно что комару снести на себе гору или сороконожке перебраться через Желтую Реку. Такая задача тебе не по плечу. И тот, кто, не умея распознать смысл утонченнейших речей, старается как можно выгоднее для себя устроиться в жизни, не похож разве на ту лягушку из колодца?

А еще скажу тебе, что тот человек спускался в страну Желтых источников и возносился до самого неба. Он странствует привольно всюду, не разбирая ни севера, ни юга, ни востока, ни запада, и проникает в Сокровенное, возвращается к Всепроницающему. Ты же в своей слепоте ищешь по заданным правилам, разделяешь посредством доказательств. Ты подобен человеку, который смотрит на небо через трубочку и целится шилом в землю. Какая мелочность! Уходи прочь от меня! И помни: однажды какой-то парень из Шоулина вздумал подражать ходакам из Ханьдана. Тамошнее искусство он не перенял, а по-своему ходить тоже разучился, так что пришлось ему ползти домой на локтях и коленях. Лучше тебе уйти сейчас, а не то ты чужому искусству не научишься и свое потеряешь!»

Тут Гуньсунь Лун от удивления даже рот раскрыл и язык высунул. Вот так он и побежал прочь.

ГЛАВА XVIII
ВЫСШЕЕ СЧАСТЬЕ

Есть ли в Поднебесном мире высшее счастье? Можно ли сполна прожить свою жизнь? Что нужно делать, на что уповать? Чего избегать, чем заниматься? К чему стремиться, от чего отказываться? Что любить и что ненавидеть?

В Поднебесной ценят богатство, знатность, долголетие и добрую славу, любят покой, изысканные яства, роскошные одежды, красивые цветы и ласкающие слух звуки. Ненавидят же бедность и унижение, преждевременную смерть и дурную славу и страдают, когда нет ни покоя, ни изысканных яств, ни роскошных одежд, ни красивых цветов, ни ласкающих слух звуков. Если люди лишены всего этого, они впадают в уныние и печаль. Но нет ничего глупее, чем угождать лишь прихотям плоти!

Богачи, изнурая себя тяжкими трудами, накапливают столько сокровищ, что не успевают воспользоваться ими, да и к радостям плоти эти богатства ничего не прибавляют. Знатные мужи днями и ночами пекутся о своей добродетели, но их добродетель и по давню ничего не прибавляет к радостям тела. Человек печалится с самого своего рождения, а прожив долгую жизнь, впадает в помрачение. Как горько столь долго страдать, не умирая! И все, что делает человек в жизни, так чуждо ему!

В Поднебесной высоко ставят доблесть героев, однако их доблесть не помогла им себя уберечь. И я не знаю, воистину ли это доблесть, или она на самом деле неистинна? Если счесть это доблестью, то ее недостаточно, чтобы сохранить жизнь себе. А если не счесть ее доблестью, то ее достаточно, чтобы сохранить жизнь другим. Поэтому говорят: «Когда искренним наставлениям не внемлют, сиди спокойно и не спорь». Вот и У Цзысуй стал спорить и погубил себя. Но если бы он не соперничал, то и славы бы не заслужил. Так существует ли в действительности доблесть?

Не знаю, является ли на самом деле счастьем то, что

люди нынче почитают за счастье. Вижу я, что счастье в мире — это то, о чем все мечтают, чего все добиваются и без чего жить не могут. А я и не знаю, счастье ли это, но также не знаю, есть ли это несчастье. Так существует ли на свете счастье? Для меня настоящее счастье — недеяние, а толпа считает это мучением. Поэтому сказано: «Высшее счастье — отсутствие счастья. Высшая слава — отсутствие славы».

Хотя в мире в конце концов нельзя установить, где истина, а где ложь, в недеянии можно определить истинное и ложное. Высшее счастье — это сама жизнь, и только Недеяние позволяет достичь его. Попробую сказать об этом. Небо благодаря Недеянию становится чистым; Земля благодаря Недеянию становится покойной¹. Когда Недеяние Неба пребывает в согласии с Недеянием Земли, свершаются превращения всех вещей. Неразличимое, смутное — неведомо откуда исходит! Смутное, необозримое — лишенное образа! Все сущее в своем великом изобилии произрастает из Недеяния. Поэтому сказано: «Небо и Земля ничего не делают, но не остается ничего несделанного». Кто же среди людей способен претворить Недеяние?

У Чжуан-цзы умерла жена, и Хуэй-цзы пришел ее оплакивать. Чжуан-цзы сидел на корточках и распевал песню, ударяя в таз. Хуэй-цзы сказал: «Не оплакивать покойную, которая прожила с тобой до старости и вырастила твоих детей, — это чересчур. Но распевать песни, ударяя в таз, — просто никуда не годится!»

— Ты не прав, — ответил Чжуан-цзы. — Когда она умерла, мог ли я поначалу не опечалиться? Скорбя, я стал думать о том, чем она была вначале, когда еще не родилась. И не только не родилась, но еще не была телом. И не только не была телом, но не была даже дыханием. Я понял, что она была рассеяна в пустоте безбрежного Хаоса. Хаос превратился — и она стала Дыханием. Дыхание превратилось — и стало Телом. Тело превратилось — и она родилась. Теперь настало новое превращение — и она умерла. Все это сменяло друг друга, как чередуются четыре времени года. Человек же схоронен в бездне превращений, словно в покоях огромного дома. Плакать и причитать над ним — значит не понимать судьбы. Вот почему я перестал плакать.

Когда Чжуан-цзы пришел в земли Чу, он наткнулся на голый череп, уже побелевший от времени, но еще крепкий.

Хлестнув череп плеткой, Чжуан-цзы стал расспрашивать его: «Довела ли вас, учитель, до этого безрассудная привязанность к жизни? Или вы служили побежденному царству и сложили голову на плахе? Довели ли вас до этого беспутная жизнь и поступки, опозорившие ваших родителей, жену и детей? Довел ли вас до этого голод и холод? Или, может быть, вас довела до этого тихая смерть, пришедшая после долгих лет жизни?»

Так Чжуан-цзы поговорил с черепом, а потом положил его себе под голову и лег спать. В полночь череп явился ему во сне и сказал: «Ты говорил, как любитель попусту рассуждать. В речах твоих отобразились заботы живых людей. Умершим они неведомы. Желает ли ты выслушать глас мертвого?»

— Да, — сказал Чжуан-цзы.

— Ну так слушай. Для мертвого нет ни государя наверху, ни подданных внизу, ни времен года. Безмятежно следует он круговороту Неба и Земли, и даже утечи державного владыки не сравнятся с его счастьем.

Чжуан-цзы не поверил этим словам и спросил: «А хочешь, я велю Владыке судеб² вернуть тебя к жизни, снова дать тебе тело, воскресить твоих родителей, жену и детей, друзей и соседей?»

Череп словно бы нахмурился грозно и сказал: «Да разве сменю я свое царственное счастье на человеческие тяготы!»

Когда Янь Хой уехал в восточное царство Ци, Конфуций выглядел опечаленным. Цзы-Гун поднялся со своего сиденья и спросил: «Ваш ученик осмелится спросить, почему вы, учитель, так печалитесь с тех пор, как Хой уехал в Ци?»

— Ты задал хороший вопрос! — ответил Конфуций. — Когда-то Гуань-цаы произнес слова, которые мне очень нравятся: «В маленький мешочек не вложишь большую вещь. Короткой веревкой ничего не достанешь с глубины». Это значит, что каждому из нас уготовано свершить в мире столько, сколько мы можем, — и не более того. Боюсь, что Хой станет беседовать с правителем Ци о пути Яо, Шуня и Желтого Владыки и ссылаться на слова царей Суйжэня и Шэньнуна. Государь начнет искать в себе то, чего в нем нет. Не найдя того, что он ищет, он впадет в растерянность. А если человек, у которого вы служите советником, пребывает в растерянности, вам грозит неминуемая смерть.

Не приходилось ли тебе слышать историю о том, как

в окрестности столичного города Лу залетела морская птица? Правитель Лу по этому случаю устроил пир у алтарей предков, исполнил мелодии Девять шао, преподнес птице лучшее мясо от жертвоприношения ньюлао. А птица сидела, вытаращив глаза, и не съела ни куска мяса, не выпила ни глотка воды. Через три дня она околела. Так получилось оттого, что правитель Лу на самом деле заботился о себе, а не о птице. Тот, кто действительно хотел сделать птице добро, пустил бы ее на волю в густые леса, позволил бы ей плавать на озерах и реках, кормил бы ее водяной живностью, дал бы ей жить так, как ей хочется. Для той птицы не было ничего ненавистнее, чем слышать человеческие голоса — ведь они кажутся ей бессмысленным гомоном! Попробуй сыграть мелодии Сяньчи на просторах озера Дунтин, и птицы, услышав эту музыку, взметнутся в небеса, звери убегут в лес, рыбы уйдут в глубину. Люди же, наоборот, соберутся послушать. Рыба, находясь в воде, живет в свое удовольствие, а человек, попав под воду, погибает. Они так отличаются друг от друга потому, что у них совсем разные потребности. Вот почему древние мудрецы не думали, что у людей одинаковые способности, и не давали людям одинаковых заданий. В те времена имена зависели от обстоятельств, должное определялось возможным. Вот что означает поговорка: «Как ветви расходятся во все стороны, как спицы сходятся в ступице колеса».

Отрешенный и Забывчивый осматривали Курган Сокровенной Мудрости, где покоится прах Желтого Владыки. Вдруг на левом локте у Забывчивого вскочила опухоль, и Забывчивый изумленно уставился на нее.

— Страшно тебе? — спросил Отрешенный.

— Нет, чего мне страшиться? — ответил Забывчивый. — Ведь наша жизнь дана нам взаймы. Взяли ее в долг — и живем, а живущие — прах. Жизнь и смерть — как день и ночь. Мы с тобой посетили того, кто уже прошел превращение, а теперь превращение коснулось меня. Чего же мне страшиться?

Путешествуя, Ле-цзы заметил у дороги череп вековой давности. Раздвинув бурьян, он указал на него пальцем и сказал:

«Только ты и я понимаем, что нет ни жизни, ни смерти. Нужно ли печалиться о тебе? Нужно ли радоваться обо мне?»

В семенах есть зародыши. Попадая в воду, они становятся ряской, на границе воды и суши они превращаются в «лягушачью кожу», в полях же они становятся подорожником. Когда подорожник попадает на плодородную почву, он превращается в «воронью лапку». Корни вороньей лапки превращаются в земляных червей, а ее листья — в бабочек. Бабочки тоже претерпевают превращения и становятся насекомыми, которые плодятся у очага и выглядят так, словно они сбросили свою кожу. Зовут их цюйдао. Через тысячу дней цюйдао превращается в птицу ганьюйгу. Слюна птицы ганьюйгу становится (насекомым) сыми, а сыми превращается в существо илу, живущее в винном уксусе.

Насекомое илу рождается от насекомого хуанхуан, а хуанхуан рождается из насекомых цзюю. Насекомые фуцюань рождаются из насекомых маожуй. Растение янси, соединяясь со старым бамбуком, уже не дающим побегов, рождает насекомое циннин. Циннин порождает леопарда, леопард порождает коня, конь порождает человека, а человек снова возвращается в зародыши. «Вся тьма вещей происходит из мельчайших зародышей и в них возвращается».

ГЛАВА XIX

ПОСТИГШИЙ ЖИЗНЬ

Постигший сущность жизни не утруждает себя ничемными делами. Постигший сущность судьбы не утруждает себя делами, не ниспосланными судьбой. Чтобы поддерживать в теле жизнь, нужно опираться на разные вещи, но бывает так, что вещи имеются в избытке, а жизнь в теле поддержать невозможно. Чтобы сохранить себе жизнь, нужно прежде не лишаться своего тела, но бывает так, что тела не лишаются, а жизнь оказывается загубленной. Приход жизни нельзя отвергнуть, ее уход нельзя остановить. Как это прискорбно! Люди в свете полагают, что пропитания тела достаточно для поддержания жизни, а ведь, сколько ни питайся, жизнь свою в конце концов не сбережешь. Однако же в свете считают, что этого достаточно, и даже не знают, как жить по-другому.

Тому, кто хочет избавиться от забот о своем теле, лучше всего покинуть свет. Кто уйдет от света, тот избавится от тягот. А кто избавлен от тягот, тот душой прям и ровен. Кто душой прям и ровен, умеет жить каждодневным обновлением. А кто живет каждодневным обновлением, тот уже близок к правде. Заслуживают ли земные дела того, чтобы их отбросить, а жизнь — того, чтобы ее оставить? Отбросивший дела не утруждает себя. Оставивший жизнь неувядаем духом. Кто телом целостен и вернулся к полноте духа, тот станет единым с Небом. Небо и Земля — отец-мать всех вещей. Соединяясь, они создают тело. Разъединяясь, они кладут начало новой жизни. Когда и тело, и дух вечно живут, это называется «способностью перенести себя»¹. В духовном стяжай еще более духовное — и тогда станешь опорой Небес.

Учитель Ле-цзы спросил у Гуань-иня: «Высший человек идет под водой — и не захлебывается, ступает по огню — и не обжигается, воспаряет над всем миром — и не пугается. Позвольте спросить, как этого добиться?»

— Этого добиваются не знаниями и ловкостью, а сохраняя чистоту жизненной силы, — ответил Гуань-инь. — Присьядь, я расскажу тебе. Все, что обладает формой и образом, звучанием и цветом, — это вещи. Чем же отличаются друг от друга вещи и чем превосходят они друг друга? Формой и цветом — только и всего! Ведь вещи рождаются в Бесформенном и возвращаются в Неизменное. Какие могут быть преграды тому, кто это постиг? Такой человек пребывает в Неисчерпаемом и хоронит себя в Беспредельном, странствует у конца и начала всех вещей. Он бережет цельность своей природы, пестует свой дух и приводит к согласию свои жизненные силы, дабы быть заодно с творением всего сущего. Небесное в нем сберегается в целостности, духовное в нем не терпит ущерба. Как же могут задеть его внешние вещи?

Вот и пьяный, упавший с повозки, может удариться сильно, а до смерти не убьется. Тело у него такое же, как у других, а ушибется он по-особому — ведь дух его целостен. Он не знал, что едет в повозке, и не знал, что свалился с нее, мечты о жизни и страх смерти не гнездились в его груди, и вот он, столкнувшись с каким-либо предметом, не ведает страха. Если человек может стать таким целостным от вина, то насколько же целостнее может он стать благодаря Небу? Мудрый хоронит себя в небесном, и потому ничто не может ему повредить.

По дороге в царство Чу Конфуций вышел из леса и увидел Горбуна, который ловил цикад так ловко, будто подбирал их с земли.

— Неужто ты так искусен? Или у тебя есть Путь? ² — спросил Конфуций.

— У меня есть Путь, — ответил Горбун. — В пятую-шестую луну, когда наступает время охоты на цикад, я кладу на кончик своей палки шарики. Если я смогу положить друг на друга два шарика, я не упущу много цикад. Если мне удастся положить три шарика, я упущу одну из десяти, а если я смогу удержать пять шариков, то поймаю всех без труда. Я стою, словно старый пень, руки держу, словно сухие ветки. И в целом огромном мире, среди всей тьмы вещей, меня занимают только крылатые цикады. Я не смотрю по сторонам и не променяю крылышки цикады на все богатства мира. Могу ли я не добиться желаемого?

Конфуций повернулся к ученикам и сказал: «Помыслы собраны воедино, дух безмятежно-покоен...» Не об этом ли Горбуну сказано такое?

Янь Хой сказал Конфуцию: «Однажды я переправлялся через глубокий поток Шаншэнь, и перевозчик управлял лодкой, словно всемогущий Бог. Я спросил его: «Можно ли научиться управлять лодкой?» «Можно,— ответил он.— Это легко может сделать хороший пловец, а если он к тому же и ныряльщик, то научится управлять лодкой, даже не видя ее в глаза». Я спросил его еще, но он не захотел говорить со мной. Позвольте спросить, что это значит?»

— Когда перевозчик сказал, что его искусству легко может научиться хороший пловец, он имел в виду, что такой пловец забывает про воду,— ответил Конфуций.— А когда он сказал, что ныряльщик может научиться его искусству, даже не видя лодку в глаза, он говорил о том, что для такого человека водная пучина — все равно что суша и перевернуться в лодке — все равно что упасть с повозки. Пусть перед ним опрокидывается и переворачивается все, что угодно,— это не поколеблет его спокойствия. Что бы с ним ни случилось, он будет безмятежен!

В игре, где ставят на черепицу, ты будешь ловок. В игре, где ставят на поясную пряжку, ты будешь взволнован. А в игре, где ставят на золото, ты потеряешь голову. Искусство во всех случаях будет одно и то же, а вот внимание твое перейдет на внешние вещи. Тот, кто внимателен ко внешнему, неискусен во внутреннем.

Конфуций сказал: «Не уходить, а быть неприметным, не выступать вперед, а быть на виду, неколебимо стоять в середине — кто усвоит эти три доблести, стяжает высшую славу. Но перед опасной дорогой, на которой из десяти убивают одного, отцы и сыновья, старшие и младшие братья друг друга предостерегают и осмеливаются выступать лишь в сопровождении воинов и слуг. Не есть ли это знание об опасностях, подстерегающих человека? А не знать, что в предостережениях нуждаются и те, кто возлежат на циновках и предаются чревоугодию,— это тоже большое заблуждение!»

Цзи Син-цзы растил бойцовского петуха для государя. Прошло десять дней, и государь спросил: «Готов ли петух к поединку?»

— Еще нет. Ходит заносчиво, то и дело впадает в ярость,— ответил Цзи Син-цзы.

Прошло еще десять дней, и государь снова задал тот же вопрос.

— Пока нет, — ответил Цзи Син-цзы. — Он все еще бросается на каждую тень и на каждый звук.

Минуло еще десять дней, и царь вновь спросил о том же.

— Пока нет. Смотрит гневно и силу норовит показать.

Спустя десять дней государь опять спросил о том же.

— Почти готов, — ответил на этот раз Цзи Син-цзы. — Даже если рядом закричит другой петух, он не беспокоится. Посмотришь издали — словно из дерева вырезан. Жизненная сила в нем достигла завершенности. Другие петухи не посмеют принять его вызов: едва завидят его, как тут же повернутся и убегут прочь.

Краснодеревщик Цин вырезал из дерева раму для колоколов. Когда рама была закончена, все изумились: рама была так прекрасна, словно ее сработали сами боги. Увидел раму правитель Лу и спросил: «Каков секрет твоего искусства?»

— Какой секрет может быть у вашего слуги — мастерового человека? — отвечал краснодеревщик Цин. — А впрочем, кое-какой все же есть. Когда ваш слуга задумывает вырезать раму для колоколов, он не смеет попусту тратить свои духовные силы и непременно постится, дабы упокоить сердце. После трех дней поста я избавляюсь от мыслей о почестях и наградах, чинах и жалованье. После пяти дней поста я избавляюсь от мыслей о хвале и хуле, мастерстве и неумении. А после семи дней поста я достигаю такой сосредоточенности духа, что забываю о самом себе. Тогда для меня перестает существовать царский двор. Мое искусство захватывает меня всего, а все, что отвлекает меня, перестает существовать для меня. Только тогда я отправляюсь в лес и вглядываюсь в небесную природу деревьев, стараясь отыскать совершенный материал. Вот тут я вижу воочию в дереве готовую раму и беру ее за работу. А если работа не получается, я откладываю ее. Когда же я тружусь, небесное соединяется с небесным — не оттого ли работа моя кажется как бы божественной?

Плотник Чуй чертил от руки точнее, чем с помощью циркуля и угольника, его пальцы следовали превращениям вещей и не зависели от его мыслей и желаний. Поэтому его сознание всегда было целым и не знало никаких преград. Мы забываем о ноге, когда сандалии нам впору. Мы забываем о пояснице, когда пояс халата не жмет. Мы забываем о «правильном» и «неправильном», когда наш ум нам не мешает. И мы не меняемся внутри и не влечемся за

внешними вещами, когда нам не мешают наши дела. Не иметь дел с самого начала и никогда не иметь их потом — значит не создавать себе помех даже забвением помех.

Конфуций любовался водопадом в Люйляне. Вода в нем низвергалась с высоты тридцати саженей, река вокруг пенилась на расстоянии сорока ли. В те места не осмеливались заплывать ни рыбы, ни черепахи. Вдруг Конфуций увидел в бурных волнах плывущего человека. Решив, что кто-то задумал таким образом покончить с жизнью, он послал учеников спасти несчастного. Но в ста шагах вниз по течению незнакомец сам вышел на берег и пошел вдоль реки, распустив волосы и весело напевая. Конфуций догнал его и спросил:

— Я думал поначалу, что передо мной дух, а теперь вижу, что вы — живой человек. Позвольте спросить, есть ли у вас, великого пловца, свой Путь?

— О нет, у меня нет Пути. Я начал с того, что было мне дано от рождения, вырос в том, что угодно моей природе, и достиг зрелости в том, что является моей судьбой. Я вхожу в воду с течением, увлекающим на середину реки, и выхожу с течением, несущим к берегу. Я следую движению вод и не навязываю волнам свою волю. Вот как я удерживаюсь на плаву.

— Что значит «начать с того, что дано от рождения, вырасти в том, что угодно природе, и достичь зрелости в том, что является судьбой»?

— Я родился на суше и чувствую себя покойно на суше — вот что значит «данное от рождения». Я вырос в воде и чувствую себя покойно в воде — вот что значит «вырасти в том, что угодно природе». И я живу так, не ведая, почему я таков, — вот что значит «достичь зрелости в том, что является судьбой».

Тянь Кайчжи встретился с чжоуским царем Вэй-гуном, и царь спросил его:

— Я слышал, вы учились у Чжу Шэня. Что узнали вы от него?

— Что я мог узнать от учителя? Я просто стоял с метлой у его ворот!

— Не отпирайтесь, почтенный Тянь. Я, единственный, хочу знать об этом.

— Я слышал от учителя, — сказал Тянь Кайчжи, — что умеющий возвращать жизнь подобен пастуху: присматривает за отстающими овцами и подгоняет их.

— Что это значит? — спросил Вэй-гун.

— В царстве Лу жил некий Дань Бао. Он обитал в глухом лесу, пил ключевую воду и ни с кем не делился своей добычей. Прожил он на свете семь десятков лет, а обликом был как младенец. На его беду ему однажды повстречался голодный тигр, который убил его и сожрал. Жил там и Чжан И, который обитал в доме с высокими воротами и тонкими занавесями и принимал у себя всякого. Прожил он на свете сорок лет, напала на него лихорадка — и он умер. Дань Бао пестовал в себе внутреннее, а тигр сожрал его внешнее. Чжан И заботился о внешнем, а болезнь сгубила его внутреннее. Они оба не восполняли то, что у них отставало.

Некий жрец, облаченный в церемониальные одежды, вошел в хлев и спросил жертвенную свинью:

— Отчего ты боишься смерти? Я буду откармливать тебя три месяца, семь дней блюсти ритуальные запреты, три дня поститься, а уж потом, подстелив белый тростник, положу тебя на резную скамью.

Некто, заботившийся о свинье, сказал:

— Уж лучше кормиться отрубями и мякиной, да оставаться в хлеву!

Некто, заботившийся о самом себе, сказал:

— Хорошо быть вельможей, который ездит на колеснице с высоким передком и носит большую шапку, а умрет — так его похоронят в толстом гробу, водруженном на погребальную колесницу.

Заботившийся о себе предпочел то, от чего отказался заботившийся о свинье. Чем же он отличается от свиньи?

Цзи из Восточных степей показывал свое искусство езды на колеснице царю Чжуан-гуну. Он ездил вперед и назад, словно по отвесу, поворачивал вправо и влево, точно по циркулю. Чжуан-гун счел, что искусство Цзи не имеет изъяна, и велел ему сделать сотню поворотов, а потом возвратиться.

Янь Тай повстречался с Цзи на дороге и сказал Чжуан-гуну:

— Цзи загонит коней.

Царь ничего не ответил. В скором времени Цзи вернулся и в самом деле загнав коней.

— Как ты узнал про это? — спросил царь Янь Тая.

— Коня уже выбились из сил, а он их все понукал, — ответил Янь Тай, — вот я и сказал, что они скоро падут.

Некто по имени Сунь Сю пришел к дому учителя Бянь Цин-цзы и, сетуя на свою судьбу, сказал:

— Меня, Сю, в своей деревне никогда не звали ленивым и никогда не звали трусливым. Но на полях моих не родилось зерно, а служба царю не принесла мне славы. И вот меня изгнали из моих родных мест. В чем же я провинился перед Небом? За что мне такая участь!

— Разве не слыхал ты, как ведет себя совершенный человек? — ответил Бянь Цин-цзы. — Он забывает о своей храбрости, о зрении и слухе, странствует привольно за пределами мирской пыли и грязи, скитается беспечно, не обременяя себя делами. Это называется «действовать, не упорствуя, быть старшим, не повелевая». Ты же выставляешь напоказ свои знания, желая поразить невежд, стремишься к чистоте, чтобы сделать явной грязь других. Ты блистаешь повсюду, словно желая затмить блеск солнца и луны. Между тем тело твое в целостности и сохранности и участь твоя несравненно счастливее тех, кто погиб безвременно, кто глух, слеп или хром. Чего же ты ропщешь на Небо? Уходи прочь!

Сунь Сю ушел, а Бянь Цин-цзы вошел в дом, сел на свое место, поднял лицо к небесам и сказал ученикам:

— Только что ко мне приходил Сунь Сю, и я поведал ему о свойствах совершенного человека. Боюсь, он очень испугался, а потому может впасть в сомнения.

— О нет! — отвечали ученики. — Если то, что сказал почтенный Сунь, истинно, а то, что сказали вы, ложно, то ложь, конечно, не сможет опровергнуть истину. А если то, что сказал Сунь, ложно, а сказанное вами, учитель, истинно, то Сунь, конечно, усомнится и придет вновь.

— Нет, — ответил Бянь Цин-цзы. — В старину в окрестностях столицы Лу опустилась птица. Луский царь очень обрадовался, велел принести в ее честь обильные жертвы и исполнить песнь «Великое процветание», дабы усладить ее слух музыкой. А птица загрустила и не могла ни есть, ни пить. Вот что значит кормить другого тем, чем питаешься сам. Ведь чтобы кормить птицу так, как кормится она сама, нужно позволить ей жить в глухом лесу, скитаться по рекам и озерам, искать пропитание на воле, отдыхать на отмелях — только и всего. Как же мог не испугаться Сунь Сю — человек, мало что видевший в жизни? Рассказывать ему про свойства совершенного человека — все равно что катать мышь в повозке или веселить перепелку барабанным боем: и та и другая, того и гляди, умрут со страху.

ГЛАВА XX
ДЕРЕВО НА ГОРЕ

Однажды Чжуан-цзы гулял в горах и заметил большое дерево с длинными ветвями и густой листвой. Дровосек остановился возле него, но не стал его рубить. Чжуан-цзы спросил дровосека, почему он так поступил, и тот ответил: «Дерево это ни на что не годно».

— Это дерево, — сказал Чжуан-цзы, — благодаря тому что оно бесполезно, сполна проживет отведенный ему Небом срок.

Потом учитель спустился с горы и остановился на ночлег в доме друга. Хозяин был так обрадован, что приказал слуге зарезать гуся и приготовить из него угощение для гостя. «Один из гусей умеет кричать, а другой не умеет. Которого из них резать?» — спросил слуга.

— Зарежь того, который не умеет кричать, — приказал хозяин.

На следующий день ученик спросил Чжуан-цзы:

— Вчера дерево, росшее на горе, сберегло себя благодаря тому, что оказалось ни на что не годным. Гусь же хозяина погиб из-за своей ущербности. А чего бы вы пожелали для себя, учитель?

Чжуан-цзы рассмеялся и ответил:

— Мне, наверное, следовало бы выбрать что-нибудь среднее между пригодностью и непригодностью? Это кажется правильным, но на самом деле это не так, ибо такой выбор не избавляет от обремененности вещами. Только в вольном странствии, сообразуясь безотчетно с Великим Путем и его силой, мы можем стряхнуть с себя бремя мира.

Беги славы, беги позора.
Ты то дракон, то змея,
Превращайся вместе с временем.
Не желай никогда быть кем-нибудь.
Будь то сверху, то внизу,
Согласие — вот твоя мера.

Скитайся же привольно у истока всего сущего, принимай вещи, как они есть, но не будь вещью для вещей. Кто тогда сможет навязать тебе бремя? Так поступали Шэньнун и Желтый Владыка. Но когда мы обращаемся к порядкам в этом мире и людским законам, мы видим, что в мире все устроено иначе.

Что соединяют — то распадается.
Где успех — там крушение.
Прямота искривится.
Почет плодит злословие.
Ни одного свершения без упущения.
На умного пайдется хитрец.
На глупца найдется обманщик.

Можно ли тут быть уверенным в чем-либо? Как печально! Вы, ученики, должны направить все помыслы к Пути и его силе.

Чжуан-цзы, одетый в залатанный полотняный халат, в сандалиях, обвязанных веревками, проходил мимо правителя царства Вэй.

— Как плохо вам живется, уважаемый! — воскликнул царь.

— Я живу бедно, но не плохо, — ответил Чжуан-цзы. — Иметь Путь и его силу и не претворять их в жизни — вот что значит жить плохо. Одеваться в залатанный халат и носить дырявые сандалии — это значит жить бедно, но не плохо. Вот что называется «родиться в недобрый час». Не приходилось ли вам видеть, ваше величество, как лазают по деревьям большая обезьяна? Она без труда взлезает на катальпу, кедр или камфорное дерево, прыгает с ветки на ветку так проворно, что сам лучник И не успеет прицелиться в нее. Попав же в заросли мелкого да колючего кустарника, она ступает боком, неуклюже и озирается по сторонам, то и дело отступаясь и теряя равновесие. И не в том дело, что ей приходится делать больше усилий или мускулы ее ослабели. Просто она попала в не подходящую для нее обстановку и не имеет возможности показать, на что она способна. Так и человек: стоит ему оказаться в обществе дурного государя и чиновников-плутов, то, даже если он хочет жить по-доброму, сможет ли он добиться желаемого?

Когда Иляо из Шинани повстречался с правителем Лу, тот выглядел очень утомленным.

— Отчего у вас такой утомленный вид? — спросил шинаньский учитель.

— Я изучил Путь прежних царей и готовился продолжать дело моих предков, — ответил правитель Лу. — Я чту духов и оказываю уважение достойным мужам. Я все делаю сам и не имею ни мгновения отдыха, однако так и не могу избавиться от забот. Вот почему я выгляжу таким утомленным.

— Ваш способ избавления от забот, мой господин, никуда не годится, — сказал шинаньский учитель. — Лиса с ее пышным мехом и леопард с его пятнистой шкурой скрываются в лесах и горных пещерах, чтобы иметь покой. Они выходят наружу по ночам и отдыхают днем — настолько они осторожны. Даже когда им приходится терпеть голод и жажду, они позволяют себе лишь единожды выйти за добычей или на водопой — настолько они сдержанны. И если даже при их осторожности и сдержанности им порой не удается избежать капкана или сети, то разве это их вина? Их мех и шкура — вот источник их несчастий. А разве царство Лу не является для вас такой же шкурой? Я бы посоветовал вам, мой господин, содрать с себя шкуру, очистить сердце, прогнать прочь желания и странствовать привольно в Безлюдном Просторе.

Шэ из Северного дворца по поручению вэйского царя Лин-гуна собирал деньги на отливку колоколов для алтаря за воротами столицы и за три месяца подобрал все нужные колокола с высоким и низким тоном. Царский сын Цин завистливо осмотрел колокола и спросил:

— В чем хитрость твоего искусства?

— Я сосредоточился на одном, мне было не до хитростей, — ответил Шэ. — Я слышал, что в резьбе и полировке следует возвращаться к безыскусности. Держался тех, кто не имеет знаний, был заодно с как будто неумелыми и косноязычными. Был прост и бесхитростен. Провожал уходящих и встречал проходящих, не удерживая первых и не чиня препятствий вторым. Сильным следовал, под хитрых подлаживался, и поэтому они сами все отдавали мне. Так я собирал средства с утра до вечера, никого не обижая ни на волосок.

Тем более так должен поступать тот, кто обрел истинный Путь.

Конфуций был осажден на рубеже царств Чэнь и Цай и в течение семи дней не имел горячей пищи. Тай-гун Жэнь

пришел к нему выразить свое сочувствие и сказал: «Вам нынче грозит смерть, не так ли?»

— Так,— отвечал Конфуций.

— Страшитесь смерти?

— Да.

— Я хочу поведать вам о Пути, избавляющем от смерти,— сказал Тай-гун Жэнь.— В Восточном Океане живет птица, зовут ее Ии. Птица эта летает низко и небыстро, словно у нее нет сил: летит вперед, словно кто-то тянет ее за собой, взмывает вверх, словно кто-то подбрасывает ее в воздух. Летя вперед, не смеет быть впереди других. Отступая, не смеет быть позади других. Питаясь, не решается брать пищу первой, кормится остатками еды. Вот почему она не выпадает из стаи и никто из посторонних не может причинить ей вред. Прямое дерево срубают первым. Колодец со сладкой водой осушают первым. Вы же стараетесь приукрасить свои знания, чтобы поразить невежд, самому стяжать совершенство, чтобы выявить низость других, сверкаете, словно солнце и луна на небосводе. Оттого-то вам и не избежать беды. Я слышал, как в старину некий муж, достигший великого совершенства, сказал: «Восхваляющий сумеет отречься от заслуг и славы и вернуться к обыкновенным людям? Идущий Путем всюду достигает, но присутствие его незримо. Он все свершает, но ему нет имени. Лишенный свойств, совсем обыкновенный, он похож на лишнего рассудка, не оставляет следов, не ищет заслуг и славы. Поэтому он никогда не винит людей и люди ни в чем не винят его. О совершенном человеке ничего не слышат, чему же вам радоваться?»

— Прекрасно! — ответил Конфуций.— Надо порвать все связи, отречься от учеников, бежать на великие болота, одеваться в шкуры и холстину, питаться желудями и каштанами. Тогда, войдя к диким зверям, не потревожишь их стада, придя к птицам, не вспугнешь стаи. Если же меня не испугаются звери и птицы, то что говорить о людях?!

Конфуций спросил Цзы-сан Ху:

— Почему мне пришлось дважды бежать из Лу, на меня повалили дерево в Сун, я заметал следы в Вэй, бедствовал в Шан и Чжоу, был осажден на рубеже Чэнь и Цай? Из-за этих несчастий родичи все больше отдалялись от меня, друзья и последователи все дальше уходили от меня.

— Разве вам не доводилось слышать о бегстве Линь Хоя из Цзя, которому пришлось бросить свою яшмовую печать ценою в тысячу золотых и бежать, подхватив сво-

его малолетнего сына? Кто-то спросил его: «Почему вы взяли с собой сына? Он что, дорого стоит?» «Нет, недорого», — ответил Линь Хой. «Может быть, с ним мало хлопот?» «Нет, хлопот с младенцем много», — ответил Линь Хой. «Так почему же вы бросили драгоценную яшмовую печать и захватили с собой младенца-сына?» «Первое имеет отношение к выгоде, а второе — к небесному в нас», — отвечал Линь Хой.

Те, кого связывает выгода, бросают друг друга в бедности и в несчастьи. Те, кого связывает Небо, в бедности и в несчастьи сближаются. И различие между теми, кто сближается, и теми, кто отдаляется, неизмеримо велико. К тому же благородный муж в общении пресен, как вода, низкий же человек в общении сладок, как молодое вино. Благородный муж и в близости пресен, низкий человек и в разлуке сладок. А тот, кто бездумно сходится, бездумно же и расстается.

— Благодарю покорно за наставление! — ответил Конфуций и пошел к себе, кружась на ходу. Он прекратил обучать учеников, выбросил книги, не пускал к себе учеников, а их любовь к нему только еще более окрепла.

На другой день Цзы-сан Ху сказал: «Перед смертью Шунь наказал Юю так: «Будь осторожен! С людьми лучше всего быть уступчивым, в чувствах лучше всего быть свободным. Когда люди уступчивы, они не расстаются. Когда люди естественны, они не знают забот. Если ты не расстаться и не знаешь забот, не будешь думать о благопристойном в обхождении с другими. А если не думаешь о благопристойном в обхождении с другими, не будешь и беспокоиться о вещах»».

Конфуций, терпя лишения на рубеже царств Чэнь и Цай, семь дней не имел горячей пищи. Опершись левой рукой на высохшее дерево и отбивая такт сухой веткой в правой руке, он пел песню Бяоши. Он подыгрывал себе на струнах, но не соблюдал нот, пел, но не попадал в тон, и все же звуки дерева и человеческого голоса сливались в одно и проникали глубоко в сердце. Янь Хой, почтительно сложив руки, стоял поодаль и смотрел на учителя. А Конфуций, опасаясь, что Хой, переоценив себя, пойдет слишком далеко или, чрезмерно любя себя, навлечет на себя беду, сказал ему:

— Ты, Хой, еще не знаешь, как легко не получить то, что даруется Небом, и как трудно не получить то, что дается людьми. Не бывало еще начала, которое не было бы и

концом. Человеческое и Небесное могут совпадать. Кто же тот, кто сейчас поет?

— Осмелюсь спросить, что значат слова: «не знаю, как легко не получить то, что дается Небом»?

— Голод и жажда, жара и холод, нищенская сума и темница и все прочие несчастья — это действие Неба и Земли, и проявляется оно в круговороте явлений. Мы говорим, что уйдем вместе с этими явлениями. Слуга другого не осмеливается не выполнить его приказаний. И если так должен поступать слуга человека, то это тем более относится к слуге Неба.

— А что значат слова: «не знаешь, как трудно не получить то, что дается людьми»?

— Человек в начале своей жизни ищет приобретений повсюду: титулы и награды приходят к нему одновременно, и этому нет конца. Однако эти преимущества не от меня приходят, моя судьба зависит от внешних обстоятельств. Благородный муж не разбойничает, достойный человек не ворует. Как же могу я присваивать это себе? Поэтому говорится: «нет птицы мудрее ласточки». Когда взгляд ее останавливается на месте, негодном для нее, она больше не смотрит на него. Выронив корм из клюва, она оставляет его и улетает прочь. Она боится людей, но селится рядом с человеческим жильем и вьет гнезда у алтаря духов плодородия.

— Что означает: «не бывало еще начала, которое не было бы и концом»?

— Все сущее непрестанно претерпевает превращения и неведомо чему уступает место. Откуда нам знать, где начало и где конец? Нам остается только покойно ждать превращений.

— А что означает: «человеческое и небесное могут совпадать»?

— В человеческом есть небесное. В небесном же может быть только небесное. Если человек не может обрести небесное в себе, то виной тому ограниченность его природы. Мудрый покойно уходит и в том обретает конечное.

Когда Чжуан Чжоу прогуливался в парке Тяолин, он увидел странную птицу, прилетевшую с юга: крылья — в семь локтей размахом, глаза — с вершок. Пролетая над Чжуан Чжоу, она коснулась его лба и опустилась в каштановой роще.

— Что это за птица? — удивился Чжуан Чжоу.—

Крылья большие, а летает с трудом, глаза огромные, а видит плохо.

Подобрав полы платья, он поспешил за птицей, держа наготове лук. Тут он заметил, как цикада, нежась в тени, забыла о том, что ее окружает, а в это время богомол набросился на нее и, упиваясь добычей, забыл обо всем на свете. В тот же миг их обоих схватила странная птица и, любуясь добычей, сама забыла о действительности. Чжуан-цзы, печально вздохнув, сказал: «Увы! Вещи навлекают друг на друга несчастье, разные существа друг друга губят». Он бросил лук и пошел прочь, но лесник догнал его и принялся бранить. Вернувшись домой, Чжуан Чжоу три дня не выходил со двора.

— Почему вы, учитель, так долго не показывались? — спросил его ученик Лань Це.

— Я оберегал свой телесный облик, но забыл о подлинном в себе, — ответил Чжуан Чжоу. — Я глядел в мутную лужу и не знал, где чистый источник. А ведь я помню, как мои учителя говорили: «Погрузишься в пошлость — последуешь за пошлостью». Ныне я бродил по старому парку и забыл о себе. Странная птица пролетела мимо меня, коснувшись моего лба, и забыла о действительности. Лесник же в каштановой роще набросился на меня с бранью. Вот почему я не выходил со двора.

Ян-цзы путешествовал по царству Сун и остановился на ночлег в придорожной харчевне. У хозяина харчевни было две наложницы: одна красивая, другая уродливая. С дурнушкой он обращался почтительно, а с красавицей был груб. Когда Ян-цзы спросил о причине такого поведения, малолетний сын хозяина ответил: «Красавица думает о себе, что она красива, а мы не знаем, в чем ее красота. Дурнушка думает о себе, что она уродлива, но мы не знаем, в чем ее уродство».

— Запомните это, ученики, — сказал Ян-цзы. — Если вы будете жить мудро, но не считать себя мудрецами, вас всюду будут любить!

ГЛАВА XXI

ТЯНЬ ЦЗЫФАН

Сидя рядом с вэйским Вэнь-хоу, Тянь Цзыфан усердно хвалил Юйгуна.

— Юйгун — ваш наставник? — спросил Вэнь-хоу.

— Нет, — ответил Цзыфан. — Он мой земляк. Речи его часто очень мудры, и земляки его чтут.

— Стало быть, у вас нет наставника? — спросил Вэнь-хоу.

— Нет, есть.

— Кто же он?

— Его зовут Дунго Шунь-цзы.

— Почему же вы, учитель, никогда о нем не упоминали?

— Это настоящий человек! Облик у него человеческий, но сердце его — вместилище Небес. Следует превращениям, а в себе хранит подлинное; душою чист и все на свете приемлет. Людей же неправедных он вразумляет своим безупречным поведением, так что их низкие человеческие понятия сами собой рассеиваются. Разве достоин я хвалить такого?

Цзыфан ушел, а государь так изумился его словам, что за целый день слова не вымолвил. Потом он созвал своих придворных и сказал: «Как далеко мне до мужа совершенных свойств! Прежде я считал пределом совершенства речи мудрых и знающих, поступки человеческих и справедливых. Но с тех пор, как я услышал о наставнике Цзыфана, тело мое стало как бы невесомым, и во мне исчезло желание двигаться, уста же мои сомкнулись, и во мне пропало желание говорить. Те, кто учили меня прежде, просто глиняные куклы! И даже мое царство поистине перестало обременять меня!»

Конфуций пришел к Лао-цзы. Тот только что вымылся и сушил свои распущенные волосы, сидя совсем неподвиж-

но, словно бы и не человек. Конфуций почтительно встал рядом, подождал немного и сказал: «Не лишился ли я зрения? Верить ли мне своим глазам? Только что ваше тело, учитель, было недвижно, как высохшее дерево, словно вы оставили мир людей и утвердились в великом одиночестве».

— Я странствовал сердцем у начала вещей, — ответил Лао-цзы.

— Что это значит?

— Сердце замкнулось в себе и не может познавать, уста умолкли и не могут говорить. Но я попробую немного рассказать тебе об этом. Сила Инь, достигнув предела, навлекает великий холод. Сила Ян, достигнув предела, создает великий жар. Холод исходит от Неба, жар вырывается из Земли. Воздействуя друг на друга, они создают всеобщее согласие, и в нем рождаются все вещи. Нечто связывает все нити мироздания, но никто не видел его формы. Уменьшаясь и увеличиваясь, переполняясь и опустошаясь, то угасая, то разгораясь, обновляясь с каждым днем и преображаясь с каждым месяцем, оно трудится каждый день, но никто не видит плодов его труда. Все живое из чего-то рождается, все умершее куда-то уходит, начала и концы извечно сплетены в мировом круговороте, и никто не знает, где его предел. Если не это, то кто еще может быть вашим общим пращуром?

— Осмелюсь спросить, что означает ваше странствие?

— Осуществить его — это высшая красота и высшее счастье, — ответил Лао-цзы. — Тот, кто дошел до высшей красоты и пребывает в высшем счастье, тот и есть высший человек.

— Нельзя ли услышать об этом?

— Животные, питающиеся травой, не страдают от перемены пастбища. Водяные твари не страдают от перемены воды. При небольших переменах и те и другие сохраняют великое постоянство своей природы. Да не войдут в тебя ни радость, ни гнев, ни печаль, ни веселье. «Поднебесный мир» — это то, в чем все вещи едины. Постигни это единство, и сам ему уподобишься. Тогда твое брненное тело станет для тебя как пыль и грязь, а жизнь и смерть, начало и конец, станут как день и ночь. Тогда ничто на свете не нарушит твой покой, и всего менее — мысли о приобретениях и потерях, о счастье и несчастье. Ты отбросишь свой чин, словно стряхнешь с себя грязь, ибо ты поймешь, что все ценное — в нас самих и оно не теряется от перемен нашей жизни. К тому же, если мы никогда не достигаем

предела в бесчисленных превращениях мира, с какой стати какое-то одно из них должно волновать нас? Муж, претворяющий Путь, свободен от этого.

— Свойствами своими, учитель, вы равны Небу и Земле, — сказал Конфуций, — но вы прибегаете к возвышенным словам, дабы побудить других совершенствовать свое сердце. Кто из благородных мужей древности мог обойтись без этого?

— Это не так, — ответил Лао-цзы. — Когда вода течет вниз, она сама ничего не делает, ибо стекать вниз — ее природное свойство. Высший человек не совершенствует свои свойства, но люди не отворачиваются от него. Вот и небо само по себе высоко, земля сама по себе тверда, солнце и луна сами по себе светлы. Что же им надлежит совершенствовать?

Конфуций ушел от Лао-цзы и сказал Янь Хою: «В познании Пути я был подобен червяку в жбане с уксусом. Если бы учитель не снял крышку, никогда бы не догадался я о великой целостности Неба и Земли!»

Вэньбо Сюэ-цзы, направляясь в Ци, остановился на ночлег в Лу. Люди Лу хотели повидаться с ним, но Сюэ-цзы сказал: «Это невозможно. Я слышал, что благородные мужи Срединных царств сведущи в исполнении ритуала и долга, но невежественны в познании человеческого сердца».

Побывав в Ци, Сюэ-цзы на обратном пути вновь остановился в Лу, и люди Лу снова попросили его о встрече. Сюэ-цзы сказал: «Лусцы просили меня о встрече прежде и просят сейчас. Не иначе как они хотят поколебать мою твердость». Он вышел, принял гостей и вернулся в свои покои печальный. На другой день он снова принял гостей и снова вернулся к себе печальный.

— Почему вы возвращаетесь после встреч с гостями такой печальный? — спросил его слуга.

— Я скажу тебе, — ответил Вэньбо Сюэ-цзы. — Люди Срединных царств сведущи в исполнении ритуала и долга, но невежественны в познании человеческого сердца. Те, кто навещали меня, входили, словно по циркулю, выходили, словно по наугольнику, вид имели торжественный — точно я видел перед собой дракона или тигра. Они увещевали меня, как сына, наставляли меня, как родной отец. Вот отчего я так печален.

Конфуций повидался с Сюэ-цзы и вышел от него молча. Цзы-лу спросил:

— Почему вы, учитель, ничего не говорите об этой встрече? Ведь вы так давно хотели встретиться с Сюэ-цзы!

— Я-то с одного взгляда понял, что этот человек осуществляет в себе Путь. Словами это не высказать! — ответил Конфуций.

Чжуан-цзы встретился с луским царем Ай-гуном, и тот сказал ему:

— В Лу много конфуцианцев, а ваших последователей мало.

— В Лу немного и конфуцианцев, — ответил Чжуан-цзы.

— Как можно говорить, что их мало? Повсюду можно встретить мужа в одежде конфуцианского ученого!

— Я, Чжоу, слышал, что конфуцианцы носят круглые шапки в знак того, что они познали время Небес; ходят в квадратных сандалиях в знак того, что познали форму земли; подвешивают к поясу нефритовое наперстие в знак того, что быстро разрешают дела. Благородные мужи, постигшие этот Путь, едва ли носят такую одежду, а те, кто носят, едва ли постигли этот Путь.

Вы, государь, верно, полагаете, что это не так. Отчего бы вам не объявить по всему царству: «Те, кто носят такую одежду, не постигнув Путь, будут преданы казни!»

И тогда Ай-гун велел пять дней подряд оглашать такой указ, и в Лу никто больше не смел носить одежду конфуцианцев. Лишь один муж в одежде конфуцианского ученого остановился перед царскими воротами. Царь приказал пустить его во дворец, стал спрашивать его о государственных делах, и тот оказался неистощим в ответах государю.

— В целом царстве нашелся один конфуцианец. Вот это можно назвать много!

В местечке Цзан царь Вэнь-ван повстречал необычного рыбака, который удил рыбу, не имея крючка. Иметь крючок, не имея крючка, — значит обладать «вечным крючком». Вэнь-ван хотел взять его к себе и вручить ему бразды правления, но, опасаясь неудовольствия своих главных советников и старших родичей, в конце концов отказался от этого намерения. Все же, страшась, что народ лишится покровительства Неба, он наутро собрал своих сановников и объявил им:

— Ночью я, единственный, увидел доброго человека, с черным лицом и бородой, верхом на пегом коне с жем-

чужным копытом. Человек этот крикнул мне: «Поручите управление мужу из Цзан. Народ возрадуется этому!»

— Государь, то был ваш предок! — воскликнули воодушевленно сановники.

— В таком случае совершим гадание, — сказал царь.

— Для чего гадать? — отвечали сановники. — Ведь сам царственный предок приказал государю!

Засим сановники отправились к мужу из Цзан и вручили ему бразды правления.

Этот муж, управляя Поднебесной, не менял уложений и обычаев, не оглашал несправедливых приказов. По прошествии же трех лет Вэнь-ван увидел, что лихие молодцы покончили со своим ремеслом и распустили свои шайки; что старшие чиновники перестали заботиться лишь о своих добродетелях; что соседи во всех краях света не смели больше вторгаться в царство, чтобы грабить его. Поскольку лихие молодцы покончили со своим ремеслом и распустили свои шайки, они стали чтить порядок. Поскольку старшие чиновники перестали блюсти лишь собственную добродетель, они занялись общим делом. Поскольку соседи во всех краях света перестали вторгаться через границы с намерением пограбить, то среди владетельных князей не стало измены.

Тут Вэнь-ван призвал к себе мужа из Цзан и, став перед ним лицом к северу, спросил:

— Можете ли вы управлять всем Поднебесным миром?

Муж из Цзан смутился и ничего не сказал, а спустя некоторое время с безразличием отказался. Еще утром он отдавал приказания, а вечером уже исчез бесследно. Больше о нем ничего не было слышно.

Янь Юань спросил Конфуция:

— Разве Вэнь-ван не был само совершенство? Зачем он сослался на сон?

— Молчи! — ответил ему Конфуций. — Вэнь-ван имел всего в достатке. Но к чему обсуждать его? Он просто следовал обстоятельствам времени.

Сунский царь Юань захотел иметь у себя картину. К нему пришли все придворные писцы и встали у трона, держа в руках ритуальные таблички, облизывая кисти и растирая тушь. Еще столько же стояли за дверьми зала. Один писец пришел с опозданием, неспешно вошел в зал, взял табличку, но не встал в ряд с другими, а тут же прошел в свои покои. Царь послал человека посмотреть за ним, и

тот увидел, что писец снял одежды и голый сидел, раскинув ноги, на полу¹.

— Вот настоящий художник! — воскликнул царь. — Ему можно поручить дело.

Ле Юйкоу показывал Бохуню-Безвестному свое искусство стрельбы из лука: натянул тетиву, поставил на локоть кубок с водой, пустил стрелу, а потом, не дожидаясь, когда она долетит до цели, пустил и вторую, и третью. И все это время стоял не шелохнувшись, точно истукан.

— Это мастерство стрельбы при стрельбе, а не стрельба без стрельбы, — сказал Бохунь-Безвестный. — А смог бы ты стрелять, если бы взошел со мной на скалу и встал на камень, нависший над пропастью в тысячу саженей?

Тут Безвестный взошел на высокую скалу, встал на камень, нависший над пропастью в тысячу саженей, повернулся и отступил назад так, что ступни его до половины оказались над пропастью, а потом подозвал к себе Ле Юйкоу. Тот же, обливаясь холодным потом, упал на землю и закрыл лицо руками.

— У высшего человека, — сказал Безвестный, — дух не ведает смущения, даже если он воспаряет в голубое небо, опускается в мировую бездну или улетает к дальним пределам земли. А тебе сейчас хочется зажмуриться от страха. Искусство твое немногого стоит!

Янь Хой сказал Конфуцию:

— Когда вы, учитель, идете не торопясь, я тоже иду неторопливо. Когда вы спешите, я тоже поспешаю. Когда вы бежите, я тоже бегу вслед. Но когда вы мчитесь так быстро, что исчезаете, прежде чем пыль взлетит из-под ваших ног, мне остается только смотреть вам вдогонку.

— О чем говоришь ты, Хой? — спросил Конфуций.

— «Когда вы идете не торопясь, и я тоже иду неторопливо» означает: то, что вы, учитель, говорите, я говорю тоже. «Когда вы спешите, и я тоже поспешаю» означает: когда доказываете, я доказываю тоже. «Когда вы бежите, я бегу вслед» означает: то, что вы говорите о Пути, я тоже говорю. «Когда вы мчитесь так, что исчезаете, прежде чем пыль взлетит из-под ваших ног, а я только смотрю вдогонку» означает: вам верят на слово, хотя вы не даете обещаний, с вами все дружат, хотя вы никому не угождаете, все ищут встречи с вами, хотя у вас нет титулов, а вы и не знаете, почему это происходит!

— О, с этим все ясно! — воскликнул Конфуций. —

В мире нет ничего более прискорбного, чем смерть сердца, даже смерть человека в конце концов не так удручает. Солнце восходит на востоке и заходит на западе, и все земные существа устраивают свою жизнь сообразно его движению. Все, кто имеют глаза и ноги, без него не могут ничего сделать: они действуют, когда солнце сияет в небе, и прячутся, когда оно исчезает. Не то ли происходит и со всем сущим в мире? Итак, есть нечто, благодаря чему кто-то рождается или умирает. Получив однажды свой телесный облик, я не меняю его до самой смерти. День и ночь, не прерываясь ни на мгновение, я действую и не ведаю, каковы будут последствия содеянного мной. И о том, что в конце концов получится из меня, не догадается даже лучший знаток судеб.

Вот так день за днем я становился таким, каков я есть сейчас. Мы с тобой всю жизнь прожили бок о бок — как печально, что ты до сих пор ничего не понял! Боюсь, ты замечаешь только, чем я привлекаю внимание других людей. Но это внешнее в моей жизни уже ушло в прошлое, ты же думаешь, что оно еще существует. Думать так — все равно что искать сбежавшую лошадь на опустевшем рынке. Я, внимая тебе, обо всем забываю, и ты, внимая мне, должен обо всем забывать. Для чего обременять себя житейскими тяготами? Ведь даже если я забуду, каким я был прежде, во мне все равно останется нечто вовек незабываемое.

Раб из Байли не позволял мыслям о титулах и наградах проникнуть в его сердце, а просто исправно пас буйволов, и буйволы жирели. Поэтому циньский царь Му-Гун, невзирая на его низкое происхождение, доверил ему управление государством. А царь Ююй не позволял думам о жизни и смерти проникнуть в его сердце, поэтому он мог расстрогать людей.

ГЛАВА XXII

КАК ЗНАНИЕ ГУЛЯЛО НА СЕВЕРЕ

Знание, отправившись на Север, поднялось вверх по Мрачным Водам ¹, взошло на вершину Сокровенного Могильника и там повстречало Нареченного Недеянием. Знание спросило его:

— Как думать, о чем размышлять, чтобы познать Путь? Где пребывать, что делать, чтобы претворить Путь? Чему следовать, куда стремиться, чтобы обрести Путь?

Так трижды спросило оно, но Нареченный Недеянием не ответил. И не только не ответил, а и не знал, что ответить.

Не получив ответа, Знание возвратилось на Юг по Светлым Водам, взошло на холм Конца Сомнений и увидало Возвышенного Безумца. Знание обратилось к нему с такими же речами. Возвышенный Безумец сказал:

— Постой! Я это знаю и сейчас поведаю тебе.

Но едва он собрался говорить, как тут же забыл, что хотел сказать.

Не получив ответа, Знание вернулось в Государев Дворец, предстало перед Желтым Владыкой и спросило его. Желтый Владыка ответил:

— Не задумывайся, не размышляй — и ты познаешь Путь. Нигде не находишься, ни в чем не усердствуй — и ты претворишь Путь. Ничему не следуй, никуда не стремись — и ты обретешь Путь.

— Мы с тобой это знаем, а те двое не знают. Кто же из нас прав?

— Нареченный Недеянием воистину прав, Возвышенный Безумец только кажется правым, а мы с тобой очень далеки от правды. Знающий не говорит, говорящий не знает, а потому мудрый поучает без слов.

О Пути поведать нельзя.
Полнота свойств недостижима.

Человечным можно нарочно стать.
Долг лучше не выполнять.
А приличия света — взаимный обмен.

Поэтому сказано: «Когда Путь утерян, возникает потребность во Власти. Когда Власть утеряна, возникает потребность в человечности. Когда человечность утеряна, возникает потребность в долге. Когда долг утерян, возникает потребность в приличиях. А приличия — это пустое украшение Пути и начало смуты». И еще сказано: «Тот, кто претворяет Путь, каждый день теряет. Потеряв и еще потеряв, он приходит к недеянию. В недеянии не остается ничего несделанного».

Поскольку мы уже вещи, то разве не трудно будет нам повернуть назад и возвратиться к Корню? Такое легко только Великому Человеку!

Жизнь — это преемница смерти, а смерть — начало жизни. Кто знает, куда ведет их цепь? Жизнь человека — скопление жизненной силы. Когда сила собрана воедино, человек живет, а когда она рассеивается, человек умирает. И если даже жизнь и смерть преемствуют друг другу, то о чем мне горевать! Все вещи в мире суть одно. Те из них, что нравятся нам, мы считаем прекрасными, а те, что нам не нравятся, — отвратительными. Однако же отвратительное может обернуться прекрасным, а прекрасное — отвратительным. Поэтому говорится: «Весь Поднебесный мир пронизывает одна жизненная сила». Оттого мудрый ценит Единое.

Знание сказало Желтому Владыке: «Я спросило Нареченного Недеянием, и Нареченный Недеянием ничего не ответил мне. Потом я спросило Возвышенного Безумца, и Возвышенный Безумец собрался было ответить мне, но так ничего и не сказал. Не то чтобы не хотел, а воистину забыл, что собрался сказать. Тогда я спросило тебя, и ты знал, как ответить. Почему же мы не приближаемся к правде?»

— Первый из них прав воистину, ибо и вправду не знает. Второй кажется правым, ибо забыл познанное. А мы с тобой никогда не приблизимся к правде, потому что знаем.

Услыхав эти слова, Знание решило, что Желтый Владыка и вправду знает.

Небо и Земля обладают великой красотой, а о том не говорят. Четыре времени года имеют ясный закон, а о том не судят. Вся тьма вещей имеет неизменный порядок, а о том не ведет речей. Мудрый вникает в доблести Неба

и Земли и постигает существо всех вещей. Поэтому совершенный человек ничего не делает, истинно мудрый ничего не создает. Это значит, что они берут за образец Небо и Землю.

Божественная просветленность и чистейшее семя Неба и Земли претерпевают сотни превращений вместе с вещами, и неведомо, где исток жизни и смерти и всевозможных форм вещей. С незапамятных времен вещи существуют сами по себе, и невозможно устранить их. Вселенная велика, а за пределы мира вещей не выходит. Кончик волоска мал, однако же составляет законченное тело. В Поднебесном мире нет ничего, что не претерпевало превращений до конца своих дней, и в чередовании сил Инь и Ян, четырех времен года есть непреложный порядок. То сокроются, словно исчезнув, а на деле существуя; то воссияют ярко, не имея телесного образа, но обладая духовной силой. Вся тьма вещей произрастает из этого, а о том не ведает. Это² зовется Корнем всего, и прозревается оно в Небесном.

Беззубый спросил о Пути у Наставника в Тростниковой накидке, и тот сказал: «Выправь тело свое, взор свой обрати к Единому, и Небесное согласие придет к тебе. Умерь свои знания, стремись к Единому, и духовность поселится в тебе. Тогда полнота свойств станет твоей доблестью, а Путь — твоей обителью. Смотри на мир простодушно, как только что народившийся бычок, и не доискивайся до причин...» Не успел Наставник договорить, как Беззубый крепко уснул. Наставник в Тростниковой накидке очень тому обрадовался и пошел своей дорогой, напевая:

Телом как иссохшая кость,
Сердцем как остывший пепел.
Подлинный — знание верное в нем,
И не ищет причины вознестись над людьми.
Такой темный, такой помраченный!
Помыслов нет в нем, совета не спросишь.
Что за человек он?

Шунь спросил у Чэна: «Можно ли обрести Путь и владеть им?»

— Ты сам собой не владеешь, как же можешь ты владеть Путем? — ответил Чэн.

— Если мое тело не принадлежит мне, то кому же оно принадлежит?

— Оно лишь форма, доверенная тебе Небом и Землей. Не принадлежит тебе и твоя жизнь — она лишь согласие

твоих жизненных сил. Не принадлежат тебе твоя природа и твоя судьба — они лишь течение событий, предначертанное Небом и Землей. Не принадлежат тебе и твои потомки — они лишь новая оболочка твоего тела, вручаемая тебе Небом и Землей. А потому скитайся, не зная, куда идешь, покойся, не зная, за что держишься, и вкушай, не зная вкуса пищи. Ты — живое дыхание Неба и Земли. Как же ты сможешь им владеть?

Конфуций спросил у Лао Даня: «Сегодня, когда вы пребываете в праздности, осмелюсь спросить о верховном Пути».

— Постом и воздержанием очисти свое сердце, до близны снегов очисти свой дух, разбей вдребезги свое знание. Путь глубок, и трудно выразить его в словах! Я расскажу тебе о нем вкратце.

Ярчайшее рождается из Сокровеннейшего,
Порядок рождается из Бесформенного.
Семена духа рождаются из Пути.
Формы в корне своем рождаются из семян
Множатся формы — и появляются вещи.

Вот так существа с девятью отверстиями выходят из чрева, существа с восьмью отверстиями — из яйца. Они приходят, не оставляя следов, и уходят, не зная преград. Не знают они ни ворот, ни внутренних покоев: вот поистине дом без стен, открытый во все стороны. У того, кто пойдет этим Путем, будет крепкое тело, пронизательный ум, зоркий взгляд и чуткий слух. Такой не станет утруждать свой разум и беспрепятственно будет откликаться всем переменам в мире.

Небу нельзя не быть высоким,
Земле нельзя не быть широкой,
Луне и солнцу нельзя не идти своей дорогой,
Тьме вещей нельзя не множиться:
Вот что такое Путь!

А кроме того, истинно мудрый убирает все ненужное в знании и все плоское в суждениях. Но то, к чему никакие прибавления ничего не прибавят, и то, от чего никакие изъятия ничего не отнимут, мудрый блюдет строго. Бездонно-глубокое, как Океан! Недостижимо-высокое, как Гора! Приходит к концу и тотчас начинается сызнова! В круговороте этом ничего не теряется, но всему обретается мера. Пути благородного мужа вне этого не бывать! Все вещи находят в нем опору, а оно не рушится. Вот что такое Путь!

В Срединном государстве есть человек. Он поселился между Небом и Землей и не склоняется ни к Инь, ни к Ян. Он человек только на время и скоро вернется к своему Предку. Если смотреть, исходя из основы, то все живое — как облачко пара. И пусть одни умирают старыми, а другие молодыми — что в сущности разделяет их? Одно лишь мгновение! Так для чего беспокоиться о том, кто был прав, а кто виноват — мудрец Яо или злодей Цзе? У плодов, созревающих на кустах и деревьях, есть свой порядок. У людей порядок хоть и сложнее, а того же рода. Истинно мудрый, столкнувшись с ним, не идет ему наперекор, а восприняв его, за него не держится. Откликаться обстоятельством, сообразуясь с ними, — вот истинная Сила. Откликаться миру, будучи с миром заодно, — вот истинный Путь. Таков неизменный исток власти.

Жизнь человека между Небом и Землей — как прыжок скакуна через расщелину: в одно мгновение она промелькнет и исчезнет бесследно. Сами собой, неведомо как, вещи приходят оттуда. Сами по себе, неприметно уходят туда. Одно превращение — и вот она, жизнь. Еще одно превращение — и вот она, смерть. Все живое об этом печалится, род людской об этом горюет. Но то лишь разрывается данный нам Небом чехол, падают наземь ножны Небес. Жизнь рассеивается, жизнь уходит! Наши светлые и темные души улетают куда-то, и тело влечется за ними. Вот когда наступает для нас Великое Возвращение! Это исчезновение формы в бесформенном и придание бесформенному формы известно всем людям, но человек, устремленный к Пути, о том не заботится. Все люди о том судят, а человек, Путь постигший, не судит. А если судит — значит — Путь не постиг.

Зоркому глазу не увидеть.
Чем спорить, лучше молчать.
Никто не знает про Путь.
Чем слушать, лучше уши заткнуть.
Вот что называют «великим постижением».

Дунго-цзы спросил у Чжуан-цзы: «Где находится то, что мы называем Путем?»

— Нет такого места, где бы его не было, — ответил Чжуан-цзы.

— А вы все-таки скажите, и тогда я смогу понять.

— Ну, скажем, в муравьях.

— А есть ли он в чем-нибудь еще ниже этого?

— В сорняках и мякине.

— А еще ниже?

— В черепице и кирпиче.

— Ну а в чем-нибудь настолько низком, что дальше некуда?

— В кале и моче!

Дунго-цзы обиженно промолчал, и тогда Чжуан-цзы сказал ему: «Ваши вопросы, уважаемый, совершенно не касались существа дела. Вот так же управляющий рынком Хо определял, насколько жирна свинья, надавливая на нее ногой: чем сильнее надавишь, тем точнее определишь. У вас не было необходимости спрашивать о местопребывании Пути, ибо Путь не отделен от вещей. Таков верховный Путь, такова же и великая речь.

А уж лучше нам отправиться на прогулку по Дворцу Отсутствующего, соединяясь со всеобщим согласованием и вовеки не зная границ и пределов! Почему бы нам не быть заодно в Недеянии? Не быть безмятежными, чистыми, праздными? Рассеем же наши помыслы, не будем никуда направляться и не будем знать, куда придем, будем приходить и уходить, не зная, где остановиться. Я уже пускался в такие странствия и возвращался назад, но все еще не знаю, где положен им предел. Я блуждал в тех безбрежных просторах, но великое знание, там гнездящееся, не имеет границ».

А Хэгун и Божественный Землепашец вместе учились у Старого Дракона Счастливого. Как-то днем Божественный Землепашец дремал у себя в комнате, облокотившись о столик. В полдень А Хэгун распахнул настежь двери и вбежал в комнату со словами: «Старый Дракон умер!» Божественный Землепашец схватил свой посох, поднялся, потом с размаху бросил посох на землю и, рассмеявшись, сказал: «Тот, кто был мне Небом, знал, что я груб и темен, вот почему он бросил меня и умер. Все кончено! Учитель умер, не открыв мне безумных своих речей!»

Эти слова услышал Янь Гандяо и сказал: «К тому, кто воплотил в себе Путь, привязаны благородные мужи всего Поднебесного мира. А ныне даже постигший Путь на тысячную долю осеннего волоска и тот понял, что нужно утаить свои безумные речи до самой смерти, что уж говорить о человеке, воплотившем в себе Путь!

Смотришь на него — не имеет он формы.

Слушаешь его — не издает он звуков.

В ученых суждениях земных мудрецов

Зовется он тайной тайн.

Вот так рассуждают о Пути, но это не есть сам Путь».

Великая Чистота спросила Бесконечность: «Вы знаете Путь?»

— Нет, не знаю,— ответила Бесконечность.

Потом Великая Чистота задала тот же вопрос Недеянию, и Недеяние сказало: «Я знаю Путь».

— А есть ли у твоего знания число? — спросила Великая Чистота.

— Да, есть.

— Что же это за число?

— Мое знание Пути может возвысить и может унижить, может связать и может разъединить. Вот как можно считать благодаря моему знанию.

Великая Чистота спросила об этих словах у Безначального: «Кто же прав: Бесконечность, которая не знала, или Недеяние, которое знало?»

— Незнание глубоко, знание поверхностно,— ответило Безначальное.— Не знать — это внутреннее, а знать — это внешнее.

Тут Великая Чистота вздохнула и сказала: «Значит, мы знаем благодаря незнанию! А не знаем из-за знания! Кто же знает знание, которое не знает?»

— Путь неслышим, а если мы что-то слышим — значит, это не Путь,— ответило Безначальное.— Путь незрим, а если мы что-то видим — значит, это не Путь. О Пути нельзя ничего сказать, а если о нем что-то говорят — значит, это не Путь. Кто постиг Бесформенное, которое дает формы формам, тот знает, что Пути нельзя дать имя.

И еще Безначальное сказало: «Отвечать на вопрос о Пути — значит не знать Путь. А спрашивающий о Пути никогда не слышал о нем. О Пути нечего спрашивать, а спросишь о нем — не получишь ответа. Вопрошать о недоступном вопрошанию — значит спрашивать впустую. Отвечать там, где не может быть ответа, — значит потерять внутреннее. Тот, кто утратил внутреннее и спрашивает впустую, вокруг себя не видит вселенной, а внутри себя не замечает Великое Начало. Поэтому он никогда не поднимется выше гор Куньлунь и сможет странствовать в Великой Пустоте».

Свет спросил у Отсутствия³: «Ты есть или тебя нет?»

Отсутствие не ответило. Свет взгляделся пристально в его облик — такой темный, такой пустой! Целый день

смотри на него — и не увидишь, слушай его — и не услышишь, хватай его — и не поймаешь.

— Вот совершенство! — воскликнул Свет. — Кто из нас может достичь этого? Я могу не быть, но не могу не быть даже в своем отсутствии. А вот оно дошло до этого. Как же ему такое удалось?

Некий купец, ковавший крюки для предводителя царского войска, в возрасте восьмидесяти лет ничуть не утратил своего мастерства.

— Как ты искусен! — воскликнул военачальник. — Есть ли у тебя Путь?

— Да, есть, и ваш слуга бережно хранит его, — ответил кузнец. — Когда мне было двадцать лет, я полюбил кузнечное ремесло, ни на что другое внимания не обращал, ничего, кроме крюков, не изучал. Я был так поглощен своим делом, что даже не замечал, чем я занимаюсь. Вот так, незаметно для себя трудясь в течение долгого времени, я извлек для себя великую пользу! Так и нужно относиться к любому делу в жизни.

Жань Цю спросил у Конфуция:

— Можно ли знать, существует ли что-нибудь прежде Неба и Земли?

— Можно, — ответил Конфуций. — Прежде было то же, что и сейчас.

Жань Цю не нашелся, что спросить еще, и ушел. На другой день он снова подошел к учителю и спросил:

— Вчера я спросил, можно ли знать то, что существует прежде Неба и Земли? Вы, учитель, ответили, что прежде было то же, что есть сейчас. Позвольте спросить: почему вчера мне этот ответ был ясен, а сегодня нет?

— Вчера он был тебе ясен потому, что ты был готов духом воспринять его. А сегодня тебе не ясно потому, что ты пытаешься приложить его и к недуховному тоже, верно? В действительности нет ни прошлого, ни настоящего, ни начала, ни конца; прежде чем у тебя появятся дети и внуки, у тебя уже есть дети и внуки. Возможно ли такое?

Жань Цю не ответил, и тогда Конфуций сказал:

— Ты не отвечаешь — и довольно об этом. Мертвое не превратится в живое оттого, что есть жизнь, а живое не станет мертвым оттого, что есть смерть. И смерть, и жизнь от чего-то зависят, есть что-то, что их объединяет. Может ли то, что существует прежде Неба и Земли, само быть вещью? То, что делает вещи вещами, само не является

вещью; вещь, появляясь, не может предшествовать другим вещам. Состояние «прежде вещей» подобно наличию вещей, и это «подобие наличию вещей» неисчерпаемо. И то, что «любовь мудрого к людям никогда не иссякает», тоже объясняется этим.

Янь Юань спросил Конфуция:

— Я слышал, как вы, учитель, говорили прежде: «Ничего не принимай, ничего не встречай». Что означают эти слова?

Конфуций ответил:

— Люди древности изменялись вовне, но не менялись внутри. Нынче же люди изменяются внутри и не меняются вовне. Только тот, кто принимает перемены вещей, способен не меняться сам: в переменах он не претерпевает перемен. Но таких, конечно, немного. Так было в парке рода Шивэй, в угодьях Желтого Владыки, во дворце рода Юй, в домах Тана и У. Даже благородные мужи вроде последователей Конфуция и Мо Ди погрязли в спорах об «истинном» и «ложном». Что же говорить о современных людях?

Мудрый пребывает среди вещей, но не наносит вещам урона. Поскольку он не наносит урона вещам, вещи тоже не причиняют ему вреда. Только тот, кому ничего не вредит, способен воистину принимать и встречать.

Лес в горах, луг у реки доставляют мне удовольствие и радость. Но не успеешь вдосталь вкусить радости, как на смену ей приходит печаль. Приходу радости или печали мы не в силах помешать, их уход мы не в силах предотвратить. Как печально сознавать, что человек — лишь постоянный двор для вещей! И знает он лишь те вещи, которые посетили его, и не знает прочих. Он знает то, что способен совершить, и не знает того, что не способен. Поэтому человеку не избежать незнания и неспособности. И не печально ли, что человек пытается избежать того, чего избежать нельзя?

Совершенная речь устраняет слова. Совершенное действие устраняет действия. Как это мелко — знать лишь то, что известно!

РАЗДЕЛ «РАЗНОЕ»

ГЛАВА XXIII

ГЭНСАН ЧУ

Среди учеников Лао-цзы был человек по имени Гэнсан Чу, который лучше других постиг его учение. Он поселился у северного склона холма Вэйлэй, прогнал прочь слуг, которые выделялись познаниями, и отослал от себя наложниц, славившихся добротой. Он приближал к себе только грубых и уродливых и брал на службу только дерзких и жестоких. Так прожил он три года, и в Вэйлэй собрали богатый урожай. Люди в округе говорили друг другу:

— Когда господин Гэнсан пришел сюда, он встревожил нас, и мы сочли его странным. На первых порах мы полагали, что от него нельзя ждать ничего хорошего. Теперь же, прожив с ним годы, мы благоденствуем. Как не назвать его великим мудрецом? Почему бы нам всем вместе не воздать ему почести как усопшему предку и не воздвигнуть для него алтарь духов всех злаков?

Услышав об этих разговорах, Гэнсан Чу повернулся лицом к югу и долго не мог прийти в себя. Ученики очень удивились этому, а Гэнсан Чу сказал:

— Чему же вы удивляетесь? С приходом весны все травы расцветают, а в осеннюю пору созревают плоды. Неужели весна и осень оказывают такое воздействие без причины? Сие свершается благодаря действию Великого Пути. Я слышал, что настоящий человек живет беспечно в стенах своего дома, а народ в округе сходит с ума от желания встретиться с ним. Теперь маленькие люди Вэйлэй хотят отдать мне великие почести и поставить меня в один ряд с самыми талантливыми и добродетельными мужами. Неужели я и в самом деле такой человек? Видно, я что-то не понял в словах Лао Даня.

— Это не так! — отвечали ученики. — В придорожной канаве тесно будет даже пескарю, крупную же рыбу туда и не пустишь. За низким холмом не спрятаться даже зверю, поселиться там может разве что лиса-оборотень.

Высокоцитимые и умные мужи принимали к себе на службу умелых, ценя первым делом добро, а уже потом выгоду. Если так поступали Яо и Шунь, то мы тем более должны поступить так же. Послушайте нас, учитель!

— Подойдите, дети мои, — сказал Гэнсан Чу. — Если зверь, способный проглотить целый экипаж, покинет родной холм, то ему не избежать опасности, которую сулит ему раскинутая сеть. А если рыбу, которая может проглотить целую лодку, оставить без воды, то ей будут опасны даже муравьи. Поэтому птицы не боятся высоты, а рыбы и черепахи не боятся глубины. Тот же, кто печется о собственной безопасности, не может не скрываться в этом мире и не боится глубокого уединения. Что же достойно восхваления в Яо и Шуне? Ведь их умственные ухищрения были подобны бездумному разрушению стен в доме или сажанию бурьяна в поле, расчесыванию лысины или варке риса по зернышку. Разве можно таким способом помочь миру? И тут начали выдвигать «высоконравственных», а людей стали притеснять; возвысили «умных», а людей начали грабить. Тот, кто ведет счет вещам, не способен облагодетельствовать народ. Люди же стали добиваться выгоды, сыновья поднялись на отцов, слуги — на своих господ, начались грабежи среди бела дня, при свете солнца роют подкопы. Говорю вам: корень великой смуты — это царствование Яо и Шуня. Верхушки же ее протянутся на тысячи лет, так что через сотню веков люди будут пожирать друг друга!

Тут со своего места быстро поднялся ученик по имени Наньжун Гу и сказал:

— А что должен делать такой старый человек, как я, чтобы достичь совершенства, описанного вами, учитель?

— Сохраняй в целостности свое тело, береги свою жизнь, не допускай в мыслях суеты и через три года сможешь стать таким, — ответил Гэнсан Чу.

— Все глаза выглядят одинаково, я не знаю, каково различие между ними, а слепой себя не видит. Все уши выглядят одинаково, и я не знаю, каково различие между ними, а глухой себя не слышит. Сознание у всех одинаковое, я не знаю, чем оно отличается у разных людей, но безумец себя не сознает. Тела людей подобны друг другу, но есть что-то, что нас разделяет. Я хочу быть подобным вам, но не могу достичь этого. Только что вы сказали мне: «Храни в целостности свое тело, береги свою жизнь, не допускай суеты в мыслях». Я, Гу, жажду понять эти слова, но они пока что достигли только моего слуха.

— Мне больше нечего сказать тебе, — ответил Гэнсан Чу. — Недаром говорят, что роящиеся мошки не превратятся в куколку, юзская курица не высидит гусиное яйцо. Дело не в том, что жизненные свойства этих птиц различны. Их способности или неспособность обусловлены величиной их таланта. Оказалось, что моих талантов не хватает для того, чтобы просветить тебя. Почему бы тебе не поехать на юг и не встретиться с Лао-цзы?

Наньжун Гу взвалил на спину дорожный мешок с провизией и, проведя в пути семь дней и семь ночей, пришел к дому Лао-цзы.

— Не от Чу ли ты пришел? — спросил его Лао-цзы.

— Да, — ответил Наньжун Гу.

— А почему ты привел с собой так много людей?

Наньжун Гу в недоумении оглянулся.

— Ты не понял, о чем я спросил? — задал ему вопрос Лао-цзы.

Наньжун Гу потупился от стыда, потом поднял голову и сказал со вздохом:

— Сейчас я забыл свой ответ вам и поэтому забыл вопрос, с которым хотел обратиться к вам.

— О чем ты?

— Если у меня не будет ума, люди назовут меня глупцом, а если у меня будет ум, он принесет мне несчастье. Если я буду добрым, то принесу вред себе, а если буду недобрым, то принесу вред другим. Если я буду справедливым, то навлеку беду на себя, а если буду несправедливым, то навлеку беду на других. Как же мне избежать этих трех затруднений?

— Я понял тебя, еще только взглянув на тебя, а теперь и слова твои говорят о том же. Ты испуган и растерян, словно дитя, оставшееся без отца и матери, и пытаешься шестом достать до морского дна. Ты сам навлекаешь на себя погибель, идешь против собственной природы и не знаешь, где выход. Как ты жалок!

Наньжун Гу попросил у Лао-цзы разрешения остаться в его доме, старался усвоить все доброе и отринуть все худое, десять дней предавался размышлениям, а потом снова пришел к Лао-цзы. Тот сказал:

— Ты очистился! В душе твоей стало больше жизни! Однако в тебе еще осталось немало дурного. Не позволяй увлеченности внешним связывать себя: поставь ей преграду внутри себя. Однако ж когда чувства внутри стеснены, их тоже трудно обуздать: следует выпускать их на-

ружу. Даже тот, кто управляется и с внешним, и с внутренним в себе, не способен поддержать в себе полноту жизненных свойств Пути, что же говорить о том, кто живет, пренебрегая Путем?

Наньжун Гу сказал:

— Когда в деревне заболевает один человек, его сосед расспрашивает его, и больной может рассказать о своей болезни. Но его рассказ о болезни — это еще не сама болезнь. Когда я спрашиваю вас о Великом Пути, я словно пью снадобье, от которого мой недуг только усиливается. Хотелось бы услышать о том, что есть главное для сбережения жизни?

— Ты хочешь знать о том, как сберегать свою жизнь? — ответил Лао-цзы. — Способен ли ты охватить единое и не терять его? Можешь ли ты, не прибегая к гаданию на панцирях черепах и стеблях трав, узнавать о будущем счастье или несчастье? Умеешь ли ты останавливаться? Способен ли все отринуть? Можешь ли оставить людей и искать самого себя? Можешь ли уйти от всего? Можешь ли быть совершенно непосредственным? Можешь ли стать младенцем? Ведь младенец кричит целыми днями и не хрипнет — таков предел гармонии. Он целыми днями сжимает кулачки — и ничего не хватает — такова всеобщая полнота жизненных свойств. Он целый день смотрит и не мигает — такова его несвязанность внешним¹. Он идет, сам не зная куда; останавливается, сам не зная почему. Он ускользает от всех вещей и плывет вместе с переменами. Таков путь сбережения жизни.

— Значит, таковы свойства совершенного человека? — спросил Наньжун Гу.

— Нет, это еще не все, — ответил Лао-цзы. — Таковы лишь способности к тому, что мы называем «растопить снег, сколоть лед». Совершенный человек кормится от Земли и радуется Небу, он не будет беспокоиться вместе с другими о выгоде или убытках, не будет вместе с другими удивляться, не будет вместе с другими строить планы, не будет вместе с другими вершить дела. Он уходит, не прилагая усилий, он приходит, не теряя безмятежности. Вот что такое путь сбережения жизни.

— Так это и есть высшая истина?

— Еще нет. Но я поведаю ее тебе. Я спросил тебя: можешь ли ты стать младенцем? Ведь младенец ползет, не зная зачем, тянется, не зная куда.

Телом подобен засохшему дереву, сердцем подобен мертвому пеплу. К такому не придет ни счастье, ни не-

счастье. Тому, кто не ведает ни счастья, ни горя, все людские беды нипочем!

Из великой упокоенности Всеобъятного исходит Небесный Свет. В Небесном Свете люди опознаются как люди, вещи опознаются как вещи. Только упорный человек обладает постоянством. Кто обладает постоянством, того поддерживают люди, тому поможет Небо. Тот, кого поддерживают люди, зовется человеком Неба. Тот, кому поможет Небо, зовется Сыном Неба.

Учащийся учится тому, чего не может выучить. Делаящий делает то, чего не может сделать. Доказывающий доказывает то, чего не может доказать. Тот, кто в знании останавливается на неизвестном, достигает совершенства. А кто не желает этого делать, у того небесное равновесие отнимет все лишнее.

Того, кто содеял недоброе явно, покарают люди. Того, кто содеял недоброе тайно, покарают духи. Лишь тот, кто понимает и людей, и духов, может идти путем Одинокого.

Тот, кто заключает договор внутри, остается безымянным. Тот, кто заключает договор вовне, стремится к приобретению. Тот, кто живет без имени, даже в обыденном несет собою свет. Тот, кто стремится к приобретениям, только торгуется с людьми. Люди видят, как он вытягивается на цыпочках, и считают это достижением.

Когда вещи устроены так, чтобы угодить телу, когда готовятся к неожиданностям, чтобы уберечь сердце от гибели, когда внутреннюю почтительность пестуют для того, чтобы она проявилась вовне, а беды тем не менее избежать не удастся, то это происходит от Неба, а не от человека. Тогда ничто не может поколебать установленное, ничто не может проникнуть внутрь Духовной Башни². У Духовной Башни есть свой привратник, который действует без разума и даже не может быть тем, кем он есть, если имеет понятие о себе. Если кто-то, не имея полной искренности в себе, попробует это выразить, всякая такая попытка породит обман. Помыслы человека войдут в него, и с каждым разом он будет ошибаться еще больше.

Вещи входят в того, кто старается досконально их постичь. А в того, кто равнодушен к вещам, вещи не могут проникнуть. Тот, кто не впускает в себя других, не имеет

родных. А тот, кто не имеет родных, достигает предела человеческого. Нет оружия более разящего, чем воля. Ей уступит даже меч Мосе. Нет разбойников более опасных, чем силы Инь и Ян, — от них никуда не скроешься в целом мире. Но Инь и Ян не сами лишают нас дарованного нам — наше сердце побуждает их к этому.

Древние достигли предела знания. Где же этот предел? Одни считали, что изначально не существует вещей — вот исчерпывающий предел, и к нему нельзя ничего добавить. Следом шли те, которые считали, что вещи есть, а рождение — это утрата, смерть же — возвращение. Этим различия исчерпывались. Следом шли те, которые считали, что в начале ничего не было, внезапно возникла жизнь, а жизнь внезапно переходит в смерть. Они считали отсутствие вещей головой, жизнь — туловищем, а смерть — хвостом. И они считали себя друзьями того, кто хранил в себе единство бытия и небытия, жизни и смерти. Эти древние мужи говорили по-разному, но принадлежали к одному роду, подобно тому как в царском роде Чу Чжао и Цзин носили царский титул, а Цюй прислуживал им, так что положение их не было одинаковым.

Путь все пронизывает и все объемлет. В нем разделение — это собирание, а собирание — разрушение. В разделении неприемлемо то, что оно придает разделенному завершенность. В завершении неприемлемо то, что оно всему придает законченность. Поэтому устремляться вовне, не зная удержу, — значит вести жизнь призрака. Устремляться вовне и упорствовать на своем — значит себя погубить. То, что погибло, но продолжает существовать, — это Единое мира призраков. Посредством формы оно являет бесформенное и так обретает устойчивость. Выходит из того, что не имеет корня, и входит в то, что не имеет отверстия. Обладает вещественностью, но ни в чем не пребывает; обладает протяженностью, но не имеет начала и конца. То, что выходит откуда-то, но не имеет отверстий, — это вещественность. Обладающее вещественностью, но ни в чем не пребывающее — таково пространство. Обладающее протяженностью, но не имеющее начала и конца — таково время. Есть нечто, из чего мы выходим при рождении и куда входим в смерти, откуда выходят и куда входят, и не видно его формы. Это зовется Небесными Вратами. Небесные Врата — это отсутствие чего бы то ни было, и оттуда появляется вся тьма вещей. Нечто наличествующее не может стать

таковым благодаря тому, что наличествует, но оно должно происходить из отсутствия наличествующего. А это отсутствие остается таковым на все времена. И мудрый хоронит себя в этом.

Жизнь — что сажа, скапливающаяся под котлом. Разъясняя смысл этого суждения, скажем: «перемещение *этого*». Но сказать, что наша жизнь продлевается в других существах, — значит сказать нечто нелепое. Хотя познать это нельзя, но вот в церемонии «ла»³ желудок и копыта жертвы кладут порознь, но они считаются частями одного существа. А тот, кто осматривает дом, обходит алтарь, потом посещает даже уборную. Вот что можно воистину назвать «перемещением *этого*».

Как же судят об этой истине? Жизнь считают основой, знание — руководителем, а потому разделяют истинное и ложное и устанавливают имена и сущности. Поэтому себя считают сущностью и заставляют других подражать им. Чтобы отстоять свои взгляды, они готовы даже умереть. Такие люди считают знающими тех, кто могут служить, и невеждами тех, кто бесполезен. Они считают высокое положение славой, а униженность — позором. Для современных людей «перемещение *этого*» подобно различиям, которые делают цикада и горлица, — в их жизни нет различий.

Если кому-то на рынке наступят на ногу, то попросят прощения за неловкость. Если старший брат поступит так по отношению к младшему, то он его пожалеет, и не более того. Недаром говорят: «Кто вежлив воистину, тот не церемонится. Кто справедлив воистину, не разбирает, где свои, а где чужие. Тот, кто знает воистину, не строит расчетов. Тот, кто человечен воистину, не знает жалости. Тот, кто доверяет воистину, не требует в залог золота».

Отстрани то, что расстраивает волю. Освободись от того, что смущает сердце. Прогони то, что обременяет жизненную силу. Устрани все препятствия для осуществления Пути. Знатность и богатство, почет и чин, слава и выгода — эти шестеро расстраивают волю. Прелести и суетность, похоть и рассудок, кипение в крови и воображение — эти шестеро обременяют жизненную силу. Отрицание и утверждение, присвоение и отречение, знание и умение — эти шестеро создают преграды для Пути. Когда эти три шестерки не тревожат нас, мы покойны. Когда мы покойны, наш разум просветлен.

Когда мы просветлены, мы обретаем пустоту. Когда мы пусты, мы следуем недеянию. И тогда все свершается само собой.

«Путь» — это порядок устройства жизненной силы. «Жизнь» — это излучение жизненной силы. «Природа» — это ее жизненные свойства. Действие, проистекающее из природы, зовется свершением. Свершение, ставшее нарицательным, зовется упущением.

«Знать» — значит воспринимать что-то, «знание» есть выражение этого. А то, что знание не знает, дается через зрение.

То, что вынуждает нас действовать единственно правильным способом, есть «Сила». Когда наши действия обусловлены не кем-нибудь другим, а нами самими, это зовется «порядком». Эти названия, казалось бы, друг другу противоречат, а в действительности друг друга обуславливают.

Стрелок И был искусен в стрельбе из лука, но не умел отвлечь людей от хвастовства. Мудрый искусен в небесном, но не искусен в человеческом. Только совершенный человек может быть искусным в небесном и ловким в человеческом. Только животное может быть животным, только животное может сберечь в себе небесное. Совершенный человек не приемлет небесного и не приемлет небесного, сотворенного человеком. Тем более не приемлет он вопросов о том, что в нас от Неба, а что — от человека.

Когда стрелку И попадалась птица, он обязательно сбивал ее стрелой — таково было его искусство стрельбы. Но если всю Поднебесную сделать одной большой клеткой, из нее не ускользнет ни одна птица. Вот так Тан поместил в клетку И Иня, пожаловав ему должность царского повара, а циньский Му-гун завлек Раба из Байли, подарив ему пять бараньих шкур. Но если вы попытаетесь заманить кого-нибудь в клетку, посулив ему то, что ему не нравится, вы никогда не добьетесь успеха.

Человек, у которого в наказание отсекали ногу, не страшится законов и людского суда. Преступники, скованные цепью, восходят на гору, презрев жизнь и смерть. Тот, кто не благодарит за подарки, забыл про людей, а кто забыл про людей, тот стал Небесным человеком. Окажи ему почет —

и он не обрадуется. Унизь его — и он не разгневается. Ибо он уподобляет себя Небесному согласию.

Если выказывать гнев, а не гневаться, тогда гнев будет исходить от негневающегося. Если для вида что-то делать, блюдя надеяние, тогда действие будет совершаться недействующим. Хочешь покоя — стань безмятежным. Хочешь быть проникательным, следуй сердцу. Если хочешь действовать без ошибок, то делай лишь то, чего не можешь не делать. Делать лишь то, чего нельзя не делать, — таков Путь истинно мудрого.

ГЛАВА XXIV

СЮЙ УГУЙ

Сюй Угуй благодаря рекомендации Нюй Шана встретился с вэйским царем У-хоу. Царь учтиво спросил гостя:

— Почему вы, учитель, изъявили согласие встретиться со мной? Может быть, вас утомили ваши труды в лесах?

— Это я могу посочувствовать вам, государь, а не вы мне, — ответил Сюй Угуй. — Ведь вы, государь, погрязли в низменных страстях, а длительная любовь или ненависть делают душу больной. Если же вы отбросите низменные страсти, любовь и ненависть, у вас будут болеть глаза и уши. Тогда уже мне придется выражать вам сочувствие. Отчего же вы, государь, так переживаете за меня?

Царь высокомерно промолчал, и тогда Сюй Угуй сказал:

— Осмелюсь рассказать государю, как я распознаю собак. Худшие собаки думают лишь о том, как насытить брюхо; таковы же и повадки кошки. Собака средних качеств смотрит вверх, словно на солнце. Лучшие же собаки словно бы забывают о себе. Коней я распознаю еще лучше, чем собак. А распознаю я их так: если конь скачет прямо, словно по отвесу, поворот делает, словно по крюку, описывает квадрат, словно по наугольнику, и бежит по кругу, точно по циркулю, то это — конь царства. Однако ж и он уступает коню Поднебесной. У коня Поднебесной талант совершенно необыкновенный: вид у него такой, будто он чего-то страшится, что-то потерял, от самого себя отрешился. Такой конь мчится впереди всех, не поднимая пыли, не зная, куда скачет.

Царю стало смешно, и он громко рассмеялся. Когда Сюй Угуй вышел, Нюй Шан спросил его:

— Чем вы, учитель, так развеселили моего государя? Сколько я ни наставлял его, будь то окольным путем, обращаясь к «Книге Песен», «Книге Преданий», запискам о ритуале и музыке, или же говоря без обиняков, ссылаясь на записи в Шести шкатулках и на железных табличках¹,

мне никогда не удавалось сделать так, что государь обнажал свои зубы в улыбке. Чем же вы, учитель, сумели так развеселить нашего государя?

— Я только рассказал ему о том, как я распознаю собак и коней, — ответил Сюй Угуй.

— Только и всего? — удивился Нюй Шан.

— Не приходилось ли вам слышать про одного изгнанника из царства Юэ?

Прожив в изгнании несколько дней, он радовался, когда встречал кого-нибудь знакомого из своих земляков. Прожив в изгнании несколько месяцев, он радовался, когда встречал кого-нибудь из земляков, чье имя было ему знакомо. А после того как он прожил в изгнании целый год, он был рад встретить любого человека, который был похож на его земляков. Чем дальше уходил он от людей, тем больше тосковал по людям. Когда же он очутился в пустынных землях и дни напролет бродил в лесной чаще по безлюдным тропам, то был рад, когда слышал что-либо похожее на звук человеческих шагов. И сколь сильнее была бы его радость, если бы он увидел перед собой собственных братьев и родичей! Как же много времени прошло с тех пор, как наш государь слышал речь Настоящего человека!

Сюй Угуй увиделся с царем У-хоу, и тот сказал:

— Вы, учитель, уже давно живете в далеких лесах, питаясь кореньями и плодами. Не наскучили ли вам пырей и лебеда, коль скоро вы пожаловали ко мне, единственному? А может быть, вы пришли потому, что состарились? Или возжелали мяса и вина? Или хотите быть благодетельствованным от моего алтаря духов плодородия?

— Я, Угуй, вышел из рода бедного и незнатного, а потому никогда бы и не посмел попробовать царского вина и мяса. Но вскоре мне придется позаботиться о вас, государь.

— Что значат эти слова?

— Небо и Земля одинаково вскармливают все живое, — ответил Сюй Угуй. — Поднявшихся высоко нельзя считать лучшими, пребывающих внизу нельзя считать худшими. Вы, государь, — единственный повелитель десяти тысяч колесниц и ради удовольствия своих ушей, глаз, рта и носа заставляете тяжело трудиться народ всего царства. Но дух удовлетвориться этим не может. Дух любит согласие и ненавидит распушенность. Распушенность — это болезнь духа. Вот я и не могу не сокрушаться о том, что вы, государь, сами навлекаете на себя болезнь.

— Давно уже хотел я повидаться с вами, учитель, —

сказал царь. — Желая любить народ и во имя справедливости положить конец войнам. Возможно ли сие?

— Нет,— ответил Сюй Угуй.— В любви к людям — начало гибели людей. В желании ради справедливости положить конец войнам — корень войны. Если вы, государь, начнете так действовать, все пропало. Ибо красивые слова — это орудие зла. Вы ратуете за человечность и долг, а на деле сеете ложь. Всякая форма вызовет к жизни другую форму, всякий успех вызовет противодействие, а всякое изменение вызовет сопротивление. Не выставляйте, государь, ряды ваших воинов на галереях и башнях, не приводите лучников и всадников к воротам дворцового храма, не замышляйте измены ради приобретения, не надейтесь хитростью одолеть других, не пытайтесь победить людей ни умом, ни оружием. Убивать всех людей подряд, захватывать чужие земли ради собственной корысти и собственной похоти — кому от этого будет хорошо? Где находится истинная победа? Если вы, государь, от этого откажетесь и будете жить по закону Неба и Земли, отринув мысли об убийстве и не утесняя других, то разве понадобится вам, государь, ратовать за прекращение войн?

Желтый Владыка поехал на встречу с Великой Глыбой. Не успел он доехать до города Сянчэна, как сбился с пути. Тут повстречался ему мальчик, пасший коней.

— Ты знаешь, где живет Великая Глыба? — спросил его Желтый Владыка.

— Знаю,— ответил мальчик.

— Вот необыкновенный пастушок! — удивился Желтый Владыка.— Знает, где живет Великая Глыба! А позволь просить тебя: как нужно править Поднебесным миром?

— Поднебесный мир нужно оставить таким, какой он есть. Что с ним еще делать? — отвечал пастушок.— Я с детства скитался по свету, и вот зрение мое омрачилось. Один старец наставил меня: «Броди по равнине вокруг Сянчэна подобно колеснице солнца». Ныне свет мира вновь воссиял для меня, и я опять пойду скитаться за пределами шести углов вселенной. А Поднебесную надо оставить такой, какая она есть. Зачем что-то делать с ней?

— Управлять Поднебесным миром и вправду не ваше дело. Но все-таки позвольте спросить, как мне быть с ним?

Мальчик не захотел отвечать, но Желтый Владыка повторил свой вопрос, и тогда мальчик ответил:

— Не так ли следует управлять Поднебесной, как пасут

лошадей? Устранять то, что вредит лошадям, — только и всего!

Желтый Владыка низко поклонился мальчику, назвал его «небесным наставником» и смиренно удалился.

Если любители знания не видят перемен, которые предполагает их ум, они печалются. Если любители споров не могут выстроить своих суждений по порядку, они печалются. Если те, кто приставлен надзирать, не имеют дел, заслуживающих разбирательства, они печалются. Все эти люди связаны вещами. Мужички, славящиеся в свете, процветают при дворе. Мужички среднего положения славят начальников. Силачи жаждут показать свою силу. Храбрецы ищут случая показать свою храбрость. Воины, облаченные в латы, ищут сражения. Мужички, уподобившиеся высохшему дереву, утешаются своей известностью. Мужички законов пекутся о правильном управлении. Знатоки ритуалов и музыки следят за своей внешностью. Любители человечности и долга ценят общение с другими людьми.

Земледельцы, не выпалывающие сорняков на своем поле, не соответствуют своему званию. Купцы, не торгующие на рынке, не соответствуют своему званию. Когда у простых людей есть занятие, они усердно трудятся от зари до зари. Ремесленники, научившиеся обращаться со своими орудиями, работают с еще большим рвением. Если богатство не возрастает, жадные печалются. Если могущество не увеличивается, тщеславные горюют. Приверженцы силы и выгоды радуются изменению обстоятельств — в каждый момент времени они найдут, чем воспользоваться. Они не могут не иметь дел. Вот так они живут круглый год, меняясь вместе с вещами. Они дают волю своим прихотям, погрязают в вещах и до самой смерти не могут вернуться к истине. Как это прискорбно!

Чжуан-цзы сказал:

— Если того, кто попал в цель, не целясь, считать отличным стрелком, то все люди в Поднебесной оказались бы меткими, как стрелок И. Возможно ли такое?

— Возможно, — ответил Хуэй Ши.

— Если бы в Поднебесной не было общей для всех истины и каждый считал истиной только свое мнение, то в Поднебесной все оказались бы мудры, как Яо. Возможно ли такое?

— Возможно.

— Последователи Конфуция и Мо Ди, Яна и Бина²

составляют четыре школы, а вместе с вами, уважаемый, — пять. Кто же из них прав? А может быть, истиной обладает Лу Цзюй³? Его ученик сказал: «Я постиг Путь учителя. Я могу зимой приготовить горячую пищу в треножнике, а летом делать лед». Лу Цзюй сказал: «Это означает посредством силы Ян притянуть Ян, посредством силы Инь притянуть Инь. Мой Путь вовсе не таков. Я покажу тебе, что такое мой Путь». И тут он настроил два инструмента шэ⁴, один положил в главном зале дома, а другой — в боковой комнате. Тронул струну гун на одном — та же струна зазвучала на другом инструменте, тронул струну цзяо — откликнулась струна цзяо, и так все струны обоих инструментов звучали в согласии. Но можно ли изменить тон одной струны, не нарушив строй пяти тонов, а потом, тронув эту струну, вызвать отклик всех двадцати пяти струн? Такой звук был бы настоящим государем всех тонов. Вот какова должна быть истина!

— Ныне последователи Конфуция и Мо Ди, Яна и Бина спорят со мной, отрицая друг друга и соперничая друг с другом в славе, — сказал Хуэй Ши. — Но никто еще не смог опровергнуть меня. Разве не доказывает это, что я владею истиной?

— Некий житель Ци послал своего сына служить привратником в Ци, не предполагая, что ему могут там в наказание отсечь ногу. Он же, покупая колокола, обвязал их веревкой из опасения, что их поцарапают. Ради же собственного сына он не покинул пределы своего царства. Если житель Чу, странствуя как хромой привратник, затеет в полночь, когда вокруг никого нет, ссору с лодочником, он едва ли достигнет берега, и ему придется пожалеть о своей запальчивости.

Чжуан-цзы, стоя на похоронах перед могилой Хуэй Ши, повернулся и сказал сопровождающим:

— Среди иньцев был человек, который, посадив на нос пятнышко глины величиной не более крылышка мухи, просил плотника Ши стесать его. Плотник Ши начинал вращать над головой топор так, что поднимался ветер, и, улучив момент, сбрасывал пятно топором, не задев носа, а инец и глазом не успевал моргнуть. Услышал об этом сунский царь Юань, призвал к себе плотника Ши и сказал ему: «Попробуй стесать и у меня».

«Ваш слуга и вправду мог стесать пятно с носа, — ответил царю плотник, — но мой партнер умер, и теперь у меня нет подходящего материала».

Так вот, с тех пор как умер учитель Хуэй Ши, у меня тоже не осталось друга, с кем мог бы я оттачивать искусство беседы.

Гуань Чжун заболел, и Хуань-гун сказал ему:

— Болезнь у вас, отец Чжун, тяжелая, и я хочу спросить вас откровенно: если вам станет еще хуже, кому я могу доверить царство?

— А кому бы хотел государь? — спросил Гуань Чжун.

— Баошу Я, — ответил царь.

— Нет! — сказал Гуань Чжун. — Он — человек целомудренный и честный, но всех меряет по себе, а не себя по другим. Если он услышит хоть раз о проступке другого, всю жизнь ему не простит. Если доверить ему управление царством, то вверху он будет навязывать свою волю государю, а внизу — идти наперекор народу. Пройдет немного времени — и он совершит преступление против царя.

— Кому же можно? — спросил Хуань-гун.

— Если меня не станет, то можно Си Пэна, — ответил Гуань Чжун. — Это такой человек, что государь о нем забудет, а народ ему не изменит. Сам он стыдится, что не сравнится с Желтым Владыкой, но печалится о тех, кто не сравнится с ним самим. Тот, кто делится с людьми полнотой жизни в себе, зовется мудрецом. Тот, кто делится с другими богатством, зовется достойным мужем. Тот, кто свои достоинства обращает к вышестоящим, никогда не завоюет их расположения. Тот, кто свои достоинства обращает к нижестоящим, обязательно завоюет их расположение. Си Пэн не слишком известен в царстве и не слишком прославился у себя в роду, поэтому управление можно доверить ему.

Уский царь, плывя по реке, поднялся на Обезьянью гору. Завидев его, обезьяны бросились врассыпную и скрылись в непроходимой чаще. Только одна обезьяна беспечно прыгала вокруг, как бы показывая царю свою ловкость. Царь выстрелил в нее из лука, но она поймала стрелу. Тогда царь велел своим людям стрелять в нее из всех луков, и обезьяна в конце концов упала, сраженная стрелой.

Царь обернулся и сказал своему другу Янь Буи: «Эта обезьяна хвасталась своей ловкостью и в конце концов нашла свою смерть. Пусть это послужит тебе предостережением. Нельзя хвастаться своими достоинствами перед другими!»

Вернувшись домой, Янь Буи обратился к Дун У с просьбой отучить его гордиться своей красотой, веселиться и

искать славы. Прошло три года, и люди царства стали хвалить его.

У Цзы-Ци было восемь сыновей. Выстроив их перед собой, он позвал Цзюфан Яня и сказал ему:

— Узнай по лицам моих сыновей, кого из них ждет счастье!

— Счастье уготовлено Куню, — сказал Цзюфан Янь.

— Какое же это счастье? — спросил изумленный Цзы-Ци.

— До конца своих дней Кунь будет делить трапезу с государем.

— Неужели моего сына постигнет такое несчастье? — спросил Цзы-Ци, и слезы ручьем полились из его глаз.

— Но ведь для того, кто вкушает пищу вместе с государем, милости распространяются на родичей до третьего колена, особенно же — на отца и мать. А вы, уважаемый, услышав мое предсказание, лете слезы и не желаете принимать свое счастье, принимаете его за несчастье.

— Янь, как ты узнал о том, что Куня ждет счастье?

— Благодаря тому, что от него исходит запах вина и мяса.

— А как ты узнал, каково происхождение этого запаха?

— Я никогда не был пастухом, однако овцы ягнились в юго-западном углу моего дома. Я никогда не любил охотиться, однако перепелка вывела птенцов в юго-западном углу дома. Если это не предзнаменования, тогда что это такое?

— Со своими сыновьями я страпствовал по всему свету, вместе с ними радовался Небу, вместе с ними кормился от Земли. Я не занимался с ними делами, не строил с ними расчетов, не интересовался чудесами. Я постигал вместе с ними подлинность Неба и Земли и не связывал себя вещами. Вместе с ними я только жил привольно и не совершал того, что требует долг. Теперь я отринул от себя все обыденное. Если есть странные явления, то будут и странные поступки. Нам грозит гибель! Но вина не на мне и не на моих сыновьях. Все это идет от Неба. Оттого-то я и лью слезы!

Вскоре отец послал Куня в царство Янь, а по пути на него напали разбойники. Поскольку продать его целым было трудно, они отсекли ему ногу и продали в Ци. Там Кунь оказался привратником в доме знатного царедворца и до самой смерти питался мясом.

Когда Гоуцзянь и его три тысячи латников укрылись на горе Куйцзи, только Вэнь Чжун знал, как возродить разбитое царство Юэ. И только Вэнь Чжун не знал, чего он должен опасаться⁵. Вот почему говорят: «Даже глаза совы могут пригодиться». И еще: «И на ноге аиста есть коленце, отними — будет больно». Говорится и так: «Даже когда ветер перелетает через реку, не обходится без потерь. Даже когда солнце перейдет через реку, не обходится без потерь». Это значит, что даже ветер и солнце сдерживают течение реки. Для реки же никаких преград как будто нет, так что она свободно течет от истока до самого моря. Земля держит воду: это рубеж воды. Тень движется за человеком: это рубеж человека. Вещи охватывают другие вещи: это рубеж вещей. Поэтому в ясности зрения таится опасность для глаз. В чуткости уха таится опасность для слуха. В сообразительности ума таится опасность для сознания. И всякая способность, проявившаяся в нас, чревата опасностью. Когда опасность назрела, отворотить ее нет возможности и беды наши разрастаются, как бурьян. Избавиться от них стоит больших трудов, и притом плодов наших усилий приходится ждать долго. Люди же считают свои опасности сокровищем. Ну не прискорбно ли это? Вот отчего рушатся царства, гибнут люди, но никто не задается вопросом: почему так происходит?

Цзы-Ци из Наньбо сидел, опершись локтем о столик, и дышал, обратив лицо к небу. Яньчэн-цзы вошел и, увидев это, сказал:

— Учитель, вы не имеете себе равных! Может ли тело стать подобным высохшему дереву, а сердце уподобиться мертвой золе?

— Я долго жил в пещере на горе, — ответил Цзы-Ци. — В то время меня заметил Тянь Хэ, и его подчиненные в Ци трижды поздравляли его. Не иначе как я сам привлек к себе внимание — вот почему он заметил меня. Если бы я не начал действовать сам, как бы он узнал обо мне? Если бы я не выставил себя на продажу, разве захотел бы он купить меня? Увы мне! Я скорбел о человеке, потерявшем себя, потом скорбел о скорбевшем, а потом я скорбел о том, что скорбел о скорбевшем. Вот так с каждым днем я все больше отклонялся от Пути!

Конфуций пришел в царство Чу, и чуский царь стал угощать его вином.

Суньшу Ао поднял кубок, Шинань Иляо принял вино и, совершив возлияние духам, сказал:

— Нынче здесь скажет свое слово древний человек!

— Мне доводилось слышать об учении без слов, — сказал Конфуций. — Никогда прежде я о нем не говорил, а сейчас скажу. Шинань Иляо беспечно развлекался игрой, а споры между двумя домами прекратились. Суньшу Ао безмятежно спал с веером из перьев в руках, а люди Ин отложили оружие⁶. Чтобы это разъяснить, мне нужно обладать клювом длиною в три вершка!

По поводу этих двух мужей можно сказать, что они обладали «Путем, которым нельзя идти». По поводу Конфуция можно сказать, что он владел «рассуждением без слов». Посему, когда все свойства вещей постигнуты в единстве Пути, а речь достигает предела знания, мы приходим к совершенству. Однако даже и в единстве Пути свойства не могут быть все одинаковы, а то, что не может быть охвачено знанием, не может быть и названо словом. Суждений может быть великое множество — как в спорах последователей Конфуция и Мо Ди, — и от этого происходят несчастья. А Океан не отвергает вод, втекающих в него с запада, — вот в чем истинное величие! Мудрый объемлет Небо и Землю, простирает свою милость на весь Поднебесный мир, но неведомо, какого он роду-племени. При жизни не имеет звания, после смерти не получает почетного титула, богатств не накапливает, за славой не гонится. Вот такой и зовется великим человеком. Собаку считают хорошей не за то, что она громко лает. Человека считают достойным не за то, что он красиво говорит. Что же говорить о великом человеке! В мире нет ничего более великого, чем Небо и Земля. А поскольку они велики, они ничего не требуют для себя. Тот, кто познал истинное величие, ничего не добивается, ничего не теряет, ни от чего не отказывается и не меняется из-за других. Он лишь возвращается к себе и не имеет границ, пребывает в древности и вовек не умирает. Воистину, таков великий человек!

Беззубый повстречался с Сюй Ю и спросил его: «Куда вы направляетесь?»

— Бегу прочь от Яо, — ответил Сюй Ю.

— Отчего же вы бежите?

— Яо настолько соблазнился человечностью, что, боюсь, над ним весь мир будет насмеяться. А в будущих поколениях люди станут пожирать друг друга! Ведь завоевать любовь народа нетрудно. Если ты сам любишь людей,

то и они будут добры к тебе. Если ты приносишь им выгоду, они соберутся вокруг тебя. Если ты хвалишь их, они будут славить тебя. Если ты сделаешь что-нибудь им неуютное, они разбегутся. Любовь и выгода появляются из человечности и долга. Отвергающих человечность и долг мало, а пользующихся ими — много. Вот только поступки, сообразующиеся с человечностью и долгом, часто неискренни, а случается, ими оправдывают звериную жадность. Человек, в одиночку правящий Поднебесным миром, ограничен не меньше, чем любой другой человек. Яо знает, что достойные мужи приносят пользу миру, но не знает, что эти же мужи губят мир. Это ведомо лишь тем, у кого кругозор шире, чем у достойных мужей.

Человеческая нога занимает немного места на земле. Но, несмотря на то что нога мала, человек, ступая там, где еще не проходил, способен уйти далеко. Человеческие познания невелики, но человек, вверяясь неведомому, способен познать то, что зовется Небом. Так он познает великое единство, великий покой, великое созерцание, великое постоянство, великий порядок, великое доверие, великую определенность — вот совершенство!

Великое единство все пронизывает, великий покой все рассеивает, великое созерцание все являет взору, великое постоянство все возвращает к истоку, великий порядок всему придает форму, великое доверие обнажает все подлинное, великая определенность все поддерживает.

Во всеобщем порядке таится Небесное. Следуя ему, стяжаешь осиянность духа. В сокровенной глубине хранится Ось бытия. У того, кто постигнет ее, понимание будет выглядеть непониманием, знание будет выглядеть незнанием. Когда знание приходит от незнания, тогда вопросам об этом не может быть конца и не может не быть конца.

В уклончивых словах сокрыта глубокая истина. Эту истину нельзя передать из прошлого в настоящее, но она вовек не увядает. Разве нельзя назвать ее вечно торжествующей?

Почему бы не вопрошать об этой истине, дабы с помощью несомненного развязать все сомнения и вернуться к безупречной ясности разума? Вот что значит во истину почитать Несомненное.

ГЛАВА XXV

ЦЗЭЯН

Цзэян странствовал в Чу. Сановник И Цзе доложил об этом государю, но тот отказался его принять. И Цзе вернулся домой. Вскоре Цзэян увиделся с Ван Го и сказал ему:

- Почему бы вам не представить меня государю?
- Мне не сравниться с Гун Юэсюем, — ответил Ван Го.
- А чем занимается Гун Юэсюй?
- Зимой ловит черепах в реке, а летом отдыхает в гор-

ных лесах. А когда прохожие расспрашивают его, отвечает: «Вот мое жилище». К тому же даже И Цзе не смог добиться для вас аудиенции, что уж говорить обо мне! Ведь я не могу соперничать с И Цзе. И Цзе — такой человек, который достоинств своих не выказывает, а умом не обделен. Он не навязывает другим свою волю, но общается с людьми духовно. Он не отказывается от чинов и богатства, но не помогает людям ни добродетелями, ни дельным советом. Замерзающему весной он даст теплый халат, желающему пить зимой поднесет холодный ветер. Чуский же царь обликом надменен и строг, к провинившимся беспощаден, словно тигр. Люди, не искушенные в хитростях и не обладающие великой праведностью, вряд ли смогут повлиять на него.

Мудрый, даже нуждаясь, заставляет домашних забыть о своей бедности. Он так возвышен, что в его присутствии цари и знатные люди забывают о чинах и наградах и превращаются в скромников. Он умеет наслаждаться вещами. А что касается людей, то он с теми, кто умеют наслаждаться жизнью, беречь себя. Поэтому он не говорит ни слова, а насыщает людей гармонией, всегда рядом с людьми и побуждает их быть самими собой.

Словно любящий отец, каждого отводит в родной дом, чтобы все люди на свете жили одной дружной семьей.

Столь возвышен мудрец в делах, касающихся души человеческой. Вот почему я говорю: «Лучше попросить об аудиенции Гун Юэсюя».

Мудрый охватывает взором все тонкости мироздания, постигает до конца единство всех вещей и сам не знает, почему это так, ибо такова его природа. Он принимает все превратности судьбы и берет себе в учителя само Небо. Люди же повинуются ему и называют его мудрецом. Печально, что послушание их долго не живет и скоро приходит к концу. Почему так получается? Кто красив от природы — тому спешат поднести зеркало. Если бы ему не сказали, что он красив, он бы и не знал об этом. Узнал бы он или нет, услышал бы он или нет, только он все равно радовался бы жизни до конца своих дней. И люди тоже любовались бы им без пресыщения — такова их природа. Мудрый любит людей — и люди зовут его мудрецом. Если бы его так не называли, он бы и не узнал, что любит людей. Узнал бы он про это или нет, а только его любовь к людям все равно вовек не прервалась бы, и спокойствие людей при нем тоже не исчезло бы вовек, ведь такова человеческая природа.

Родное царство, родная столица: взглянешь на них издалека — и чувствуешь прилив радости! Пусть даже от них остались одни могильные курганы, поросшие лесом, все же девять из десяти возвратившихся в родные места будут счастливы, тем более если увидят уже когда-то виденное и услышат уже слышанное. Для него это как башня высотой в сотню сажений, которой любуется весь народ.

Царь Жаньсян обрел ту Ось мира, вокруг которой вращается все сущее.

Следуя круговороту вещей, он не ведал ни конца, ни начала, ни мгновений, ни часа. Превращаясь вместе с вещами, он один не менялся. Отчего же он не остановился на этом? Ведь тот, кто хочет сделать своим учителем Небо, не сможет учиться у Неба. Кто превращается с вещами, с вещами и погибает. Что же следует из этого? Мудрый не владеет ни небесным, ни человеческим. Он пребывает в начале, которое еще не началось и в котором еще нет вещей. Он движется вместе со временем и ничего не подменяет. В деяниях своих он безупречен и не знает поражений. Вот какова его целостность!

Тан вручил бразды правления начальнику дворцовой стражи Дэнхэну и сделал его своим наставником. Он следовал за учителем, но не утеснял себя из-за него, а потому обрел способность достигать завершенности вместе с вещами. Хотя учитель имел звание, оно было пустым добавле-

нием к законам. Так проявились две стороны его правления. Конфуций же считал, что призвание наставника — развить до конца свои мысли. А царь Жунчэн сказал: «Без дня не будет и года; без внутреннего не будет и внешнего».

Вэйский царь Ин заключил клятвенный союз с царем Моу из Ци. Потом Моу нарушил договор, и Ин в гневе хотел послать человека убить его. Об этом узнал командующий войском Гунсунь Янь и стал его увещевать:

— Государь, вы владеете десятью тысячами колесниц, а хотите поручить месть какому-то простолыдину. Прошу вас, государь, дать мне двести тысяч воинов, и я нападу на его царство, заберу в полон его людей, угоню его буйволов и коней. Ему от меня так жарко станет, что спина сгорит! Я захвачу его царство, а когда он в страхе обратится в бегство, я настигну его и переломлю ему хребет.

Услышал эти слова Цзи-цзы и пристыдил воеводу:

— Строили высокую-высокую стену, а теперь, когда стена построена, решили ее ломать. Это чересчур хлопотно. У нас уже семь лет не было войны — вот в чем опора для царя. Янь сеет смуту, его нельзя слушать.

Услышал об этих словах Хуа-цзы и обругал обоих, сказав:

— Тот, кто предлагает напасть на Ци, — смутьян, и тот, кто предлагает не нападать, — тоже смутьян.

— Что же делать? — спросил царь.

— Вы, государь, должны искать свой Путь, только и всего.

Хуэй-цзы, услышав об этом, представил царю Дай Цзиньжэня, который спросил:

— Знаете ли вы, государь, что такое улитка?

— Да, — ответил царь.

— На левом рожке улитки расположено царство Бодливых, на правом рожке улитки расположено царство Диких. Эти царства вечно воюют друг с другом. Тела убитых валяются десятками тысяч, разбитого врага преследуют десять и еще пять дней, а потом только возвращаются из похода.

— Что за чепуха! — воскликнул царь.

— Тогда позвольте вашему слуге рассказать нагляднее. Подумайте, государь, о пространстве во всех четырех сторонах света — есть ли ему предел?

— Нет предела.

— Познав, как можно странствовать духом в беспредельном, обратитесь теперь снова к известным цар-

ствам: они вроде бы существуют и вроде не существуют?

— Так, — ответил царь.

— Среди известных вам царств есть и Вэй, в Вэй находится столица Лян, а в стольном городе пребываете вы, государь. Чем отличаетесь вы от рода Диких?

— Выходит, ничем, — отвечал царь.

Гость вышел вон, а царь остался сидеть на троне в великом смятении. Когда же к нему подошел Хуэй-цзы, он сказал:

— Этот гость — великий человек. Ни один мудрец не сравнится с ним.

— Если подуть в отверстие флейты, слышится музыка, — сказал Хуэй-цзы. — Если подуть в отверстие ножен, послышится шипение. Люди восхваляют Яо и Шуня, а ведь Яо и Шунь перед Дай Цзиньжэнем — все равно что шипение перед музыкой.

Князь Чанфу сказал Цзы-Лао:

— Не должен ли государь в своих делах не быть подобным землепашцу, который не разрыхляет почву, а в управлении народом не быть подобным тому, кто без разбору вырывает ростки? Прежде, когда я обрабатывал свое поле, я оставлял почву невзрыхленной, и всходы были редки. Пропалывая посевы, я вырывал много хороших ростков, и урожай мой был скуден. Тогда я стал делать иначе: пахал глубоко, тщательно рыхлил землю, и зерно уродилось обильно. Мне с избытком хватило пищи на целый год.

Услыхал эти слова Чжуан-цзы и сказал:

— Нынче многие обращаются со своим телом и сердцем, как князь Чанфу обращался со своим полем: пренебрегают небесным в себе, отклоняются от своей природы, разрушают свои чувства, губят свой дух. У того, кто небрежно ухаживает за своей природой, в душе прорастают семена зла — похоть и ненависть. Эти пороки прорастают в нас, как сорняки заглушают посевы: поначалу они как будто и не искажают нашего облика, но потом прорываются наружу в самых разных видах, образуя нарывы и язвы, источая зловонный гной. Вот так становится явной внутренняя болезнь!

Бо Гу учился у Лао Даня, а потом попросил у него дозволения постранствовать по свету.

— Оставь эту затею, — сказал Лао Дань. — Поднебесная всюду одинакова.

Но Бо Гу снова попросил его о том же, и тогда Лао Дань спросил его:

— С каких же краев ты начнешь свои странствия?

— С царства Ци,— ответил Бо Гу.— Приду в Ци, увижу казненного, уложу его тело надлежащим образом, накрою его парадной одеждой и стану плакать над ним, взывая к Небу и говоря: «О, сын мой! Сын мой! Поднебесную постигло великое бедствие, и ты стал его первой жертвой. Говорят: «Не будь разбойником и убийцей». Но с того времени, как установили славу и позор, появились и пороки. С того времени, как появились товары и имущество, появились и тяжбы. Нынче же возвели в закон то, что порождает пороки, приманивают людей тем, что порождает тяжбы. Людей довели до крайности, не дают им ни часа отдыха. Разве можно сейчас отвратить это великое зло?»

Древние государи за все доброе благодарили народ, а во всех бедах винили себя; все истинное видели в народе, а все заблуждения находили в себе. Поэтому, если погибал хотя бы один человек, они отрекались от власти и калялись. Теперь же не так. Правители скрывают свои деяния и называют тех, кто об этом не ведает, глупцами. Они отдают невыполнимые приказания и наказывают тех, кто не осмеливается выполнять их. Они устанавливают тяжкие обязанности и карают тех, кто с ними не справляется. Они посылают в дальний путь и укоряют тех, кто приходит с опозданием. Люди же, зная, что не могут выполнить приказ, подменяют старание притворством. Если правители день ото дня становятся все больше лицемерами, как могут не быть лицемерными их подданные? Когда не хватает сил, притворяются; когда не хватает знаний, обманывают; когда не хватает состояния, пускаются в разбой. Как же тогда можно обвинять за кражу?

Говорят, Цюй Боюй к шестидесяти годам переменялся шестьдесят раз и то, что поначалу утверждал, впоследствии отрицал. Кто знает, не придется ли нам пятьдесят девять раз отрицать то, что сегодня мы почитаем за истину? Все вещи из чего-то рождаются, но невозможно узреть их корень, откуда-то выходят, но нельзя разглядеть те врата. Все люди чтут то, что они знают благодаря своему знанию, но никто не знает, что такое знать, опираясь на то, что не знаешь. Как не назвать это великим сомнением? Но довольно, довольно! От этого никуда не убежать. Вот что называется «быть самим собой в другом».

Конфуций спросил у придворных летописцев Да Тао, Бо Чанцзяня и Чживэя:

— Почему покойный вэйский царь получил имя Лин — Разумный? Ведь он пьянствовал, предавался разврату и не вникал в дела правления. Он выезжал на охоту с собаками, силками и арбалетами, но избегал встреч с другими государями.

— Именно поэтому он и получил имя Лин, — ответил Да Тао.

— У этого царя было три жены, — добавил Бо Чанцзянь, — и он принимал ванну вместе с ними. Когда же туда пришел летописец Ю с подарками для царя, тот велел слугам поддержать его за локти. Хотя он был беспутен до крайности, а при виде достойного мужа тут же проявил высшую учтивость. Поэтому после его смерти ему дали имя Лин — Разумный.

Когда он умер, гадание о захоронении на родовом кладбище было несчастливым, гадание же о захоронении на Песчаном Холме было счастливым. Когда там рыли могилу, глубоко в земле нашли каменный гроб. Очистили его от земли и увидели на крышке надпись: «Эта могила не годится для потомков. Царь Лин-гун займет ее сам». Выходит, имя Лин давно уже было предназначено для этого царя. Но как те двое могли знать об этом?

Конфуций пришел в Чу и остановился в доме торговца рисовым отваром у Муравьиного Холма. По соседству все домохадцы — муж и жена, слуги и служанки — поднялись на крышу.

— Что делают там эти люди? — спросил Цзы-Лу.

— Это челядь мудреца, — ответил Конфуций. — Тот человек похоронил себя среди людей, скрылся в пустынных полях. Его голос оборвался, но помыслы его беспредельны. Хотя уста его открываются, сердце его вечно безмолвствует. Ибо он бежит от света и сердцем не хочет быть заодно с людьми. Не из тех ли он, кто «утонули на суше»?

Цзы-Лу спросил разрешения позвать его, но Конфуций сказал: «Полно! Он знает меня лучше, чем я сам. Он знает, что я пришел в Чу, и думает, что я буду добиваться приглашения от чуского царя. Он считает меня хитрецом и, конечно, сочтет позором для себя слушать речи хитреца и тем более с хитрецом встречаться. Разве останется он жить рядом со мной?»

Цзы-Лу пошел в соседний дом, но он уже был пуст.

Мало-Знаю спросило у Всех-Примиряющего:

— Что значат «речи кварталов и селений»?

— По обычаю, в кварталах и селениях объединяются по десять фамилий и сто имен. В них различное соединяется в одно и рассматривается как подобное. Если ты, к примеру, выделишь в лошади сто частей, самой лошади у тебя не получится. Но ведь лошадь воочию стоит перед тобой, и ты можешь вывести из сотни наименований одно общее имя: «лошадь». Так холмы и горы, набирая понемногу высоты, превращаются в заоблачные пики, а реки и озера, набирая понемногу воды, становятся необъятной водной ширью. Великий же человек, усваивая одно за другим частные мнения, становится беспристрастным. Он остается господином всякому приходящему извне суждению и ни к одному из них не склоняется. Внутри него есть как бы управляющий, который не позволяет исходящему из него мнению быть пристрастным. Четыре времени года имеют свойственную им погоду — Небо не выказывает пристрастия ни одному из них, и годовой круг приходит к завершению. Каждое из Пяти дворцовых ведомств имеет предписанные ему обязанности, и государь ни одному из них не оказывает особенных милостей, а в результате в государстве сохраняется порядок. Состояние войны или мира предполагает сопутствующие им деяния. Великий человек не благоволит ни тому, ни другому, и в результате его жизненная энергия сохраняется в целостности. Каждая вещь имеет свой закон. Путь никому не дает преимуществ и не оказывает предпочтения какому-нибудь имени. Не навязывая никому своей воли, он не предпринимает действий, и благодаря этому Недеянию в мире не остается ничего несправедливого.

Времена имеют начало и конец, века имеют свои перемены и превращения. Счастье и беда приходят неразрывно переплетенными, и явление их соотносится со всеобщим порядком. Все в мире идет своим путем, и то, что один считает правильным, другие считают ошибочным. Представь себе дремучий лес, где у каждого дровосека своя мера. Или вообрази, что смотришь на большую гору, где камни и деревья имеют общую основу. Вот что такое «речи кварталов и селений».

— В таком случае можно ли сказать, что это и есть Путь? — спросило Мало-Знаю.

— Нет, — ответил Всех-Примиряющий. — Допустим, ведя счет всем вещам в мире, мы не останавливаемся на числе «десять тысяч», и все же мы условно говорим: «де-

сять тысяч вещей». Такое число обозначает у нас бесчисленное множество. И вот Небо и Земля — это самая большая вещь в мире, силы Инь и Ян — это самые общие в мире виды энергии, а Путь объемлет их беспристрастно. Если мы воспользуемся этим словом для того, чтобы обозначить наибольшее в мире, то это позволительно. Но, раз приняв такое название, можем ли мы уподобить его чему-нибудь? Если мы будем делить его на все более мелкие части, то сделаем из него только еще один пример «собаки» или «лошади»¹ и еще дальше отойдем от истины.

— Где же среди четырех сторон и шести полюсов света располагается то, из чего рождаются все вещи?

— Инь и Ян все освещают, все охватывают и направляют; четыре времени года сменяют друг друга, всему давая жизнь и все убивая. А вслед за ними являются людские пристрастия и отвращения, любовь и ненависть. Вот тогда посредством соития самца и самки продлевается жизнь.

Покой и опасность друг друга сменяют.

Несчастье и счастье друг друга рождают.

Неспешность и спешность все держат друг друга.

И все живет собиранием и распадом.

Таковы вещи, чьи имена и сущность можно определить, чьи самые утонченные свойства можно вообразить.

Идя друг за другом, они обретают свой принцип.

Вращаясь по кругу, они порождают друг друга.

Достигнув предела — вернутся обратно.

Придут к концу — и начинаются сызнова.

Таков порядок, которым обладают вещи, о котором можно сказать словами и который можно постичь знанием. Он пронизывает мир вещей — и только. Тот, кто обрел Путь, не стремится разыскать его конец или его начало. Здесь лежит предел всякому обсуждению.

— Среди двух школ Цзи Чжэнь учил, что «ничто не действует», а Цзе-цзы утверждал, что «нечто свершает»². Какое из этих суждений истинно, а какое неполно?

— Все люди знают, как кричит петух или лает собака, — ответил Всех-Примирающий, — но, сколь бы ни были велики их познания, они не могут словами определить то, откуда выходят эти звуки, и постигнуть мыслью то, во что они превращаются. Если устанавливать в понятии все более тонкие различия, вы придете к чему-то слишком утонченному для того, чтобы иметь для него меру, или к чему-то слишком великому, чтобы иметь нечто помимо него. С понятиями «ничто не действует» и «нечто свершает» мы все

еще остаемся в мире вещей, но сами полагаем, что уже превзошли его.

«Нечто свершает» — это сущее.

«Ничто не действует» — это пустое.

Когда «есть имя», «есть сущность», то это пребывает среди вещей. Когда «нет имени», «нет сущности», то это пребывает в пустоте между вещами. То, о чем можем сказать или помыслить, уводит нас все дальше в сторону. О том, что было прежде рождения, мы знать не можем. О том, что будет после гибели, мы судить не в силах. Жизнь и смерть недалеки от нас, но смысл их сокрыт.

«Нечто свершает», «ничто не действует» — это суждения, к которым мы прибегаем в сомнениях. Вглядимся в исток их: он уходит вдаль без конца. Устремимся к концу их: поиску не будет предела. О том, что не имеет конца и предела, нельзя ничего сказать, однако это существует вместе с вещами. «Ничто не действует» и «нечто свершает» — это основа речей, и она начинается и кончается вместе с вещами.

Путь не есть нечто сущее, а то, что есть воистину, не может не быть. «Путь» обозначает то, чем мы идем. «Нечто свершает» и «ничто не действует» — это только две стороны вещей, как могут они быть Великим Простором? Если осмысленно говорить, то, сколько ни скажешь, все будет относиться к Пути. Если же говорить неосмысленно, то, сколько ни скажешь, все будет касаться только вещей. Предел же Пути и вещей не высказать ни словом, ни молчанием.

Где нет слова, нет и молчания,

Там все суждения исчерпывают себя.

ГЛАВА XXVI
ВНЕШНИЕ ВЕЩИ

Что происходит вовне, нельзя предвидеть. Поэтому Лунфэн был казнен, Бигань был разрезан на куски, Цзи-цзы притворился сумасшедшим, Элай умер, а Цзе и Чжоу погибли. Каждый правитель требует преданности от своих подданных, но преданность правителю не обязательно внушает ему доверие. А потому тело У Цзысюя три дня плыло по реке, а Чан Хун сложил голову в Шу. Его кровь хранили три года, и она превратилась в лазурную яшму. Каждый отец требует почтительности от сыновей, но почтительность сына не обязательно внушает отцу любовь. Поэтому Сяо Цзи имел много печалей, а Цзэн-цзы — скорбей.

Когда дерево трут о дерево, оно загорается. Когда металл кладут в огонь, он плавится. Когда нет согласия сил Инь и Ян, Небо и Землю охватывает великое возмущение: гремит гром, в потоках воды вспыхивает огонь, который может спалить могучее дерево. А у человека положение еще хуже: он мечется между двух бездн и нигде не находит выхода. Охваченный тоской и печалью, он ничего не может свершить, сердце его словно подвешено между Небом и Землей. То утешаясь, то оплакивая себя, душа человека вечно чувствует себя в опасности. Когда же польза и вред сталкиваются друг с другом, огонь разгорается еще сильнее и сжигает покой человеческих сердец. Лунному свету, конечно, не затмить блеск огня. Люди все больше уклоняются в сторону, и Путь теряется окончательно.

Семья Чжуан Чжоу была бедна, и он пошел к Смотрителю реки занять немного зерна. Смотритель сказал ему: «Я скоро соберу подати с моей деревни и тогда дам тебе в долг триста монет серебром, хорошо?»

Чжуан Чжоу гневно посмотрел на него и сказал:

— Вчера, когда я шел по дороге, кто-то окликнул меня. Я оглянулся и увидел в придорожной канаве пескаря. «Что

ты делаешь здесь?» — спросил я пескаря. Он ответил мне: «Я надзираю за водами Восточного океана. Не найдется ли у вас, уважаемый, хотя бы немного воды для меня — она спасет мне жизнь!» А я ответил ему: «Конечно! Я как раз направляюсь к правителям царств У и Юэ, и я попрошу их прорыть от Янцзы канал для тебя. Годится?» Пескарь посмотрел на меня гневно и сказал: «Я потерял привычное для меня место обитания, и у меня нет выхода. Если бы мне удалось раздобыть хотя бы несколько пригоршней воды, наверняка бы остался в живых. Вместо того чтобы делать мне такое предложение, лучше бы сразу искать меня в лавке, где торгуют сушеной рыбой».

Сын правителя удела Жэнь сделал огромный крючок и толстую черную лесу, наживил для приманки пять десятков бычков, уселся на горе Куйцзи и забросил свою удочку в Восточном море. Так удил он день за днем, но за целый год не поймал ни одной рыбы. Наконец какая-то гигантская рыба заглотнула приманку, утащила крючок на самое дно, потом помчалась по морю, вздымая плавниками высокие, как горы, волны. Все море взволновалось, и на тысячу ли вокруг все твари были напуганы громом, словно исторгнутым божественными силами.

Поймав эту рыбу, сын правителя Жэнь разрезал ее, высушил и накормил всех, кто жил на восток от реки Чжэ и на север от гор Цанью. И предание об этом событии восторженно рассказывали из поколения в поколение все сказчики, даже самые неискусные.

Если, взяв бамбуковую палку и тонкую леску, ходить на ловлю рыбы к придорожной канаве, то добудешь не гигантскую рыбу, а разве что пескарика. Так и тем, кто придумывает красивые истории ради благосклонности местного начальника, далеко до великих свершений. Тому, кто не слышал истории о сыне правителя Жэнь, далеко до управления миром.

Конфуцианцы, занимавшиеся изучением «Песен» и «Преданий», разрывали могильный холм. Старший среди них, стоя вверху, говорил им: «Вот уж и солнце встает. Как идет работа?» А люди помоложе отвечали внизу: «Мы не сняли еще нижнее платье покойника, а во рту у него жемчужина». В песне недаром поется:

Зеленая, зеленая пшеница
На склоне могильном растет.
При жизни не жаловал никого,
Зачем ему жемчужина во рту?

Тут конфуцианцы потянули за бороду и волосы на висках покойника, а их старший проткнул железным шилом щеки и медленно разнял челюсти.

Ученик Лао Лай-цзы ходил за хворостом и встретил Конфуция. Вернувшись, он рассказал учителю о том, кого встретил в лесу:

— Там есть человек с длинным туловищем и короткими ногами, стоит сутулясь, уши вывернуты назад. Вид у него такой, словно весь мир в его власти. Не знаю, какого он рода.

— Это Конфуций, — сказал Лао Лай-цзы. — Позови его ко мне.

Когда Конфуций пришел, Лао Лай-цзы сказал ему:

— Откажись от своих церемоний и умного вида, и ты станешь благородным мужем.

Склонившись, Конфуций отступил на шаг и торжественно сказал: «Продвинется ли в таком случае мое дело?»

— Ты не можешь вынести страданий одного поколения, а высокомерно навлекаешь беду на десять тысяч поколений, — ответил Лао Лай-цзы. — Ты бездумно держишься за старое и не способен постичь правду. Упиваться собственной добротой — это позор на всю жизнь! Так ведут себя лишь заурядные людишки, щеголяющие друг перед другом своей славой, связывая друг друга корыстными помыслами. Вместо того чтобы восхвалять Яо и порицать Цзе, лучше забыть о них обоих и положить конец их славе. Ведь стоит нам повернуться — и мы тут же причиним кому-нибудь вред, стоит нам пошевелиться — и кому-то станет из-за нас плохо. Мудрый как бы робко берется за дело — и каждый раз добивается успеха. А как быть с тобой? Неужели ты так и не изменишься до конца жизни?

Сунскому царю Юаню однажды ночью приснился человек с всклокоченными волосами, который вышел из боковой двери зала и сказал:

— Я — чиновник бога реки Хэбо и прибыл по его повелению из пучины Цзайлу, но меня поймал рыбак Юй.

Проснувшись, царь Юань велел разгадать смысл этого сна. Гадание гласило: «Это божественная черепаха».

— Есть ли среди рыбаков человек по имени Юй? — спросил царь.

— Есть, — ответили ему.

— Повелеваю этому Юю явиться ко двору.

На другой день рыбак Юй явился во дворец, и царь спросил его:

— Что ты поймал давеча?

— В мои сети, государь, попалась седая черепаха, телом круглая, величиной в пять мизинцев.

— Покажи мне эту черепаху, — приказал царь.

Когда черепаху доставили во дворец, царь не мог решить, что лучше: умертвить ее или оставить в живых. Гадание же гласило: «Убить черепаху для гадания — будет счастье». Черепаху убили, а потом семьдесят два раза прижигали ее панцирь, и всякий раз гадание подтверждалось.

— Божественная черепаха сумела явиться во сне царю Юаню, но не сумела избежать сетей рыбака Юя, — сказал Конфуций. — Ее знаний хватило на семьдесят два гадания, но не хватило на то, чтобы избежать собственной гибели. Выходит, что даже знания не избавляют от трудностей и даже божественная сила чем-то ограничена. Даже того, кто обладает совершенным знанием, толпа перехитрит. Рыба не боится сетей, а боится пеликана. Устрани малое знание — и воссияет знание великое. Не старайся делать добро — и будешь сам по себе добр. Младенец от рождения может научиться говорить и без учителя. А может он это потому, что живет среди умеющих говорить.

Хуэй-цзы сказал Чжуан-цзы:

— Твои речи бесполезны.

Чжуан-цзы ответил:

— Только с тем, кто познал ценность бесполезного, можно говорить о пользе. Земля велика и обширна, но, чтобы ходить по ней, человеку требуется не более того, на что опирается его нога. И если мы уберем все те клочки земли, на которые он наступит, прежде чем придет в страну Желтых Источников, будут ли они полезны ему?

— Нет, пользы от них не будет, — отвечал Хуэй-цзы.

— Вот тогда станет очевидной и польза бесполезного! — сказал Чжуан-цзы.

Чжуан-цзы сказал:

«Может ли не странствовать человек, рожденный странствовать! Может ли странствовать человек, не рожденный странствовать! Увы! Уйти от света, порвать с людьми — это вовсе не вершина мудрости и не претворение своих жизненных свойств. Такие люди словно валяются с ног и не могут подняться, идут сквозь огонь и не желают посмотреть назад. Хотя среди людей есть цари и слуги, положение их

неустойчиво: сменится поколение, и не останется в мире прежних слуг. Вот почему говорят: «Мудрый не держится за былые свершения». Почитать старину и презирать современность — это обычай ученых людей. Но если смотреть на современность глазами людей времен Сивэя, пожалуй, у любого дух захватит. Только мудрец способен скользить в мире и не наталкиваться на преграды, следовать другим и не терять самого себя, не изучать чужих учений, но и не чураться иных взглядов.

Острое зрение делает нас прозорливыми, чуткий слух делает нас внимательными, хорошее обоняние делает нас разборчивыми, утонченный вкус делает нас восприимчивыми к сладкому, пронизательное сердце делает нас сообразительными, а исчерпывающее знание возвращает нам жизненную силу. Путь не терпит преград, ибо преграды порождают запоры, а длительные запоры вызывают расстройство. Все одушевленные существа живут благодаря дыханию, и если дыхание у них затруднено, то не вина Неба. Отверстия, созданные Небом, не закрываются ни днем, ни ночью, и только сами люди закупоривают их. В утробе главное — пустота, а для сердца главное — небесное странствие. Если в доме тесно, то свекровь и сноха вечно ссорятся. Если сердце не может отдаться небесному странствию, то органы чувств друг друга ущемляют.

Избыток жизненной силы становится славой. Избыток славы порождает жестокость. Замыслы появляются от срочной нужды, знание проистекает из борьбы. Закоснелость вырастает из упрямства. Успех в управлении приходит к тому, кто сведущ в потребностях людей. Под теплыми весенними дождями буйно всходят все травы. Их срезают серпами и мотыгами, но больше половины поднимаются вновь и не ведают, отчего так».

Покоем можно исцелить больного. Потирая углы глаз, можно взбодрить старого. Отдых помогает унять волнение. Но это все занятие для тех, кто проводит свою жизнь в трудах. Тот, кто живет в праздности и не пробовал этого, об этом и не спрашивает. Божественный человек не знает, каким образом мудрец держит в повиновении всю Поднебесную. Мудрец не ведаёт, каким образом достойный муж держит в повиновении своих современников. Благородный муж не ведаёт, каким образом простой люд сообразуется с обстоятельствами своей жизни.

У стража ворот Янь умер отец, и он так извелся в трауре, что получил титул «наставника служащих». Тогда его

сородичи тоже бросились мучить себя в трауре, и половина из них даже умерла.

Яо хотел передать Поднебесную Сюй Ю, а Сюй Ю от него убежал. Тан отдавал Поднебесную Угуану, а Угуан на него рассердился. Услышал об этом Цзи Та, увел своих учеников и уселся на берегу реки Хэ. Все удельные князья оплакивали его три года, а Шэньту Ди с горя даже бросился в реку.

Вершей пользуются при ловле рыбы. Поймав рыбу, забывают про вершу. Ловушкой пользуются при ловле зайцев. Поймав зайца, забывают про ловушку. Словами пользуются для выражения смысла. Постигнув смысл, забывают про слова. Где бы найти мне забывшего про слова человека, чтобы с ним поговорить!

ГЛАВА XXVII
ИНОСКАЗАТЕЛЬНЫЕ РЕЧИ

Девять из десяти — речи от другого лица. Семь из десяти — речи от лица почтенных людей. И еще речи, как переворачивающийся кубок, вечно новые, словно брезжущий рассвет, и ведущие к Небесному Единству. Речи от другого лица — это суждения, вложенные в чужие уста. Ведь родному отцу негоже быть сватом собственного сына, и лучше, если сына хвалит не отец, а чужой человек: вина-де не моя, а чужая. Речи от лица почтенных людей — это речи уже как бы высказанные, и принадлежат они уважаемым людям былых времен. Но если те люди не обнаружили знания главного и второстепенного, начала и конца вещей, то их нельзя считать истинными нашими предками. Если человек не опередил других людей, он — вне человеческого Пути. Такого называют «бранными останками человека». А речи, как переворачивающийся кубок, вечно новые, словно брезжущий рассвет, и ведущие к Небесному Единству, следуют превращениям мира и вмещают вечность.

Когда нет слов, согласие не разрушается. Согласие со словами не согласуется. И слова с согласием не согласуются. Поэтому сказано: «говори, не говоря». Речь без слов — это когда всю жизнь говорят и ничего не скажут. Или всю жизнь не говорят — и не останется ничего не сказанного. Каждый имеет свое мнение о возможном и невозможном, об истинном и неистинном. Почему истинно? Истинно потому, что считается истинным. Почему неистинно? Неистинно потому, что считается неистинным. Почему возможно? Возможно потому, что считается возможным. Почему невозможно? Невозможно потому, что считается невозможным. У каждой вещи есть свое «истинное» и свое «возможное». Нет вещи, не имеющей своего «истинного» и своего «возможного». Без речей, подобных переворачивающемуся кубку, вечно новых, словно брезжущий рассвет, и приводящих все к Небесному Единству, можно ли

постичь вечно существующее? Все вещи хранят в себе семена жизни и приходят друг другу на смену. Их начала и концы сливаются в кольцо, и исток его невозможно постигнуть. Назовем это Небесным Равновесием. Небесное Равновесие и есть Небесное Единство.

Яньчэн Цзыю сказал Дунго Цзыци: «С тех пор как я стал внимать вашим речам, по прошествии года я совсем опростился, через два года — научился следовать переменам, через три года — слился воедино с миром, через четыре года — уподобился другим, через пять лет — привлек к себе других, через шесть лет — проник в мир духов, через семь лет — обрел Небесное в себе, через восемь лет — перестал различать жизнь и смерть, а спустя девять лет постиг Великую Утонченность».

Чжуан-цзы сказал Хуэй-цзы:

— Конфуций учил людей шесть десятков лет, а в шестьдесят лет переменялся. То, что прежде он считал истинным, под конец объявил ложным. Он и сам не знал, не отрицал ли он пятьдесят девять лет то, что ныне счел истинным.

— Конфуций честно трудился и преклонялся перед знанием, — ответил Хуэй-цзы.

— Все же Конфуций в душе отрёкся от своей жизни, но не говорил об этом вслух, — сказал Чжуан-цзы. — Он говорил, что человек получает свои таланты от Великого Истока и должен возвратиться к изначальной одухотворенности. Его пение должно соответствовать музыкальным тонам, а речь должна соответствовать приличиям. Если я пекусь о пользе и долге, то своими суждениями о добре и зле, истине и лжи покоряю лишь людские уста. Но чтобы заставить людей покориться в своем сердце, не вступая с ними в противоборство, упорядочить все порядки в Поднебесной — такое, увы, мне не под силу!

Цзэн-цзы дважды поступал на службу и каждый раз изменялся в душе. Он сказал:

— Я служил, когда были живы мой отец и мать, получал только три меры зерна, а сердце мое радовалось. Впоследствии я получал три тысячи пудов зерна, но не мог разделить их с родителями, и потому сердце мое печалилось.

Ученики спросили Конфуция:

— Можно ли такого, как Цзэн-цзы, считать бескорыстным?

— Он был корыстен,— ответил Конфуций.— Если бы он был свободен от корысти, могла ли печаль гнездиться в его сердце? Истинно бескорыстный человек смотрел бы на три фу или три тысячи чжунов, как орел смотрит на пролетающего мимо комара.

Жизнь неотвратимо влечет нас к смерти. Думаем об общем для всех, а умираем в одиночку. Люди думают, что для смерти есть причина, а для жизни, выходящей из силы, нет причины. Но так ли это на самом деле? Почему жизнь или смерть случаются в тот момент, а не в другой?

На небесах есть периоды, которые можно исчислить. На земле есть области, где обитают люди. Но как же найти Великую Утонченность? Мы не знаем, где и когда окончится жизнь. Как можем мы узнать, что наша смерть не predetermined извне?

И если мы не знаем, где и когда она начинается, как можем мы узнать, что наше рождение не было predetermined извне? Если есть отклики на наши поступки, как может не быть душ предков? А если откликов нет, как могут быть души предков?

Многие Полутени спросили у Тени:

— Почему раньше вы смотрели вниз, а нынче смотрите вверх; раньше связывали волосы, а теперь распустили; раньше сидели, а теперь стоите; раньше двигались, а теперь покойны?

Тень ответила:

— К чему спрашивать о мелочах? Я двигаюсь — вот и все. Я обладаю этим, но почему — не ведаю. Может быть, я подобна коже змеи или чешуйке цикады, а может быть, и не подобна. В темноте и по ночам я исчезаю, а днем и при свете я появляюсь. Не от них ли я завишу? А они сами от чего зависят? Они приходят — и я прихожу. Они уходят — и я ухожу. Когда довлеет сила, я тоже ей уподобляюсь. Поскольку мы все происходим от силы, какая вам нужда расспрашивать меня?

Ян Цзыцзюй на юге дошел до города Пэй. Лао-цзы, идя на запад, пришел в Цинь, и оба встретились в уделе Лян.

Стоя посередине дороги, Лао-цзы обратил взор к небесам и сказал:

— Я раньше думал, что тебя можно научить, а теперь вижу, что это невозможно. Ян Цзыцзюй промолчал. Когда

же они вошли на постоянный двор, он подал Лао-цзы воды для умывания, полотенце и гребень. Оставив туфли за дверьми, он подполз к нему на коленях и сказал:

— Мне уже давно хотелось попросить у вас, учитель, наставления, но мы шли без отдыха, и я не посмел беспокоить вас. Ныне у нас есть досуг, так позвольте спросить вас: в чем моя вина?

— У тебя вид самодовольный, взгляд высокомерный, — ответил Лао-цзы. — С кем же ты сможешь ужиться? Ведь «великая непорочность кажется позором, великая полнота жизни кажется ущербностью».

Ян Цзыцзюй изменился в лице и сказал:

— С почтением принимаю ваше повеление.

Прежде на постоялом дворе его приветствовали все проезжающие, хозяин выносил ему сиденье, хозяйка подавала полотенце и гребень, сидевшие уступали ему место, гревшиеся пускали к очагу. А теперь, когда он вернулся, постояльцы стали спорить с ним за место на циновке.

ГЛАВА XXVIII
УСТУПЛЕНИЕ ПОДНЕБЕСНОЙ

Яо хотел уступить престол Сюй Юю, а тот отказался. Тогда Яо стал предлагать престол Цзычжоу Цзыфу, и тот сказал: «Мне стать Сыном Неба? Пожалуй, можно. Правда, одолела меня хворь, и править Поднебесным миром мне недосуг».

На свете нет ничего важнее всей Поднебесной, а этот муж не захотел из-за нее вредить своему здоровью. Только тому, кто не заботится о Поднебесной, можно доверить власть над нею. Шунь хотел уступить престол Шань Цюаню, а Шань Цюань сказал: «Пространство и время — это двор, в котором я обитаю. Зимой одеваюсь в кожи и шкуры, летом одеваюсь в холст и полотно. Весной я пашу и сею и даю телу вволю потрудиться. Осенью жну и закладываю зерно в закрома и даю себе хорошенько отдохнуть. С восходом солнца выхожу работать, в закатный час ухожу отдыхать. Я привольно скитаюсь между Небом и Землей, и в моем сердце царит довольство. Что значит для меня Поднебесный мир? Жаль, что вы совсем не понимаете, кто я такой!» Вот так он отказался от престола, а сам ушел далеко в горы, и никто в мире не знал, куда лежал его путь.

Правитель Лу прослышал о том, что Янь Хэ обрел Путь, и послал к нему гонца с богатыми дарами. Янь Хэ жил в бедной деревушке, носил холщовый халат и сам кормил быков. Увидев царского гонца, Янь Хэ сам вышел к нему навстречу.

— Это дом Янь Хэ? — спросил гонец.

— Да, это дом Хэ, — ответил хозяин.

Гонец поднес подарки, но Янь Хэ сказал в ответ: «Бюсь, вы что-то перепутали, и вас за это накажут. Лучше удостовериться еще раз, что ошибки нет».

Гонец вернулся во дворец и выяснил, что ошибки не было. Но когда он еще раз приехал к Янь Хэ, тот уже исчез.

Мужь, подобные Янь Хэ, воистину презирают богатство и знатность. Недаром говорят: «Подлинное в Пути — это совершенствование себя, излишки в нем — это радение о государстве, а сор в нем — это управление в Поднебесной». Посему достижения земных царей — это отбросы свершений истинно мудрых, и пользы личному совершенствованию они не принесут. Ну не прискорбно ли, что нынче так много достойных мужей подвергают себя опасности и рискуют жизнью ради внешних вещей! Мудрец всегда знает в точности, как и что он должен делать. Положим, кто-нибудь зарядит свой арбалет огромной жемчужиной для того, чтобы выстрелить в воробья, парящего высоко в небесах. Весь мир будет смеяться над таким человеком. Почему? Потому что он не жалеет ценного ради того, чтобы добыть ничтожное. А разве жизнь не ценнее самой большой жемчужины?

Шунь хотел уступить Поднебесную своему другу, Землепашцу из местечка Шиху.

— Что за суетный человек наш царь! — воскликнул Землепашец. — Он из тех, кто не может не трудиться изо всех сил. Тут он решил, что духовная сила в Шуне не была полноценной. Он и его жена взвалили на себя свои пожитки — он сам на спину, жена на голову — и, взяв за руку сына, отправились за море. Больше их никто не видел.

Когда великий царь Даньфу поселился в городе Бинь, на него напали племена ди. Он поднес им шкуры и шелка, но те не приняли, поднес им коней и собак — не приняли, поднес жемчуг и яшму — не приняли. Люди ди требовали землю. Тогда Даньфу сказал:

— Я не в силах видеть, как младшие братья и сыновья моих близких отправляются на смерть. Живите счастливо на этой земле. Не все ли равно, чьи вы будете подданные: мои или людей ди? Я слышал, что средства оказания помощи не должны вредить тому, ради чего помощь оказывается.

И вот он взял в руки дорожный посох и пошел прочь, а люди потянулись за ним. В конце концов они основали свое царство у подножия горы Цишань.

О царе Даньфу можно сказать, что умел ценить жизнь. Тот, кто умеет ценить жизнь, будь он всех знатнее и богаче, не позволит заботой о себе причинить себе вред. И он, даже будучи бедным и униженным, не станет навязывать себе бремя даже ради мирской славы. Ныне же ни один из тех, кто носят знатные титулы и занимают высокие посты, не

понимает этой истины. Разве не ослеплены они, когда из корысти и невежества навлекают на себя погибель?

Люди Юэ убили трех царей подряд, и царевич Шоу в страхе бежал в пещеры Дань, так что в Юэ не стало государя. Юэсцы долго искали царевича и в конце концов нашли. Но царевич не захотел выйти к ним. Тогда юэсцы подожгли вокруг траву, заставили его выйти из пещеры и подняться на царскую колесницу. А царевич, взойдя на колесницу, воскликнул, обратив лицо к небу: «О, царский титул! Царский титул! Неужели я не мог тебя избегнуть?» Царевич Шоу говорил так не из ненависти к царскому титулу, а из страха перед опасностью, грозившей ему. Такой человек не стал бы губить свою жизнь из-за царства. Оттого-то юэсцы и хотели поставить его своим царем.

Правители Хань и Вэй воевали друг с другом, и каждый царь стремился захватить земли противника. Хуа-цзы пришел к вэйскому царю Чжаоси и застал его крайне опечаленным.

— Положим, — сказал Хуа-цзы, — кто-то даст вам такую клятву: «Если ты схватишь это левой рукой, то потеряешь правую руку, а если схватишь правой рукой, то потеряешь левую. Но какой бы рукой ты ни схватил, ты станешь повелителем всего мира». Сделаете ли вы так?

— Нет, я так не сделаю, — ответил царь.

— Очень хорошо. Из этого можно заключить, что для вас обладать двумя руками важнее, чем обладать Поднебесной. А все ваше тело еще важнее, чем ваши руки. Царство же Хань в конце концов далеко не так важно, как весь мир. Земли же, из-за которых вы враждуете с Хань, еще менее важны. Так будете ли вы вредить себе, печалясь из-за того, что не можете завладеть какими-то землями?

— Прекрасно! — воскликнул царь. — Много было у меня советников, но никто прежде не говорил мне так.

Мы можем сказать, что Хуа-цзы знал о том, что в жизни важно, благодаря незначительному.

Учитель Ле-цзы жил в нужде и вечно голодал. Какой-то человек рассказал об этом чжэнскому царю Цзыяну. «Разве государь, — добавил он, — не будет опозорен в целом свете, если столь достойный муж, живущий в его царстве, бедствует?»

Царь немедленно велел одарить Ле-цзы зерном. Учитель вышел к царскому гонцу, дважды отвесил поклон, но

подарка не принял. Когда Ле-цзы вернулся к себе, его жена стала бить себя кулаками в грудь, причитая:

— Я слышала, что в семье того, кто претворяет Путь, все благоденствуют, мы же вечно голодаем. Государь прислал тебе зерно, а ты его не принял. За что мне такая доля!

Ле-цзы улыбнулся в ответ и сказал:

— Царь шлет мне зерно, но ведь он меня не видел и судит обо мне с чужих слов. Вот так же с чужих слов он может обвинить меня и в преступлении. Вот почему я не принял даров.

А народ и вправду восстал, и казнили Цзыяна.

Когда чуский царь Чжао лишился престола, в изгнание за ним последовал мясник, забивавший баранов, по имени Юэ. Когда царь вернул себе царство, он стал награждать всех, кто помог ему. Дошла очередь и до мясника Юэ.

— Великий государь лишился царства, а я, Юэ, лишился скотобойни, — сказал мясник. — Ныне великий государь вернул себе царство, а я вернул себе скотобойню. Ко мне вернулись и мой прежний ранг, и жалованье. Какая же еще награда мне нужна?

Царь же в ответ велел заставить мясника принять награду.

— Не по вине вашего слуги великий государь лишился царства, поэтому я не смею принять от казны. Не благодаря заслугам вашего слуги великий государь вернул себе царство, поэтому я не смею принять и награды, — отвечал мясник.

— Привести мясника ко мне, — приказал царь.

— По законам царства Чу предстать перед государем можно, лишь получив награду за большие заслуги. Но у вашего слуги не хватает мудрости, чтобы управлять царством, не хватает смелости, чтобы выйти на бой с разбойниками. Когда воины царства У захватили нашу столицу, я, Юэ, бежал от разбойников, а не последовал за государем по своей воле. А теперь великий государь в нарушение всех законов и клятв желает, чтобы я предстал пред его очами. О таком приказании вашему слуге еще и слышать не доводилось.

Тогда царь обратился к главному конюшему с такими словами:

— Мясник Юэ — человек презренного звания, а рассуждает на редкость возвышенно. Передай ему от меня, чтобы он занял свое место среди главных советников.

А мясник велел передать царю:

— Я знаю, сколь почетно звание главного советника царя для такого человека, как я. Известно мне и то, насколько жалованье в десять тысяч чжунов больше доходов мясника. Но если я позволю себе иметь такой ранг и жалованье, моего государя станут называть безрассудно расточительным. Уж лучше я вернусь на рынок и буду забивать баранов.

Так мясник и не принял царской награды.

Юань Сянь жил в Лу за круглой оградой в доме, крытом соломой, с прохудившейся дверью, которая была сплетена из хвороста и поддерживалась ветками тутовника. Окном в доме служило горлышко кувшина. Заткнув окно рогожей, он сидел с женой, поджав под себя ноги, и перебирал струны, а в комнате его было сыро внизу и капало сверху.

К Юань Сяню приехал в гости Цзы-Гун в колеснице, запряженной холеными конями, с высоким передком и такой большой, что она не помещалась в переулке. Цзы-Гун был одет в пурпурный халат и белую накидку, а Юань Сянь встретил его в шапке из бересты и соломенных сандалиях, опираясь на посох.

— Ах, учитель! — воскликнул Цзы-Гун. — Уж не заболели ли вы чем?

— Я, Сянь, нынче не болен, а беден, — отвечал Юань Сянь. — Я слышал, что бедным называют того, кто не имеет богатства, а больным называют того, кто, много учившись, не может осуществить выученное.

Цзы-Гун, устыдившись, остановился, а Юань Сянь продолжал с улыбкой:

— Поступать в надежде снискать похвалу людей, всем угождать, со всеми дружить, учиться ради того, чтобы блеснуть перед другими, а поучать, чтобы извлечь выгоду для себя, и, прикрываясь рассуждениями о человечности и долге, ездить в богато украшенной колеснице — вот чего я, Сянь, не могу терпеть.

Цзэн-цзы жил в царстве Вэй, носил холщовый халат без подкладки, лицо его опухло, руки и ноги покрылись мозолями, по три дня он не разводил в доме огня, по десять лет не шил себе одежды. Поправит шапку — завязки оторвутся, возьмется за ворот — и локти вылезают из протертых рукавов, схватится за сандалии — и задники оторвутся. Но, шаркая сандалиями, он распевал древние гимны, и голос его, подобный звону металла и яшмы, наполнял Небо и Землю. Сын Неба не мог сделать его своим поддан-

ным, удельные владыки не могли сделать его своим другом. Ибо пестующий в себе волю забывает о своем теле, пестующий тело забывает о выгоде, а взыскующий Пути забывает о сердце.

Конфуций сказал Янь Хою:

— Хой, подойди ко мне! Твоя семья бедна, положения в обществе у тебя нет. Почему ты не идешь на службу?

— Не хочу служить, — отвечал Янь Хой. — У меня есть за городской стеной поле в пятьдесят му, и урожая с него мне хватает на кашу. А еще у меня есть десять му земли на краю города, и этого мне хватает на полотно. Я играю в свое удовольствие на лютне, и мне доставляет радость изучать ваш Путь, учитель. Нет, я не пойду на службу!

Лицо Конфуция стало серьезным.

— Твоя решимость превосходна! — воскликнул он. — Я слышал, что человек, знающий, где остановиться, не обременяет себя соблазнами; человек, знающий, откуда приходит довольство, не боится потерь; человек, поглощенный совершенствованием, не боится потерять положение. Давно уже я распеваю эти слова, и сегодня наконец я увидел в тебе, Хой, их олицетворение. Как ты порадовал меня!

Царевич Моу с гор Чжуншань сказал Чжань-цзы:

— Мое тело находится здесь, на берегах рек и морей, а сердцем я пребываю у городских башен царства Вэй. Как мне быть?

— Цени жизнь, — ответил Чжань-цзы. — Тот, кто ценит жизнь, презирает выгоду.

— Это я знаю. Но я не могу побороть себя, — ответил царевич.

— Если не можешь побороть себя, тогда живи, как живется, и не насилуй дух, — сказал Чжань-цзы. — Не уметь себя побороть и притом насильно себя удерживать означает «быть раненным дважды». А тот, кто «ранен дважды», долго не проживет.

Моу был сыном царя Вэй, владевшего десятью тысячами колесниц. Для него скрыться в пещере среди гор было труднее, чем простолюдину, но хотя он и не обрел Путь, можно сказать, что он кое-что знал о нем.

Терпя лишения на границе царств Чэнь и Цай, Конфуций в течение семи дней не имел горячей пищи и пил отвар из лебеды, не приправленный крупой. Он осунулся в лице, но играл на лютне и пел в своей комнате. Пока Янь Хой собирал овощи, Цзы-Лу и Цзы-Гун так говорили между

собой: «Учителя дважды изгоняли из Лу, ему пришлось бежать из Вэй, на него повалили дерево в Сун, он бедствовал в Чжоу, а теперь он окружен врагами здесь, на границе Чэнь и Цай. Он не в состоянии защитить свое достоинство и жизнь, но как ни в чем не бывало играет и поет, не прерываясь ни на минуту. Может ли благородный муж быть настолько равнодушным к своему позору?»

Янь Хой не знал, что им ответить. Тогда он пошел к Конфуцию и поведал ему об этом разговоре. Конфуций отложил лютню, вздохнул и сказал: «Цзы-Лу и Цзы-Гун — ничтожные люди. Позови их, я хочу поговорить с ними».

Когда оба ученика вошли, Цзы-Лу сказал:

— Мы, можно сказать, попали в беду!

— Что за речи? — возмутился Конфуций. — Для благородного мужа постичь Путь — значит добиться успеха, а не ведать Пути и значит попасть в беду. Ныне мне, хранящему Путь человечности и долга, приходится нелегко в наш век всеобщей смуты, но разве это значит попасть в беду? Глядя внутрь себя, я не отхожу от Пути. Сталкиваясь с трудностями, я не теряю в себе силы. Лишь когда приходит зима и выпадает снег, познается красота вечнозеленых сосен и кипарисов¹. Поистине, испытания, выпавшие мне на границе Чэнь и Цай, — счастье для меня!

Конфуций снова взял в руки лютню и запел. Цзы-Лу с воинственным видом поднял щит и пустился в пляс, а Цзы-Гун сказал:

— Я и не знал, что небо так высоко, а земля так низка. Мужики древности, обретшие Путь, были преисполнены радости независимо от того, хорошо или плохо приходилось им в жизни, ибо радовались они не успехам или неудачам. Где есть Путь и его Сила, там успехи и неудачи неотделимы от круговорота жары и холода, ветров и дождей. Вот почему Сюй Ю радовался жизни на берегу реки Ин, а Гунбо был доволен собой, живя на горе Гун.

Шунь хотел уступить Поднебесную своему другу, человеку с севера У Цзэ.

— Ну и странный у нас государь! — сказал У Цзэ-северянин. — Он покинул свою деревню и пришел ко двору Яо, но и это еще не все. Теперь он хочет, чтобы я разделил с ним его позор. Мне противно даже видеть его.

И он бросился в воды реки Цинлин.

Тан собрался идти походом на Цзе и пришел за советом к Бянь Сую. Бянь Суй сказал:

— Это не мое дело.

— У кого же мне искать совета? — спросил Тан.

— Не знаю, — ответил Бянь Суй.

Тогда Тан обратился к У Гуану, а тот сказал:

— Это не мое дело.

— С кем же мне посоветоваться? — спросил Тан.

— Не знаю.

— А что можно сказать об И Ине?

— Он необыкновенно умеет унижать других, а о прочем я не ведаю, — ответил У Гуан.

Тан посоветовался с И Инем, пошел походом против Цзе и победил его. Тут он стал уступать Поднебесную Бянь Сую, а тот отказался принять власть, сказав:

— Вы, государь, собираясь в поход против Цзе, пришли за советом ко мне, хотели подтолкнуть меня к мятежу. Победив Цзе, уступаете мне Поднебесную, так что меня могут счесть корыстолюбцем. Хотя я живу в смутное время, но не могу стерпеть, когда человек во второй раз приходит ко мне с унижительным предложением.

С этими словами он бросился в воды реки Чжоу и утонул.

Тогда Тан стал уступать Поднебесную У Гуану, говоря ему:

— Сей поход затевал знающий, осуществил отважный, человеческий же воспользуется плодами его: таков Путь древних. Почему бы вам, уважаемый, не встать во главе всех?

У Гуан же отказался, сказав:

— Низложить государя — значит нарушить долг. Убивать людей — значит погрязнуть в человеческой грязи. Если другой человек, пренебрегая опасностью, пошел на преступление, то мне воспользоваться плодами его поступка — значит опозорить свое имя. Я слышал, что «нарушивший свой долг не получает своего жалованья; в земли, где нет Пути, входить нельзя». Тем более же нельзя требовать уважения к себе. Нет, я не в силах этого вытерпеть!

С этими словами У Гуан обнял большой камень и бросился в воды реки Лу.

В старину, когда возвысилось царство Чжоу, в местечке Гучжи жили два брата, которых звали Бои и Шуци. Братья сказали друг другу:

— Мы слышали, что на западе живет человек, будто бы постигший Путь. Давай пойдем туда и поглядим на него.

Когда братья пришли к южному склону горы Чжи, о них

услышал чжоуский У-ван и послал Чжоу-гуна на встречу с ними, чтобы он заключил с ними клятвенный союз, гласивший: «Примите должность первого ранга, жалованье выдаю на две ступени выше. В подтверждение принесем жертву и зароем ее».

Братья посмотрели друг на друга и сказали:

— Вот странно! Это совсем не то, что мы называем Путем. В старину, когда Поднебесной владел Шэньун, он в надлежащий срок приносил жертвы со всем почтением, но не молил о благоденствии. Он был предан людям и доверял им, все содержал в порядке и ничего не требовал для себя. Те, кому нравилось помогать ему в управлении, управляли. Кому нравилось наводить порядок, занимались этим. Он не возвышал себя ценой унижения других, не искал выгоды для себя, пользуясь удобным моментом. А нынче чжоусцы, видя, что у иньцев смута, стали сами управлять миром. Верхи плетут заговоры и занимаются торговлей, скликают войска и держат всех в страхе. За доверие выдают клятву, данную на крови жертвенного животного. Превозносят себя, дабы уговорить толпу. Ради выгоды убивают и подвергают карам. Все это означает «смуту заменить жестокость». Мы слышали, что древние мужи во времена порядка не уклонялись от своего долга, а во времена смуты не цеплялись за жизнь. Ныне же Поднебесная ввергнута во мрак, доблести Чжоу померкли, и стоять рядом с ними — значит запачкаться самим. Уж лучше этого избежать и сохранить свое достоинство.

И оба брата отправились на север, на гору Шоюан, где и умерли от голода.

Такие люди, как Бои и Шуци, равнодушны к богатству и почестям, но они не должны поступать дурно в угоду своим возвышенным помыслам, удовлетворять лишь собственные желания и не служить миру. Таков был долг тех двух мужей.

ГЛАВА XXIX
РАЗБОЙНИК ЧЖИ

Конфуций дружил с Люся Цзи, чей младший брат был известен всем под именем Разбойника Чжи. Этот Разбойник Чжи со своими девятью тысячами воинов скитался по всей Поднебесной, грабя знатных особ, врываясь в дома, отнимая у людей коней и буйволов, уводя в плен их дочерей и жен. В своей ненасытной жадности он забывал даже о родичах, не заботился ни об отце с матерью, ни о братьях и не приносил жертвы предкам. Поистине он был сущим бедствием для всех людей.

Конфуций сказал Люся Цзи:

— Полагается, чтобы отец, какой бы он ни был, воспитывал сына, а старший брат учил младшего. Если отец неспособен воспитывать сына, а старший брат — обучать младшего, тогда родственные узы между ними теряют смысл. Вы — самый талантливый муж нашего времени, а ваш младший брат Разбойник Чжи наводит страх на весь мир, и вы не можете вразумить его. Я осмелюсь выразить вам свое недоумение по этому поводу, и позвольте мне поговорить с вашим братом.

— Вы говорите, уважаемый, что отец должен воспитывать своего сына, а старший брат должен поучать младшего. Но если сын не желает слушать наставлений отца или поучений брата, то что тут можно поделать даже с красноречием, подобным вашему? К тому же у Разбойника Чжи сердце — словно кипящий ключ, а мысли — как могучий вихрь. У него достаточно воли, чтобы не уступить вашим упрекам, и достаточно красноречия, чтобы всякое зло представить благом. Если вы будете соглашаться с ним, все будет хорошо, но если вы заденете его, он впадет в ярость и непременно оскорбит и унижит вас. Вам не следует идти к нему.

Но Конфуций не послушался этого совета. Посадив Янь

Хоя на место кучера, а Цзы-Гуна — рядом с собой в экипаже, он отправился к Разбойнику Чжи.

В это время Разбойник Чжи, расположившись на отдых со своими людьми на солнечном склоне горы Тайшань, пожирал печень убитых им людей. Конфуций вышел из экипажа и доложил о себе слуге разбойника: «Явился человек из Лу Кун Цю, прослышавший о высокой честности военачальника». И он дважды вежливо поклонился слуге.

Тот сообщил о госте своему хозяину. Разбойник Чжи был вне себя от гнева: глаза его сверкали как молнии, волосы вздыбились так, что шапка подскочила вверх.

— А, так это тот искусный лжец Конфуций из царства Лу? — заорал он. — Передай ему от меня: «Ты придумываешь умные слова и изречения, безрассудно восхваляешь царей Вэня и У. Нацепив на себя шапку, похожую на развесистое дерево, обмотавшись поясом из шкуры дохлого быка, ты зарабатываешь себе на жизнь красивыми речами и лживыми рассуждениями, а сам не пахнешь землю и не ткнешь пряжу. Шлепая губами и молотя языком, ты судишь об истине и лжи как тебе заблагорассудится. Ты обманываешь правителей Поднебесной и отвлекаешь ученых мужей от главного. Ты придумал «сыновнюю почтительность» и «братскую любовь», чтобы удобнее было домогаться богатства и почестей. Ты повинен в тягчайшем преступлении! Убирайся отсюда поживее, а не то твоя печень тоже пойдет к моим поварам!»

Конфуций передал другое сообщение: «Я имею честь прибыть сюда по рекомендации Цзи и надеюсь издалека увидеть вашу ногу под занавесом».

Получив это послание, Разбойник Чжи сказал: «Пусть он войдет!»

Конфуций вошел нарочито торопливо, не стал садиться на сиденье, отступил назад и дважды поклонился. А Разбойник Чжи, разъяренный, широко расставив ноги, с горящими глазами, зарычал, словно кормящая тигрица:

— Подойди ко мне, приятель. Если твои слова мне понравятся, ты будешь жить, а если нет — умрешь.

— Я слышал, — сказал Конфуций, — что в мире есть три уровня достоинств. Вырасти стройным и красивым, как никто другой, чтобы все в мире, стар и млад, знатные и презренные, любовались тобой, — вот высшее достоинство. Иметь знание, охватывающее целый мир, уметь на все лады судить о вещах — вот среднее достоинство. Быть смелым и решительным, собирать вокруг себя людей преданных и удалых — вот низшее достоинство. Всякий, кто обладает

хотя бы одним из этих достоинств, способен восседать на троне лицом к югу и носить титул Сына Неба. В вас, уважаемый военачальник, сошлись все три достоинства. У вас рост больше восьми локтей, лицо сияет, губы — чистая киноварь, зубы — перламутр, голос — настоящая музыка, но зовут вас «Разбойник Чжи». Пребывая в недоумении, уважаемый военачальник, я возьму на себя смелость не одобрить это прозвище. Если вы сообразовите выслушать меня, я покорнейше прошу послать меня в царства У и Юэ на юге, Ци и Лу на севере, Сун и Вэй на востоке, Цзинь и Чу на западе, чтобы убедить их построить для вас большой город на несколько сот тысяч дворов и пожаловать вам знатный титул. Вы начнете новую жизнь, отложите оружие, дадите отдых вашим войнам, станете заботиться о своих братьях и приносить жертвы предкам. Вы бы вели себя как мудрец и достойный муж, вся Поднебесная только этого и ждет от вас.

— Подойди-ка ближе, приятель, — гневно крикнул Разбойник Чжи. — Только глупые, низкие и заурядные людишки могут соблазниться посулами выгоды. То, что я строен и красив и люди любят меня, я получил от своих родителей. Неужели ты думаешь, что я сам не заметил бы в себе этих достоинств, если бы ты мне не сказал о них? А еще я слышал, что люди, которые льстят в лицо, любят клеветать за глаза. Когда ты ведешь тут речь о большом городе и толпах поклонников, ты хочешь обременить меня соблазном выгоды и приручить меня с помощью толпы заурядных людей. Надолго ли? Ни один город, как бы ни был он велик, не больше Поднебесного мира. Яо и Шунь владели целой Поднебесной, а их потомкам было некуда даже вонзить шило. Тан и У носили титул Сына Неба, но их роды пресеклись. Не оттого ли, что выгода, привалившая к ним, была слишком велика?

Еще я слышал, что в древние времена зверей и птиц было много, а людей мало. В ту пору люди, чтобы уберечься, жили в гнездах. Днем собирали желуди и каштаны, по ночам сидели на деревьях. Поэтому их называли «род гнездовой». Тогда люди не знали одежды. Летом они запасали хворост, а зимой грелись у костра. Поэтому их называли «люди, знающие жизнь». Во времена Шэньнуна

Спали спокойно,
Просыпались без тревог.
Люди знали мать,
Но не знали отца
И были добрые соседи оленям.

Пахали — и кормились,
Ткали — и одевались,
И не старались навредить друг другу.
Таково было торжество высшей Силы.

Однако Желтый Владыка не сумел уберечь высшую Силу. Он вступил в битву с Чи Ю на равнине Чжолу, и кровь струилась вокруг на сотни ли. Потом пришли Яо и Шунь и созвали множество чиновников. Тан низложил своего господина, У убил Чжоу. И с тех пор сильные всюду притесняют слабых, а большинство угнетает меньшинство. После Тана и У власть имели одни смутьяны.

А теперь ты упражняешься в пути царей Вэня и У и обучаешь ему наших детей и внуков, используя все тонкости словесного искусства. Надев просторный халат и подпоясавшись узким ремнем, ты рассуждаешь вкривь и вкось, мороча голову царственным особам в надежде получить от них знатные титулы и щедрые награды. В мире нет большего разбойника, чем ты. И почему только люди не зовут тебя Разбойником Конфуцием, вместо того чтобы называть разбойником меня?

Ты соблазнил своими слащавыми речами Цзы-Лу и заставил его слушаться тебя, так что он снял свою высокую шапку воина, отбросил свой длинный меч и пошел к тебе в ученики. Все говорили: «Конфуций может пресечь разбой и искоренить зло». А потом Цзы-Лу пытался убить правителя Вэй, да не смог этого сделать, и его засоленное тело валялось у Восточных ворот вэйской столицы. Вот к чему привело твое учительство! Ты называешь себя талантливый человек и мудрецом? Но тебя дважды изгнали из Лу, тебе пришлось бежать из Вэй, ты имел неприятности в Ци, попал в осаду на границе Чэнь и Цай — нигде в мире не находится тебе места. А Цзы-Лу по твоей милости просто засолили! От твоего учения нет проку ни тебе самому, ни другим. Как же я могу с почтением отнестись к твоему Пути?

В мире больше всего ценят Желтого Владыку, но даже Желтый Владыка не смог уберечь свое совершенство, он бился на равнине Чжолу, и вокруг на сотни ли струилась кровь. Яо не был добрым отцом, Шунь не был хорошим сыном, Юя разбил паралич, Тан изгнал своего господина, У убил Чжоу. Этих шестерых в мире чтут больше других, но если присмотреться к ним получше, то окажется, что все они ради выгоды отрекались от подлинного в себе и шли наперекор своей природе. Их поведение было просто постыдным.

Среди тех, кого в мире зовут достойными мужами, первые — Бои и Шуци. Бои и Шуци отказались быть правителями в своем уделе Гучжу и уморили себя голодом на горе Шоуян, где их останки лежали непогребенными. Бао Цзяо из желания поразить мир умер, обнимая дерево и кляня свой век. Шэньту Ти, когда его упреки не были услышаны государем, бросился в реку с камнем в руках, и его тело съели рыбы и черепахи. Цзе Цзытуй был таким преданным слугой, что кормил принца Вэй своим мясом, а когда принц Вэй отвернулся от него, разгневался и, обняв дерево, сгорел заживо. Вэй Шэн назначил девице свидание под мостом. Девица не пришла, но, когда вода стала прибывать, он по-прежнему ждал возлюбленную, да так и захлебнулся под мостом. Эти шестеро не лучше дохлого пса, соломенной свиньи или нищего, просящего милостыню. Ради славы они не убоялись даже смерти и потому пренебрегли вскармливанием жизни для того, чтобы сполна прожить свой жизненный срок.

Среди тех, кого в мире зовут преданными подданными, первые — Бигань и У Цзыской. Цзыской утопился в реке, у Биганя вырвали сердце из груди. Хотя их зовут преданными подданными, они кончили тем, что стали посмешищем для всего света. Никто из этой породы, насколько я могу судить, недостойн уважения. Может быть, ты попробуешь меня переубедить. Если ты будешь рассказывать мне истории про духов, то тут я спорить не берусь. Но если ты будешь говорить о людях, то я назвал лучшие примеры — тут у меня сомнений нет.

А теперь я расскажу тебе, что такое человек. Его глаза любят смотреть на красивое, его уши любят слушать сладкозвучное, его рот любит приятный вкус, его воля и дух вечно ищут удовлетворения. Высшее долголетие для него — это сотня лет, среднее — восемьдесят, низшее — шестьдесят. За вычетом болезней и тягот, печалей и траура дней для веселья остается у него не более четырех-пяти на целый месяц.

Небо и Земля не имеют предела, а смерть человека имеет свой срок. В бесконечности вселенной жизнь человеческая мимолетна, как прыжок скакуна через расщелину. Тот, кто не способен наслаждаться своими помыслами и желаниями, прожить до конца отведенный ему срок, не познал Путь.

Все, что ты говоришь, я отвергаю. Уходи же прочь, да побыстрее, не говори мне больше ни слова. Твой Путь — больная мечта сумасшедшего, сплошной обман и ложь. Он

не поможет сохранить в целости подлинное в нас. О чем тут еще говорить?

Конфуций дважды поклонился и поспешно вышел. Взбираясь в экипаж, он два раза выронил вожжи, глаза его ничего не видели, лицо побледнело, как угасшая зола. Он перегнулся через передок экипажа, свесив лицо и тяжело дыша.

На обратном пути он встретил у Восточных ворот столицы Лу Люся Цзи.

— Я не видел тебя несколько дней, — сказал Люся Цзи. — Глядя на твою лошадь и повозку, можно подумать, что ты путешествовал. Неужели ты ездил к Чжи?

Конфуций посмотрел в небо и сказал со вздохом:

— Да, я ездил к нему.

— И он, наверное, стал спорить с тобой, как я предсказывал?

— О да, — ответил Конфуций. — Я, как говорится, сделал себе прижигание, не будучи больным. Я хотел погладить тигра и чуть было сам не попал к нему в пасть.

Цзы-Чжан спросил человека по прозвищу Вечно Алчущий:

— Почему вы не печетесь о благонравном поведении? Если вы не будете вести себя так, к вам не будет доверия, а если к вам не будет доверия, вам не доверят должность, а если вам не доверят должность, у вас не будет и прибыли. Посему исполнение долга — верное средство приобрести богатство и славу. Но даже если вы отречетесь от славы и богатства в своем сердце, разве сможете вы хотя бы на один день пренебречь благонравным поведением?

Вечно Алчущий ответил:

— Не имеющий стыда быстро богатеет, а внушающий доверие быстро добивается известности. Бесстыдство и доверие — первое средство приобретения славы и выгоды. А те мужи, которые отрекаются от славы и богатства в своем сердце, не следуют ли в своем поведении небесному началу?

— В старину Цзе и Чжоу чтили как сыновей Неба, они владели богатствами всей Поднебесной, а теперь, браня какого-нибудь стяжателя, говорят: «ты поступаешь, как Цзе и Чжоу», а он устыдится и вознегодует — ведь таких презирает даже мелкий люд, — сказал Цзы-Чжан. — Конфуций и Мо Ди были бедны, как простолюдины, а нынче попробуйте сказать царскому советнику: «вы поступаете, как Конфуций и Мо Ди», и он смутится и скажет, что недо-

стоин такой похвалы, ибо перед этими мужами все преклоняются. Выходит, облеченный властью Сына Неба не обязательно почитаем в свете, а простолюдин, живущий в бедности, не обязательно презираем светом. Различие между почитанием и презрением проистекает из разницы между поведением благонравным или порочным.

На это Вечно Алчущий сказал:

— Мелких воров сажают в темницу, большим ворам дают знатные титулы.

А в домах знатных людей как раз и обретаются мужи, толкующие о справедливости. В старину Сяобо, носивший царский титул Хуань-гуна, убил старшего брата и вошел к его жене, а Гуань Чжун стал его советником. Тяньчэн Цзы-Чан убил своего государя и присвоил его царство, а Конфуций принял от него шелк, высланный ему в подарок. В своих речах они осуждали тех людей, но в поступках своих унижались перед ними. Их слова и поступки, должно быть, вечно сталкивались друг с другом в их сердцах. А потому в книгах так записано: «Что есть зло? Что есть добро? Победил — стал главным. Проиграл — остался в хвосте».

— Если не поступать согласно приличиям, — сказал Цзы-Чан, — то не будет разницы между родичами и чужаками, не будет желания исполнить долг и у знатных, и у презренных, не будет порядка в отношениях между старшими и младшими. Как же тогда поддерживать Пять Устоев и Шесть Отношений?

— Когда Яо убил своего старшего сына, а Шунь обрек на изгнание своего младшего брата, соблюдалось ли различие в отношениях между родичами и чужаками? — возразил Вечно Алчущий. — Когда Тан отправил в ссылку Цзе, а У-ван пошел походом на Чжоу, исполняли ли свой долг знатные и презренные? Когда Ван Цзи захватил власть, а Чжоу-гун убил своего старшего брата, соблюдался ли порядок в отношениях между старшими и младшими? Кто сможет разобраться в Пяти Устоях и Шести Отношениях после притворных речей конфуцианцев и рассуждений Мо Ди о всеобщей любви? И потом: вы действуете ради славы, а я действую ради выгоды, но ни слава, ни выгода не соотносятся с истиной, не обретаются в Пути. Так попросим рассудить нас Свободного от Условностей.

Свободный от Условностей сказал:

— Низкий человек жертвует собой ради богатства, благородный муж жертвует собой ради славы. То, что движет их чувствами, влияет на их нравы, неодинаково, но если бы они оставили свое занятие и посвятили себя тому, чем они

не занимаются, то в этом они были бы совершенно одинаковы. Поэтому говорят: «Не будь низким человеком, вернись к Небесному, не старайся быть благородным мужем, следуй Небесной истине». И в кривом, и в прямом есть нечто от Небесного предела.

Смотри же на все четыре стороны,
Плыви вместе со временем,
В утверждении и в отрицании держись центра круга.
В одиночестве достигай совершенства,
Кружись согласно Великому Пути.
Не посвящай себя одному делу,
Не старайся жить в соответствии с долгом
И тогда потеряешь все тобой совершенное.
Так не гонись за богатством,
Не жертвуй собой ради совершенства,
Все оставь — и вернешься к Небесному.

У Биганя вырезали сердце, у Цзысюя вырвали глаза — их довела до этого преданность государю. Чжицзюй доносил на отца, Вэй Шэн утонул — виной тому была их преданность. Бао-цзы стоял, пока не высох, Шэнь-цзы не сумел защитить себя — так навредила им их честность. Конфуций не виделся с матерью, Куан Чжан не встречался с отцом — таков вред любви к долгу. И так происходило из века в век, так что муж, желающий говорить и вести себя благопристойно, непременно попадет в беду!

ГЛАВА XXX
РАДОСТИ МЕЧА

Когда-то чжаоский царь Вэнь любил поединки на мечах. У ворот его дворца всегда толпились три тысячи мастеров фехтования. Днем и ночью они состязались в присутствии государя, и каждый год убитых и раненых было триста человек. А страсть царя к поединкам не убывала.

Так минуло три года, царство стало клониться к упадку, и соседние правители уже строили против него козни. Царский сын Куи был этим очень обеспокоен. Призвав своих советников, он сказал: «Кто может отвратить царя от его страсти и положить конец поединкам? Жалую тому тысячу золотых!»

И все сказали: «Такое под силу только Чжуан-цзы».

Царевич послал гонца к Чжуан-цзы с наградой в тысячу золотых. Чжуан-цзы не принял денег, но поехал вместе с гонцом к царевичу.

— Чего ваше высочество хочет от меня, жалую мне тысячу золотых? — спросил он царевича.

— Я слышал, учитель, что вы — просветленный мудрец, и из уважения поднес вам тысячу золотых. Вы же отвергли награду, так о чем я еще могу говорить?

— Я слышал, ваше высочество, что вы желали попросить меня отвратить государя от его самой большой страсти. Предположим, что я навлеку на себя гнев государя и не смогу выполнить ваше поручение. Найдется ли в целом царстве что-то такое, о чем я не мог бы попросить?

— Как вам будет угодно. Но наш государь допускает к себе только мастеров меча.

— Ничего страшного, я владею мечом.

— Очень хорошо, но у всех мастеров меча, которых принимает государь, волосы всклокочены, усы стоят торчком, шлемы с грубыми кистями надвинуты вперед, платье на спине укорочено, глаза горят, а речь грубая — вот что

нравится нашему государю. Если вы придете к нему в костюме ученого, то погубите дело в самом начале.

— Позвольте мне приготовить костюм фехтовальщика.

Три дня спустя Чжуан-цзы явился к принцу в костюме фехтовальщика, и они вместе отправились во дворец. Царь дожидался их, держа в руках обнаженный клинок. Входя в зал, Чжуан-цзы не ускорил шагов, подойдя к царю, не отвесил поклона.

— Что ты умеешь такого, что тебя представляет мой сын? — спросил царь.

— Ваш слуга прослышал, что вы, государь, любите поединки на мечах, вот я и предстал перед вашими очами.

— А что ты умеешь делать мечом?

— Мой меч разит человека через каждые девять шагов и не оставляет никого в живых на расстоянии в тысячу ли.

Царь очень обрадовался этим словам.

— Так у тебя, пожалуй, в целом мире нет соперника! — воскликнул он.

— Мастер фехтования, — сказал Чжуан-цзы, —

С виду неприметный, уязвимый,
Дает напасть на себя.
Не вступает в схватку первым,
Но первым наносит удар.

Прошу вас дать мне возможность показать свое искусство.

— Вы, уважаемый, идите отдыхать и ждите моего приказания, — сказал царь Чжуан-цзы. — А я подготовлю состязание и позову вас.

Тут царь устроил турнир для мастеров меча, и за семь дней убитых и покалеченных оказалось более шестидесяти человек. Отобрав пять-шесть лучших бойцов, царь велел вручить им мечи в тронном зале и позвал Чжуан-цзы.

— Сегодня мы испытаем твое искусство, — сказал царь.

— Я давно ждал этого случая, — ответил Чжуан-цзы.

— Что вы, уважаемый, предпочитаете из оружия: длинный меч или короткий?

— Мне годится любой. Но у вашего слуги есть три меча, и я готов представить их вам на выбор. Не соблаговолите ли узнать, что это за оружие?

— Я готов выслушать ваш рассказ о трех мечах.

— Первый меч — меч Сына Неба, второй меч — меч удельного владыки, третий меч — меч простолюдина.

— Что такое меч Сына Неба?

— У меча Сына Неба клинок — долина Янь и горы

Шимэнь на севере, основание — царства Чжоу и Сун, рукоятка — царства Хань и Вэй. Его ножны — варвары всех сторон света и четыре времени года, его перевязь — море Бохай, португя — гора Хэн. Он управляется пятью стихиями, отточен сообразно преступлениям и достоинствам, извлекается из ножен действием сил Инь и Ян, замах им делают весной и летом, а разят — осенью и зимой. Этот меч таков:

Коли им — не останется никого впереди.

Размахнись им — не останется никого вверху.

Ткни им в землю — не останется никого внизу.

Покрути им вокруг — и не будет никого по сторонам.

Вверху этот меч рассекает плывущие облака, внизу пронзает земные недра. Одного его взмаха достаточно, чтобы навести порядок среди удельных владык и покорить всю Поднебесную. Вот каков меч Сына Неба.

От изумления царь забыл обо всем на свете.

— А что такое меч удельного владыки? — спросил он.

— Меч удельного владыки таков: его клинок — разумные и смелые мужи, его лезвие — честные и бескорыстные мужи, его тупая сторона — способные и достойные мужи, его основание — преданные и мудрые мужи, его рукоять — нестигаемые и непреклонные мужи. Этот меч таков:

Коли им — не останется никого впереди.

Размахнись им — не останется никого вверху.

Ткни им в землю — не останется никого внизу.

Покрути им вокруг — и не будет никого по сторонам.

Вверху его образец — круглое Небо, а его действия — как движение солнца, луны и звезд. Внизу его образец — квадратная Земля, а его действия — как смена времен года. Он приводит к согласию желания людей и водворяет спокойствие во всех четырех пределах. Взмахни этим мечом — словно гром грянет с небес, и никто в целом мире не осмелится пренебречь вашими приказаниями. Таков меч удельного владыки.

— А что такое меч простолюдина?

— Меч простолюдина предназначен для тех, у кого волосы всклокочены, а усы стоят торчком, шлем с грубыми кистями надвинут на глаза, платье сзади укорочено, глаза горят, а речь груба и кто дерется на мечах в вашем присутствии. Вверху он перерубит шею или перережет горло, внизу проткнет печень и легкие. Таков меч простолюдина, и

использование его не отличается от правил петушинных боев. В одно утро жизнь человека оборвется. Для государевых дел проку в том нет никакого. Ныне вы, государь, владеете тронем Сына Неба, а питаете страсть к мечу простолюдина. Мне, вашему слуге, стыдно за вас!

Тут царь повел Чжуан-цзы к своему трону, а когда столыжник подал обед, царь трижды обошел вокруг Чжуан-цзы.

— Сядьте и успокойтесь, государь, — сказал Чжуан-цзы. — Я доложил вам все о трех мечах.

С того дня царь Вэнь три месяца не выходил из дворца. А все мастера меча покончили с собой в своих квартирах.

ГЛАВА XXXI

РЫБАК

Прогуливаясь по лесу в местечке Цзывэй, Конфуций присел отдохнуть на холме среди абрикосовых деревьев. Ученики заучивали книги, а сам Конфуций пел и подыгрывал себе на лютне. Не успел он спеть песню до половины, как некий рыбак вышел из лодки и приблизился к нему. У него были седые виски и брови, волосы спадали на плечи, рукава свисали вниз. Взойдя на ровное место, он остановился, левой рукой оперся о колено, правой подпер щеку и стал слушать. Когда песня кончилась, он позвал к себе Цзы-Гуна и Цзы-Лу.

— Что это за человек? — спросил незнакомец, указывая на Конфуция.

— Это благородный муж из царства Лу, — ответил Цзы-Лу.

— А из какого он рода?

— Из рода Кунов.

— А чем занимается этот человек из рода Кунов?

Цзы-Лу промолчал, а Цзы-Гун ответил:

— Этот человек, по природе преданный и верный, в своей жизни претворяет человечность и долг. Он совершенствует ритуалы и музыку, упорядочивает правила благопристойности, заботясь, во-первых, о преданности государю и, во-вторых, о воспитании народа. Так он хочет облагодетельствовать мир. Вот чем занимается учитель Кун.

— А владеет ли благородный муж землей? — спросил рыбак.

— Нет.

— Состоит ли он советником при царе?

— Нет.

Незнакомец улыбнулся и пошел прочь, говоря на ходу: «Может, он и человечен, да, боюсь, самого себя не уберезет. Обременяя так свой ум, изнуряя свое тело, он губит подлинное в себе. О, как далеко отошел он от Пути!»

Цзы-Гун вернулся и рассказал о рыбаке Конфуцию. Тот отложил лютню, поднялся и сказал: «Уж не мудрец ли он?» Тут он пошел за рыбаком вниз по реке и догнал его у берега озера. Рыбак уже навалился на весло, собираясь отчалить, но заметил Конфуция и повернулся к нему лицом. Конфуций быстро отошел назад, поклонился дважды и приблизился к рыбаку.

— Чего ты хочешь? — спросил рыбак.

— Только что вы, учитель, на что-то намекнули и ушли. Я, недостойный, не догадываюсь, о чем вы хотели сказать. Позвольте мне смиренно стоять здесь в надежде услышать ваши драгоценные наставления, дабы ваша помощь мне не осталась втуне.

— Ого! Какая любовь к учению! — ответил рыбак.

Конфуций поклонился дважды и замер.

— Я с детства учусь, не пропуская ни дня, а мне уже шестьдесят девять лет, — сказал он. — Однако я так и не встретил того, кто мог бы преподать мне высшее учение. Могу ли я не очистить в своем сердце место для этого?

— Подобное по естеству тянется друг к другу, подобное по звучанию откликается друг другу — таков Небесный Порядок. Не будем говорить о том, кто я таков, а поговорим о том, чем занимаешься ты. Ты озабочен делами людей. Когда Сын Неба, удельные владыки, служилые мужи и простолюдины находятся на своих местах, в мире царит порядок. Если же они окажутся не на своих местах, в мире вспыхнет великая смута. Пусть чиновники исполняют свои обязанности, а простые люди занимаются своим делом, тогда никто никому не будет мешать. К примеру, если в полях не выполоты сорняки, крыша течет, еды и одежды не хватает, подать нечем уплатить, жена и наложница не живут в мире, молодые непочтительны к старшим — все это заботы простого человека. Если кто-то не справляется с поручениями, нет порядка в ведомствах, служащие нерадивы, за добрый поступок не награждают, за преступление не лишают чина и жалованья — это заботы служилого мужа. Если при дворе нет праведных советников, плетутся интриги, в семье разлад, мастеровые нетрудолюбивы, податей и дани привозят мало, чином обходят в столице, Сын Неба не жалуется — таковы заботы удельного владыки. Если Инь и Ян не в согласии, жара и холод приходят не вовремя, посевы терпят урон, удельные владыки бесчинствуют и сами затевают войны, заставляя страдать простолюдинов, музыка и церемонии запущены, казна пуста, нравы портятся, простолюдины бунтуют — таковы заботы советников Сына Неба.

Ну, а вы не облечены властью государя или удельного владыки вверху и не состоите на государевой службе внизу, однако же по собственному почину совершенствуете церемонии и музыку, упорядочиваете правила благопристойности, желая дать воспитание народу. Не лезете ли вы не в свое дело?

К тому же людям присущи восемь пороков, а в делах имеются четыре несчастья, и о них надлежит помнить. Заниматься не своим делом называется «превышением власти». Указывать на то, что недостойно внимания, называется «суетливостью». Полагаться на чужое мнение и ссылаться на чужие слова называется «угодливостью». Повторять чужие речи, не различая истинного и ложного, называется «лестью». Находить удовольствие в осуждении других называется «злословием». Рвать узы дружбы и родства называется «бесчинством». Льстить и обманывать, дабы получить награду от злодея, называется «коварством». Не делать различия между добрыми и дурными людьми, но угождать всем ради собственной корысти называется «злодейством». Эти восемь пороков

Вовне свергнут в смуту других,
Внутри причинят вред себе.
Благородный муж не станет твоим другом,
Мудрый царь не сделает тебя советником.

Четыре же зла таковы: любить ведать важными делами, но легко менять свое отношение к ним из желания почета и славы называется «злоупотреблением»; считать себя лучшим знатоком дела и заставлять других делать по-твоему называется «самодурством»; отказываться исправить собственную ошибку и усугублять ее вопреки добрым советам называется «упрямством»; хвалить других, если они одобряют вас, но порицать их, если они вас не одобряют, как бы добродетельны они ни были, называется «подлостью».

Только после того как ты избавишься от восьми пороков и четырех зол, я мог бы заняться твоим обучением.

Конфуций вздохнул, дважды отвесил поклон и сказал:

— Меня два раза изгоняли из Лу, я был вынужден бежать из Вэй, на меня повалили дерево в Сун, я был осажден между Чэнь и Цай. Почему мне довелось пережить эти четыре несчастья?

Лицо рыбака стало печальным.

— Как трудно пробудить тебя! — воскликнул он. — Однажды жил человек, который боялся собственной тени,

ненавидел свои следы и пытался убежать от них. Но чем быстрее он бежал, тем больше следов оставлял за собой, а тень так и гналась за ним по пятам. Ему казалось, что он бежит недостаточно быстро, поэтому он бежал все быстрее и быстрее, пока не упал замертво. Ему не хватило ума просто посидеть в тени, чтобы избавиться и от своей тени, и от своих следов. Вот какой он был глупец! Ты ищешь определения человечности и долга, вникаешь в границы подобного и различного, ловишь момент для действия или покоя, сравниваешь то, что отдаешь, с тем, что получаешь, упорядочиваешь свои чувства приязни и неприязни, приводишь к согласию радость и гнев. Похоже, тебе никогда не найти вдохновения. Честно совершенствуй себя, бдительно храни подлинное в себе; вернись к себе и предоставь других самим себе. Тогда ты избавишься от бремени. Что же ты ищешь в других, пока сам не совершенствуешь себя? Не одно ли только внешнее?

Конфуций печально спросил: «Позвольте узнать от вас, что такое «подлинное»?»

— Подлинное — это самое утонченное и самое искреннее. То, что не содержит в себе ничего утонченного и искреннего, не может тронуть других. Вот почему деланные слезы никого не растрогают, деланный гнев, даже самый грозный, никого не напугает, деланная любовь, как бы много ни улыбались, не будет взаимной. Подлинная грусть безгласна, а вызовет в других печаль без единого звука; подлинный гнев не проявляется вовне, а наводит страх; подлинная любовь и без улыбки породит отклик. Когда внутри есть подлинное, внешний облик одухотворен. Вот почему мы ценим подлинное.

В отношениях между родственниками, в делах семейных сын почтителен, а отец милосерден. В делах государства советник предан, а правитель справедлив. На пиру мы веселимся, в трауре скорбим. В добродетельном поведении главное — выполнение долга, на пиру главное — веселье, в трауре главное — скорбь, в служении родителям главное — угодить им. А выполнить долг можно разными путями. Если, прислуживая родителям, все делать вовремя, никто не станет разбираться, как мы прислуживаем. Если на пиру веселиться от души, не будешь разбираться, из каких чашек ты пьешь. Если в трауре искренне скорбеть, не возникнет охоты разбираться в правилах благопристойности.

Правила благопристойности устанавливаются обычаем. Подлинное же воспринято нами от Неба. Оно приходит

само, и его нельзя изменить. Поэтому мудрый, беря за образец Небо, ценит подлинное и не связывает себя обычаями. Глупец же поступает наоборот: не умея следовать Небу, он ищет одобрения людей; не зная, как ценить подлинное, он подчиняется обычаю и потому никогда не знает удовлетворения. Как жаль, что вы так рано понаторели в пустых изобретениях человеческого ума и так поздно услышали о Великом Пути!

Конфуций опять поклонился дважды и сказал:

— Сегодня мне повезло, как никогда. Кажется, само Небо ниспослало мне счастье! Если, уважаемый, вы не уроните своего достоинства, имея меня среди ваших учеников и наставляя меня в мудрости, я осмелюсь спросить вас, где вы живете? Прошу вас предоставить мне возможность быть вашим учеником и узнать наконец, что такое Великий Путь.

— Я слышал поговорку: «С кем можно идти — иди до последних тонкостей Пути. А от того, с кем нельзя идти, ибо он не знает, каков его путь, держись подальше — так оно спокойнее!» Учитесь сами, как можете. Я же ухожу от вас! Ухожу от вас!

И рыбак отчалил от берега. Пока его лодка скользила среди зарослей тростника, Янь Хой развернул экипаж в обратную сторону, а Цзы-Лу держал наготове вожжи, но Конфуций стоял, не оборачиваясь. Он подождал, пока волны на воде не улеглись и не затихли вдали всплески весла. Только тогда он взошел в экипаж.

Идя за экипажем, Цзы-Лу спросил:

— Я много лет прислуживал вам, учитель, но никогда не видел, чтобы вы были так взволнованы. Даже правители уделов в тысячу, а то и в десять тысяч колесниц, встретив вас, уступят вам место и будут обращаться с вами как с равным, вы же, учитель, и тогда будете держаться с необыкновенным достоинством. А сегодня вам предстоял всего лишь простой рыбак, а вы, учитель, обращались к нему с вопросами, сгибаясь перед ним, словно рама для колоколов. Не слишком ли далеко вы зашли? Мы все, ваши ученики, повергнуты в недоумение!

Конфуций наклонился к передку экипажа и вздохнул.

— О Цзы-Лу, как трудно образумить тебя! — сказал он. — Ты уже давно изучаешь церемонии и долг, а все еще не избавился от грубых мыслей. Подойди, я скажу тебе. Не отнестись уважительно к старшему при встрече — значит отступить от церемоний. Не выказать почтения достойному мужу при встрече с ним — значит потерять человечность

в себе. Кто сам несовершенен, тот не сможет вести за собой других. А если люди не понимают существенного в себе, они утратят в себе подлинное. Как прискорбно, что люди сами вредят себе! Нет большего несчастья, чем не быть человеческим в отношениях с другими, и ты один в том повинен.

Все вещи в мире имеют своим истоком Путь. Тот, кто теряет его, — гибнет. Тот, кто обретает его, — живет. Тот, кто идет ему наперекор, терпит неудачу. Тот, кто следует ему, добивается успеха. А посему мудрый чтит все, в чем пребывает Путь. Этот рыбак, можно сказать, обладает Путем. Так мог ли я посметь быть с ним непочтительным?

ГЛАВА XXXII

ЛЕ ЮЙКОУ

Ле Юйкоу отправился в царство Ци, но с полдороги вернулся и встретил Бохуня-Безвестного.

— Отчего вы возвратились? — спросил Бохунь-Безвестный.

— Я испугался.

— Чего же вы испугались?

— Я обедал в десяти постоянных дворах, и в пяти мне подавали раньше всех.

— Ну и что в этом страшного?

— Моя внутренняя искренность еще не растворилась окончательно и светится во мне. А воздействовать на людские сердца извне, побуждая их относиться с пренебрежением к почтенным и старшим, — значит навлекать на себя беду. Хозяин постоянного двора — человек небогатый, торгует кашами да похлебками. Если так поступает тот, кто не имеет ни больших доходов, ни власти над людьми, то что будет делать владыка царства в десять тысяч колесниц, который неустанно печется о благе государства и ревностно вникает в дела? Я испугался, что царь захочет обременить меня делами государственного правления и будет ждать от меня заслуг.

— Вот прекрасное суждение! — воскликнул Бохунь-Безвестный. — Но если вы будете так вести себя и впредь, люди пойдут за вами толпой, ища у вас защиты.

В скором времени Бохунь-Безвестный пришел к Ле-цзы и увидел у ворот множество пар туфель, оставленных посетителями. Обернувшись лицом к северу, Он оперся на посох, постоял некоторое время молча и вышел вон. Дворецкий доложил об этом Ле-цзы, и тот, немедленно скинув туфли, побежал вдогонку за Бохунем-Безвестным, догнал его у ворот и спросил:

— Раз уж вы, учитель, пришли, не дадите ли вы мне наставление?

— Поздно! — ответил Бохунь-Безвестный.— Ведь я предупреждал вас, что люди будут искать у вас защиты,— так оно и вышло. Вы неспособны дать людям защиту и не можете сделать так, чтобы люди не искали у вас защиты. Для чего все это? Вы хотите воздействовать на других, но не понимаете, что и другие будут воздействовать на вас. Ваши способности придут в расстройство, а это уже никуда не годится. Однако же те, кто следуют за вами, не скажут вам правды. Их ничтожные речи — что яд для человека. А чем могут помочь друг другу люди, живущие без бодрствования, без понимания?

Умелые трудятся, знающие печалятся, неспособные же ни к чему не стремятся. Набив живот, привольно скитаются они, подобно отвязавшемуся в половодье челну: он пуст и свободно несется неведомо куда.

Человек из Чжэн по имени Хуань учился книгам во владениях рода Цюй. По прошествии трех лет Хуань стал конфуцианцем и щедро одарил милостями всех своих родичей, как Желтая Река орошает своими водами все земли вокруг на девять ли. Младшему же брату он велел изучать учение Мо Ди, а потом между ними зашел спор, и отец принял сторону младшего брата. Десять лет спустя Хуань покончил с собой и, явившись его отцу во сне, сказал:

— Ведь это я велел младшему брату изучать учение Мо Ди, почему бы тебе не признать, что я сделал тебе добро, и не присмотреть за моей могилой? Нынче я стал шишкой на кипарисе, который растет там.

То, что творит вещи, воздаст человеку, но не какому-то определенному человеку, а небесному в человеке. Хуань заставил своего брата изучать учение Мо Ди. Но когда Хуань решил, что это он сделал своего брата не похожим на себя и по этой причине стал презирать своего отца, он уподобился тем людям в Ци, которые брали воду из одного колодца и старались оттолкнуть от него друг друга. Потому и говорят сейчас: «В наше время все люди — хуани». Вот почему тот, кто претворил в себе полноту жизни, живет незнанием, и тем более таков тот, кто претворяет Путь. В старину это называлось «избежать кары Небес».

Мудрый обретает покой в том, что дарит ему покой, и не ищет покоя там, где его нет. Заурядный человек ищет покоя в том, что не дает покой, и не имеет покоя там, где покой есть.

Чжуан-цзы сказал: «Познать Путь легко, а не говорить о нем трудно. Знать и не говорить — это принадлежит небесному. Знать и говорить — это принадлежит человеческому. Люди древности предпочитали небесное человеческому».

Чжу Пинмань учился закалывать драконов у Чжили И. Он лишился всех семейных богатств стоимостью тысячу золотых, но за три года в совершенстве овладел этим искусством. Одно было плохо: мастерству своему он так и не нашел применения.

Мудрый и необходимое не считает необходимостью, а потому обходится без оружия. Обыкновенный человек считает необходимостью даже не необходимое, а потому имеет много оружия. Привыкший к оружию всегда пользуется им, чтобы добиться желаемого. Но тот, кто уповает на силу оружия, гибнет сам.

Знания маленького человека не идут дальше обертки для подарка и дощечки для письма. У такого человека на уме одни мелкие заботы, но он хочет облагодетельствовать весь мир, постичь Великий Путь и слиться с Великим Единством. Подобные ему вслепую блуждают по миру и, не ведая Великого Начала, впустую расточают свои силы. А вот совершенный человек духом устремляется к Великому Истоку и сладко дремлет в Извечно Отсутствующем.

Он подобен воде, которая струится, не имея формы, и обнажает Великую Чистоту. Разве не прискорбно, что люди стараются знать все о кончике волоска и не ведают о великом покое?

В царстве Сун жил человек по имени Цао Шан. Сунский царь отправил его в Цинь и дал ему несколько колесниц, а Шан сумел понравиться циньскому царю и занял целую сотню колесниц.

Вернулся он в Сун, встретил Чжуан-цзы и стал над ним насмехаться:

— Жить на задворках захолустной деревни, по бедности плести сандалии, иметь иссохшую шею и пожелтевшее лицо — такое мне, Шану, нелегко приобрести. А вот вразумить правителя целого царства и получить в награду сотню колесниц — такое мне сделать нетрудно. Когда циньский царь захворал, то позванный им лекарь вскрыл ему чирей и вырезал опухоль и в награду получил одну

колесницу. А тот, кто вылизал царю геморрой, получил пять колесниц. Видно, чем ниже способ лечения, тем выше награда. Как же ты лечил ему геморрой, что заслужил столько колесниц?

Ай-гун, царь Лу, спросил Янь Хэ:

— Если я сделаю Конфуция своим первым советником, станет ли лучше правление в моем царстве?

— Это опасно! Вам будет грозить гибель! — отвечал Янь Хэ. — Конфуций норовит разукрасить даже фазаньи перья. Он может только красиво говорить, а несущественное принимает за главное. Он мягок с людьми, но не знает их и им не доверяет. Он воспринимает только свои мысли, думает только о своей душе. Как же может он стоять над народом? Только по недомыслию можно привлекать его на службу и оказывать ему покровительство. Нынче он уводит людей от действительности, учит их притворяться — так ли нужно относиться к народу? Нет, лучше от этого отказаться, иначе потомкам нашим прибавится забот. В управлении государством трудно оказывать милости людям, забывая о себе. Не таково милосердие Неба. Торговцев оседлых и странствующих нельзя причислять к служилым людям. Даже если установить такой порядок в царстве, духи этого не признают. Казнь внешняя свершается железом и деревом. Казнь внутренняя свершается поступками и ошибками. Простых людей, приговоренных к внешней казни, мучают железом и деревом. Тех, кому уготовлена казнь внутренняя, грызут силы Инь и Ян. Избежать казни и внешней, и внутренней способен только Настоящий человек.

Конфуций сказал:

— Проникнуть в сердце человека труднее, чем проникнуть в горное ущелье, а познать его труднее, чем познать само Небо. Небо установило весну и осень, лето и зиму, день и ночь. У человека же лицо непроницаемо, чувства скрываются глубоко. Он бывает с виду добрым, а по натуре жадным; бывает по виду способный, а на деле никчемный; бывает горячливый, а в душе праздный; бывает внешне мягкий, а внутри грубый или внешне жесткий, а внутри резкий. А потому бывает, что человек исступленно, словно в горячке, выполняет долг и так же ретиво, словно в горячке, бежит от выполнения долга. Посему государь посылает человека далеко, чтобы испытать его преданность, и посылает его близко, чтобы испытать его почтительность; дает трудное поручение, чтобы испытать его способности, и

задает ему неожиданные вопросы, чтобы испытать его сообразительность; приказывает действовать быстро, чтобы испытать его доверие, и доверяет ему богатство, чтобы испытать его совесть; извещает его об опасности, чтобы испытать его хладнокровие, и поит его допьяна, чтобы испытать его склонности; сажает его вместе с женщинами, чтобы увидеть, похотлив ли он. Благодаря этим девяти испытаниям можно понять, каковы способности человека.

Као-фу по прозвищу Праведный, получив первое назначение, опускал голову; получив второе назначение, горбился; получив третье назначение, клонился до земли и уползал вдоль стены. Кто не сочтет его образцом? А есть и такие мужи: при первом назначении смотрят надменно, при втором назначении красуются в колеснице, а после третьего назначения зовут старших по их именам. Кого же из них можно уподобить Тану и Юю?

Нет большего разбойника, нежели тот, кто живет с мыслью о совершенстве жизни, а умом ограничен. Если таким умом вглядываться в себя, то сам себя погубишь.

Злых свойств имеется пять. Главное среди них — самовлюбленность. Что значит самовлюбленность? Это значит превозносить собственные достоинства и порицать других за то, что они поступают иначе.

Бедна навлекается восьмью крайностями, успех приносят три необходимости, в теле имеется шесть полостей. Красота, пышная борода, высокий рост, крепкое сложение, сила, изящество, смелость, мужество — вот восемь крайностей, которые возвышают нас над другими и потому служат источником бед. Подражание другим, уступчивость и бдительность — вот три качества, которые принижают нас перед другими и потому приносят успех. Знание, объемлющее все внешнее; смелые поступки, приносящие разочарования; доброта и справедливость, навлекающие обязательства; доскональное понимание величия жизни; доскональное понимание ничтожности знания; доскональное понимание неотвратимости великой судьбы; доскональное понимание мимолетности времени...

Некто был принят сунским царем, получил в подарок десять колесниц и стал хвастаться своим приобретением перед Чжуан-цзы. Чжуан-цзы сказал: «У реки жил бедняк, который кормился тем, что плел вещи из тростника. Од-

нажды его сын нырнул в пучину и вытащил жемчужину стоимостью в тысячу золотых.

— Разбей ее камнем! — приказал ему отец. — Ведь эта жемчужина ценой в десять тысяч золотых, должно быть, из тех, что хранятся в самом глубоком омуте, под мордой дракона. Ты смог достать ее лишь потому, что он спал. Но проснется дракон — и тебе придется туго! Нынче царство Сун — омут поглубже речного, а сунский царь страшнее дракона. Ты получил колесницы потому лишь, что царь спал. А проснется царь — и тебе несдобровать!»

Некто звал Чжуан-цзы на службу. Чжуан-цзы же так ответил посланцу:

— Не приходилось ли вам видеть жертвенного быка? Его наряжают в узорчатые ткани, кормят свежей травой и бобами. А потом его ведут, и он входит в храм предков. Даже если бы в тот миг он очень хотел снова стать вольным теленком, может ли его желание осуществиться?

Если выравнивать с помощью неровного, то и ровное станет неровным. Если доказывать с помощью недоказанного, то и доказанное станет недоказанным. Тот, кто полагается на внешнее восприятие, может лишь воздействовать на вещи. Тот, кто полагается на дух, имеет достоверное знание. То, что духовное знание имеет преимущество над знанием вещей, признано уже давно. Однако же глупцы полагаются лишь на то, что могут видеть, и считают это общей истиной. Как это прискорбно!

Чжуан-цзы лежал на смертном одре, и ученики уже собирались устроить ему пышные похороны. Чжуан-цзы сказал: «Небо и Земля будут мне внутренним и внешним гробом, солнце и луна — парой нефритовых дисков, звезды — жемчужинами, а вся тьма вещей — посмертными подношениями. Разве чего-то не хватает для моих похорон? Что можно к этому добавить?»

— Но мы боимся, — отвечали ученики, — что вас, учитель, склюют вороны и коршуны.

Чжуан-цзы сказал: «На земле я достанусь воронам и коршунам, под землей пойду на корм муравьям. У одних отнимут, а другим дадут. За что же муравьям такое предпочтение?»

ГЛАВА XXXIII
ПОДНЕБЕСНЫЙ МИР

Много в Поднебесной мужей, имеющих в жизни свой Путь, и каждый из них полагает, что к его знаниям и искусству уже ничего нельзя добавить. Где же на самом деле пребывает то, что в древности называли «искусством Пути»? Отвечу: нет места, где бы его не было. Спрашивают: «Откуда нисходит духовность? Откуда является просветленность?» Мудрые благодаря чему-то рождаются, правители благодаря чему-то властвуют, и все они имеют своим истоком Единое.

Кто не порывает с пращурами, тот зовется небесным человеком. Кто не отсекает себя от семени жизни, тот зовется духовным человеком. Кто не отходит от подлинного, тот зовется совершенным человеком. Кто признает Небо своим пращуром, Силу — основой, Путь — вратами и кто живет одной жизнью со всеми превращениями мира, тот зовется мудрым. Кто оказывает милость человечностью, законом своим считает долг, в поступках своих всегда сообразуется с ритуалом, водворяет согласие музыкой и кто полон любви и доброты, тот зовется благородным мужем. А что касается использования правил для определения, имен для обозначения, сравнений для изыскания и доказательств для суждений, то все это пригодно разве что для счета от одного до четырех. Чиновники пользуются ими, чтобы установить между собой ранги. Не изменять обычая в делах, заботиться прежде всего прочего об одежде и пище, собирать и хранить богатства, давать на пропитание старым, малым и сирым — вот основа благоденствия народа.

Люди древности делали так, чтобы у людей всего было в достатке. Они ставили себя вровень с духами, брали за образец Небо и Землю, пестовали всю тьму вещей, приводили к согласию Поднебесный мир, простирали милость на все сто родов. Они имели ясное знание коренных чисел¹, умели вычислить меру каждой вещи, и понимание их рас-

пространялось на все шесть полюсов мироздания и все четыре времени года; они не упустили из виду ни малого, ни великого, ни тонкого, ни грубого. Многие из постигнутого ими в числах и мерах сохранили летописцы, сведущие в старинных законах и преданиях. Что касается «Песен» и «Преданий», «Ритуалов» и «Музыки»², то служилые люди в Цзоу и Лу, ученые мужи, носящие на поясе таблички для письма, умеют их толковать. Из «Песен» можно узнать о праведных помыслах, из «Преданий» можно узнать о праведных деяниях, из «Ритуалов» можно узнать о праведном поведении, из «Музыки» можно узнать о праведном согласии, из «Перемен» можно узнать о правильном взаимодействии Инь и Ян, а из «Весен и осеней»³ можно узнать о правильных титулах. Мужья, разбирающиеся в этих предметах, рассеялись по всей Поднебесной и утвердились в Срединных царствах, а учения Ста школ часто ставят их речи в пример и толкуют их.

Нынче Поднебесный мир в великом смятении, мужья мудрые и достойные укрылись от взоров толпы, Путь и Сила раздроблены. Много сейчас тех, кто удовлетворяется изучением какой-нибудь одной частности. Вот так же соседствуют ухо, глаз, нос и рот: каждый из них доставляет нам знание о мире, но воспринятое ими воедино слиться не может. Таковы же учения Ста школ⁴: каждое из них имеет свои достоинства, а временами и пользу приносит, однако же ни одно из них не обладает истиной всеобъемлющей и законченной. Все это учения людей, привязанных к своему углу. Они разбивают совершенство Неба и Земли, дробят устои всех вещей и губят цельность древних людей. Немногие в наше время могут постичь совершенство Неба и Земли и выразить в слове духовное величие. Поэтому Путь «мудреца внутри и правителя снаружи» померк и недоступен уже людскому взору, сокрыт в неизвестности и не выходит наружу, а в Поднебесной каждый делает то, что ему заблагорассудится, и считает правым только себя. Увы! Если Сто школ пойдут каждая своей дорогой, не думая о том, чтобы сдерживать себя, то среди них никогда не будет согласия. И если ученые люди грядущих поколений не будут иметь счастья созерцать Небо и Землю в их первоначальной чистоте и древних мужей во всем их величии, то искусство Пути будет разодрано в клочья.

Не стремиться к роскоши в бесславный век, не быть расточительным в жизни, не увлекаться разысканиями чисел и мер, выправлять себя словно по угломеру и отве-

су — в этом тоже заключалось искусство Пути древних, а Мо Да и Цинь Гули услышали об этих заветах и возлюбили их. Но в устремлениях своих они отклонились слишком далеко, отвергнутое же ими было слишком безупречным. Они провозгласили «отвержение музыки»⁵ и назвали это «бережливостью». Они не пели песен для живых и не носили траура по умершим. Мо-цзы учил всеобщей любви, взаимной выгоде и отказу от противоборства и призывал никогда не давать волю гневу. Еще он любил учиться и имел обширные познания, но он не соглашался с древними царями и хотел отменить древние обряды и музыку. Желтый Владыка сочинил мелодию «Сяньчи», Яо сочинил гимн «Да-чжан», Шунь сочинил «Да-шао», Юй сочинил «Да-ся», Тан сочинил «Да-хо», Вэнь-ван создал музыку «Пинь», У-ван и Чжоу-гун создали музыку «У». С древних времен погребальные обряды были неодинаковы для знатных и подлых, старшие и младшие имели приличествующий каждому ранг. Сына Неба хоронили в семи гробах, удельных владык — в пяти, придворных вельмож — в трех, служилым людям полагался двойной гроб. А теперь один Мо-цзы не поет песен для живых и не носит траура по умершим и предлагает хоронить всех в тонкостенном гробу из тунгового дерева, а от внешнего гроба совсем отказаться. Боюсь, призывать к этому людей означает не любить их, а обращаться так с самим собой означает не любить себя. Не буду говорить плохо об учении Мо-цзы, но если он не пел, когда следовало петь, не плакал, когда надлежало плакать, и не исполнял музыки, когда следовало ее исполнять, то был ли он на самом деле таким, как все? К живым он относился слишком строго, а к мертвым — слишком пренебрежительно, и Путь его был слишком суров. Он вселял в людей уныние и печаль, и трудно было воплотить в жизнь его наставления. Боюсь, его учению не суждено стать Путем истинно мудрого, ибо оно идет наперекор чаяниям обыкновенных людей. Поднебесный мир его не примет. Даже если сам Мо-цзы мог взвалить на себя такое бремя, то пойдет ли за ним свет? Отгородившись от мира, Мо-цзы оказался далек и от державной власти. Сам он проповедовал свое учение в таких словах:

«В старину, когда Юй укротил потоп, проложил русла великих рек и направил течение вод в землях варваров четырех сторон света и в Девяти областях Срединной страны, главных рек насчитывалось три сотни, их притоков — три тысячи, а маленьким речкам не было числа. Юй взял в руки лопату и корзину и девять раз обошел все реки

Поднебесной, так что стерлись волосы на его икрах и сошел пушок с его голеней. Омываемый проливными дождями, обдуваемый свирепыми ветрами, он учредил все удельные владения. Юй был великий мудрец, и вот как он трудился на благо всей Поднебесной!»

Последователи Мо-цзы в последующих поколениях стали одеваться в одежды из шкур, носить деревянные туфли и травяные сандалии. Ни днем, ни ночью не знали они покоя и считали самоистязание высшим достижением. Они говорили: «Если ты неспособен быть таким старательным, ты не идешь путем Юя и недостойн зваться последователем Мо-цзы».

Ученики Сянли Циня, последователи У Хоу и моисты юга Ку Хо, Ци Цинь, Дэнлин-цзы и иже с ними признавали «Моистский канон», но расходились во взглядах и называли друг друга отступниками, спорили между собой о «твердости» и «белизне», о «подобии» и «различии» и отвечали друг другу суждениями, которые невозможно примирить. Они считали своих старших истинными мудрецами, а те хотели иметь звание законного вождя и преемников в позднейших поколениях. До сих пор этот спор не разрешен.

Идеи Мо Ди и Цинь Гули были правильными, а вот осуществляли они их неправильно. А потому моистам позднейших времен пришлось мучить себя так упорно, что стерлись волосы на их икрах и сошел пушок с их голеней. Смятения от них получилось много, а порядка от них прибавилось мало. И все же Мо-цзы был воистину лучший муж во всей Поднебесной, никто не смог бы с ним сравниться. Он хоть и высох весь, а от убеждений своих не отказался. Это был истинный талант!

Не связывать себя обычаем, не украшать себя вещами, не обманывать людей и не обижать народ, ратовать за мир и покой в Поднебесной, дабы люди благоденствовали, и себе, и другим оставлять не более того, что нужно для пропитания, и тем самым раскрывать сокровищницу сердца — в этом тоже заключалось искусство Пути древних. Сун Син и Инь Вань⁶ услышали об этих заветах и возлюбили их. Они сшили себе шапки в виде горы Хуашань, чтобы отличать себя от других. Своим жизненным правилом они сделали «отказ от ограниченности», учили быть терпимым в душе и называли это «деянием сердца». Они говорили, что люди должны быть радушными и довольными, чтобы повсюду в пределах морей в роду человеческом царило

согласие. Главным же они считали умение «стреножить желания». Был у них девиз: «терпеть унижение — не значит быть опозоренным», и с его помощью они хотели покончить с борьбой среди людей. А призывом «запретить нападения, распустить войска» они хотели добиться прекращения войн. С этими идеями они странствовали по миру, наставляя верхи, поучая низы, и, хотя мир не желал их слушать, они упорно стояли на своем. Как говорится, «и верхам, и низам видеть его неведомо, а он красуется пуще прежнего». Они слишком много заботились о других и слишком мало о себе, говоря: «Когда все желания стреножены, пяти пригоршней риса хватает». Боюсь, сами учителя не ели досыта, а их ученики, живя вечно впроголодь, не забывали о Поднебесном мире и ни днем, ни ночью не знали отдыха, приговаривая: «Мы еще заживем по-настоящему!» Это были мужи, от гордыни замыслившие облагодетельствовать весь мир. Еще они говорили: «Благородный муж не вмешивается в чужие дела и самого себя за вещи не закладывает». Этим они хотели сказать, что не нужно выставлять напоказ то, что не приносит пользу Поднебесной. Завет «запретить нападения, распустить войска» они считали внешней стороной своего учения, а завет «умеряй и сдерживай желания» — внутренней. И все их учение в большом и малом, в грубых и тонких своих положениях дальше этого не шло.

Быть открытым всем и свободным от пристрастий, непрестанно меняться и ничего не выискивать для себя, жить привольно, не выбирая для себя главного, следовать всякому влечению без колебаний, не умствовать прежде времени, не строить расчетов, полагаясь на свое знание, не выбирать среди вещей, но превращаться вместе с ними — в этом тоже заключалось искусство Пути древних. Пэн Мэн, Тянь Пянь и Шэнь Дао⁷ услышали об этих заветах и возлюбили их. Во главу всего они поставили уравнивание вещей, говоря: «Небо может покрыть, но не может поддержать. Земля может поддержать, но не может покрыть. Великий Путь может объять, но не может установить различия». Они знали, что у всех вещей есть свое «возможное» и «невозможное», и поэтому говорили: «Если ты сделаешь выбор, ты перестанешь быть всеобъемлющим; если ты усвоишь себе учение, ты ограничишь себя. А Путь не знает изъятий».

И вот Шэнь Дао отбросил знания, презрел себя и стал жить Незбежным, во всем следуя вещам. Это он объявил

высшей истиной и говорил: «Когда вы знаете, вы не знаете», желая не просто принизить знание, а полностью устранить его. Отбросив стыд, не признавая за собой никаких обязанностей, он смеялся над миром за то, что в нем ценят достойных мужей. Ничем не связанный, отринувший приличия, он дерзко нападал на великих мудрецов Поднебесной.

Сколачивай и закругляй края,
Крутись и вращайся вместе с вещами.
Отбрось «истинное» и «неистинное»,
Живи мгновением — и всего избегай.

Он считал никчемными знания и размышления, не знал, что должно стоять впереди, а что — после, а глядел поверх всего, и только. Двигался, только если его толкнут; возвращался, только если его потянут; вращался, как вихрь; парил, как перо; крутился, как жернов. Был целостен и не имел изъяна, в движении и покое не знал ошибок и ни разу не заслужил порицания. А почему? Кто ничего не знает, тот не страдает от влюбленности в себя и не ведает тягот, проистекающих из применения знаний. Кто в движении и в покое не отклоняется от истины, тот до самой смерти избегнет людской хвалы. Поэтому он говорил: «Стремитесь к тому, чтобы уподобиться как бы лишенной знания вещи, не прибегайте к услугам мудрых и достойных; даже кусок земли не теряет Пути». А почтенные люди в свете смеялись над ним, говоря: «Путь Шэнь Дао для живых людей недостижим. Он годится только мертвецам». И кончилось тем, что Шэнь Дао прослыл в мире большим чудачком, только и всего.

Таков же был Тянь Пянь, который учился у Пэн Мэна и перенял от него то, чему научить нельзя. Учитель Пэн Мэна говорил: «Праведные люди древности дошли до того, что ничего не считали истинным или ложным. Но их заветы нынче забыты, и кто возродит их?»

Упорно переча людям, восстанавливая других против себя, они так и не смогли отойти от своих «закруглений». То, что они называли Путем, на самом деле таковым не было, и, даже изрекая истину, они не смогли избавиться от заблуждений. И Пэн Мэн, и Тянь Пянь, и Шэнь Дао не знали, что такое Путь, но, если говорить в целом, все они кое-что о нем слышали.

Считать корень тонкой стороной жизни, а вещи — грубой, сколько ни накапливай, не будешь иметь вдоволь, целомудренно одиноким постигать духовную просветлен-

ность — в этом тоже заключалось искусство Пути древних. Гуань Инь и Лао Дань⁸ услышали об этих заветах и возлюбили их. Они воздвигли свое учение на «вечно отсутствующем» и поставили во главу всего Великое Единство. Они сочли мягкость, слабость, скромность и приниженность внешней стороной истины, а пустоту и непричинение ущерба вещам — ее сущностью. Гуань Инь говорил: «В самом себе не имей, где пребывать; вещи, обретая форму, раскрывают себя».

Будь подвижен, как вода.
Будь покоен, как зеркало.
Откликайся, как эхо.
Пустое! Словно бы нет его.
Покойное! Словно бы незапятнанно-чистое.
Уподобься ему и пребывай в согласии.
Кто захочет его иметь, его потеряет.
Не будь впереди других, а всегда будь позади.

Лао Дань говорил:

Знай мужское, оберегай женское.
Будь Ущельем Поднебесного мира.
Знай белое, оберегай черное.
Будь Долиной Поднебесного мира⁹.

Все люди хотят быть впереди, он один предпочитал влачиться позади и говорил: «Прими унижение на миру». Все люди хотят чего-то вещественного, он один отдавал предпочтение пустоте и говорил: «Не создавай запасов и будешь иметь всего в избытке». И сам он, уповая лишь на себя, имел больше чем достаточно. В жизни он не любил поспешности и расточительства, следовал Недеянию и смеялся над всякой искусностью. Все люди ищут удачи, он один, сгибая себя, обретал «полноту свойств» и говорил: «Поступая осмотрительно, избежишь наказания». Он считал глубочайшее корнем, а всеобщее — опорой и говорил: «Твердое разрушится, острое затупится». Он всегда уступал место другим и не посягал на их достоинство. Хотя Гуань Инь и Лао Дань не достигли вершины мудрости, они поистине уподобились величайшим из Настоящих людей древности.

Смутное, безбрежное, лишенное формы; пребывающее в превращениях без постоянства. Жизнь ли, смерть ли? Небо и Земля едины со мной? Подвижен просветленный дух — куда так неожиданно уносится, откуда так внезапно является? Вся тьма вещей — словно раскинутая сеть, и нет в ней начала — в этом тоже заключалось искусство Пути

древних. Чжуан Чжоу услышал об этих заветах и возлюбил их. В невнятных речах, сумасбродных словах, дерзновенных и непостижимых выражениях он давал себе волю, ничем себя не ограничивая, и не держался определенного взгляда на вещи. Он считал, что мир погряз в скверне и ему с ним не о чем говорить. Посредством слов, «подобных перевертывающемуся кубку», он следовал превращениям мира. Посредством слов «от лица почтенных людей» он возвещал о подлинном. Посредством слов «от лица других людей» он выражал свои взгляды. В одиночестве скитался он с духовными силами Неба и Земли, но не взирал высоко на тьму вещей. Он не рассуждал о том, что есть истина, а что — ложь, и потому был в ладах с миром. Хотя писания его вычурны, дерзновенность их безобидна. Хотя речи его сумбурны, беспорядочность их доставляет удовольствие. В них таится неизбывная полнота смысла. Вверху он странствовал вместе с тем, что творит вещи; внизу дружил с тем, что превосходит жизнь и смерть, не имеет начала и конца. В основе своей он необъятно широк и непосредствен. В истоке своем бездонно глубок и раскован: можно сказать, все охватил и достиг совершенства! И все же его правда соответствия переменам и постижения вещей безмерна и неуловима. Как она безбрежна, как темна! Невозможно ее исчерпать.

Хуэй Ши ¹⁰ был очень ученым человеком, и его писания занимали пять повозок. Однако же его учение было причудливым, а речи уводили в сторону. Определяя смысл вещей, он говорил:

«Предельно великое не имеет ничего вовне себя. Это называется великим единством. Предельно малое не имеет ничего внутри себя. Это называется малым единством.

Не имеющее толщины не имеет протяженности, но простирается на тысячу ли.

Небо находится на одном уровне с землей, горы находятся на одном уровне с озерами.

Будучи в зените, солнце заходит. Рождаясь, вещь умирает.

Быть подобным в большом, но различным в малом — это называется «малое подобие и различие». Все вещи в конце концов едины и в конце концов различны — это называется «большое подобие и различие».

Юэ не имеет границы и все же имеет границу.

Я отправляюсь в Юэ сегодня, а прибываю туда вчера.

Соединенные кольца невозможно разъединить.

Я знаю центр мира: он на север от Янь и на юг от Юэ. Люби безгранично всю тьму вещей; Небо и Земля — одно тело».

Хуэй Ши считал эти суждения непревзойденными и думал, что постиг сущность всех доказательств. И в мире все любители спорить находили удовольствие в этом занятии. Они утверждали:

«В яйце есть перья.

У курицы три ноги.

В городе Ин сходится весь Поднебесный мир.

Собака может быть бараном.

Лошадь откладывает яйца.

У лягушки есть хвост.

Огонь не горяч.

Гора выходит из отверстия.

Колесо телеги не касается земли.

Глаз не видит.

Того, на что мы указываем, нельзя достичь, а от того, что мы достигаем, нельзя отойти.

Черепашка длиннее змеи.

Угломер не имеет квадратной формы, циркуль не описывает круг.

Дырка от долота не охватывает рукояти.

Тень от летящей птицы не движется.

Стрела летит стремительно, но есть мгновения, когда она не движется и не покоится.

Щенок — не собака.

Гнедой конь и черный бук составляют три.

Белый пес черен.

У жеребенка-сироты никогда не было матери.

Если от палки длиной в вершок каждый день отнимать половину, не закончишь и через десять тысяч поколений».

Любители рассуждать выставляли такие суждения в спорах с Хуэй Ши, и суждений этих было столько, что исчерпать их было невозможно за целую жизнь. Из числа любителей рассуждать Хуань Туань и Гуньсунь Лун внушали людям изощренные мысли и изменяли их представления. Они умели победить людей на словах, но не могли покорить их сердца — в этом заключалась их ограниченность. Хуэй Ши день за днем упражнялся в спорах, но прослыл выдающимся человеком только среди любителей спорить — вот и все, чего он добился. Однако же сам он считал свои рассуждения непревзойденными в целом мире и говорил: «Что может быть возвышеннее между Небом и Землей? Я утверждаю мужское начало и не следую старин-

ным заветам». Один странный человек из Юэ по имени Хуан Ляо спросил, почему не падает небо и не обваливается земля и что вызывает ветер, дождь и гром. Хуэй Ши взялся отвечать ему без колебаний и раздумий и говорил обо всем подряд без передышки, и не было конца его речам, а ему же все казалось, что он сказал недостаточно, и он все хотел прибавить какое-нибудь удивительное суждение. Он принимал за истину все, что противоречило людским мнениям, и хотел приобрести славу непобедимого спорщика. Вот почему в мире не любили его.

Слабый духом и сильный лишь с виду, он шел кружными путями. Если посмотреть на достижения Хуэй Ши, исходя из Пути Неба и Земли, то они окажутся сродни потугам комара или мошки. Чем он мог быть полезен другим? Те, кто добились совершенства в одном ремесле, все же заслуживают уважения, о таких говорят: «Если бы он ценил Путь больше, он бы почти постиг правду». Но Хуэй Ши не мог этим удовлетвориться, он рассуждал обо всем подряд, а в итоге лишь приобрел известность умелого спорщика. Как жаль, что Хуэй Ши впустую растратил свой талант и гнался за соблазнами света, не умея сдерживать себя. Он презрел свой голос ради пустого эха и свою тень ценил больше собственного тела. Как это прискорбно!

ЛЕ-ЦЗЫ

ГЛАВА I
НЕБЕСНАЯ ДОЛЯ

Ле-цзы жил в местечке Путянь — охотничьих угодьях царства Чжэн. В течение сорока лет никто не обращал на него внимания, государь и его свита и благородные мужи царства считали его обыкновенным простолюдином. Однажды в Чжэн случился голод, и Ле-цзы задумал переехать в царство Вэй.

Ученики сказали ему:

— Учитель, вы собираетесь уехать и не назначаете срока своего возвращения. Ваши ученики осмелятся обратиться к вам с нижайшей просьбой: не соблаговолите ли вы дать нам наставления до своего отъезда? Не доводилось разве учителю слышать поучения премудрого Ху-цзы?

И Ле-цзы, улыбнувшись, ответил им:

— Разве почтенный Ху-цзы говорил что-нибудь? Однако же я как-то слышал его разговор с Бохунем-Безвестным и сейчас перескажу вам его. Вот что он сказал тогда:

«Существует нерожденное и рожденное, изменяющееся и неизменное. Нерожденное может родить рождающееся, неизменное может изменить меняющееся. Рождающееся не может не родиться, изменяющееся не может не измениться — посему вечно есть рождение, вечно есть изменение. То, что постоянно рождается и изменяется, не может не рождаться и не изменяться во всякое время. Так следуют они круговороту сил Инь и Ян и четырех времен года.

Нерожденное непостижимо и само по себе.
Неизменное уходит и возвращается.
Уходя и возвращаясь,
Оно движется по кругу без конца.
Непостижим и единственен Путь —
измерить его нельзя.

А в «Книге Желтого Владыки» говорится:

Дух долины никогда не умрет,
Назову его Сокровенною Женщиной.
Врата Сокровенной Женщины
зовутся корнем Небес и Земли.
Оно вьется без предела и словно существует;
Пользуйся этим — и оно не иссякнет ¹.

Следовательно, то, что рождает вещи, само не рождается; то, что изменяет вещи, само не изменяется» ².

Ле-цзы сказал:

«В старину мудрые цари прозрели общую основу Неба и Земли в чередовании сил Инь и Ян. Но ежели все обладающее формой родилось из бесформенного, от чего же родились Небо и Земля? Я отвечаю: вначале была Великая Простота, потом появилось Великое Начало, затем появилась Великая Основа, после чего появилась Великая Вещественность. В Великой Простоте еще не было дыхания. Великое Начало было началом дыхания. Великая Основа была началом всех форм. Великая Вещественность — начало всех вещей. Дыхание, форма и вещь еще не отделились друг от друга, посему такое состояние зовется хаосом. Хаос означает смешение всех вещей, еще не отделившихся друг от друга. Всматривайся в него — и не увидишь, вслушивайся в него — и не услышишь. Посему он зовется «простотой». Простое не имеет ни формы, ни границ. Претерпев превращение, оно стало Единым, а из Единого оно стало семью, семь же превратилось в девять. На девятке превращения исчерпываются и снова приходят к единице. А это Единое есть начало превращений всех форм. Чистое и легкое поднялось вверх и образовало небо, грязное и тяжелое опустилось вниз и образовало землю, а дыхание, пронизавшее то и другое, породило человека. Вот так Небеса и Земля заключили в себе семя всего живого, и все сущее обрело жизнь».

Ле-цзы сказал:

«Небо и Земля не обладают полнотой свершения.
Многочудные мужи не обладают полнотой умения.
И ничто в целом мире нельзя использовать сполна.
А посему
Назначение Неба — рождать и укрывать.
Назначение Земли — вскармливать и поддерживать.
Назначение мудрых — наставлять и воспитывать.
Назначение каждой вещи — вершить им уготованное.

Следовательно, и у Неба есть свои недостатки, и у Земли есть свои преимущества, и у мудрых есть свои промахи, а у каждой вещи есть своя правда. Почему так? Небо, рождая и укрывая, не способно вскармливать и поддерживать. Земля, вскармливая и поддерживая, не способна наставлять и воспитывать. Мудрый, наставляя и воспитывая, не способен заставить вещи действовать вопреки своему назначению, а вещи, вершащие уготованное им, не могут отринуть свое назначение. Посему в Небесном пути должно быть место и силе Инь, и силе Ян, в учении древних мудрецов говорится и о человечности, и о долге, а все сущее в мире, каково бы ни было его назначение, должно быть то твердым, то мягким. Все сие соблюдает предписанное каждому месту и не уклоняется от него.

Посему есть рожденное и Родитель рожденного, формы и Творящее формы, звуки и Озвучивающее звуки, краски и Раскрашивающее краски, вкус и Творящий вкусы. То, что рождается Родителем, умирает, но Родитель рождущего вовек не умрет. То, что сотворено в форме, имеет облик, но Творящий формы никогда не проявляет себя. Что озвучено в звуке, можно слышать, но Озвучивающее звуки вовек недоступно слуху. Что окрашено в красках, можно видеть, но Окрашивающее краски недоступно зрению. То, что имеет вкус, можно попробовать, но Творящее вкус вовек нельзя распознать. Все это принадлежит Недеянию.

А Недеяние способно творить Инь, творить Ян, смягчать и укреплять, удлинять и укорачивать, делать круглым или квадратным, убивать или рождать, дарить тепло или холод, держать на плаву или топить, исторгать звук гун или звук шан³, выводить вперед или прятать, делать черным или желтым, творить сладость или горечь, благоухание или вонь.

Оно ничего не знает и ничего не умеет, а все же нет ничего, что бы оно не знало и не умело».

Есть животное шаньюань, которое зачинает само от себя, это называется лэй. Есть водоплавающая птица, которая зачинает от взгляда, — это птица-рыболов. Среди морских черепах есть только самки, а некоторые существа бывают только самцами: таковы маленькие осы. В стране Сы женщины зачинают без совокупления с мужчиной. Хоу Цзи родился от следа великана.

И Инь родился в дупле шелковицы.

Из теплой сырости рождаются стрекозы, из уксуса — насекомое сицзи.

Растение янси, соединяясь со старым бамбуком, рождает существо циннин, циннин рождает леопарда, леопард — лошадь, а лошадь — человека. Человек же со временем возвращается в зародыши. Все сущее в мире выходит из зародышей и в зародыши возвращается⁴.

Направляясь в царство Вэй, Ле-цзы присел закусить на обочине и заметил валявшийся в траве столетний череп. Ткнув его палкой, он сказал ученику Байфэну:

— Только он и я знаем, что ты никогда не рождался и никогда не умрешь. Вправду ли ему нужно печалиться? Вправду ли нам нужно радоваться?

В семенах есть мельчайшие зародыши. Когда они попадают в воду, они начинают расти. На границе воды и суши они превращаются в лягушачью кожу. На берегу они становятся подорожником. На навозе подорожник становится «вороньей лапкой», а корни вороньей лапки превращаются в древесных червей, листья же ее становятся бабочками. Бабочка превращается в насекомое, которое выглядит так, словно сбросило свои чешуйки, живет под очагом и зовется цюйдао. Спустя сто дней цюйдао превращается в птицу, которую называют ганьюйгу. Слюна ганьюйгу становится сыми, а сыми превращается в насекомое илу, которое водится в уксусе, а илу порождает насекомое хуанкуан. От хуанкуана, живущего в уксусе, родится цюю, от цюю родятся комары, а от комаров — светлячки.

Баранья печень превращается в вещество дигао. Кровь людей и коней превращается в блуждающие огоньки; сокол превращается в ястреба, ястребы превращаются в кукушек, а те в свое время снова становятся соколами. Ласточки превращаются в устриц, кроты — в перепелов, сгнившие тыквы — в рыб, порей — в петушиный гребень, старый баран — в обезьяну, рыба икра — в насекомых.

В «Книге Желтого Владыки» говорится:

«Когда тело движется, оно приводит в движение не тело, а тень. Когда раздается звук, он рождает не звук, а эхо. Когда Небытие претерпевает перемену, оно рождает не Небытие, а нечто наличествующее».

То, что обладает формой, неизбежно придет к своему

концу. Наступит ли конец для Неба и Земли? Они прекратят свое существование вместе со мной. Но неведомо, прекратится ли когда-нибудь сам конец. Наступит ли когда-нибудь конец Пути, если у него отродясь не было начала? Как прекратится то, что по сути не существует?

Все рожденное возвращается в нерожденное. Все обладающее формой возвращается в бесформенное. Но нерожденное в сущности — это не то, что никогда не рождалось, а бесформенное — это не то, что никогда не имело формы. Все рожденное должно неизбежно прийти к своему концу. Все, что кончается, не может избежать своего конца, подобно тому как все, что родилось, не может избежать своего рождения. Следовательно, желать жить вечно и никогда не приходиться к своему концу есть великое заблуждение относительно своей судьбы.

Дух принадлежит Небу, кости принадлежат Земле. То, что принадлежит Небу, чисто и рассеянно. То, что принадлежит Земле, осязаемо и слеплено воедино. Когда дух покидает тело, то и другое возвращаются к своему подлинному состоянию. Вот почему души умерших называют «гуй», ибо «гуй» означает «возвратиться домой»: они возвратились в родной дом⁵.

Желтый Владыка сказал:

«Когда дух мой выйдет в свою дверь, а мои кости вернуться к корню, из которого они выросли, что останется от меня?»

От рождения до смерти человек проходит через четыре великие перемены: детство, молодость, старость и смерть. В детстве его энергия сосредоточенна, а воля собрана воедино — вот предел душевной гармонии. Ничто не способно причинить ему ущерб, ничто не может добавить ему силы. В молодости его кровь кипит, страсти и замыслы бурлят в нем. Окружающие соперничают с ним, так что его жизненные силы тают. В старости его желания и помыслы слабнут и его тело ищет покоя. Никто не стремится опередить его, и, хотя он не достигает совершенства, присутствующего в детстве, его состояние намного улучшается. А когда он умирает, он обретает покой и достигает предела своего бытия.

Когда Конфуций странствовал по горе Тайшань, он увидел Жуна Цици, который бродил по равнине в одеждах из шкур, подпоясанный простой веревкой, и напевал песню, подыгрывая себе на лютне.

— Уважаемый, отчего вы так веселитесь? — спросил его Конфуций.

— О, у меня есть много причин для веселья! — ответил Жун Цици.— Среди всех вещей в этом мире человек — самое драгоценное, а я имею счастье родиться человеком. Вот первая причина для веселья! Из двух полов мужчины ценятся выше, чем женщины, а я имею счастье родиться мужчиной. Вот вторая причина для веселья! Среди родившихся на этот свет многие не живут и дня или месяца и никогда не выходят из пеленок, а я уже прожил девяносто лет. Вот моя третья причина для веселья! Для всех людей бедность — это судьба, а смерть — конец существования. Я принимаю свою судьбу и спокойно ожидаю конца, о чем же мне беспокоиться?

— Прекрасно! — воскликнул Конфуций.— Вот человек, знающий, как быть довольным в этом мире.

Когда Линь Лэй уже прожил на свете без малого сотню лет, он в разгар весны надел меховую шубу и пошел по полю, распевая песни и подбирая колоски, оставшиеся на брошенной ниве. Его заметил издали Конфуций, ехавший в то время в царство Вэй. Повернувшись к ученикам, Конфуций сказал им:

— С этим стариком нужно поговорить. Пусть кто-нибудь подойдет к нему и заведет с ним разговор.

Цзы-Гун предложил свои услуги. Он настиг Линь Лэй у самой кромки поля, взглянул на его лицо и, вздохнув, спросил:

— Неужели вы ни о чем не сожалеете? Вы поете, подбирая в поле колоски.

Линь Лэй не остановился и даже не прекратил петь. Тогда Цзы-Гун пошел за ним следом, повторяя свой вопрос. Наконец Линь Лэй обернулся и сказал:

— О чем же мне сожалеть?

— Вы, уважаемый, в юности не пеклись о добронравном поведении, в зрелые годы не стремились к успеху, в преклонном возрасте не имеете ни жены, ни детей, а смерть ваша уже близка. Какое же счастье привалило вам в жизни, что вы поете, подбирая в поле колоски?

— Причины для радости у меня такие же, как у всех людей,— ответил с улыбкой Линь Лэй.— Но люди так часто делают их причинами своих забот. В молодости я не радел о благонравном поведении, а в зрелые годы не стремился к успеху — вот почему я смог прожить так долго. В преклонном возрасте у меня не было ни жены, ни

детей, а смерть моя уже близко — вот почему я могу радоваться жизни сейчас.

— Но человеку свойственно держаться за жизнь и бояться смерти. Отчего же дума о смерти вас радует?

— Смерть — это возвращение туда, откуда мы вышли, когда родились. Как же могу я знать, что, умерев сейчас здесь, я не буду рожден где-нибудь еще? Откуда мне знать, не является ли моя любовь к жизни заблуждением? Откуда мне знать, что моя смерть не будет лучше моей жизни?

Цзы-Гун выслушал эти слова, но не понял их смысла. Он вернулся и пересказал их Конфуцию.

— Я знал, что этот человек достоин разговора, — сказал Конфуций. — Так оно и есть. Он постиг кое-что, но не постиг всего ⁶.

Цзы-Гун устал учиться и сказал Конфуцию:

— Я хочу отдохнуть.

— В жизни нет отдыха, — ответил Конфуций.

— Значит, мне не суждено обрести покой?

— Нет, ты найдешь его. Взгляни на тот могильный курган, такой величественный, такой могучий, и ты поймешь, где ждет тебя покой!

— Воистину смерть велика! — воскликнул Цзы-Гун. — Благородный муж обретает в ней отдохновение, заурядный человек покоряется ей.

— О, ты все понял, Цзы-Гун! Люди понимают радость жизни, но не ее пошлость, печаль старости, но не ее безмятежность, ужас смерти, но не ее упокоение.

Янь-цзы сказал:

— Как хорошо люди древности понимали смерть! Достойные мужи находили в ней отдохновение, презренные покорялись ей.

В смерти наши жизненные свойства достигают своего предела. Древние называли умершего «вернувшимся к началу». Говоря, что умерший «вернулся к началу», они давали понять, что живые — странники в этом мире. Странник, который забыл вернуться назад, не знает, где его дом. А того, кто не знает, где его дом, весь свет осудит. Но когда все люди забывают про свой дом, то уже некому осудить их. Положим, некто ушел из своей родной деревни, покинул своих родичей, презрел свои семейные обязанности ради того, чтобы скитаться где-то на чужбине, — что можно сказать о таком человеке? Люди в мире наверня-

ка назовут его глупцом и недотепой. Положим, что некто гордится собой, выставляет напоказ свои способности и умение, добивается славы и почета и не может удержаться от того, чтобы не хвастаться на виду у всего света, — что можно сказать о таком человеке? Люди наверняка сочтут его умным и достойным уважения. Оба этих человека не правы, однако же люди будут порицать одного и хвалить другого. Только мудрец знает, кого следует порицать, а кого хвалить.

Ле-цзы спросили:

— Почему ты ценишь пустоту?

— В пустоте нет ничего ценного, — ответил Ле-цзы. — О ней нельзя так говорить. Просто нет ничего лучше покоя, нет ничего лучше пустоты. В покое, в пустоте находишь место, где жить. А давая и отбирая, мы теряем место, где жить. Тот, кто, совершив ошибку, начинает играть в «человечность» и «справедливость», не вернет потерянного.

Юй Сюн сказал:

— Те, кто говорят, что небо и земля разрушатся, ошибаются. Те, кто говорят, что небо и земля не разрушатся, тоже ошибаются. Мы не можем знать, разрушатся они или нет. Каждый судит со своей точки зрения. И вот живые не знают, что такое быть мертвым, а мертвые не знают, что такое быть живым. Тот, кто приходит, не знает тех, кто ушел. А тот, кто ушел, не знает тех, кто придут после. Почему мы должны беспокоиться о том, разрушатся небо и земля или нет?

Шунь спросил своего помощника:

— Могу ли я обрести Путь и владеть им?

— Вы даже своим телом не можете владеть, как же вы можете владеть Путем?

— Если мое тело мне не принадлежит, то чье же оно?

— Это форма, данная вам на время Небом и Землей. Ваша жизнь вам не принадлежит: это гармония жизненных сил, дарованная вам на время Небом и Землей. Ваша природа и судьба вам не принадлежат: это Путь, предначертанный вам Небом и Землей. Ваши дети и внуки вам не принадлежат: Небо и Земля ниспослали их вам, как змеи сбрасывают кожу. Поэтому вы странствуете, не зная, куда направляетесь, покоитесь на месте, не зная, на что опираетесь, и питаете себя, не ведая как. Вы — вечное дыхание Неба и Земли, которое влечется во всех направлениях. Как же вы можете владеть им? ⁷

— Вращаясь без конца, Небо и Земля движутся неприметно. Но кто ведает об их движении? Ведь что уменьшится здесь, увеличится там, что произрастает здесь, увядает там. Уменьшаться и увеличиваться, произрастать и увядать — значит в одно и то же время рождаться и умирать. А перерыв между появлением и исчезновением столь ничтожен — кто заметит его? Чем бы ни была вещь, ее энергия не вдруг появляется, ее форма не вдруг исчезает: просто невозможно понять, когда приходит зрелость и когда наступает увядание. То же происходит и с человеком за время его жизни: его облик, суждения и манеры меняются со временем, его кожа, ногти и волосы одновременно растут и выпадают. Однако ж невозможно распознать, как претерпевают они эти перемены. Мы узнаем о них лишь после того, как они произойдут.

Некогда в царстве Ци жил человек, который так боялся, что небо обрушится, а земля обвалится вниз и ему негде будет жить, что даже не мог есть и спать. Нашелся некто, кто принял близко к сердцу его страхи, пришел к нему в дом и стал его успокаивать:

— Небо — это только скопление воздуха, и нет такого места, где бы не было воздуха. Ты целый день ходишь и лежишь внутри неба, ты внутри неба потягиваешься и сгибаешься, делаешь вдох и выдох. Почему же ты страшишься, что небо рухнет на тебя?

— Но если небо — это только скопление воздуха, то разве не свалятся с него солнце и луна, звезды и планеты? — возразил цисец.

— Солнце, луна, звезды и планеты — это скопления воздуха, которые светятся. Даже если они упадут, то никому не причинят вреда.

— А если земля обрушится?

— К чему бояться, что обрушится земля? Ведь земля — это скопление твердого вещества, которое заполняет пустоту во все четыре стороны. Нет места, где бы не было вещества. Ты целыми днями и стоишь, и ходишь, и все делаешь на земле. Чего же бояться, что она обрушится?

Услышав это, цисец очень обрадовался, и его друг обрадовался тоже.

Когда Чанлу-цзы услышал про их разговор, он рассмеялся и сказал:

— Радуга, облака и туманы, ветер и дождь и четыре времени года — все это скопления воздуха, и из них получается небо. Горы и холмы, реки и моря, металлы и камни,

огонь и дерево — все это скопления твердого вещества, и из них получается земля. Зная, что это скопления воздуха и твердого вещества, как можем мы быть уверены в том, что они никогда не разрушатся? Небо и земля — это только песчинка в целой вселенной. Конечно, должно пройти еще очень много времени, прежде чем им придет конец, и предугадать этот срок очень трудно. Беспокоиться о том, что они разрушатся, конечно, глупо. Но утверждать, что они не разрушатся никогда, — столь же неверно. Поскольку небу и земле суждено погибнуть, придет время, когда им наступит конец. И если мы окажемся в это время здесь, то почему бы нам и не беспокоиться об этом?

Когда Ле-цзы услышал эти слова, он тоже улыбнулся и сказал:

«Сказать, что Небо и Земля погибнут, — это неправда. И сказать, что Небо и Земля не погибнут, — тоже неправда. Погибнут они или нет — этого мы знать не можем. Все зависит от того, как на это посмотреть. Ведь живые не знают, что такое смерть. Мертвые не знают, что такое жизнь. Те, кто есть сейчас, не знают тех, кто был прежде. А те, кто был прежде, не знают тех, кто есть сейчас. К чему нам беспокоиться о том, погибнут Небо и Земля или нет».

В царстве Ци жил богач по фамилии Го, а в царстве Сун жил бедняк по фамилии Сян. Вот бедняк приехал в Ци, чтобы разузнать, как стать богатым. Богач Го сказал ему:

— Я хорошо научился воровать. С тех пор как я стал вором, в течение первого года я смог прокормиться, во второй год добился достатка, а в третий год — изобилия. А потом я стал раздавать милостыню в окрестных селениях.

Бедняк Сян обрадовался, но он понял только, что богач Го был вором, и не понял, как нужно воровать. Поэтому он стал перелезать через стены и врываться в дома, хватая все, что попадется под руку, и в скором времени его осудили за кражу и отняли все его имущество.

Решив, что богач его обманул, бедняк вновь отправился к нему.

— Как же ты грабил? — спросил его богач.

Бедняк рассказал ему, как все произошло.

— Да разве можно было так далеко уклониться от правильного способа воровства? — вскричал богач Го, услышав рассказ бедняка. — Позволь мне объяснить тебе. Я слышал такие слова: «Небо жалуется время, земля жалуется

богатства». Я краду у неба и земли богатства, которые предоставляют времена года, я краду у облаков и дождей влагу, у гор и равнин — их плоды, чтобы вырастить свой урожай, посеять свои семена, воздвигнуть свои стены, построить свой дом. Я краду птиц и зверей у земли, рыб и черепах — у воды. Все это — воровство, ибо урожай и семена, глина и дерево, птицы и звери, рыбы и черепахи даются нам небом — как могут они быть моим личным достоянием? Но никто не осуждает меня за то, что я крал у неба. А вот золото и яшма и прочие драгоценности, зерно и шелк и разные товары собраны людьми — разве их посылает нам небо? Что же удивительного, что тебя осудили за то, что ты присвоил их себе?

Бедняк Сян был в недоумении и решил, что богач Го опять смеется над ним. Он пошел к Дунго-цзы, расспросил его и получил такой ответ:

— Разве само тело у тебя не украдено? Если тебе приходится красть Инь и Ян для того, чтобы поддержать жизнь в своем теле, как можешь ты не красть вещи, тебя окружающие? В действительности все вещи между небом и землей не отделены друг от друга, а потому утверждать, что нечто принадлежит тебе лично, — значит творить обман. Го ворует, как все люди, и потому не подвергается осуждению. Ты же воровал в одиночку, и потому тебя осудили. Проводить ли различие между общим и частным или нет — ты все равно будешь считаться вором. Сами небо и земля делают общее общим, а частное — частным. Для того, кто постиг природу неба и земли, нет ничего, что было бы воровством и что не было бы воровством.

ГЛАВА II

ЖЕЛТЫЙ ВЛАДЫКА

Десять и еще пять лет восседал на царском престоле Желтый Владыка, и ему доставляло удовольствие знать, что весь мир был в его власти. Он «брал от жизни все», тешил свое зрение и слух, искал наслаждений для обоняния и вкуса, пока от непрерывных увеселений кожа его не высохла, а пять органов чувств не притупились окончательно. В последующие пятнадцать лет он был озабочен лишь беспорядками в Поднебесной и посвятил свое зрение и слух, свои знания и способности управлению народом. Однако кожа на нем еще больше иссохла, а его органы чувств совсем расстроились.

Тогда Желтый Владыка сокрушенно вздохнул и сказал:

— О, сколь велики мои заблуждения! Заботиться только о себе — это порок. Но заботиться только о других — порок не меньший!

Тут он забросил все свои царские дела, покинул дворец, распустил свиту, упразднил свой оркестр с колоколами и барабанами и отказался от изысканных кушаний, а сам стал жить в праздности в хижине, очищая свое сердце и тело. Вот так он прожил три месяца, ни разу не вспомнив о своих обязанностях государя.

Однажды, когда он заснул днем, ему привиделось, что он попал в страну Хуасюй¹. Страна эта лежала на запад от области Яньчжоу и на север от области Тайчжоу, а в скольких миллионах ли от Срединного царства — неизвестно. До нее нельзя добраться ни на лодке, ни на телеге, ни пешком. Странствовать там можно лишь в мыслях. В этой стране нет ни начальников, ни старших и все устраивается само собой. В людях нет ни жадности, ни похоти, и каждый живет сам по себе. Люди там не радуются жизни и не боятся смерти, и поэтому никто не умирает прежде срока. Они не знают, что такое ставить себя выше других, и поэтому им неизвестны любовь и ненависть. Они не знают, что такое

угождать или вредить другим, соглашаться с другими или идти наперекор чужой воле, поэтому они не ведают ни выгод, ни убытков. В мире нет ничего, что вызывало бы в них недовольство или сожаление, ничего, что страшило бы их или заставляло завидовать. Они ходят по воде — и не тонут, ступают по огню — и не горят. Ударить их — и на них не появятся раны. Ущипнешь их — и на их коже не останется следа. Они ходят по воздуху, как по земле, спят в пустоте, точно в постели. Облака и туманы не мешают им смотреть, раскаты грома не мешают слушать, красота и уродство не смущают их сердца, горы и ущелья не утомляют их ноги, ибо они странствуют всюду душой.

Когда Желтый Владыка проснулся, он был очень рад тому, что снова вернулся к своей жизни. Позвал он своих советников Тяньлао, Лиму и Тайшань Цзи и сказал им:

— Я прожил в праздности три месяца, очищая свое сердце и тело, желая понять, как нужно владеть собой и управлять другими, но успеха так и не добился. Устав, я заснул, и вот что я увидел во сне. Теперь я знаю, что Верховный Путь нельзя постичь посредством чувств. Я знаю его, я его обрел, но я не могу рассказать вам о нем.

Прошло еще двадцать лет, в продолжение которых Поднебесная управлялась так же хорошо, как и в стране Хуасюй, и Желтый Владыка вознесся на небеса. А люди не переставали оплакивать его в течение двух столетий.

Гора Гуешань стоит на островах, там, где Желтая Река впадает в Океан. На этой горе живет Божественный человек. Он вдыхает ветер, пьет росу и не ест злаков. Его сердце — как бездонный источник, его внешность — как у юной девушки. Он не ведает ни милости, ни любви, но небожители и мудрецы рады быть его советниками. Он не внушает страха, никогда не сердится, но люди способные и добросовестные рады быть его посланниками. В них нет щедрости и доброты — а другие всего имеют в достатке. Он ничего не собирает и не делает запасов, но ни в чем не нуждается. Там силы Инь и Ян всегда пребывают в согласии, солнце и луна всегда светят в положенное время, четыре времени года исправно сменяют друг друга, равномерно дуют ветры и идут дожди, своевременно возрастает все живое, урожай всегда обилен, а в округе не бывает мора, не умирают преждевременно люди, не болеют животные, а души умерших не доставляют беспокойства живым.

Учителем Ле-цзы был Старый Шан, а другом — Богао-цзы. Ле-цзы досконально перенял искусство обоих и возвратился домой, оседлав ветер. Услышал о нем Инь Шэн, присоединился к его ученикам и в течение нескольких месяцев не искал себе пристанища². Десять раз, когда Ле-цзы отдыхал от своих дел, он просил его открыть свои секреты, и каждый раз Ле-цзы отсылал его обратно, ничего ему не сказав. Инь Шэн обиделся и попросил разрешения уехать. Ле-цзы не стал возражать.

Прошло несколько месяцев, Инь Шэн не отказался от своих намерений и снова пришел к Ле-цзы.

— Почему ты столько раз приходишь и уходишь? — спросил его Ле-цзы.

— Не так давно я обращался к вам с просьбой, а вы не удостоили меня ответом. Тогда я обиделся на вас, но ныне обида прошла, и вот я опять здесь, — ответил Инь Шэн.

— Я считал тебя проницательным, а ты, я вижу, ничего не понимаешь! Ну хорошо, я расскажу тебе, чему я научился у моего учителя. Спустя три года после того, как я начал учиться у моего учителя и подружился с одним человеком, мое сердце уже не занимали мысли о «правильном» и «неправильном», мои уста более не говорили о пользе и вреде, и тогда учитель впервые посмотрел в мою сторону. Спустя пять лет в моем сердце снова появились мысли о правильном и неправильном, а мои уста вновь заговорили о пользе и вреде — и тогда учитель впервые мне улыбнулся. Спустя семь лет я уже не прилагал к своим мыслям понятия правильного и неправильного и говорил все, что приходило на ум, не задумываясь о пользе и вреде. Тогда учитель впервые предложил мне сесть рядом с собой. Спустя девять лет я принимал свободно все, что появлялось в моем сердце, и говорил свободно все, что приходило на ум, не зная, правильно это или неправильно, полезно или вредно, и даже не помня, кто мой учитель и мой друг. Тогда, когда я дошел до предела всего, что было внутри и вовне меня, мое зрение стало подобным моему слуху, мой слух — подобным моему обонянию, мое обоняние — подобным вкусовым ощущениям. Мое сознание стало собранным воедино, а тело — расслабленным, плоть и кости срослись воедино, я не замечал, на что я опираюсь и где ступают мои ноги, я скитался вместе с ветром на запад и на восток, подобно листку, сорванному с дерева, или высушенной мякине, и даже не знал, ветер ли гонит меня, или я подгоняю ветер. А теперь ты захотел стать моим учеником и, не пробыв со мной и одного года,

уже обижаешься на меня. А ведь ветер не поднимет в воздух и частицы твоего тела, земля не удержит и одного сустава на твоём пальце. Как же ты собираешься ходить по воздуху и скитаться вместе с ветром?

Тут Инь Шэн устыдился так, что долго даже вздохнуть не осмеливался.

Больше он не подходил с расспросами к Ле-цзы.

Учитель Ле-цзы спросил у Гуань-иня: «Высший человек идет под водой — и не захлебывается, ступает по огню — и не обжигается, воспаряет над всем миром — и не пугается. Позвольте спросить, как этого добиться?»

— Этого добиваются не знаниями и ловкостью, а сохраняя чистоту жизненной силы, — ответил Гуань-инь. — Присядь, я расскажу тебе. Все, что обладает формой и образом, звучанием и цветом, — это вещи. Чем же отличаются друг от друга вещи и чем превосходят они друг друга? Формой и цветом — только и всего! Ведь вещи рождаются в Бесформенном и возвращаются в Неизменное. Какие могут быть преграды тому, кто это постиг? Такой человек пребывает в Неисчерпаемом и хоронит себя в Беспредельном, странствует у конца и начала всех вещей. Он бережет цельность своей природы, пестует свой дух и приводит к согласию свои жизненные силы, дабы быть заодно с творением всего сущего. Небесное в нем сберегается в целостности, духовное в нем не терпит ущерба. Как же могут задеть его внешние вещи?

Вот и пьяный, упавший с повозки, может удариться сильно, а до смерти не убьется. Тело у него такое же, как у других, а ушибется он по-особому — ведь дух его целостен. Он не знал, что едет в повозке, и не знал, что свалился с нее, мечты о жизни и страх смерти не гнездились в его груди, и вот он, столкнувшись с каким-либо предметом, не ведает страха. Если человек может стать таким целостным от вина, то насколько же целостнее может он стать благодаря Небу? Мудрый хоронит себя в небесном, и потому ничто не может ему повредить³.

Ле Юйкоу показывал Бохуню-Безвестному свое искусство стрельбы из лука: натянул тетиву, поставил на локоть кубок с водой, пустил стрелу, а потом, не дожидаясь, когда она долетит до цели, пустил и вторую, и третью. И все это время стоял не шелохнувшись, точно истукан.

— Это мастерство стрельбы при стрельбе, а не стрельба без стрельбы, — сказал Бохунь-Безвестный. — А смог бы ты

стрелять, если бы взошел со мной на скалу и встал на камень, нависший над пропастью в тысячу саженей?

Тут Безвестный взошел на высокую скалу, встал на камень, нависший над пропастью в тысячу саженей, повернулся и отступил назад так, что ступни его до половины оказались над пропастью, а потом подозвал к себе Ле Юйкоу. Тот же, обливаясь холодным потом, упал на землю и закрыл лицо руками.

— У высшего человека, — сказал Безвестный, — дух не ведает смущения, даже если он воспаряет в голубое небо, опускается в мировую бездну или улетает к дальним пределам земли. А тебе сейчас хочется зажмуриться от страха. Искусство твое немногого стоит! ⁴

В роду Фань был человек по имени Цзыхуа, который любил привлекать к себе удалых людей, и его боялись в целом царстве. Он был любимцем правителя Цзинь и, хотя должности при дворе не имел, сидел справа от Трех Советников ⁵. Всякий, кого он удостоивал благосклонного взора, получал знатный титул и удел, а те, кого он по собственной прихоти оговаривал, лишались всех чинов и званий. В его доме толпилось не меньше просителей, чем в царском дворце. Цзыхуа позволял самым сильным и смелым людям в его свите обижать слабых и робких. Даже если кому-нибудь в его присутствии наносили увечье, он не обращал внимания. Так он развлекался днями и ночами, и все жители царства уже привыкли к этому.

Однажды первые удалыцы семейства Фань — Хэшэн и Цзыбо — отправились за город и заночевали в доме старого крестьянина Кая с горы Шанцю. До глубокой ночи Хэшэн и Цзыбо говорили о славе и могуществе Цзыхуа, который, дескать, может убить или подарить жизнь, озолотить или разорить по своей прихоти. Кай был бедный человек, вечно страдавший от голода и холода. Притаившись у северного окна, он подслушивал разговор гостей. Воодушевленный услышанным, он собрал еду, положил ее в корзинку и отправился к воротам Цзыхуа.

А в свите Цзыхуа состояли родовитейшие люди царства. Одетые в белый шелк, они разъезжали в колесницах с высоким передком или прохаживались по улице, поглядывая на прохожих. Увидев Кая с горы Шанцю, старого и немощного, с обветренным лицом и в ветхой одежде, они отнеслись к нему с презрением, стали толкать и бить его, похлопывать по спине, оскорблять и насмехаться над ним. А Кай не обращал на их издевательства никакого вни-

мания, и удальцы в конце концов исчерпали свое остроумие. Тогда они привели Кая на вершину башни, и один из них сказал в шутку:

— Кто бросится вниз, получит сотню золотых!

Все сделали вид, что поверили этому, а Кай, принявший все всерьез, поспешил прыгнуть первым. Он опустился на землю, словно парящая птица, ничего не повредив себе.

Люди Цзыхуа решили, что ему просто повезло, и не слишком удивились такому счастливому падению. Но, чтобы еще раз испытать его, кто-то указал на глубокий омут в излучине реки и сказал:

— Там на дне есть драгоценная жемчужина, кто туда нырнет, сможет достать ее.

Кай тут же бросился в воду, и, когда он снова вынырнул на поверхность, в руке он держал жемчужину. Тут впервые люди Цзыхуа призадумались, а сам Цзыхуа пожаловал ему вместе с другими шелк и мясо.

Внезапно в сокровищнице Фаней вспыхнул пожар. «Если сумеешь войти в сокровищницу и спасти мой шелк, отдам тебе все, что вынесешь!» — крикнул Цзыхуа Каю.

Тут Кай без колебания направился к сокровищнице, исчез в пламени, а некоторое время спустя вышел из него целым и невредимым, даже сажа не оставила на нем следов.

Тут все решили, что Кай владеет Путем, и стали просить у него прощения.

— Мы не ведали, что вы обладаете Путем, и потому смеялись над вами, — сказали ему люди Цзыхуа. — Как глупы, как глухи, как слепы мы были! Позвольте же спросить у вас, в чем ваш секрет?

— Никакого Пути у меня нет, — отвечал Кай. — Я и сам не знаю, как это все у меня получилось. Но все же попробую вам кое-что рассказать. Не так давно я слышал, как двое из вас, остановившись на ночлег в моем доме, расхваливали славу и могущество Цзыхуа, который якобы может убить или подарить жизнь, озолотить или разорить по своей прихоти. Я верил этому всем сердцем, и вот почему я оказался здесь, а долгий путь показался мне коротким. Когда я пришел сюда, я думал, что все, о чем говорят здесь, — правда, и я боялся только, что вера моя будет недостаточно крепка. Я не знал, куда направляюсь, не ведал, где для меня польза, а где вред. Я просто сосредоточился на одном — вот почему для меня не существовало никаких преград. Но теперь, когда я знаю, что вы смеялись надо мной, во мне зародились тревоги и подозрения, хотя я стараюсь казаться спокойным. Оглядываясь назад, я могу счи-

тать, что для меня было большой удачей не утонуть и не сгореть заживо. Но посмею ли я снова броситься в воду или в огонь?

С тех пор удалцы Цзыхуа, встретив на дороге нищего или коновала, не осмеливались обижать их и даже выходили из коляски, чтобы поклониться им.

Услышал об этой истории Цзай Во и рассказал ее Конфуцию.

— А ты разве не знал? — ответил Конфуций. — Человек с безупречной верой способен подчинить своей воле все вещи. Он движет небо и землю, заставляет откликаться духов, охватывает собою вселенную и нигде не встречает преграды. Неужели ты думаешь, что он может только проходить через огонь и воду? Ничто не мешало Каю, даже когда он поверил в ложь. Тем более ничто не помешает ему, когда с ним будут искренни! Запомни это, юноша!

У конюшего чжоуского царя Сюаня был раб по имени Лян Ян, который был искусен в обращении со зверями и птицами. Он собирал их и держал у себя во дворе и умел укрощать самого свирепого хищника — волка, тигра или орла. При нем самцы и самки сбивались в стаи, спариваясь без опаски; разные животные жили вместе и никогда не прогоняли и не кусали друг друга. Государь не хотел, чтобы искусство Лян Яна умерло вместе с ним, и приказал Мао Цююаню стать его учеником.

Лян Ян сказал Мао Цююаню:

— Какому искусству могу я, презренный раб, научить вас? Но я боюсь, что государь скажет, что я скрываю от вас свои секреты, а потому позвольте мне рассказать вам о том, как приручать тигров. Вообще говоря, в природе всего живого быть довольным, когда вам угождают, и сердиться, когда вам перечат. Однако же нельзя думать, что довольство и гнев возникают по чистому произволу. Зверь гневается, лишь когда идут против его желаний. Кормя тигра, я не решаюсь давать ему живого зверя, ибо он впадет в ярость, убивая его. Я не даю ему и целую тушу, ибо он впадет в ярость, разрывая ее на части. Я слежу за тем, голоден тигр или сыт, и постигаю причины его раздраженности. Хотя тигры совсем не похожи на людей, но если они ласкаются к человеку, то это потому, что человек угождает ему, а если он бросается на человека, то это потому, что человек идет ему наперекор. А если так, то могу ли я гневать их, идя наперекор их желаниям? Но я и не потворствую им во всем. Ибо когда радость достигает предела, она

сменяется гневом, а когда достигает своего предела гнев, нас вновь охватывает радость, ибо в нашей душе нет равновесия. А поскольку в своем сердце я никому не угождаю и не перечу, звери и птицы принимают меня за своего. И потому нет ничего удивительного в том, что они спокойно гуляют по моему двору, не вспоминая о лесной чаще и пустынной равнине, а когда они мирно спят в моем дворе, им не снятся высокие горы и глубокие ущелья.

Янь Хой сказал Конфуцию: «Однажды я переправлялся через глубокий поток Шаншэнь, и перевозчик управлял лодкой, словно всемогущий Бог. Я спросил его: «Можно ли научиться управлять лодкой?» «Можно,— ответил он.— Это легко может сделать хороший пловец, а если он к тому же и ныряльщик, то научится управлять лодкой, даже не видя ее в глаза». Я спросил его еще, но он не захотел говорить со мной. Позвольте спросить, что это значит?»

— Когда перевозчик сказал, что его искусству легко может научиться хороший пловец, он имел в виду, что такой пловец забывает про воду,— ответил Конфуций.— А когда он сказал, что ныряльщик может научиться его искусству, даже не видя лодку в глаза, он говорил о том, что для такого человека водная пучина — все равно что суша и перевернуться в лодке — все равно что упасть с повозки. Пусть перед ним опрокидывается и перевертывается все, что угодно,— это не поколеблет его спокойствия. Что бы с ним ни случилось, он будет безмятежен!⁶

Конфуций любовался водопадом в Люйляне. Вода в нем низвергалась с высоты в тридцать саженей, река вокруг пенилась на расстоянии сорока ли. В те места не осмеливались заплывать ни рыбы, ни черепахи. Вдруг Конфуций увидел в бурных волнах плывущего человека. Подумав, что кто-то решил таким образом покончить с жизнью, он послал учеников спасти несчастного. Но в ста шагах вниз по течению незнакомец сам вышел на берег и пошел вдоль реки, распустив волосы и весело напевая. Конфуций догнал его и спросил:

— Я думал поначалу, что передо мной дух, а теперь вижу, что вы — живой человек. Позвольте спросить, есть ли у вас, великого пловца, свой Путь?

— О нет, у меня нет Пути. Я начал с того, что было мне дано от рождения, вырос в том, что угодно моей природе, и достиг зрелости в том, что является моей судьбой. Я вхожу в воду с течением, увлекающим на середину реки,

и выхожу с течением, несущим к берегу. Я следую движению вод и не навязываю волнам свою волю. Вот как я удерживаюсь на плаву.

— Что значит «начать с того, что дано от рождения, вырасти в том, что угодно природе, и достичь зрелости в том, что является судьбой»?

— Я родился на суше и чувствую себя покойно на суше — вот что значит «данное от рождения». Я вырос в воде и чувствую себя покойно в воде — вот что значит «вырасти в том, что угодно природе». И я живу так, не ведая, почему я таков, — вот что значит «достичь зрелости в том, что является судьбой»⁷.

По дороге в царство Чу Конфуций вышел из леса и увидел Горбуна, который ловил цикад так ловко, будто подбирал их с земли.

— Неужто ты так искусен? Или у тебя есть Путь? — спросил Конфуций.

— У меня есть Путь, — ответил Горбун. — В пятую — шестую луну, когда наступает время охоты на цикад, я кладу на кончик своей палки шарики. Если я смогу положить друг на друга два шарика, я не упущу много цикад. Если мне удастся положить три шарика, я упущу одну из десяти, а если я смогу удержать пять шариков, то поймаю всех без труда. Я стою, словно старый пень, руки держу, словно сухие ветки. И в целом огромном мире, среди всей тьмы вещей меня занимают только крылатые цикады. Я не смотрю по сторонам и не променяю крылышки цикады на все богатства мира. Могу ли я не добиться желаемого?

Конфуций повернулся к ученикам и сказал: «Помыслы собраны воедино, дух безмятежно-покоен...» Не об этом ли Горбуну сказано такое?⁸

Один человек, живший у моря, любил чаек. Каждое утро он уходил на морской берег плавать вместе с чайками, и к нему слеталось такое множество птиц, что всех и не сосчитать. Однажды его отец сказал ему:

— Я слышал, к тебе слетаются все чайки на море. Поймай мне несколько — я тоже хочу поиграть с ними.

Когда на следующее утро тот человек пришел к морю, чайки кружились над ним, но не опускались низко.

Вот почему говорят: «Предел речи — отсутствие речей. Предел деяния — отсутствие деяний». Знание, доступное всем, — поверхностно.

Чжао Сян-цзы охотился с сотней тысяч своих людей в Срединных горах. Он поджег целый лес, поднеся огонь к высокой траве, и пожар распространился вокруг на сотни ли. Неожиданно прямо из каменной скалы вышел человек, поднимаясь и опускаясь вместе с клубами дыма. Все присутствующие подумали, что видят духа. Пройдя через пламя, словно и не замечая его, человек неспешно пошел прочь. Чжао Сян-цзы, пораженный увиденным, велел задержать человека и внимательно оглядел его. Внешность, кожа и лицо незнакомца были вполне человеческими. Его дыхание и его голос тоже были совсем как у других людей. Он спросил незнакомца, каким образом он мог жить внутри скалы и пройти через огонь.

— А что вы называете скалой и огнем? — спросил человек.

— То, откуда ты только что вышел, — это скала. А то, через что ты только что прошел, было огнем.

— Я этого не знал.

Услышал об этой истории вэйский царь Вэнь и спросил Цзы-Ся, ученика Конфуция:

— Что это был за человек?

— Я слышал, как мой учитель говорил, что человек, пребывающий в гармонии, во всем подобен другим, и ничто не может причинить ему вред или преградить ему Путь. Пройти через металл или камень, ходить по воде и огню — все это возможно.

— А почему вы сами так не поступаете?

— Я еще не способен «раскрыть сердце, прогнать мудрствование». Однако я готов рассказать вам все, что знаю об этом.

— А почему твой учитель на такое не способен?

— Мой учитель из тех людей, которые, хотя и могут делать так, могут и не делать этого.

Такой ответ пришелся по душе царю Вэню.

В царстве Чжэн жил могущественный колдун по имени Ли Сянь, который умел угадывать судьбы людей — будет ли человек жить или умрет, спасется он или погибнет, встретит или не встретит удачу, умрет ли в молодости или доживет до глубокой старости. Еще он умел предсказывать события, называя и год, и месяц, и даже день. Так велико было его искусство, что жители Чжэн, завидев его, обращались в бегство. Когда Ле-цзы увиделся с ним, ему в сердце словно хмель ударил, и он, вернувшись домой, сказал учителю Ху-цзы: «Раньше я думал, учитель, что

ваш Путь — выше прочих, но теперь я знаю, что есть и еще более высокий».

— Я изучил с тобой писания о Пути, но не вникнул в существо Пути,— ответил Ху-цзы.— Постиг ли ты Путь воистину? Даже если кур много, а петуха на них нет, откуда же возьмутся яйца? Ты чрезмерно стараешься осуществить Путь в миру, завоевать доверие людей, а потому облик твой слишком выдает твои намерения. Попробуй привести его сюда, пусть он посмотрит на меня.

На следующий день Ле-цзы привел колдуна к Ху-цзы. Когда колдун вышел, он сказал Ле-цзы: «Гм, твой учитель — мертвец, ему не прожить и десятка дней. Я увидел нечто странное, увидел сырой пепел!»

Ле-цзы вошел в комнату учителя, обливаясь слезами, и передал ему слова колдуна.

Ху-цзы сказал: «Я только что показался ему в образе Земли, притаился в незыблемом, но вовеки подвижном. Ему же, верно, привиделось, что жизненной силе во мне прегражден Путь. Приведи его ко мне еще раз».

На следующий день колдун вновь пришел к Ху-цзы, а уходя, сказал Ле-цзы: «Счастье, что твой учитель встретился со мной. Ему сегодня намного лучше! Он совсем ожил! Я вижу, что жизненные силы в нем свободны». Ле-цзы передал слова колдуна учителю, и тот сказал: «На сей раз я предстал ему зиянием Небес. Ни имя, ни сущность в нем не гнездятся, а жизненная сила во мне исходила из пяток. Он, верно, увидел во мне это истечение силы. Приведи-ка его еще раз».

На следующий день колдун вновь пришел к Ху-цзы и, выйдя от него, сказал Ле-цзы: «Учитель твой так переменчив! Я не могу разгадать его облик. Подождем, пока он успокоится, и я снова осмотрю его». Ле-цзы передал слова колдуна учителю, и тот сказал: «Я предстал ему Великой Пустотой, которую ничто не одолеет. И вот он узрел во мне глубочайший исток жизненных сил. Ибо и в стоячей, и в текучей воде есть темные глубины, и насчитывается их всего девять, а показал я только три. Пусть он придет еще раз».

На следующий день колдун снова пришел к Ху-цзы, но не успел он усесться на своем сиденье, как в смятении вскочил и выбежал вон. «Догони его!» — крикнул Ху-цзы ученику. Ле-цзы побежал за колдуном, да так и не догнал его. А Ху-цзы сказал: «На сей раз я показал ему свой изначальный образ — каким я был до того, как вышел из своего предка. Я предстал перед ним пустым, неосвязаемо-

податливым; невдомек ему было, кто я и что я такое, вот и показалось ему, что он скользит в бездну и плывет свободно по лону вод. Поэтому он убежал от меня».

Тут Ле-цзы понял, что еще и не начинал учиться. Он вернулся домой и три года не показывался на людях.

Сам готовил еду для жены.
Свиной кормил, как гостей.
Дела мира знать не хотел.
Роскошь презрел, возлюбил простоту.
Возвышался один, словно ком земли.
Не держался правил, смотрел в глубь себя⁹.

Ле-цзы отправился в царство Ци, но с полпути повернул назад и встретил на дороге Бохуня-Безвестного, который спросил его, почему он возвращается домой.

— Я испугался!

— Чего же вы испугались?

— Я ел в десятке харчевен, и в пяти мне подавали раньше всех.

— Если это все, то чего же тут страшного?

— Когда внутренняя цельность в человеке еще не окрепла, она просачивается наружу и создает вокруг него свечение, которое трогает сердца окружающих и заставляет их почитать такого человека больше собственного отца и начальника. А это уже опасно. Ведь хозяин харчевни думает только о том, чтобы продать свой рис и похлебку, далеко идущих намерений у него нет. Если человек, который получает от меня так мало, ценит меня так высоко, то как же поступит властитель десяти тысяч колесниц, который отдает все свое время царству и все свои знания управлению? Правитель Ци пожалует мне какую-нибудь должность и будет ожидать, что я успешно справлюсь со своими обязанностями. Вот что встревожило меня.

— Прекрасное наблюдение! — воскликнул Бохунь-Безвестный. — Но даже если вы останетесь дома, то другие люди будут докучать вам просьбами.

Некоторое время спустя Бохунь-Безвестный пришел к Ле-цзы и у дверей его дома увидел множество туфель, оставленных посетителями. Бохунь встал лицом на север, оперся на посох и прислонился к нему щекой. Постояв так немного, он вышел, не сказав ни слова. Привратник доложил об этом Ле-цзы. Тот бросился за ним вдогонку босиком, держа туфли в руке, и догнал его уже у ворот.

— Поскольку вы пришли ко мне, уважаемый, не сообразовали ли вы дать мне наставление? — обратился Ле-цзы к Бохуню-Безвестному.

— Довольно! — ответил Бохунь-Безвестный. — Я уже сказал вам откровенно, что другие станут докучать вам просьбами. Так оно и вышло. И дело не в том, что вы можете позволить им делать это, а в том, что вы не можете запретить им поступать так. Для чего вам общение с этими людьми, мешающее вашему спокойствию? Если вы хотите произвести впечатление, это расстроит вашу внутреннюю гармонию и не принесет добрых плодов. Никто из ваших приятелей не скажет вам ничего дельного, все их пошлые слова — словно яд. Если мы не стараемся друг друга пробудить, как мы будем мужать? ¹⁰

Ян Чжу поехал на юг и добрался до царства Пэй. Когда Лао-цзы уезжал на запад, в царство Цинь, Ян Чжу вышел за город, чтобы поприветствовать его. Лао-цзы встал посередине дороги, подняв взор к небесам, и сказал со вздохом:

— Когда-то я думал, что тебя можно чему-то научить, но сейчас я вижу, что это невозможно.

Ян Чжу ничего не ответил. Когда путники прибыли в его дом, он подал Лао-цзы полотенце, гребень и таз с водой для омовения. Сняв туфли за дверью, он на коленях подполз к Лао-цзы и сказал:

— Учитель, только что вы подняли свой взор к небесам и сказали: «Когда-то я думал, что тебя можно чему-то научить, а сейчас вижу, что это невозможно». Ваш ученик хотел попросить вас разъяснить смысл этих слов, но вы все шли вперед, и я не посмел обратиться к вам с вопросом. Теперь же осмелюсь спросить вас, в чем моя ошибка?

Лао-цзы ответил:

— Сколько высокомерия в твоем взгляде! Кто может ужиться с тобой?

Самая чистая белизна кажется чуть запачканной,

В совершенной добродетели как будто чего-то не хватает.

Ян Чжу переменился в лице и сказал: «Почтительно слушаюсь!»

Прежде Ян Чжу в каждой харчевне приветствовали и провожали жильцы, хозяин подавал ему сиденье, хозяйка подносила полотенце и гребень, сидевшие в доме уступали место на циновке, гревшиеся давали место у очага. Когда же он вернулся, постояльцы стали спорить с ним за место на циновке ¹¹

Ян-цзы путешествовал по царству Сун и остановился

на ночлег в придорожной харчевне. У хозяина харчевни было две наложницы: одна красивая, другая уродливая. С дурнушкой он обращался почтительно, а с красавицей был груб. Когда Ян-цзы спросил о причине такого поведения, малолетний сын хозяина ответил: «Красавица думает о себе, что она красива, а мы не знаем, в чем ее красота. Дурнушка думает о себе, что она уродлива, но мы не знаем, в чем ее уродство».

— Запомните это, ученики,— сказал Ян-цзы.— Если вы будете жить мудро, но не считать себя мудрецами, вас всюду будут любить! ¹²

В Поднебесном мире есть Путь, благодаря которому всегда одерживают победу, и есть Путь, благодаря которому не побеждают никогда. Первый зовется слабостью, второй зовется силой. Узнать их легко, но люди не желают их знать. Поэтому древние говорили: «Сильные стараются превзойти тех, кто слабее их, а слабые желают превзойти тех, кто сильнее их». Человек, старающийся превзойти тех, кто слабее его, оказывается в опасности, когда он встречает того, кто сильнее его. Но человеку, который желает превзойти того, кто сильнее его, ничто не угрожает. Есть изречение, гласящее: «Этим ты побеждаешь свое тело и делаешь его своим слугой; этим ты заставляешь целый мир служить тебе». Оно означает, что ты побеждаешь не других, а себя и ищешь должное применение не другим, а самому себе.

Юй Сюн сказал:

Если хочешь быть твердым, оберегай твердость мягкостью.
Если хочешь быть сильным, поддерживай силу слабостью.
Когда мягкое накапливается, появляется твердость.
Когда слабость накапливается, появляется сила.
Смотри, как это скапливается, и ты постигнешь корень всех удач и бед.
Сильные побеждают тех, кто слабее их, а когда они встречают равного, они не имеют преимущества.
Слабые побеждают тех, кто сильнее их, и сила их неизмерима.

Лао-цзы сказал:

Если войско могучее, оно погибнет.
Если дерево сильное, оно сломается.
Мягкое и слабое — это жизнь.
Твердое и сильное — это смерть ¹³.

Человек может быть подобен нам обликом, но ум его может не быть подобен нашему. Или он может быть подобен нам умом и не быть подобным нам обликом. Мудрый предпочитает быть подобным умом, а обыкновенные люди любят тех, кто похож на них обликом, и избегают тех, кто на них не похож.

Всякий, чей рост достигает шести вершков, у кого руки не похожи на ноги, на голове растут волосы, а зубы спрятаны во рту, зовется «человеком», но у этого человека может быть сердце дикого зверя. Однако ж люди все равно примут его как себе подобного. Всякое существо, которое имеет крылья на спине или рога на голове, могучие клыки и острые когти, кто летает по воздуху или бегаёт по лесам, зовется «зверем» или «птицей», однако же у зверя и птицы тоже есть сознание, подобное человеческому. И все-таки люди не сочтут их за подобных себе, потому что обликом они отличны от людей.

Когда Желтый Владыка бился с Яньди на равнине Фаньцюань, он поставил впереди медведей, волков, леопардов и тигров, а знаменосцами у него были орлы, фазаны, коршуны и кречеты. Вот что значит подчинять зверей и птиц силой. Когда Яо поручил Кую заведовать музыкой, тот, ударяя в каменные пластины, заставлял зверей пускаться в пляс, а стоило ему сыграть на свирели мелодию Сяошао, как пара фениксов прилетала во дворец и исполняла танец. Вот что значит завораживать зверей и птиц музыкой. Чем же сознание птиц и зверей отличается от человеческого? Поскольку они отличаются от людей обликом и голосом, мы не знаем, как общаться с ними, но мудрый все знает и все понимает, оттого он может привлечь к себе зверей и птиц и сделать их своими слугами.

Сознание зверей и птиц по природе подобно человеческому. Как и мы, они стремятся уберечь свою жизнь, и им нет нужды для этого учиться у человека. Самец и самка спариваются, мать и дитя тянутся друг к другу; они избегают ровных мест и селятся в недоступных местах, не любят холода и радуются теплу. Они живут стаями, передвигаются строем, детеныши держатся в середине, а взрослые — по краям; они ведут друг друга к воде и зовут друг друга, когда находят пищу. В глубокой древности люди и звери жили сообща, держались дружно. А во времена Пяти Царей и Трех Правителей животные были напуганы и потому разбежались в разные стороны. А в наш смутный век они прячутся в норах и дуплах, чтобы спасти себя.

Даже и ныне в восточной стране Цзе многие люди пони-

мают речь животных. Такое возможно даже при наших ограниченных знаниях. Великие мудрецы древности знали обычаи всех существ в мире и понимали голоса всех зверей и птиц. Они умели призывать к себе животных и наставлять их, словно людей. Истинные мудрецы способны общаться с духами, призывать к себе людей со всех сторон света и собирать вокруг себя и птиц, и зверей, и насекомых, а это означает, что между всеми существами мироздания нет больших отличий в их сознании. Древние мудрецы знали это, а потому не обходили своими наставлениями никого из живущих в этом мире.

В царстве Сун жил человек, который очень любил обезьян и держал у себя целые обезьяньи стаи. Он мог читать мысли обезьян, и обезьяны тоже его понимали. Его семья жила впроголодь, потому что он тратил все свои доходы на обезьян. В конце концов ему стало совсем туго, и он решил давать обезьянам меньше корма. Опасаясь, что обезьяны взбунтуются, он задумал обхитрить их.

— Если я буду давать вам по три ореха утром и по четыре вечером, что вы скажете? — спросил он обезьян.

Обезьяны пришли в ярость.

Тогда человек сказал:

— А хватит ли вам, если я буду давать вам четыре ореха утром и три вечером?

Обезьяны были очень довольны и быстро успокоились.

Точно так же умный человек обманывает глупого. Мудрый своей мудростью заманивает простаков в клетку, точь-в-точь как владелец обезьян поступает со своими животными. Ничего не меняя ни по названию, ни по сути, он умеет вызывать в других то радость, то гнев¹⁴.

Цзи Син-цзы растил бойцовского петуха для государя. Прошло десять дней, и государь спросил: «Готов ли петух к поединку?»

— Еще нет. Ходит заносчиво, то и дело впадает в ярость, — ответил Цзи Син-цзы.

Прошло еще десять дней, и государь снова задал тот же вопрос.

— Пока нет, — ответил Цзи Син-цзы. — Он все еще бросается на каждую тень и на каждый звук.

Минуло еще десять дней, и царь вновь спросил о том же.

— Пока нет. Смотрит гневно и силу норовит показать.

Спустя десять дней государь опять спросил о том же.

— Почти готов, — ответил на этот раз Цзи Син-цзы. —

Даже если рядом закричит другой петух, он не беспокоится. Посмотришь издали — словно из дерева вырезан. Жизненная сила в нем достигла совершенности. Другие петухи не посмеют принять его вызов: едва завидят его, как тут же повернутся и убегут прочь¹⁵.

Хуэй Ан пришел к сунскому царю Кану. Царь Кан топнул ногой, кашлянул и сказал грозно:

— Мне по душе лишь отвага и сила, я не люблю тех, кто болтает о человечности и долге. Чему можешь ты научить меня?

— Положим, ваш слуга знает способ сделать так, чтобы любой, сколь бы храбр и силен он ни был, не смог бы ударить и сразить вас, ваше величество. Хочется ли вам узнать этот способ?

— Прекрасно! Вот что я хочу знать!

— Но даже если вас не могут сразить, все же для вас сие унизительно.

Положим, я знаю способ сделать так, что никто в мире, как бы храбр и силен он ни был, даже и помыслить не смел о том, чтобы ударить вас. Положим, я знаю способ устроить так, что никто в мире и думать не будет о том, чтобы причинить вам зло. Положим, я знаю способ заставить каждого человека, мужчину или женщину, любить вас и всячески вам помогать. Все эти три способа лучше отваги и силы. Не соблаговолите ли узнать, что они такое?

— Поистине, вот что хотелось бы мне, единственному, знать!

— Как раз этому учат Конфуций и Мо Ди. Конфуций и Мо Ди стали государями, не имея царства, и управляли, не имея подданных. Все люди в мире, мужчины и женщины, стояли на цыпочках и смотрели в их сторону, вытягивая шеи, желая угодить им и уберечь от невзгод. Вы, ваше величество, владеете десятью тысячами колесниц. Если вы захотите быть таким, как эти мужи, то все люди, живущие в границах вашего царства, будут благоденствовать. Тогда вы намного превзойдете Конфуция и Мо Ди.

Царь Кан не нашелся что ответить, Хуэй Ан же не мешкая ушел.

Царь сказал людям своей свиты:

— Как ловко говорил этот гость! Мне, единственному, и возразить нечего!

ГЛАВА III

ЦАРЬ МУ

Во времена чжоуского царя Му из страны на далеком Западе пришел кудесник, который мог проходить сквозь огонь и воду, входить в камень и металл, переворачивать горы, поворачивать реки вспять, поднимать в воздух целые города, летать в пустоте и не падать и беспрепятственно проходить через всякие твердые предметы. Не было конца всяким чудесным явлениям, которые он мог вызывать. Но он умел творить превращения не только вещей, но и в мыслях людей. Царь Му чтит его, как божество, и прислуживал ему, как господину. Он отвел ему покои в царском дворце, посылал ему мясо жертвенных животных и лучших танцовщиц, чтобы развлечь его. Но кудесник счел царские палаты слишком убогими, чтобы жить в них, блюда с царской кухни слишком грубыми, чтобы есть их, а царских танцовщиц слишком уродливыми, чтобы развлекаться с ними. Тогда царь Му построил для него новый дворец, призвав для его строительства лучших мастеров по глине и дереву и лучших знатоков лаков и белил. К тому времени, когда башня была закончена, царская казна совсем опустела. Эта башня высотой в семь тысяч сажень возвышалась над горой Чжуннань, и ее называли «Башней, пронзающей небеса». Царь поселил в ней прекраснейших девушек из областей Чжэн и Вэй и повелел умастить их волосы изысканными благовониями, вытянуть их густые брови, украсить их шпильками и серьгами, одеть их в тончайший холст, отороченный блестящим шелком из Ци, напудрить их лица и подчеркнуть брови, украсить нефритовыми подвесками и обрызгать их настоем из душистых трав. Он велел им исполнить мелодии «Принимаем облака», «Шесть драгоценных яшм», «Танец Девяти поклонов» и «Утренняя роса», чтобы развеселить кудесника, и поднес ему самые дорогие кушанья. Каждый месяц он подносил кудеснику драгоценные одежды, каждое утро — изыскан-

нейшие яства. Кудесник был по-прежнему недоволен, но все же согласился жить в башне за неимением лучшего.

Спустя некоторое время он пригласил царя на прогулку. Схватившись за его рукав, царь взлетел с ним на самую вершину неба и попал в его дворец. Этот дворец был построен из золота и серебра, усыпан жемчугом и нефритом. Стоял он выше облаков и дождей, и нельзя было понять, на чем он держался. Издали он казался пышным облаком. Все, что видел там глаз и слышало ухо, обоняли ноздри и пробовал язык, было неведомо земному жителю. Тут царь и вправду уверовал в то, что сподобился услышать «совершенную музыку средоточия Небес» в Чистом Граде Пурпурной Звезды ¹, где обитает Небесный владыка. Когда же он посмотрел вниз, то его собственные дворцы и террасы показались ему комьями грязи и кучами хвороста.

Царь Му прожил на Небесах, как ему казалось, двадцать или тридцать лет и ни разу не вспомнил о своем земном царстве. Тут кудесник снова пригласил его на прогулку, и они пришли в такое место, где вверху они не видели солнца и луны, а внизу не видели рек и морей. От яркого света и черных теней у царя рябило в глазах, и он не мог ничего видеть; звуки расплывались в многоголосом эхе, и царь не мог ничего слышать. Все органы его тела и все чувства в нем перемешались, мысли неслись куда-то без удержу, разум померк. Тут он стал просить кудесника вернуться обратно. Кудесник толкнул его, и он полетел куда-то в пустоту.

Очнулся он в своем дворце, а его слуги стояли рядом в ожидании приказаний. Он посмотрел вокруг: вино в чарке еще не остыло, мясо на столе еще не высохло. Когда царь спросил слуг, где он был, те ответили: «Вы только сидели на месте, поглощенный чем-то».

С тех пор царь Му был сам не свой и оправился лишь спустя три месяца. Он опять спросил кудесника о том, что произошло с ним, и тот ответил:

— Вы, ваше величество, были со мной в странствиях духа. Для чего вам странствовать телом? Разве должно место, где вы побывали, отличаться от вашего собственного дворца? Должно ли место вашей прогулки отличаться от вашего собственного парка? Вы покойны, когда вокруг вас ничего не меняется, и волнуетесь, когда происходит нечто неожиданное и мимолетное. Но можно ли предугадать, насколько мир вокруг нас может измениться и стать другим?

Царь был очень доволен. Он забросил государственные

дела. Перестал видаться со своими советниками и танцовщицами и весь отдался мечтам о дальних странствиях. Он велел запрячь восемь лучших лошадей в две колесницы — по четыре на каждую. В царскую колесницу в середину впрягли Цветущую Рыжую и Зеленое Ухо, а по краям — Рыжую Быстроногую и Белое Подношение. Колесничим был Цзао-фу, а его помощником — Тайбин. Во вторую колесницу в середину впрягли Высокую Буланую и Рвущуюся Вперед, а пристяжными — Резвую Вороную и Дитя Гор. Колесничим был Бо Яо, а его помощником — Бэнь Жун.

Они промчались тысячу ли и прибыли в земли племени Цзюйсоу. Жители той страны поднесли царю Му кровь белого лебедя для питья, молоко коровы и кобылицы для мытья ног. То же они сделали и для колесничих и их помощников. Потом они отправились дальше и остановились на ночлег у подножия горы Куньлунь, к северу от Красной Реки. На следующий день они взобрались на гору Куньлунь, чтобы посмотреть на дворец Желтого Владыки, и насыпали холм, чтобы оставить память грядущим поколениям.

Затем он пришел погостить к Матери-Царице Запада² и пировал с ней над Озером Белой Яшмы. Мать-Царица Запада пела царю, а он пел ей, но слова его песни были печальны. Видя, как солнце, проделав свой дневной путь в десять тысяч ли, заходит за западную гору Янь, он сказал со вздохом:

— Увы! Я, будучи царем, презрел благочестие ради удовольствий. Разве не осудят меня за это грядущие поколения?

Как можно назвать царя Му божественным человеком! Он смог сполна насладиться своей жизнью, но все же он умер, не дожив и до ста лет. Люди полагали, что он «вознесся на небеса».

Лао Чэн-цзы учился волшебству у учителя Инь Вэня, который за три года не сказал ему ни слова. Лао Чэн-цзы пришел к учителю с извинениями и стал просить у него разрешения отбыть домой.

Учитель Инь Вэнь пригласил его в свой дом, запер двери и заговорил с ним:

— Когда-то Лао-цзы, отправляясь на Запад, обернулся и сказал мне: «Все, хранящее в себе силу жизни, все, имеющее облик,— это призрак. Все, что произведено на свет превращениями и получает свой образ от сил Инь и

Ян, рождается и умирает. А изменять формы вещей благодаря знанию чисел и перемен зовется превращениями призраков». Искусство творца вещей измерить невозможно, достижения его глубоки, так что трудно постичь его работу и угадать, чем завершится она. Искусство волшебника, изменяющего облик вещей, легко увидеть, но достижения его поверхностны, а потому работа его заканчивается, едва начавшись. Только когда ты поймешь, что достижения волшебства не отличаются от череды рождений и смертей, я смог бы обучать тебя своему искусству. И ты, и я — только призраки. Чему же тут учиться?

Лао Чэн-цзы вернулся домой и стал размышлять над словами учителя Инь Вэня. Проведя в размышлениях три месяца, он уже мог по своей воле появляться и исчезать, менять местами времена года, вызывать грозу зимой, творить лед летом, летающее делать ползающим, а ползающее — летающим. Но он за всю жизнь никому не раскрыл секрета своего искусства, и последующие поколения так и не смогли перенять его.

Ле-цзы сказал:

— Мудрецы, умевшие поддерживать порядок в Поднебесном мире, применяли свое учение тайно, внешние же их деяния не отличались от деяний других людей. Доблести Пяти Владык и достижения Трех Царей не были необходимы вследствие их необыкновенной мудрости и мужества. Порой они достигали цели благодаря своему благотворному влиянию — кто может измерить его?

Существует восемь доказательств того, бодрствуем ли мы, и шесть способов подтвердить, не спим ли мы. Каковы эти восемь доказательств? Первое — событие, второе — действие, третье — приобретение, четвертое — потеря, пятое — печаль, шестое — радость, седьмое — рождение, восьмое — смерть. Эти восемь предъясняются нам, когда наше тело входит в соприкосновение с чем-либо. Что же такое шесть подтверждений? Первое — обычный сон, второе — тревожный сон, третье — сон, вызванный мыслями, четвертое — сон, вызванный памятью, пятое — радостный сон, шестое — страшный сон. Эти шесть выявляются, когда дух входит в соприкосновение с чем-либо. Те, кто не понимают, отчего происходят их чувства, не догадываются о причинах событий в их жизни. А те, кто понимают, знают причины всех событий. А кто знает причины событий, никогда не будет в недоумении.

Жизненная сила в нашем теле, растекаясь или скап-

ливаясь, возрастая или ослабевая, всегда связана с Небом и Землей и откликается различным родам вещей. Когда в вас сильно начало Инь, то вам снится, что вы плывете в пучине вод. Когда усиливается начало Ян, вам снится, что вы идете через большой огонь. Когда Инь и Ян равно сильны, вам снится, что вы убиваете или спасаете жизнь. Если днем переест, то ночью увидишь во сне, что даришь кому-то подарки, а если днем голодать, то ночью приснится, что подарки подносят тебе. Если страдать от головокружения, то во сне увидишь, что паришь в воздухе. Если на душе тяжело, тогда тебе приснится, что ты тонешь в воде. Когда во сне нечаянно ляжешь на свой пояс, то приснится змея. А если во сне тебя клюнет птица, приснится полет. Когда станет темно, снится огонь. Когда хвораешь, снится еда. После пирушки одолевает печаль, после пения и танцев — плачешь.

Ле-цзы сказал:

— Воспринятое духом — это то, что случается во сне. Воспринятое телом — это то, что происходит наяву. Поэтому то, о чем мы думаем днем, ночью мы видим во сне: так встречаются тело и дух. Вот почему, когда дух сосредоточен, мысли и сновидения сами собой рассеиваются. Скоротечные превращения всего сущего не могут объяснить те, кто доверяются только пережитому наяву, и их не могут понять те, кто доверяют только увиденному во сне. Нет, не напрасно было сказано, что настоящие люди древности забывали о себе наяву и не видели снов, когда спали!

На самом юге западного предела Земли есть страна, и где пролегают ее границы — неведомо. Зовется она Гуман. Силы Инь и Ян там не соединяются, поэтому там нет различия между холодом и жарой. Там не светят ни солнце, ни луна, и поэтому там нет различия между ночью и днем. Люди там не едят пищи и не носят одежды, но все время спят, просыпаясь лишь раз в пятьдесят дней. Они считают действительным то, что видят во сне, и не верят тому, что видят наяву.

Страна, отстоящая на равные расстояния от всех четырех морей, зовется Срединным царством. Она простирается на юг и север от Желтой Реки и на восток и запад от горы Тайшань более чем на десять тысяч ли. Силы Инь и Ян пребывают в ней в согласии, поэтому жара и холод равномерно сменяют друг друга. Тьма и свет в ней разделяются поровну, поэтому дни и ночи сменяют друг друга. Среди ее жителей есть и умные, и глупые. Все существа Земли

здесь живут и плодятся, и имеются в наличии все искусства и таланты. Чтобы надзирать за ними, есть правители и чиновники, чтобы поддерживать их в жизни, есть обычаи и законы. Слова и деяния их невозможно ни пересказать, ни сосчитать. Они спят и бодрствуют поровну, и они считают, что происходящее с ними наяву истинно, а происходящее во сне — неистинно.

На самом севере восточного предела Земли есть страна, которая зовется Фуло. Там всегда жарко из-за избытка света солнца и луны, там не произрастают лучшие злаки. Тамошние жители питаются кореньями и плодами и не умеют готовить пищу на огне. От природы они грубые и жестокие, сильные притесняют слабых. Они чтут лишь победителей и не признают справедливости. Они много бегают и редко отдыхают, всегда бодрствуют и никогда не спят.

Инь в царстве Чжоу управлял большим хозяйством. Его слуги, спешившие выполнить каждое его приказание, трудились от зари до зари. Был среди них старый, выбившийся из сил слуга, которому приходилось трудиться сверх меры. Утром он со стоном шел на работу, вечером, вконец утомившись, крепко засыпал. Погрузившись же в сон, он каждый раз видел себя правителем царства, вершащим дела государства, повелевающим народом. Он развлекался как хотел, проводя время в пирах и прогулках, глядя на празднества и представления. Его радости не было предела. Когда же он пробуждался, то снова видел себя жалким прислужником.

Когда кто-нибудь выражал ему сочувствие, видя, как он мучается, слуга отвечал:

— Жизнь человека длится сотню лет, и это время делится на дни и ночи. Днем я простой слуга и жизнь моя тяжела, зато по ночам я живу как царь. На что же мне жаловаться?

А владелец хозяйства Инь был вечно занят хлопотами. В заботах о дарованном предками наследстве он истощал силы тела и души. И каждую ночь, заснув, он видел себя во сне рабом, которого подгоняют, дают самую грязную работу, ругают и бьют. Он бредил и стонал во сне и лишь с приходом дня находил отдохновение. Опечаленный этим, Инь попросил совета у друга, и тот сказал ему:

— Имея столь высокий титул и такое богатое наследство, вы намного превосходите остальных. Когда вы видите себя во сне рабом, которого заставляют без отдыха трудить-

ся, то это судьба воздаст вам то, чего вы лишены. Разве можно иметь все сразу и во сне, и наяву?

Услышав совет друга, Инь перестал перегружать работой своих слуг и сократил свои хлопоты. С тех пор он почувствовал облегчение.

В царстве Чжэн жил человек, который однажды пошел в лес за хворостом и наткнулся на испуганного оленя. Он ударил оленя и убил его наповал. Опасаясь, что кто-нибудь это заметит, он спрятал оленя во рву и прикрыл его хворостом. Но от радости он даже забыл, где спрятал добычу, и решил, что все это случилось с ним во сне.

По дороге он сам себе рассказывал вслух про то, что с ним случилось. Слова его услышал некий прохожий, который пошел в указанное им место и обнаружил оленя. Когда этот прохожий пришел домой, он сказал жене:

— Какой-то дровосек во сне убил оленя, но забыл, где спрятал его, а я этого оленя нашел. Поистине тот человек видел вещий сон!

— А может, это тебе приснилось, что тот дровосек убил оленя? — возразила жена. — Откуда тут взяться дровосеку? Поскольку ты сам нашел оленя, то не лучше ли сказать, что это ты видел вещий сон?

— К чему разбираться, кому приснился этот сон? Главное, что я добыл оленя!

Дровосек тем временем вернулся домой, но никак не мог смириться с мыслью, что потерял убитого им оленя. В ту же ночь он увидел во сне и место, где он спрятал оленя, и человека, который забрал его. На следующее утро, руководствуясь своим сном, он разыскал того человека, а потом пошел к судье, требуя, чтобы ему возвратили оленя. Его отвели к главе судебного ведомства, который рассудил так:

— Если ты действительно поймал оленя, тогда ты напрасно называешь это сном. А если ты убил оленя во сне, то нельзя говорить, что это было в действительности. Тот человек на самом деле взял твоего оленя, однако ж оспаривает твое право владеть им. Его жена тоже говорит, что он во сне увидел чужого оленя, однако не желает признавать того, кто этого оленя убил. Я же могу сказать только, что в наличии имеется олень. Предлагаю вам разделить его между собою.

Об этом деле доложили правителю Чжэн, и тот сказал:

— Увы! Уж не собирается ли главный судья разделить оленя во сне?

Спросили мнение первого советника, и тот сказал:

— Я не способен понять, где тут сон, а где явь. Если вы хотите отделить в этой истории сон от яви, то вам придется позвать самого Желтого Владыку с Конфуцием. Но коль скоро ни Желтого Владыки, ни Конфуция уже нет в мире, кто же сможет разобраться в этом деле? А посему лучше согласиться с решением главного судьи.

В зрелом возрасте Хуа-цзы из Янли в царстве Сун лишился памяти. Получив подарок утром, он к вечеру забывал о нем; вручал подарок вечером, а утром уже не помнил о нем. На улице он забывал идти, дома забывал сесть. Сегодня он не помнил, что случилось с ним вчера, а на следующий день забывал, что было сегодня. Родные очень переживали за него и пригласили гадалея, который погадал на панцире черепахи, но не дал ответа о судьбе Хуа-цзы. Тогда домашние пригласили колдуна, который прочел заклинания, но ничего не добился. Пригласили знатока ритуалов, который совершил торжественный обряд жертвоприношения, но и это не помогло. Пригласили доктора, но и тот оказался бессилен. Был там некий конфуцианский ученый из царства Лу, который утверждал, что сможет исцелить Хуа-цзы. Семья Хуа-цзы обещала ему в случае успеха отдать половину своего состояния. Конфуцианец сказал им:

— Этот недуг, конечно, нельзя разгадать по линиям на черепашьем панцире, или прогнать заклинаниями, или смягчить жертвоприношениями, или же исцелить снадобьями и иглами. Я попробую воздействовать на его сознание, изменить его мысли. Есть большая вероятность, что я его вылечу.

Тут конфуцианец раздел Хуа-цзы донага, и тот стал искать одежду; заставил Хуа-цзы голодать — и тот стал искать еду; завел его в темноту — и тот стал искать свет. Конфуцианец был очень доволен и сказал сыновьям Хуа-цзы:

— Болезнь можно вылечить. Но мое искусство передается тайно из поколения в поколение, открывать его посторонним запрещено. Я попрошу всех удалиться из комнаты больного, а сам останусь наедине с ним на семь дней.

Все повиновались, и никто не увидел, что делал тот конфуцианец. Однако же болезнь, державшаяся многие годы, отступила за одно утро.

Но, очнувшись, Хуа-цзы впал в ярость. Он порвал с женой, подверг наказанию сыновей и с копьём в руках про-

гнал конфуцианского ученого. Его схватили и стали допытываться, почему он так осерчал.

— Раньше, когда я ничего не помнил, я не чувствовал никаких стеснений, — ответил Хуа-цзы. — Я даже не ведал, существует ли небо или земля. А теперь я вдруг пришел в сознание, и сразу же мысли об утратах и приобретениях, радостях и печалях, любви и ненависти за двадцать или тридцать лет моей жизни опутали меня, словно клубок нитей. Неужто я не смогу больше хотя бы на миг забытья?

Услышав об этой истории, Цзы-Гун немало подивился и поведал о ней Конфуцию.

— Тебе этого не понять, — ответил Конфуций, повернулся к Янь Юаню и велел ему записать рассказанное Цзы-Гуном.

У главы семейства Пан в царстве Цинь был сын, который в детстве выделялся недюжинным умом, а возмужав, лишился рассудка: пение он принимал за плач, белое считал черным, благоухание — зловонием, сладость — горечью, а дурной поступок — добрым делом. О чем бы он ни думал, он все понимал наоборот, будь то небо или земля, четыре стороны света, вода или огонь, жара или холод. Некий человек по фамилии Ян посоветовал его отцу:

— Почему бы вам не обратиться за помощью к благородным мужам в царстве Лу³? Среди них немало людей искусных и умелых. Возможно, они смогут вылечить вашего сына.

Отец безумного направился в Лу, но, проходя через Чэнь, встретил Лао-цзы и рассказал ему о болезни сына.

— Откуда ты знаешь, что твой сын ненормальный? — спросил его Лао-цзы. — Ведь нынче все в Поднебесном мире заблуждаются относительно того, что истинно, а что ложно, что полезно, а что вредно. Поскольку так много людей страдают этой болезнью, никто и не замечает, что все они больны. Безумия одного человека недостаточно для того, чтобы изменилась вся семья; безумия одной семьи недостаточно для того, чтобы изменилась вся деревня; безумия одной деревни недостаточно для того, чтобы изменилось все царство; безумия одного царства недостаточно для того, чтобы изменился весь мир. Но если целый мир обезумел, то как может безумие изменить его? Если бы все в мире были такие, как твой сын, то безумным считали бы не его, а тебя. Кто властен судить о радостях и печалях, звуках и цветах, запахах и вкусах, правде и неправде? Я даже не уверен, что мои слова не безумны, а уж речи

благородных мужей из Лу — самые безумные в мире. Лучше тебе вернуться домой, чем тратить понапрасну деньги на лечение!

Однажды жил человек, который родился в Янь, а вырос в Чу⁴. На старости лет решил он вернуться на родину.

Когда он проходил через царство Цзинь, его спутник решил подшутить над ним и, показав на стену цзиньской столицы, сказал: «Вот столица Янь». Тут янец принял торжественный вид.

Вошли они в город, и спутник яньца, указав на алтарь Земли, сказал: «Вот алтарь твоей общины». И янец растроганно вздохнул.

Потом спутник указал на какой-то дом и сказал: «Вот дом твоего отца». И у яньца из глаз брызнули слезы. А потом ему показали могилу и сказали: «Вот могила твоих родителей». И тут янец разрыдался.

Попутчик его не смог удержаться от смеха и сказал ему:
— Я просто дурачил тебя. Ведь мы — в столице Цзинь.

Янец чуть не сгорел от стыда. А когда он и в самом деле пришел в столицу Янь, увидел алтарь своей общины, отчий дом и могилы предков, то уже не был так взволнован.

ГЛАВА IV
КОНФУЦИИ

Конфуций жил в праздности ¹. Цзы-Гун вошел к нему, чтобы прислуживать. Конфуций выглядел озабоченным. Цзы-Гун не посмел задать ему вопрос, вышел и сообщил о том, что видел, Янь Юаню.

Тут Янь Юань запел, подыгрывая себе на лютне. Конфуций услышал его пение и, как и надеялся Янь Юань, пригласил к себе.

— Чему ты радуешься в такое время? — спросил Конфуций.

— А почему учитель так озабочен?

— Прежде скажи мне о себе.

— Учитель, я слышал, как вы говорили: «Радуйтесь Небу, знайте свою судьбу, и вы не будете ведать печали». Вот я и радуюсь.

Конфуций изменился в лице, помолчал и сказал:

— Я говорил так? Ты плохо понял меня. Я сказал это только по случаю. А теперь я поправлю себя. Ты слышал только, что не ведает печали тот, кто радуется Небу и знает судьбу, но еще не слышал о том, сколь велика печаль того, кто радуется Небу и знает судьбу. Я расскажу тебе об этом без утайки.

Совершенствоваться самому, не думая о том, прославишь ли ты себя своим подвигом или нет, и сознавая, что прошлое и будущее не зависят от твоих усилий, — вот что значит «не ведать печали, радуясь Небу и зная судьбу». Но прежде, когда я приводил в порядок «Песни» и «Предания», я хотел снова водворить благоденствие в Поднебесном мире и оставить его в наследство будущим поколениям. Я делал это не для того, чтобы совершенствовать себя или помочь только своему родному царству Лу. Однако же сановники Лу с каждым днем отбирали все больше власти у государя, нравы неуклонно портились, добрые чувства в людях все более ослабевали. Если мой Путь не проходит даже в одном царстве и при моей жизни, то что

же говорить о всем мире и о грядущих временах? Так я впервые понял, что «Песни» и «Предания», ритуалы и музыка не помогают водворить благой порядок, однако не знал, чем можно их заменить. Вот о чем должен печалиться человек, который радуется Небу и знает судьбу.

И все же я понял, где истина. Эти «радость» и «знание» — не те радость и знание, о которых говорили древние. Радоваться без повода и знать без умысла — вот подлинная радость и подлинное знание. И тогда не будет ничего, что бы тебя не радовало, чего бы ты не знал, чего бы не свершил. К чему отбрасывать «Песни» и «Предания», ритуалы и музыку? Зачем искать что-то им на замену?

Янь Юань повернулся лицом к северу, поклонился и сказал:

— Я тоже это постиг.

Он вышел и рассказал Цзы-Гуну, и Цзы-Гун был очень изумлен.

Он вернулся к себе домой и семь дней подряд размышлял так усердно, что не мог ни спать, ни есть, и кости стали выпирать у него из кожи. Янь Юань еще раз пришел к нему с разъяснениями. Тогда Цзы-Гун вернулся к Конфуцию и до конца своей жизни не переставал играть на лютне и декламировать книги.

Вельможа из царства Чэнь, находясь с визитом в Лу, устроил доверительную встречу с Шусунем.

— В нашем царстве есть мудрец, — сказал Шусунь.

— Вы, вероятно, говорите о Конфуции? — спросил гость.

— Да, о нем.

— А откуда известно, что он мудрец?

— Я слышал от Янь Юаня, что Конфуций может отринуть разум и жить телом.

— В нашем царстве тоже есть мудрец, вы знаете об этом?

— О каком мудреце вы говорите?

— У нас есть ученик Лао-цзы, которого зовут Гуан Чэн-цзы. Он постиг Путь Лао-цзы и умеет смотреть ушами и слушать глазами.

Когда правитель Лу прослышал об этом мудреце, он очень удивился и послал знатного сановника с наказом привезти его со всеми почестями в Лу. В скором времени Гуан Чэн-цзы прибыл к его двору, и луский царь в самых вежливых выражениях стал расспрашивать гостя о его способностях.

— Вам доложили неверно, — ответил Гуан Чэн-цзы. — Я могу видеть и слышать, не пользуясь глазами и ушами, но я не могу изменить назначение глаз и ушей.

— Но это еще более удивительно. В чем же заключается ваш Путь? Мне не терпится услышать.

— Мое тело едино с моими мыслями, мои мысли едины с моей жизненной энергией, моя энергия едина с духом, а мой дух един с Небытием. Любое самое малое явление, любой самый слабый звук внятны мне независимо от того, случаются ли они за пределами Восьми пустынь или прямо под моим носом. Однако ж мне неизвестно, воспринимаю ли я их своими органами чувств и конечностями, или я постигаю их сердцем и внутренними органами. Это знание возникает само собой — и только.

Правитель Лу был очень доволен. На следующий день он рассказал об этом Конфуцию, а тот улыбнулся и ничего не сказал.

Первый советник царства Сун навестил Конфуция и спросил его:

— Вы мудрец?

— Как я могу назвать себя мудрецом? Я просто человек, который много учился и имеет обширные познания.

— А были ли мудрецами Три Царя²?

— Три Царя умели пользоваться знаниями и отвагой, а были ли они мудрецами — того я не ведаю.

— А были ли мудрецами Пятеро Владык?

— Пятеро Владык умели применять человечность и долг, а были ли они мудрецами — того я не ведаю.

— Тогда были ли мудрецами Трое Высочайших Властителей?

— Трое Высочайших Властителей умели пользоваться обстоятельствами времени, а были ли они мудрецами — того я не ведаю.

— Кого же, по-вашему, можно назвать мудрецом? — спросил в недоумении первый советник.

Конфуций изменился в лице и сказал:

— Среди людей в Западном крае есть настоящий мудрец. Он не управляет — а в мире нет беспорядка. Не говорит — а ему доверяют. Не воспитывает — а его слушаются беспрекословно. Он столь велик, что никто даже не может прославить его. Я догадываюсь, что он воистину мудр, но не знаю, прав ли я в своей догадке³.

Тут первый советник подумал про себя: «Конфуций меня дурачит!»

Цзы-Ся спросил Конфуция:

- Что за человек Янь Юань?
- В человечности он превосходит меня.
- А что за человек Цзы-Гун?
- В красноречии он превосходит меня.
- А Цзы-Лу?
- В храбрости он превосходит меня.
- А Цзы-Чжан?
- У него манеры лучше, чем у меня.

Тут Цзы-Ся поднялся со своего сиденья и спросил:

- Но тогда почему эти четверо прислуживают вам?
- Сядь, я скажу тебе. Янь Юань может быть человечным, но не может укротить свою доброту, когда это необходимо. Цзы-Гун может быть красноречив, но не может придержать свой язык, когда это необходимо. Цзы-Лу может быть храбрым, но не умеет беречь себя. Цзы-Чжан может быть величав по виду, но не может держаться дружески в компании. Даже если бы я мог приобрести достоинства всех четверых в обмен на мои собственные, я бы не сделал этого.

После того как Ле-цзы обучился у Ху-цзы и сдружился с Бохунем-Безвестным, он поселился в Южном Предместье. Множество людей, желавших стать его учениками, поселились поблизости. Число их росло с каждым днем, так что их и сосчитать не успевали. Однако Ле-цзы все полагал, что их недостаточно, и каждый день затевал с ними споры, выслушивая доводы каждого. Двадцать лет прожил он по соседству с Наньго-цзы, но они не ходили друг к другу в гости, а встречаясь на улице, делали вид, что не замечают друг друга. Ученики же думали, что между ними существует вражда.

Однажды какой-то пришелец из царства Чу спросил Ле-цзы: «Почему вы, уважаемый, и Наньго-цзы чуждаетесь друг друга?»

— У Наньго-цзы лицо полное, а вот ум пустой, — ответил Ле-цзы. — Его глаза ничего не видят, его уши ничего не слышат, его рот ничего не говорит, его поза никогда не меняется. О чем мне с ним говорить? Однако ж я готов пойти вместе с вами поглядеть на него.

С ними пошли еще сорок учеников. Тут они увидели, что Наньго-цзы и вправду был страшен, как злой дух, и разговаривать с ним не доставляло удовольствия. Когда же они взглянули на Ле-цзы, то увидели, что душа его

словно покинула тело, и говорить с ним тоже не было никакой возможности.

Внезапно Наньго-цзы показал на какого-то человека в самом конце свиты Ле-цзы и заговорил с ним так, словно перед ним стоял мудрейший и сильнейший муж. Все очень удивились этому и на обратном пути только о том и говорили. Но Ле-цзы сказал им:

— Тут нет ничего удивительного. Тот, кто постигает смысл, ничего не говорит; тот, кто обрел знание, тоже ничего не говорит. Но говорить посредством молчания — тоже значит говорить, знать посредством незнания — тоже значит знать. Не должно быть ни речи, ни молчания, ни знания, ни незнания. Однако же и это тоже речь, тоже знание. Тогда не будет ничего несказанного и ничего непознанного. И в этом не будет ни речи, ни знания. Только и всего. Чему же вы изумлялись?

Поначалу Ле-цзы любил путешествовать. Ху-цзы спросил его:

— Что же вам нравится в странствиях?

— Удовольствие от странствий в том, что ты все время видишь перед собой что-то новое, — ответил Ле-цзы. — Другие люди отправляются в путешествие, чтобы полюбоваться видами, а я путешествую для того, чтобы созерцать превращения вещей. Есть странствия и странствия, и нужно еще поискать того, кто сможет разъяснить различие между ними!

— Но разве вы путешествуете не так, как другие? Разве тут есть какое-то отличие? Все, что мы видим перед собой, непрерывно изменяется. Вы наслаждаетесь созерцанием перемен вокруг вас и не замечаете, что меняетесь сами. Вы увлекаетесь странствиями во внешнем мире и не знаете, что такое созерцание внутреннего. Во внешних странствиях мы ищем то, чего нам не хватает вовне, а посредством внутреннего созерцания мы постигаем изобилие внутри себя. Первое — это несовершенный способ путешествия, а второе — совершенный.

С тех пор Ле-цзы больше никуда не выезжал со двора, решив, что он и понятия не имел о том, что такое настоящее путешествие. Ху-цзы сказал ему:

— Какое это совершенство — странствия! В совершенном странствии мы не знаем, куда направляемся; в совершенном созерцании мы не знаем, на что смотрим. Посетить все уголки мира без исключения, осмотреть все виды мира — вот что я называю совершенным путешествием.

Вот почему я говорю: «Какое это совершенство — странствия!»

Лун Шу сказал врачевателю Вэнь Чжи:

— Ты постиг все тонкости своего искусства. Я нынче хвораю, можешь ли ты вылечить меня?

— Только прикажите, — ответил Вэнь Чжи. — Но позвольте спросить, каковы признаки вашей болезни?

— Я не считаю для себя почетом, если в округе меня хвалят, и не считаю позором для себя, если все люди в царстве осуждают меня. Я не радуюсь, если достигаю успеха, и не переживаю, если терплю неудачу. Я равнодушнозираю на жизнь и смерть, богатство и бедность, на людей и свиней, на себя и других. В родном доме живу как на постоялом дворе, на соседей смотрю как на дикарей из дальних стран. Меня нельзя прельстить чином или наградой, нельзя запугать наказанием и поборами, нельзя изменить благоденствием или смутой, выгодой или убытком, нельзя взволновать радостями или печальями. Из-за этого я не могу служить государю, ладить с родственниками и друзьями, наставлять жену и детей, повелевать слугами. Что это за болезнь? Какое средство поможет исцелиться от нее?

Тут Вэнь Чжи попросил Лун Шу встать спиной к свету, а сам отошел назад и издали осмотрел Лун Шу. Потом он сказал:

— Н-да, я вижу ваше сердце. Его пространство величиною с вершбк совершенно пусто — вы почти мудрец! Шесть отверстий в вашем сердце соединены друг с другом, седьмое же закупорено. Не потому ли вы думаете, что быть мудрецом — это болезнь? Мое несовершенное искусство бессильно помочь вам.

Ни от чего не происходит и существует вечно — таков Путь. Что живет в жизни и не погибает, даже окончившись, — это постоянство. Принять смерть из-за жизни — это несчастье. Иметь причину существования и постоянно умирать — это тоже Путь. Умереть, когда приходит смерть, и, следовательно, окончить свое существование даже прежде срока — это тоже постоянство. Обрести жизнь из-за смерти — это счастье. Поэтому жизнь, которая ничему не служит, тоже зовется Путем. А обрести конец, пользуясь Путем, тоже зовется постоянством. Бывает, что Путем зовется извлечение пользы из смерти, а постоянством — обретение смерти благодаря Пути. Только заурядные люди

поют от радости, когда кто-то рождается, и рыдают, когда кто-то умирает.

Глаз вот-вот ослепнет, если он может разглядеть даже кончик волоска.

Ухо вот-вот оглохнет, если оно может расслышать даже полет комара.

Язык вот-вот перестанет ощущать вкус, если он может отличить воду из реки Цзы от воды из реки Шэн.

Нос вот-вот утратит обоняние, если он может отличить запах гари от запаха гнили.

Ноги вот-вот отнимутся, если человек бежит быстро.

Разум вот-вот помутится, если он ясно отличает истину от лжи.

А все дело в том, что вещи не перейдут в свою противоположность, если не достигнут предела.

В царстве Чжэн было много достойных мужей в Пуцзэ и много искусных мужей в Восточном квартале. Когда Байфэн, один из учеников Ле-цзы в Пуцзэ, шел по Восточному кварталу, ему повстречался Дэн Си. Дэн Си оглядел шедших за ним учеников и сказал:

— Что вы скажете, если я заставлю людей, идущих нам навстречу, поплясать для нас?

— Мы хорошенько повеселимся, — ответили ученики.

Тогда Дэн Си сказал Байфэну: «Знаете ли вы разницу между тем, кого кормят, как отца, и тем, кого кормят, как пса? Такие существа, как собака или свинья, не могут прокормиться сами, поэтому люди держат их при себе и используют их для своих нужд. Если люди, подобные вам, хорошо одеваются и вкусно едят, то это заслуга властей предрежащих. Вот вы, сгрудившиеся в кучу, молодые и старые, возле кухни, — чем отличаетесь вы от собак и свиней?»

Байфэн не ответил, но один из его учеников выступил вперед и сказал:

— Не слышали ли вы о том, как много умельцев в Ци и Лу? Некоторые из них искусны в обработке глины и дерева, другие искусны в литье металла и выделке кож. Одни умеют командовать войском, другие — приносить жертвы на алтарь предков. Всякие таланты имеются в избытке. Но они не могут отдавать друг другу приказы и друг друга поучать. Те, кто назначают их на должности, не имеют их знаний, те, кто повелевают ими, не имеют их способностей, однако же благодаря им знания и способ-

ности находят достойное применение. А мы как раз и даем советы властям предрежащим. Чем же вам гордиться?

Дэн Си не нашел что сказать и, бросив взгляд на своих учеников, быстро удалился.

Правитель удела Гунъи прославился среди знатных мужей своей силой. Правитель Танци доложил о нем чжоускому царю Сюаню, и тот пригласил его ко двору со всеми почестями. Когда правитель Гунъи прибыл, царь оглядел его и нашел, что он слишком хрупок. В сердце его закрались сомнения, и он спросил:

— Какова твоя сила?

— Силы вашего слуги хватит на то, чтобы сломать лапку весеннего кузнечика и перебить крылышко осенней цикады.

— У моих силачей, — сказал разгневанно царь, — достаточно силы, чтобы разорвать носорога или тащить за хвост сразу девять буйволов! И все же они мне кажутся слабыми. Как же ты смог прославиться своей силой в целом мире?

— Вы, ваше величество, задали прекрасный вопрос. Я вам расскажу все по порядку. Ваш слуга учился у Шанцю-цзы, с которым не мог сравниться ни один силач в целом мире. Однако его собственные родичи ничего не знали об этом, ибо он никогда не показывал свою силу. Я служил ему, не жалея жизни, и он поведал мне:

Все хотят узреть невиданное;
Смотри на то, на что другие не глядят.
Все хотят овладеть недоступным;
Умей делать то, чего другие не умеют.

А посему тот, кто хочет развивать свое зрение, начинает с того, что смотрит на повозку с хворостом. Тот, кто хочет развивать свой слух, начинает с того, что слушает колокольный звон. То, что не составляет трудности внутри, будет нетрудным и снаружи. Сильный человек не встречает трудностей вовне себя, поэтому о нем знают только в его собственной семье.

Если мое имя получило известность среди правителей уделов, то лишь потому, что я не послушался учителя и показал свою силу. Однако ж прославился я не потому, что горжусь своей силой, а потому, что умею при-

менять ее. Разве это не лучше, чем гордиться своей силой?

Царевич Моу с горы Чжуншань был самым талантливым из сыновей вэйского государя. Он не интересовался государственными делами, зато любил разговаривать с учеными людьми и больше всех любил философа Гунсунь Луна из царства Чжао. Люди, подобные Юэчжэн Цзыюю, смеялись над ним, и однажды царевич Моу спросил Цзыюя:

— Почему ты смеешься над моей любовью к Гунсунь Луну?

— Гунсунь Лун из тех людей, которые в учении не имеют наставника, а в жизни не имеют друга, — ответил Цзыюй. — Говорит он красиво, да глубины в его словах нет, ни к одной школе не примыкает, любит все странное и сочиняет нелепости, стараясь запутать людей и победить в споре. Ему под стать такие, как Хань Тан.

— Зачем говорить так несправедливо о Гунсунь Луне? — возразил сердито царевич Моу. — Где доказательства твоей правоты?

— Я смеюсь над тем, как Гунсунь Лун обхитрил Кун Чуаня. Он сказал, что у хорошего стрелка острие последующей стрелы попадает в оперение предыдущей, одна стрела другую настигает и направляет в полете. И когда первая стрела достигает цели, вторая вонзается ей в оперение, а за нею следующая, так что со стороны кажется, будто лучник выпустил одну стрелу. Кун Чуань очень тому удивился, а Гунсунь Лун добавил, что так бывает еще не у самого лучшего стрелка. Вот Хун Чао, ученик Пэн Мэна, однажды рассердился на жену и решил поугаить ее. Он взял большой лук, который зовут Вороньим Ключом, вставил в него стрелу из циского бамбука с вэйским оперением и выстрелил ей прямо в глаз. Стрела коснулась ее глаза так мягко, что жена даже моргнуть не успела и упала на землю, не подняв пыли. Позвольте спросить, станет ли умный человек говорить такое?

— Слова мудрого, конечно, недоступны пониманию глупцов. Если острие последующей стрелы касается оперения предыдущей, то происходит так потому, что стрелок каждый раз спускает стрелу совершенно одинаково⁴. А если стрела касается глаза и тот даже не моргает, то это потому, что сила стрелы была исчерпана.

— Ты — ученик Гунсунь Луна и не можешь не приукрашивать его недостатки. Я расскажу тебе о самом постыд-

ном случае. Вот что сказал Гунсунь Лун, когда захотел посмеяться над правителем Вэй:

Когда есть мысли, нет разумения.
Если на что-то указываешь — значит, это не существует.
Стараясь что-то понять, делаешь это непонятным.
Тень летящей птицы не движется.
Волос выдержит натяжение в тысячу пудов.
Белая лошадь — не лошадь.
У телят-сироты никогда не было матери ⁵.

Невозможно и перечесть все примеры его издевательств над разумными понятиями и здравым смыслом.

— Но ты считаешь эти высказывания неразумными только потому, что сам их не понимаешь. На самом деле ты сам ведешь себя неразумно. Слушай же:

Если нет мыслей, то разум в единстве.
Когда ни на что не указываешь, все существует.
Что исчерпает вещи, существует вечно.

«Тень летящей птицы не движется»: объяснение в том, что она замещается.

«Волос выдержит натяжение в тысячу пудов» — когда силы сжатия и растяжения уравновешивают друг друга.

«Белая лошадь — не лошадь» — ибо имя существует отдельно от формы.

«У телят-сироты никогда не было матери» — потому что, когда у него была мать, он не был сиротой.

— Ты думаешь, что все изрекаемое устами Гунсунь Луна — сладчайшая песнь? Ты пойдешь за ним, даже если он будет исторгать звуки через другое отверстие?

Царевич Моу замолчал надолго, а потом собрался уходить, сказав:

— Дозволь через несколько дней еще раз прийти и побеседовать с тобой.

Яо правил Поднебесной пятьдесят лет и не знал, порядок в ней или беспорядок, поддерживает его народ или не поддерживает. Он спросил об этом людей из свиты — и те тоже не знали, спросил гостей, приезжавших ко двору, — и те тоже не знали, спросил людей на полях — и те тоже не смогли ответить. Тогда Яо пошел бродить переодетым по дорогам и услышал, как мальчик пел песенку:

Поставили нас, чтобы вскармливать народ
И каждый предела достиг.
Ничего не ведая, ничего не помня,
Следуем правилам царственных предков.

Яо, обрадовавшись, спросил его:

— Кто научил тебя так петь?

— Я слышал эту песню от знатных мужей.

Тогда Яо спросил об этой песенке своих сановников, но те знали только, что она пришла из глубокой древности.

Яо вернулся в свой дворец, призвал Шуня и отрекся от престола. Шунь не стал из вежливости отказываться и принял отречение.

Гуань Инь-цзы сказал:

Если в себе не имеешь, где пребывать,
Все вещи откроются тебе.
Будь текуч, как вода.
Будь покоен, как зеркало.
Откликайся, словно эхо⁶.

Поэтому Путь подобен всем вещам. Вещи могут идти против Пути, но Путь не может идти против вещей. Тот, кто умеет жить в согласии с Путем, не смотрит глазами, не слушает ушами, не думает умом. А тот, кто хочет постичь Путь посредством зрения и слуха, чувств и знания, не достигнет желаемого.

Всматривайся в него впереди —
И он окажется позади.
Пользуйся им — и он заполнит весь мир;
Пренебрегай им — и никогда не отыщешь его.

Никакая мысль не может сделать Путь несуществующим, и никакое отсутствие мысли не может сделать Путь существующим. Постигнет его лишь тот, кто познает его в безмолвии и даст ему созреть естественно.

Знать, не питая страсти, и свершать, ничего не делая. — вот истинное знание и истинное деяние. Отбрось невежество — и как сможешь ты питать страсть? Отбрось суетность — и как сможешь ты погрязнуть в делах? А быть подобным кому грязи или куче пыли — не есть естественность, даже если ничего не делать.

ГЛАВА V
ВОПРОСЫ ТАНА

Иньский Тан спросил Цзи из рода Ся:

— Всегда ли существовали вещи?

— Если когда-то не было вещей, откуда взяться вещам сейчас? Согласитесь ли вы, если люди будущих поколений скажут, что в наше время не было вещей?

— В таком случае есть ли у вещей «прежде» и «потом»?

— Конец и начало всех вещей

Не имеют одной точки отсчета.

Конец одного — это начало другого.

Откуда нам знать, что было прежде всего?

Но о том, что пребывает вне вещей и что случилось прежде всех событий, я не ведаю.

— В таком случае есть ли конец восьми сторонам вселенной, зениту и надиру?

— Этого я не ведаю.

Но Тан настойчиво повторял свой вопрос, и Цзи продолжил:

— Что отсутствует — то беспредельно, а что присутствует — имеет предел. Откуда это известно?..¹ Однако же нет ничего бесконечного за пределами того, что бесконечно, и ничего неисчерпаемого в том, что неисчерпаемо². Нет границы, но нет и безграничного. Нельзя ничего исчерпать, но и нет ничего неисчерпаемого. Вот почему мы знаем, что есть безграничное и неисчерпаемое, но не знаем, могут ли они быть ограничены и исчерпаны.

— Что же находится за пределами четырех морей?

— То же, что и в Срединном царстве.

— А как это доказать?

— Я ездил на восток до области Ин: люди там были такие же, как здесь. Когда я спросил, что находится на восток от Ин, то оказалось, что там было то же, что и в Ин. Я ездил на запад до области Бинь: люди там были такие

же, как здесь. И когда я спросил, что находится на запад от Бинь, то узнал, что там было то же, что и в Бинь. Вот откуда можно заключить, что четыре моря, четыре предела света и четыре края земли ничем не отличаются от того, что есть здесь. А посему все содержит в себе нечто меньшее, а само помещается в чем-то большем, которое не имеет ни конца, ни предела. Небо и Земля содержат в себе все сущее и сами содержатся в чем-то, что вмещает в себя и тьму вещей, и Небо с Землею, а потому не имеет ни конца, ни предела. Да и как я могу знать, нет ли за пределами Неба и Земли еще больших Небес и Земли? Вот чего я тоже не ведаю.

Получается, что Небо и Земля — такие же вещи, как и то, что они содержат в себе. А каждая вещь по-своему несовершенна. Поэтому в старину Нюйва сплвила камни пяти цветов, чтобы заделать провалы в небесах, и отрубила лапы у гигантской черепахи, чтобы подпереть края небес. Потом, когда Гунгун бился с царем Чжуаньсюем за власть в Поднебесной, он в ярости ударился о гору Щербатую и сломал Небесный столп, порвал небесную сеть. По этой причине небо накренилось на запад, и солнце, луна и звезды движутся в западном направлении. Земля же накренилась на восток, так что все реки текут в восточном направлении.

— Существуют ли вещи большие и малые, длинные и короткие, одинаковые и разные? — спросил опять Тан.

— К востоку от Бохая, на расстоянии в неведомо сколько тысяч ли, есть в Великом океане пропасть воистину бездонная. Зовется она «Входом в Пустоту». В нее стекаются все воды Восьми пределов света, Девяти областей и Небесной Реки³. Внутри нее есть пять гор, названия которым Дайюй, Юаньцзяо, Фанху, Инчжоу и Пэнлай. Горы эти достигают в высоту тридцати тысяч ли и столько же насчитывают в окружности. Плато на их вершинах имеет в ширину девять тысяч ли. Расстояние между горами составляет тридцать тысяч ли, но они считаются близкими соседями. Башни и террасы там из яшмы и золота, звери и птицы — из белого шелка, там растут целые рощи деревьев из жемчуга и кораллов, цветы и плоды источают дивный аромат, и те, кто вкусят их, никогда не состарятся и не умрут. Живут там бессмертные мужи, которые днем и ночью летают в несчетном количестве с одной горы на другую. Однако же горы те не имеют основания, поэтому они поднимаются и опускаются вместе с волнами океана и ни единого мига не стоят спокойно. Бессмертные были этим

весьма недовольны и пожаловались Верховному владыке. Владыка испугался, что они уйдут на Запад и он лишится обители мудрейших душ, поэтому он велел Юйцянгу послать пятнадцать огромных черепах поддерживать горы на своих головах, заступая на эту службу в три смены, а каждая смена длится шестьдесят тысяч лет. С тех пор горы стояли неподвижно.

Однако же в царстве Драконьего Князя жил великан, который всего лишь за несколько шагов достиг этих пяти гор. Закинул удочку и на один крючок поймал сразу шесть черепах, взвалил их себе на спину и ушел. Там он обжег их панцири для того, чтобы гадать по ним. Тут две горы, Дайюй и Юаньцзяо, уплыли на север и затонули в великом океане, а с ними отнесло и несчетное множество небожителей. Бог очень рассердился и особым указом урезал территорию царства Драконьего Князя и укоротил рост его жителей. Но во времена Фуси и Шэньнуна люди в той стране все еще достигали в высоту нескольких сотен локтей.

В четырехстах тысячах ли к востоку от Срединного царства находится царство Цзяояо, где люди не бывают выше вершка с половиною. Далеко на севере живут люди, которые зовутся чжэн, и рост их не превышает девяти дюймов. К югу от царства Чу растет дерево минлин, для которого пятьсот лет — как одна весна, а еще пятьсот лет — как одна осень. В старину же водилось дерево чунь, для которого весна и осень жизни насчитывали по восемь тысяч лет. А вот в навозе растет гриб, который рождается утром и умирает вечером. Весною и летом есть комары, которые рождаются, когда идет дождь, и умирают, когда выглядывает солнце. К северу от Крайнего Севера есть океан, зовущийся Небесным Озером. В нем живет рыба, которую зовут Кунь, и в длину она достигает неведомо сколько ли. И есть птица, имя ей Пэн, чьи крылья — как тучи, нависшие в небе, а туловище — им соответствующее. Кто в мире знает про эти существа? Великий Юй видел их во время своих странствий, Бой знал о них и дал им имена, Ицзянь слышал про них и записал слышанное.

На берегах Великой Реки рождаются мелкие насекомые, зовут их «цзяомин». Они летают роем и гнездятся на ресницах у комаров, не соприкасаясь друг с другом. Прилетают на ночлег и улетают, а комар даже не чувствует этого. Ли Чжу и Цзы-Юй, протерев глаза и подняв брови, разглядывали их среди бела дня, но не могли их рассмотреть. Чи Юй и учитель музыки Куан, прочистив уши и склонив

голову, слушали их по ночам, но не могли расслышать. Только Желтый Владыка и Жун Чэн-цзы, когда они жили на горе Кунтун, воздерживаясь от пищи три месяца, так что их сердца остыли, а тела высохли, смогли открыть свое духовное зрение и увидели их огромными, как вершины горы Суншань; они научились внимать токам жизненной энергии — и жужжанье послышалось им раскатами грома.

В царствах У и Чу растет огромное дерево, которое зовется помелон. Это вечнозеленое дерево, которое не увядает зимой; оно родит красные плоды, кислые на вкус, а кто съест их кожуру или выпьет их сок, излечится от удушья. В области Цичжоу его очень ценят, но когда его посадили в землях к северу от реки Хуай, оно превратилось в карликовый мандарин. Черный дрозд не перелетает через реку Ци. Барсуки погибают, если их перевезти через реку Вэнь. Таково значение дыхания земли.

Хотя облик и характеры разных существ неодинаковы, природа их едина. Никто из них не может заменить другого, все с рождения обладают полнотой жизненных свойств, и каждый располагает всем, в чем нуждается. Как мы можем знать, велики они или малы, длинны или коротки, похожи или различны?

Две горы, Тайхан и Ванъу, достигают семисот ли в округности и вздымаются ввысь на десять тысяч сажен. Когда-то они стояли к северу от Цяичжоу и на юг от Хэяна. У подножия этих гор жил человек по прозвищу Простак с Северной Горы, и было ему уже девяносто лет. Очень было досадно Простаку всякий раз, когда он отправлялся по делам и возвращался домой, обходить большую гору на севере. Собрал он свою семью на совет и сказал:

— Давайте, не жалея сил, сроем эту преграду, чтобы было нам удобно уходить от юга Юйчжоу до южного берега реки Хань!

Все согласились, и только жена засомневалась:

— Тебе не под силу скрыть даже маленький холмик, а что говорить о Тайхан и Ванъу! Да и куда ты денешь столько земли и камней?

— Будем сбрасывать их в залив Бохай, севернее Иньту.

И вот Простак вместе со всеми своими детьми и внуками отправился на работу, и стали они дробить камни, рыть землю и относить ее корзинами в море. Сын соседки, вдовы из рода Цзинчэн, у которого только что выпали молочные зубы, тоже прибежал им помогать.

Простак не возвращался домой до тех пор, пока на сме-

ну зиме не пришла летняя жара. Некий человек по прозвищу Умник с Излучины Реки стал смеяться над Простаком и отговаривать его:

— Глупец! Да разве можешь ты, одряхлевший от старости, уменьшить гору хотя бы на волосок? Разве ты справишься с такой массой земли и камней?

Простак с Северной Горы вздохнул и ответил:

— Где уж тебе, твердолобому, понять это! Ума у тебя даже меньше, чем у моего младшего внука. К чему мне горевать о том, что я сам не успею кончить работу? Когда я умру, мое дело продолжат сыновья и внуки, а потом у них тоже народятся дети, а те тоже будут иметь детей, и так без конца. Мои потомки будут жить здесь всегда, а гора не станет больше.

Умнику с Излучины Реки и возразить было нечего.

Дух горы — из тех, что носят на себе змей, — услышал речи Простака, испугался, что тот не отступится, и доложил обо всем Верховному Владыке. Растрогало Владыку усердие Простака, и приказал он двум сыновьям Куаэра перенести на спине горы: одну на восток от области Шао, другую — на юг от области Юн. И с той поры от юга Цзичжоу до южного берега реки Хань уже не было преград.

Куафу, не соразмерив своих сил, захотел догнать солнце и гнался за ним до самой долины Юй⁴. Тут его замучила жажда, и он отправился пить из Желтой Реки и реки Вэй. Однако жажду свою он не смог утолить и помчался на север пить из Великих Болот, но от жажды умер по дороге. Посох, брошенный им, впитал его кровь и плоть, и из него вырос Дэнский лес, и лес этот разросся на тысячи ли.

Великий Юй сказал:

— В пределах Шести полюсов и внутри Четырех морей все освещается солнцем и луной, меряется звездами и планетами, упорядочивается четырьмя временами года, а управляется звездой Тайсуй⁵. Все в мире рождается духовной силой, но каждая вещь имеет свою особую форму и свой срок бытия. Только мудрый может постичь их Путь.

Цзи из рода Ся сказал:

— Но есть и вещи, которые не нуждаются в духовной силе для того, чтобы родиться, не нуждаются в Инь и Ян, чтобы обрести форму, и не нуждаются в солнце и луне, чтобы проявить себя. Они умирают рано, не нуждаясь в палаче, и живут долго, не нуждаясь в присмотре. Они не нуждаются в злаках, чтобы питать себя, и не нуждаются

в шелках, чтобы одеваться, не нуждаются в лодках и экипажах, чтобы передвигаться. Их Путь — быть самими по себе, и его не могут постичь даже мудрецы.

Когда Юй укрощал потоп, он заблудился и пришел по ошибке в страну на северном берегу Северного моря, неведомо сколько тысяч ли от Срединного царства. Звали ту страну Край Севера, а где были ее пределы — неведомо. В той стране не бывает ни ветра, ни дождя, ни инея, ни росы, там не рождаются птицы и звери, насекомые и рыбы, травы и деревья. Всюду простирается там голая равнина, окруженная со всех сторон горами, а в середине царства стоит гора, которую зовут Кувшин-гора, ибо по форме она похожа на сосуд для вина с узким горлышком. С этой горы, разделяясь на четыре ручья, стекают воды горного источника, которые орошают всю страну до последнего уголка.

Там климат мягкий и не бывает моровых болезней. Люди по природе добрые и радушные не ссорятся и не соперничают друг с другом, у них нежные сердца и мягкие кости, они не знают гордыни или зависти. Старые и малые у них равны, и нет у них ни правителей, ни подданных. Мужчины и женщины общаются свободно, без сватов и свадебных подарков. Живя у воды, они не имеют надобности пахать землю и сеять, ткать и носить одежды, ибо воздух там всегда теплый. Они живут по сто лет, никогда не болея и не умирая преждевременно. А потому люди размножаются там в изобилии, живя в счастье и веселье, не ведая дряхлости и старости, печалей и горя. По природе своей они любят музыку и, взявшись за руки, поют по очереди день напролет, не прерываясь. Когда же проголодаются и устанут, пьют из Божественного Источника, и силы их тотчас же восстанавливаются. А если выпьют слишком много, то пьянеют и лишь спустя десять дней приходят в себя. Стоит им искупаться в этом Божественном Источнике — и кожа их становится свежей и гладкой, и она источает благоухание целых десять дней.

Странствуя на Севере, чжоуский царь Му побывал в этом царстве и на три года забыл о возвращении. Когда же он вернулся в свой дворец, то все время тосковал об этой стране, а потому стал раздражительным и забывчивым, не ел мяса и не пил вина, не призывал к себе наложниц и пришел в себя лишь через несколько месяцев.

Гуань Чжун уговаривал циского царя Хуань-гуна во время путешествия в Ляокоу посетить и то царство. Он уже почти убедил царя, но тут вставил свое слово Си Пэн.

— Как можно слушаться почтенного Чжуна? — сказал Си Пэн.— Ведь вам придется оставить обширное и цветущее царство Ци, прекрасные горы и реки, пышные рощи, благочестивые обряды и празднества, изящные одежды и головные уборы, прелестных наложниц и преданных советников! Скажите слово — и миллионы воинов предстанут перед вами. Махните рукой — и прочие царства падут к вашим ногам. Для чего вам мечтать о какой-то другой стране, уходить от алтарей предков и селиться среди варваров? Да почтенный Чжун совсем ума лишился!

И Хуань-гун раздумал ехать, а слова Си Пэна передал Гуань Чжуну.

— Си Пэну этого, конечно, не понять, — ответил Гуань Чжун.— Боюсь, нам никогда и не найти дорогу в ту страну. Но зачем так радеть о богатствах Ци? Зачем обращать внимание на слова Си Пэна?

Люди южных стран бреют головы и ходят нагими. Люди северных стран носят на голове повязки и одеваются в меха. Люди Срединных царств носят шапки и халаты. Все, что производится во всех Девяти областях землешапцами или торговцами, охотниками или рыболовами, все меха для зимы и холсты для лета, все лодки для воды и повозки для суши добыты без слов, в соответствии с естественными потребностями.

К востоку от царства Юэ лежит страна Чжэму. Когда там рождается первый ребенок, его тут же съедают, говоря, что это сделает плодovitой его мать. А когда умирает дед, они уносят на спине бабку, говоря: «С женой духа нельзя жить в одном доме». К югу от Чу лежит страна Ицзюй. Когда там умирает родитель или родственник, они будут считать, что не исполнили своего сыновнего долга, если не соберут много хвороста и не сожгут покойного. И когда дым от костра поднимается к небесам, они говорят, что дух покойного вознесся на Небо. Существуют государственные законы и народные обычаи, и удивляться их странности не следует.

Конфуций, странствуя на востоке, увидел двух мальчиков, которые о чем-то спорили, и спросил их, что было причиной их спора. Первый мальчик сказал:

— Я считаю, что солнце ближе к людям, когда встает из-за горизонта, и дальше всего, когда стоит над головой, а он считает, что солнце дальше, когда оно восходит, и бли-

же, когда висит над головой. Но ведь когда солнце встает, оно велико, как балдахин над колесницей, а когда оно стоит над головой, оно лишь с тарелку величиной.

Тут в разговор вмешался другой мальчик:

— Но ведь когда солнце только поднимается из-за горизонта, воздух холодный, а когда оно стоит над головой, от него так и пышет жаром. Разве не означает это, что оно ближе к нам днем, а не утром?

Конфуций не знал, как рассудить их спор, и мальчики посмеялись над ним: «Кто сказал, что вы многомудрый муж?»

Приведение к равновесию — высший закон Поднебесного мира, и он относится ко всему, что существует в нем. Что такое равновесие? Натяни волос и прилагай к нему силы сжатия и растяжения равномерно. Сожми слишком сильно, растяни слишком слабо — и волос порвется. А если эти силы будут в равновесии, то ничто способное порваться не порвется⁶. Люди сомневаются в этом, но были и такие, которые поняли эту истину.

Чжан Хэ смастерил удочку с леской из одной шелковой нити кокона, крючком из ости колоса, удилицем из цзинского бамбука, приманкой из разрезанного рисового зернышка и поймал рыбу величиной с целую повозку. Даже в стремнине глубиной в сотню саженей крючок не распрямлялся, удилице негнулось, а леска не рвалась. Услыхал об этом чуский царь, удивился и, призвав Чжан Хэ к себе, спросил, какая была тому причина.

— Ваш слуга слышал, как мой покойный отец рассказывал о том, как Пу Цзюй-цзы стрелял из лука привязанной стрелой. Лук был слабый, а привязанная стрела — тонкая. Стрелу он пускал с попутным ветром и поражал сразу пару черных журавлей, летевших по краю темной тучи, ибо собирал волю воедино и действовал плавно. Вот и я учился ловить рыбу, подражая ему, и за пять лет постиг это искусство. Когда я приближаюсь с удочкой к реке, в сердце у меня нет никаких посторонних мыслей, я думаю только о рыбе. Когда я закидываю удочку и погружаю в воду крючок, моя рука движется не слишком быстро и не слишком медленно, и ничто ей не мешает. Когда рыба видит приманку на моем крючке, эта приманка похожа на затонувшую пылинку или кусочек пены, а потому глотает ее без колебаний. Так я способен одолеть тяжелое легким, а силу — слабостью. Если ваше величество сможет таким

же образом управлять царством, он смог бы одной рукой привести в движение целый мир. Разве это было бы трудно для вас?

— Замечательно! — воскликнул чуский царь.

Гун Ху из Лу и Ци Ин из Чжао заболели и попросили Бянь Цяо исцелить их. Бянь Цяо взялся их лечить, а когда они выздоровели, сказал:

— Вы страдали от недуга, который проник в вас извне, и этот недуг можно исцелить лекарствами и иглами. Но у вас есть еще недуги, которые родились вместе с вами и выросли вместе с вашим телом. Не хотите ли вы, чтобы я исцелил их тоже?

— Мы хотели бы сначала узнать, что это за недуги?

— Твои помыслы превосходят твою энергию, — сказал Бянь Цяо, обращаясь к Гун Ху. — Поэтому ты силен в составлении планов, но слаб в их выполнении. А у Ци Ина энергия превосходит помыслы, поэтому он редко думает заранее и часто страдает из-за своих необдуманных действий. Если я переставлю ваши сердца, то вы оба выиграете от того, что ваши умственные способности и жизненная энергия уравниются.

Тут Бянь Цяо дал им выпить вина с дурманом, и они оба стали словно мертвыми на три дня. Он разрезал у каждого грудь, вытащил сердца, поменял их местами и приложил чудесное снадобье. Очнувшись, они почувствовали себя совсем как прежде и отправились по домам.

Но вышло так, что Гун Ху пришел в дом Ци Ина, а жена Ци Ина его не признала. Ци Ин же пришел в дом Гун Ху, и жена Ци Ина тоже его не признала. Семьи стали судиться друг с другом и попросили Бянь Цяо рассудить их тяжбу. Бянь Цяо объяснил, как было дело, и тогда спор прекратился.

Когда Ху Ба играл на лютне, птицы пускались в пляс, а рыбы начинали резвиться в воде. Прослышав об этом, Вэнь из царства Чжэн бросил семью и пустился в странствия учеником при наставнике музыки Сяне. Три года он трогал струны, настраивая лютню, но ни разу не доиграл мелодию до конца.

— Тебе лучше вернуться домой, — сказал ему однажды наставник Сян.

Вэнь отложил в сторону лютню, вздохнул и ответил:

— Не то чтобы я не мог настроить струны или закончить мелодию. Я думаю не о струнах, и то, что я стараюсь

исполнить, — не ноты. Если я не постигну это в моем сердце, то инструмент не откликнется моим чувствам. Вот почему я не смею исполнять музыку. Позвольте мне остаться с вами еще немного. Может быть, я смогу достичь большего.

В скором времени он снова увиделся с наставником Сяном.

— Как продвигается твое учение? — спросил наставник Сян.

— Я нашел то, что искал. Позвольте показать вам, — ответил Вэнь.

На дворе стояла весна, а он коснулся осенней ноты «шан» и вызвал полутон восьмой луны⁷. Тут повеял прохладный ветерок, созрели злаки в полях и плоды на деревьях. Когда пришла осень, он коснулся весенней струны «цзяо», вызвав полутон второй луны, и вдруг подул теплый ветер, а травы и деревья расцвели. Летом он ударил по зимней струне «юй», вызвав полутон одиннадцатой луны, и вдруг похолодало, повалил снег, а реки и озера оделись льдом. Когда пришла зима, он ударил по летней ноте «чжэн», вызвав полутон пятой луны, и солнце стало жарко палить с небес, так что лед вокруг тотчас растаял. Заканчивая мелодию, он коснулся ноты «гун» вместе с четырьмя остальными. И тут поднялся благоприятный ветер, поплыли счастливые облака, выпала сладкая роса и забили свежие ключи.

Наставник Сян погладил рукой грудь, притопывая ногой, сказал:

— Как замечательно ты играешь! Даже наставник музыки Куан, исполняющий мелодию цинцзяо, и Цзоу Янь, играющий на свирели, не смогли бы ничего к этому добавить. Один взял бы свою лютню, другой — свирель, и оба последовали бы за тобой!

Сюэ Тань учился пению у Цинь Цина. Не постигнув искусства до конца, он решил, что ему больше нечему учиться, поэтому он пришел проститься с учителем перед отъездом домой. Цинь Цин не стал удерживать ученика, но, провожая его, запел на перекрестке дорог в предместье так трогательно, что вокруг затрепетали деревья и в небе застыли облака. Тут Сюэ Тань извинился за свой легкомысленный поступок и попросил разрешения остаться. Больше он и думать не смел о том, чтобы покинуть учителя.

А Цинь Цин повернулся к своему другу и сказал:

— Когда-то женщина по имени Э из царства Хань поехала на восток, и в Ци у нее кончилась провизия. Она

въехала в столицу Ци через Ворота Согласия и за угощение спела. Когда она ушла, звуки ее голоса еще три дня наполняли своды дома, и прохожие думали, что она все еще там.

Как-то она проезжала мимо постоянного двора, и хозяин оскорбил ее. Тут Хань Э протяжно запела печальную песнь, и все услышавшие ее, молодые и старые, стали скорбно глядеть друг на друга, по щекам их потекли слезы, и целых три дня они не могли есть. Они пошли за ней, привели ее обратно, и она опять долго пела им. Но на сей раз слушатели стали прыгать от радости и хлопать в ладоши, забыв, что прежде они печалились. А потом они щедро наградили ее. Вот почему жители квартала у Ворот Согласия еще и сейчас отличные плакальщики на похоронах, ибо они помнят пение женщины Э.

Боя хорошо играл на лютне, а Чжун Цзыци отлично умел слушать. Боя играл на лютне, воображая, что взбирается на высокую гору, а Чжун Цзыци говорил: «Прекрасно! Как высока гора Тайшань!»

Когда Боя представлял себе водный простор, Чжун Цзыци говорил: «Прекрасно! Как широки Желтая Река и Великая Река!»

И что бы ни приходило на ум Боя, Чжун Цзыци тут же постигал своим сердцем.

Боя гулял по северному склону горы Тайшань. Внезапно разразилась гроза, и он укрылся под скалой. Его охватила печаль, он взял в руки лютню и стал играть на ней. Сначала он сочинил мелодию нескончаемого дождя, потом — звучание горного обвала. И что бы он ни играл, Чжун Цзыци понимал его мысли. Потом Боя отложил свою лютню и сказал:

— О, как прекрасно ты слушаешь! Все, что ты чувствуешь, наполняет и мое сердце. Куда могут скрыться мои мысли?

Когда чжоуский царь Му совершал свой царский выезд в западные области, он миновал Куньлунь, но не достиг горы Янь. По дороге назад, не успев въехать в Срединное царство, он встретил некоего ремесленника по имени Яньши.

— Что ты умеешь? — спросил его царь.

— Пусть ваше величество приказывает. Однако ж ваш слуга уже сделал кое-что и надеется, что ваше величество соблаговолит взглянуть.

— Принеси это завтра, мы поглядим вместе, — велел царь.

На следующий день Яньши попросил аудиенции у царя. Тот велел впустить его и спросил:

— Кого это ты привел с собой?

— Ваш слуга сделал его сам, и он умеет делать разные вещи.

Царь Му с удивлением посмотрел на этот манекен: тот ходил, глядя то вниз, то вверх — точь-в-точь как человек. Когда мастер коснулся рукой его щеки, он красиво запел; стоило мастеру хлопнуть в ладоши — и он пустился в пляс. Он показал множество разных номеров — какие только желал царь. Царь же решил, что перед ним действительно человек, и смотрел на его представление вместе со своим ближайшим советником Шэнь Цзи и наложницами.

Под конец манекен подмигнул окружавшим царя женщинам и поманил их к себе. Царь очень рассердился и хотел казнить Яньши на месте. А мастер, испугавшись, тут же разобрал манекен на части и показал их царю. Этот манекен был сделан из кожи и кусков дерева, скрепленных клеем, покрытых лаком и раскрашенных в белый, черный, красный и синий цвета. Царь внимательно все осмотрел: внутри были печень, селезенка, сердце, легкие, почки, кишки, желудок, снаружи — мускулы, кости, сочленения, кожа, зубы, волосы — все искусственное, но совсем как настоящее. Когда же все эти части мастер соединил вновь, искусственный человек стал таким, как прежде. Царь попробовал вынуть из него сердце — и человек не смог говорить. Из манекена вынули печень — и он не смог видеть; из него вынули почки — и он не смог ходить. Царь остался очень доволен и, вздохнув, сказал:

— Значит, человек своим искусством может сделать то же, что и сам Творец вещей!

Он велел погрузить искусственного человека на повозку и взял его с собой.

Осадная лестница Гуншу Баня, достигавшая облаков, и летающий змей Мо Ди казались им высшим достижением человеческого искусства. Но когда их ученики Дунмэнь Цзя и Цинь Гули прослышали о мастерстве Яньши и рассказали о нем своим учителям, те до самой смерти больше не осмеливались хвастаться своими достижениями и всегда носили с собой отвес и циркуль.

В старину Гань Ин был непревзойденным стрелком из лука. Лишь натянет свой лук — и звери ложатся, а птицы

падают наземь. У Гань Ина был в учениках Фэй Вэй, который своим искусством даже превзошел учителя. А у Фэй Вэя искусству стрельбы учился Цзи Чан.

Фэй Вэй сказал ему:

— Ты должен научиться не моргать, прежде чем начнешь рассуждать об искусстве стрельбы.

Цзи Чан пошел домой, лег под ткацкий станок своей жены и стал глядеть, как снует челнок. Спустя два года он уже не моргал, даже если его кололи в глаз шилом.

Цзи Чан доложил Фэй Вэю о своем достижении, и тот сказал:

— Этого еще недостаточно. Тебе нужно еще научиться смотреть, а уж потом можно и стрелять. Научись видеть малое как большое, смутное — как ясное, а потом приходи.

Чан подвесил у окна вошь на волосе яка и, повернувшись лицом к югу, стал на нее смотреть. Через десять дней вошь стала на его глазах увеличиваться в размерах, а через три года он уже видел ее огромной, как тележное колесо, остальные же предметы были для него величиной с холм или гору. Взял он лук, украшенный яньским рогом, вложил в него стрелу пэн, выстрелил и пронзил сердце вши, а волос даже не порвался.

Доложил он об этом Фэй Вэю, и тот ударил себя в грудь, топнул ногой и воскликнул:

— Теперь ты постиг искусство!

После того как Цзи Чан постиг искусство Фэй Вэя, он решил, что теперь лишь один человек в мире может соперничать с ним в мастерстве, и тогда он задумал убить Фэй Вэя. Они сошлись в чистом поле и стали друг в друга стрелять, но их стрелы сталкивались в воздухе и падали на землю, даже не поднимая пыли. Но тут у Фэй Вэя кончились все стрелы, а у Цзи Чана оставалась еще одна. Цзи Чан пустил ее, но Фэй Вэй отразил ее колючкой с кустарника.

Тут оба мастера заплакали, отбросили луки, отвесили друг другу низкий поклон и попросили считать друг друга отцом и сыном. Каждый поранил себе руку и поклялся на собственной крови никому не передавать свое искусство.

Отца колесничего Цзао звали Тайдоу. Когда Цзао начал учиться у него искусству управления колесницей, он держался крайне учтиво, но в течение трех лет Тайдоу ничего не говорил ему. Он даже стал держаться с ним еще сдержаннее, но в конце концов дал ему такое наставление:

— В старинной песне говорится:

Сын хорошего лучника
должен начать с плетения корзин.
Сын хорошего кузнеца
должен начать с шитья одежд.

Сначала посмотри, как я бегаю. Сможешь бегать, как я, тогда сможешь держать в руке шесть пар вожжей, управлять шестеркой коней.

— Буду повиноваться любому вашему приказу.

Тут Тайдоу поставил ряд столбов, удаленных друг от друга ровно на столько, чтобы можно было прыгнуть с одного на другой, и стал бегать по ним туда и сюда и ни разу не оступился.

Цзао стал повторять за ним и через три дня овладел его искусством.

— Да ты у меня способный! — воскликнул Тайдоу. — Быстро все сообразил! Управлять колесницей — это то же самое. Когда ты бежал, ты откликался умом на то, что чувствовал в ногах. Если применить это к управлению колесницей, то это значит, что ты должен управлять вожжами там, где они соединяются с удилами, натягивай их и ослабляй их в зависимости от угла губ коней. Должная мера в движениях опознается умом, а осуществляется руками. Внутри постигаешь сердцем, вовне пребываешь в согласии с бегом коней. Так ты сумеешь бросать коней вперед или отводить их назад, словно по отвесу, делать повороты и описывать круг, словно по угломеру и циркулю. Тогда силы коней хватит на любой путь, как бы труден и далек он ни был, и ты воистину овладеешь искусством.

Если поводья будут двигаться в согласии с удилами, руки будут действовать в согласии с поводьями, а сердце будет в согласии с руками, тогда ты будешь видеть и без помощи глаз и гнать коней, не подхлестывая их кнутом. Храня безмятежность в сердце, блюдя правильную позу, не спутывая в своей руке шесть пар вожжей, ты сможешь направлять все двадцать четыре копыта своих коней туда, куда хочешь, водить их по кругу, бросать вперед или поворачивать вспять. Тогда твоя колесница проедет везде, где только поместится ее ось и может ступить копыто коня. И тебе будет удобно ездить всюду — даже по отвесным горам и глубоким ущельям, равнинам и топям. Вот все, чему я могу научить тебя. Запомни же сие!

Вэй Хэймао втайне ненавидел Цю Бинчжана и убил его. Сын убитого по имени Лайдань искал случая отомстить

убийце. Лайдань был силен духом, но слаб телом. Рис он ел, пересчитывая зернышки, и даже против ветра не мог ходить. Хотя гнев переполнял его, он не мог поднять оружие, чтобы отомстить за отца. Но он считал позором для себя прибегать к чужой помощи и поклялся убить Вэй Хэймао собственными руками. А Вэй Хэйлуань отличался свирепым нравом и необыкновенной силой, крепкими мускулами и костями, твердой кожей и плотью, каких не сыщешь среди людей. Он мог подставить шею под меч и принять на грудь летящую стрелу — и меч гнулся, стрела отскакивала, а на теле не оставалось даже царапины. Зная свою силу, он смотрел на Лайданя как на цыпленка.

Друг Лайданя Шэнь То сказал ему:

— Ты ненавидишь Вэй Хэймао, ведь он оскорбляет тебя так, что стерпеть невозможно. Как же ты собираешься поступить?

— Я хотел бы услышать твой совет, — ответил Лайдань.

— Я слышал, что дед Кун Чжоу из царства Вэй добыл драгоценные мечи иньского царя. Даже маленький мальчик, имея при себе один такой меч, способен дать отпор целому войску. Почему бы нам не попросить их?

И вот Лайдань отправился в Вэй и пришел к Кун Чжоу. Прежде чем высказать свою просьбу, он поприветствовал Кун Чжоу с вежливостью слуги и предложил ему в дар свою жену и детей.

— У меня есть три меча, — ответил Кун Чжоу. — Ты можешь взять любой, но ни один из них не может убить кого угодно. Позволь сначала рассказать о них. Первый зовется «хранящий Свет». Смотри на него — и не увидишь, взмахни им — и не поймешь, где он. Когда им рубишь врага, тот даже не замечает, как меч проходит сквозь него. Второй меч называется «принимающий Тень». Если всматриваться в него в час утренних сумерек, как раз перед рассветом, или повернувшись спиной к солнцу, можно разглядеть нечто, но понять, что это меч, — невозможно. Третий меч зовется «закаленный Ночью». Днем видна его тень, но не его блеск, ночью можно видеть его блеск, но не видно его формы. Коснувшись тела, он рассекает его с треском, но рана тут же затягивается; враг чувствует боль, но на лезвии не остается крови. Эти три сокровища хранились в нашей семье тринадцать поколений, и никто ни разу не воспользовался ими. Их держали в ларце, с которого даже печать не снята.

— И все же осмелюсь попросить у вас последний, — сказал Лайдань.

Тут Кун Чжоу вернул ему его жену и детей, постился с ним семь дней и вечером седьмого дня, преклонив колена, вручил ему третий меч. Лайдань дважды простерся ниц, взял меч и поспешил домой.

И вот Лайдань с мечом в руке отправился к Вэй Хэймао. Улучив момент, когда Вэй Хэймао лежал пьяный у окна в своем доме, он трижды рассек его мечом от шеи до пояса, а тот даже не проснулся.

Лайдань решил, что Вэй Хэймао мертв, и побежал прочь, но у ворот встретил сына Вэй Хэймао и трижды рубанул его, рассекая воздух. Сын Вэй Хэймао только спросил с улыбкой:

— Почему ты так странно махнул рукой?

Лайдань понял, что этим мечом нельзя убить человека, и, тяжело вздыхая, пошел домой.

Когда Вэй Хэймао проснулся, он крикнул сердито жене:

— Ты оставила меня, пьяного, непокрытым. Теперь у меня ломит поясницу!

А его сын сказал:

— Недавно приходил Лайдань, встретился со мной в воротах, трижды махнул на меня рукой, и у меня тоже зануло все тело, а конечности онемели. Он одолел нас!

Когда чжоуский царь Му пошел походом на западное племя жун, те поднесли ему железный кинжал и холст, не сгорающий в огне. Кинжал был длиной в один вершок и восемь дюймов, красного цвета, сделан был из закаленной стали и резал яшму, точно глину. А холст, когда его нужно было постирать, бросали в огонь, отчего он принимал цвет огня, а вся грязь с него сходила. Вынув из огня, его стряхивали, и он становился белым как снег.

Наследник престола думал, что таких вещей в мире не существует и рассказы о них — чистый вымысел. А Сяо Шу сказал:

— Как самонадеян Хуан-цзы! Как упрям в своих заблуждениях!

ГЛАВА VI
СИЛА И СУДЬБА

Сила сказала Судьбе:

— Разве могут твои заслуги сравниться с моими?

— Какие же у тебя заслуги перед вещами и в чем они превосходят мои? — спросила Судьба.

— Я, Сила, способствую долголетию или недолговечности, успеху или неудаче, знатному или низкому положению, богатству или бедности.

— Пэнцзю умом не превосходил Яо или Шуня, однако же прожил восемь сотен лет, — ответила Судьба. — Янь Юань был отнюдь не менее способным, чем большинство людей, а умер восемнадцати годов от роду. Конфуций не уступал в добродетели владыкам уделов, а они заставили его терпеть нужду на рубеже царств Чэнь и Цай. Иньский царь Чжоу отнюдь не превосходил благонравным поведением трех казненных им советников¹, однако же восседал на троне. Цзи Чжа не имел знатного титула в У, Тянь Хэн захватил власть в царстве Ци. Бои и Шуци умерли с голоду на горе Шоюан, а семейство Цзи было богаче Чжань Циня. Если все это в твоей власти, то почему ты дала одному долгую жизнь, а другому — короткую, почему позволила негодю торжествовать, а добродетельному мужу — терпеть неудачу, дурному человеку — богатеть, а хорошему — жить в нищете?

— Если дело обстоит так, как ты говоришь, то у меня действительно нет заслуг. Но тогда не ты ли управляешь вещами в этом мире?

— Хоть я и зовусь Судьбой, могу ли я управлять чем-либо? — ответила Судьба. — Прямое я подталкиваю, кривое сдерживаю. Долгая или короткая жизнь, неудача или успех, высокое или низкое положение, богатство и бедность случаются сами собой. Что я могу знать об этом?

Бэйгун-цзы сказал Симэнь-цзы:

— Мы с тобой ровесники, однако люди помогают тебе. Мы из одного рода, но люди уважают тебя. Мы выглядим одинаково, но люди любят тебя. Мы говорим одинаково, но люди слушают тебя. Мы действуем сообща, но люди доверяют тебе. Если мы вместе поступим на службу, то повышение получишь ты. Если мы вместе будем пахать землю, то разбогатеешь ты. Если мы вместе будем торговать, то выгода достанется тебе. Я одеваюсь в грубый холст, живу в соломенной хижине и хожу пешком, а ты носишь узорчатую парчу, ешь лучшее просо и мясо, живешь в доме с высокими стропилами и едешь в колеснице, запряженной четверкой лошадей. Дома ты пренебрегаешь моим обществом, при дворе не скрываешь своего высокомерного отношения. Прошло уже много лет с тех пор, как мы не ходим друг к другу в гости и не выезжаем вместе на прогулку. Не потому ли, что, по твоему мнению, встречи со мной — ниже твоего достоинства?

— Я и сам не понимаю, в чем тут дело, — ответил Симэнь-цзы. — Но что бы мы ни предпринимали, ты терпишь неудачу, а я добиваюсь успеха. Не говорит ли это о том, что мне дано больше, чем тебе? Однако же тебе хватает дерзости заявлять, что ты во всем подобен мне.

Бэйгун-цзы не нашел что ответить и отправился домой в раздумье. По дороге он встретил Дунго-цзы, и тот спросил его:

— Куда это ты идешь такой согбенный, такой пристыженный?

Бэйгун-цзы рассказал ему обо всем.

— Я помогу тебе поправить дело, — сказал Дунго-цзы. — Пойдем-ка к нему вместе.

Дунго-цзы попросил Симэнь-цзы объяснить, отчего он так унизил Бэйгун-цзы, и тот повторил то, что уже говорил Бэйгун-цзы.

— Когда ты говоришь, что вам дано неодинаково, ты имеешь в виду лишь различие в природных дарованиях, — сказал в ответ Дунго-цзы. — Я же говорю сейчас о различии другого рода. Бэйгун-цзы одарен добродетелью, но обделен удачей, ты одарен удачей, но обделен добродетелью. И то и другое дается не людьми, а Небом, однако ты гордишься тем, что одарен удачей, а Бэйгун-цзы стыдится того, что одарен добродетелью. А это означает, что вы оба не понимаете естественного положения вещей.

— Довольно, уважаемый! — воскликнул Симэнь-цзы. — Я больше не буду так говорить!

Когда Бэйгун-цзы возвратился домой, одежда из грубого холста стала казаться ему такой же теплой, как шуба из лисьего меха, обыкновенные бобы — столь же вкусными, как рис и просо, его соломенная хижина — красивой, как дворец, его грубая арба — изящной, как экипаж с узорами. До конца своих дней он был безмятежен, не задумываясь о том, кто на свете знатнее его, а кто нет.

Гуань Чжун и Баошу Я были добрыми друзьями и вместе жили в царстве Ци. Гуань Чжун служил царевичу Цзю, а Баошу Я — царевичу Сяобо. Циский царь был щедр, и дети царских наложниц пользовались его милостями наравне с детьми царицы. Многие опасались смуты, и царевич Цзю бежал в Лу, сопровождаемый Гуань Чжуном и неким Шао Ху, а царевич Сяобо бежал в Цзюй, и Баошу Я последовал за ним.

Позднее царский внук Учжи поднял мятеж, в царстве не стало государя, и оба царевича вступили в борьбу за престол.

Сражаясь с Сяобо на дороге в Цзюй, Гуань Чжун попал ему стрелой в пряжку халата. Когда же Сяобо взошел на престол в Ци под именем Хуань-гуна, он заставил людей Лу убить своего брата Цзю. Шао Ху по этой причине покончил с собой, а Гуань Чжуна заточили в темницу.

Тут Баошу Я сказал Хуань-гуну:

— Гуань Чжун — талантливый муж, он способен управлять царством.

— Он — мой враг, и я хочу его смерти, — ответил Хуань-гун.

— Я слышал, что мудрый правитель ни к кому не питает личной вражды. Кроме того, человек, доказавший свою преданность господину, непременно будет и преданным советником царя. Если вы хотите стать первым среди владык мира, то вам без него не обойтись.

Царь призвал Гуань Чжуна, и лусцы отпустили его в Ци.

Баошу Я вышел встречать его за городские ворота и сам освободил от оков. Хуань-гун оказал ему радушный прием и пожаловал самый высокий чин, так что Баошу Я стал служить под началом Гуань Чжуна. Так Гуань Чжун стал править царством Ци и получил от государя титул Отец Чжун. В скором времени Хуань-гун стал самым могущественным в мире государем.

Однажды Гуань Чжун, вздохнув, сказал:

— В молодости, когда мне жилось нелегко, я торговал

вместе с Баошу. Когда мы делили выручку, я брал себе бóльшую часть, но Баошу, зная о моей бедности, не считал меня жадным. Я задумал одно дело для Баошу, но потерпел неудачу. Однако он не счел меня глупцом, ибо знал, что бывают неблагоприятные обстоятельства. Трижды меня призывали на службу, и все три раза я был изгнан с нее, но Баошу не счел меня бездарным, ибо знал, что мой час еще не настал. Три раза я участвовал в сражениях и каждый раз показывал врагу спину, однако Баошу не счел меня трусом, ибо знал, что я должен заботиться о престарелой матери. Когда убили царевича Цзю, а Шао Ху покончил с собой, я предпочел смерти позор тюремного заключения, но он не счел меня бесчестным человеком, ибо знал, что я равнодушен к мелким почестям и озабочен лишь тем, что еще не прославил свое имя в целом мире. Отец и мать меня родили, но знает меня один лишь Баошу Я!

Вот так Гуань Чжун и Баошу Я прославили себя своей крепкой дружбой, а Сяобо прославился своим умением привлекать к себе мудрых советников. Но на самом деле они не были искусны ни в дружбе, ни в искусстве отбора служилых людей. И это не означает, что кто-то другой превосходил их в дружбе или в отборе способных людей. Нельзя сказать, что Шао Ху лучше других умел жертвовать своей жизнью, — просто он не мог поступить иначе. Нельзя сказать, что Хуань-гун лучше других умел привлекать к себе достойных мужей, — просто он не мог поступить иначе.

Когда Гуань Чжун всерьез захворал, Хуань-гун пришел к нему и сказал:

— Может быть, ты вот-вот умрешь, пришло время говорить начистоту. Если тебя не станет, кому я должен передать бразды правления?

— А кого бы вы хотели видеть вместо меня?

— Можно ли заменить тебя Баошу Я?

— Нет, нельзя. Человек он необыкновенно целомудренный и честный и всех, кто ему уступает в добродетели, даже за людей не считает. Стоит ему услышать о том, что кто-то совершил промах, и он не забудет это ему до конца жизни. Если ему доверить управление царством, он причинит обиду и государю, и народу. В скором времени вам захочется наказать его.

— А кого бы ты предложил на свое место?

— Если у вас нет никого на примете, я бы рекомендовал Си Пэна. Он такой человек, что государь даже не будет его замечать, а народ не станет против него бунтовать. Он

стыдится того, что еще не сравнился доблестями с Желтым Владыкой, и печалится о тех, кто хуже него.

Кто делится с людьми благодатью жизни — тот мудрец.

Кто делится с людьми богатством — тот достойный муж.

Тот, кто кичится своим умом, никогда не завоюет сердца людей.

Тот, кто, будучи мудр, умаляет себя, всегда привлечет к себе других.

Си Пэн не захочет знать все о царстве. Он не захочет видеть все в собственном доме. Если у вас нет никого на примете, возьмите лучше Си Пэна.

Это не значит, что Гуань Чжун был предубежден против Баошу Я и оказывал милость Си Пэну. Он просто не мог относиться к ним иначе. Бывает так, что кого-то мы поначалу привечаем, а потом отвергаем или, наоборот, сначала отвергаем, а потом привечаем. Наши пристрастия не от нас зависят, а от обстоятельств.

Дэн Си высказывал суждения, противоречащие друг другу, а потом выдвигал бесчисленные доказательства их истинности. Когда Цзы-Чань был первым советником в царстве Чжэн, Дэн Си написал свод законов на бамбуковых планках, и государь выразил свое согласие. Потом он стал обличать ошибки Цзы-Чаня, и Цзы-Чань согласился с ним. Но вдруг Цзы-Чань велел его схватить и казнить.

Это все не означает, что Цзы-Чань нарочно принял законы Дэн Си, что Дэн Си заставил его признать свою вину или что Цзы-Чань нарочно казнил Дэн Си. Просто эти события не могли не случиться — только и всего.

Родиться вовремя и умереть вовремя — вот благословение Неба. Не жить, когда время жить, и не умереть, когда время умирать, — вот наказание Неба. Некоторые рождаются и умирают в нужное время, а некоторые живут и умирают, когда не время жить или умирать. Однако ни мы сами, ни другие люди не вольны давать нам жизнь, когда мы рождаемся, или посылать нам смерть, когда мы умираем. И то и другое определено Судьбой, и человеческое разумение не способно постичь это. Посему сказано:

Непостижимо, сменяясь до бесконечности,
Они идут сами собою Небесным Путем.
В равновесии нескончаемый круг
Вращается сам собою Небесным Путем.
Земля и Небо не могут этому помешать,

Мудрецы всех времен не могут это отрицать.
Духи и демоны не могут это обмануть.
Быть самим собой, как они есть, —
Вот что влечет их вперед,
Что дает им жизнь, дает им покой.
Провожает в конце и встречает в начале.

Друг Ян Чжу Цзи Лян заболел, и на десятый день ему стало совсем плохо. Его сыновья стояли вокруг, рыдая и умоляя его послать за лекарем.

— Как глупы мои дети! — сказал Цзи Лян, обращаясь к Ян Чжу.— Не споешь ли ты им песню в поучение?

И Ян Чжу запел так:

Что даже Небу неведомо,
Как поймет человек?
Добро не от Неба исходит,
Не человек творит зло.
Точно ли ты и я не знаем?
Точно ли знают колдуны и врачи?

Сыновья Цзи Ляна ничего не поняли и пригласили-таки трех лекарей.

Одного звали Чжао, второго — Юй, а третьего — Лу. Они стали шупать пульс больного и определять его болезнь.

Лекарь Чжао сказал Цзи Ляну:

— В вас жар и холод, пустое и наполненное не находятся в равновесии. Болезнь ваша от неправильного питания, чрезмерного увлечения женщинами и утомительных забот, а не от Неба или духов. Хотя она и тяжела, а вылечить ее можно.

— Это заурядный лекарь! — воскликнул Цзи Лян.— Пусть уходит прочь!

Лекарь Юй сказал:

— Когда вы еще были в утробе, у вашей матери было слишком мало жизненной энергии, а после того, как вы родились, у вашей матери было слишком много молока. Болезнь ваша возникла не за один день. Она накапливалась постепенно, и исцелиться от нее нельзя.

— Хороший врач! — сказал Цзи Лян.— Пусть останется на обед.

Лекарь Лу сказал:

— Болезнь ваша не от Неба, не от людей и не от духов. С тех самых пор, когда вы получили жизнь и тело, вы знали, что это за сила, которая управляет ими. Разве можно помочь вам целебными травами и камнями?

— Вот великий лекарь! — воскликнул Цзи Лян.— Одарите его щедро.

А в скором времени болезнь Цзи Ляна прошла сама собой.

Тот, кто ценит жизнь, все равно не может ее сохранить. Тот, кто заботится о своем теле, все равно не может ему помочь. Жизнь не станет короче, если ее не ценить. Телу не станет хуже, если о нем не заботиться. А потому те, кто ценят жизнь, часто теряют жизнь, а те, кто жизнь не ценят, часто не умирают; те, кто заботятся о теле, часто не приносят себе пользы, а те, кто о теле не заботятся, часто не причиняют себе вреда.

Нам кажется, что жизнь повинуется нашим желаниям, а на самом деле это не так. Жизнь и смерть, польза и вред существуют сами по себе.

Юй Сюн сказал Вэнь-вану:

— К тому, что само по себе длинно, ничего не прибавишь. От того, что само по себе коротко, ничего не отнимешь. Гадать об удаче — никчемное дело.

Лао-цзы сказал Гуань Иню:

— Когда Небо ненавидит кого-то, кто узнает причину? ² Это означает, что бессмысленно гадать о воле Неба и о своих удачах или неудачах.

Ян Бу спросил своего старшего брата Ян Чжу:

— Что можно сказать про двух людей, которые и речью, и способностями, и внешностью похожи друг на друга, как близнецы, а возрастом, заслугами, положением, вкусами различны, как отец и сын?

— У древних, — ответил Ян Чжу, — была поговорка, гласившая: «Все, что случается само по себе и чего мы знать не можем, — все это от судьбы». Все, что происходит по неведомой, непостижимой для нас причине, независимо от того, действуем ли мы или не действуем, что приходит сегодня, а завтра уходит, — все это судьба. Для того, кто верит в судьбу, нет разницы между долгой жизнью и короткой; для того, кто верит в естественный закон всех событий, нет ни истины, ни лжи; для того, кто верит своему сердцу, нет ни хвалы, ни хулы; для того, кто верит в свою природу, нет ни опасности, ни безопасности. Стало быть, нет ничего, чему бы он доверял или не доверял. Он живет лишь подлинностью. От чего же он должен бежать, к чему стремиться, чему радоваться и чему огорчаться? Что же он должен делать и чего не делать?

В книге Желтого Владыки говорится, что высший человек в покое подобен мертвому, а в движении подобен машине. Он не знает, почему покоится или не покоится, движется или не движется. Его внешность и чувства не меняются от того, что люди на него смотрят или не смотрят. Одинокий он приходит, одинокий уходит, одинокий выходит, одинокий входит. И что может сдержать его?

Четыре человека: Хитрец и Грубиян, Соня и Драчун — вместе странствовали по свету. Каждый из них следовал лишь своим наклонностям, и до самой смерти никто из них ничего не знал про другого. Ибо каждый из них считал себя самым умным.

Четыре человека: Ловкач и Простак, Нахал и Блюдолиз — вместе странствовали по свету. Каждый из них следовал своим наклонностям, и до самой смерти никто из них не открылся другому. Ибо каждый из них считал себя самым искусным.

Четыре человека: Плут и Правдолюбец, Заика и Ругатель — вместе странствовали по свету. Каждый из них следовал своим наклонностям, и до самой смерти никто из них не объяснился с другим. Ибо каждый из них считал себя самым талантливым.

Четыре человека: Притворщик и Простофиля, Нахал и Скромник — вместе странствовали по свету. Каждый из них следовал своим наклонностям, и до самой смерти никто из них не указал на недостатки другого. Ибо каждый из них считал свое поведение безупречным.

Вот так живут люди. Облик их неодинаков, но все они идут путем, уготовленным для них Судьбой.

Частичный успех похож на успех, но все-таки это — не успех. Частичная неудача похожа на неудачу, но все-таки это — не неудача. А посему заблуждения проистекают из видимости подобия. Различие же между настоящим и кажущимся крайне смутно. Но тот, кто ведает об этом различии, не страшится опасностей вокруг и не радуется удовольствию в себе. Такой человек когда нужно действует, когда нужно — бездействует, но всей его мудрости недостаточно для того, чтобы знать, почему это так.

Тот, кто верит в судьбу, не делает различия между миром вокруг и собой. Тот, кто делает различие между миром и собой, знает даже меньше, чем тот, кто, закрыв глаза и заткнув уши, становится спиной к городской стене и лицом ко рву, ведь он не падает. Поэтому говорят: «жизнь и смерть

зависят от судьбы, богатство и бедность зависят от времени». Тот, кто противится смерти в раннем возрасте, не ведет судьбы. Тот, кто ропщет на бедность и неудачи, не знает времени. А тот, кто не знает страха смерти и не печалится в бедности, знает судьбу и умеет жить в согласии с временем.

Многознающий, рассчитывающий пользу и вред, оценивающий истину и ложь, вникающий в настроение других, терпит неудачу не реже, чем добивается успеха. Малоознающий, который не делает всего этого, добивается успеха не реже, чем терпит неудачу. Разве есть различие между теми, кто высчитывают, оценивают и вникают, и теми, кто не делают этого? Только тот, кто, не меряя ничего, умеет измерить все, будет целостен и не будет иметь язв. Но так происходит не потому, что он знает о своей цельности или ущербности, — и то и другое существует само по себе.

Циский царь Цзин гулял на Бычьей горе. Посмотрев на север, где виднелись вдали стены его столицы, он сказал со слезами на глазах:

— Как прекрасен мой город! Как величав он! Отчего же на глазах у меня слезы? Почему я должен буду когда-нибудь навсегда покинуть этот град? Если бы с древних времен не было бы смерти, я бы ни за что не ушел отсюда!

Ши Кун и Лянцю Цзюй разрыдались вслед за государем и молвили:

— Ваши слуги благодаря великой щедрости вашей имеют счастье питаться высушенным мясом и грубым зерном, ездить на простой телеге, запряженной клячей. Если уж мы не хотим умирать, то что уж говорить о нашем господине!

Только один Янь-цзы молча стоял и улыбался. Царь вытер слезы, повернулся к Янь-цзы и спросил:

— Сегодня у нас получилась грустная прогулка. Кун и Цзюй рыдали вместе со мной. Отчего же ты улыбаешься?

— Если бы добродетелью можно было продлевать жизнь, то ваши предки Тай-гун и Хуань-гун жили бы вечно. Если бы отвагой можно было продлевать жизнь, тогда Чжуан-гун и Лин-гун жили бы вечно. А если бы эти государи были живы и сегодня, то вы, мой повелитель, сейчас стояли бы посреди поля в соломенной накидке и бамбуковой шляпе и думали бы только о ваших тяготах. Разве нашлось бы у вас тогда время думать о смерти? Ибо как же вы, повелитель, смогли взойти на царский трон? Потому только, что предки ваши занимали его один за другим, пока не пришла ваша очередь. И плакать по этой причине не-

достойно вас. Я вижу перед собой лишь недостойного государя и льстивых слуг. Вот почему я улыбался.

Цзин-гун устыдился своего поступка, и в знак раскаяния он осушил винную чару, да и советников своих тоже заставил выпить «покаянную чарку».

В Вэй жил человек по прозвищу У с Восточных ворот, который не горевал, когда у него умер сын. Жена спросила его:

— Почему вы не горюете о смерти сына? Ведь вы любили его больше всех на свете!

— Для чего мне горевать, — ответил У с Восточных ворот. — Когда-то у меня не было сына, и я совсем не горевал. А теперь у меня, как и прежде, снова нет сына — только и всего.

Землепашец поспешает за временами года, купец гонится за барышом, мастеровые торопятся овладеть новыми ремеслами, а служилые люди рвутся к власти — к этому вынуждают их обстоятельства. Но у землепашцев бывают наводнения и засухи, у купцов — доходы и убытки, у мастеровых — удачи и неудачи, а у служилых людей — поражения и победы. Таково действие Судьбы.

ГЛАВА VII

ЯН ЧЖУ

Ян Чжу странствовал в Лу и остановился у господина Мэна¹. Мэн спросил его:

— Мы просто люди, и ничего более. Зачем нам слава?

— Слава помогает нам разбогатеть, — ответил Ян Чжу.

— Если я богат, к чему мне еще слава?

— Она помогает нам получить высокий чин.

— Если у меня уже есть высокий чин, к чему мне еще слава?

— Она послужит нам после нашей смерти.

— Если я умер, то для чего мне слава?

— Она поможет нашим потомкам.

— Чем же моя слава может помочь моим потомкам?

— Ради славы мы решаемся на изнурительные труды и обременительные заботы, но тот, кто ее завоюет, облагодетельствует весь свой род и окажет услугу всем жителям округи, не говоря уже о его собственных потомках.

— Однако же тот, кто радеет о славе, должен быть целомудрен, а если он целомудрен, он не может не быть бедным. Он также должен быть скромным, а если он скромн, он не сможет получить высокий чин.

— Когда Гуань Чжун служил первым советником в Ци, он вел себя распутно, когда государь распутничал, и бывал нескромн, если государь вел себя нескромно. Он следовал государю и в мыслях, и в речах, и благодаря его искусству царь Ци стал первым среди владык мира. Но после его смерти потомки его были только семейством Гуаней. Когда же первым советником стал Тянь, то он держался скромно, если государь расточительствовал, и был щедр, если государь проявлял алчность. Все люди перешли на его сторону, и так он установил свою власть над целым царством, а его потомки правят в Ци по сей день. Получается, что, если слава настоящая, ты будешь бедн, а если слава ложная, ты будешь богат.

— Действительность не имеет отношения к славе, а слава не имеет отношения к действительности. Слава — это только обман. В старину Яо и Шунь сделали вид, что хотели передать власть над миром Сюй Ю и Шань Цюаню, однако в действительности не сделали этого и управляли Поднебесной еще сотню лет. А Бои и Шуци, которые и в самом деле отказались от своего удела, довели свое царство до гибели и умерли с голоду на горе Шоуян.

Вот так раскрывается различие между действительным и лживым.

Ян Чжу сказал:

«Сотня лет — вот предел человеческой жизни, но до такого возраста не доживает и один человек из тысячи. Но даже если кто-нибудь и доживет до ста лет, детство и старость отнимут половину его жизни. Ночи, когда мы спим, и дни, которые проходят попусту, отнимут половину оставшегося срока. Страдания и недуги, тяготы и муки, печали и лишения, заботы и страхи отнимут еще половину оставшегося срока. А в оставшуюся дюжину лет мы едва ли и час можем прожить в довольстве и веселье, не ведая забот.

Для чего же тогда живет человек? В чем радости его жизни? Только в роскошных одеждах и изысканных кушаньях, сладкозвучной музыке и прекрасных женщинах. Однако ж невозможно иметь в достатке роскошные одежды и изысканные кушанья, нельзя всю жизнь наслаждаться прекрасными женщинами и сладкозвучной музыкой. К тому же нас держат в узде законами и прельщают наградами, увлекают мечтой о славе и пугают наказаниями. Бездумно соперничаем мы ради мимолетной похвалы и добиваемся призрачной славы после смерти. Кланяясь направо и налево, мы стараемся угодить другим, вслушиваемся в мнения света и боимся обнаружить наши собственные пристрастия. Так мы лишаемся всех наслаждений в жизни и не можем хотя бы час прожить так, как мы хотим. Чем же мы отличаемся от преступников, закованных в цепи?

В глубокой древности люди знали, что, рождаясь, мы на мгновение приходим, а умирая, на мгновение уходим. Поэтому они жили, следуя велениям сердца, и не шли наперекор своим природным желаниям. Они не отказывались от удовольствий жизни, и поэтому их нельзя было соблазнить обещаниями славы. Они жили, давая волю своей природе, не отвергали свойственных всем побуждений, не мечтали о посмертной славе, и поэтому их нельзя было за-

пугать наказаниями. Они не думали о том, будут ли их хвалить или ругать, много они прожили на свете или мало».

Ян Чжу сказал:

«В жизни все существа разные, а в смерти они все одинаковы. В жизни бывают умные и глупые, знатные и подлые: так люди различаются между собой. В смерти они смердят и гниют, разлагаются и исчезают: в этом они все одинаковы.

Однако то, что мы бываем умными и глупыми, знатными и презренными, зависит не от нас самих, и не от нас зависит то, что мы после смерти смердим и гнием, разлагаемся и исчезаем. Следовательно, жизнь не делает нас живыми, а смерть не делает нас мертвыми, умные не сами по себе умны, глупые не сами по себе глупы, знатные не сами по себе знатны, а подлые не сами по себе подлы. Все существа в мире равно живы и мертвы, равно умны и глупы, равно знатны и подлы.

Через десять лет или через сто мы все умрем. Умирают и милосердный и жестокий, и мудрец и невежа. В жизни — Яо и Шунь, после смерти — сгнившие кости. При жизни — Чжоу и Цзе, после смерти — сгнившие кости. А сгнившие кости все одинаковы, кто знает, какая между ними разница? Так наслаждайтесь жизнью, пока живы, и не думайте о том, что будет после смерти!»

Ян Чжу сказал:

«Бои вовсе не был лишен желаний, он воспитал в себе гордыню чистоты и поэтому уморил себя голодом. Чжань-цзи вовсе не был лишен страстей, он взрастил в себе одержимость праведным поведением и поэтому едва не погубил весь свой род. До чего они оба были ослеплены ложью «чистоты» и «праведности»!»

Ян Чжу сказал:

«Юань Сянь жил бедняком в Лу, Цзы-Гун стал богачом в Вэй. Бедность Юань Сяня укоротила ему жизнь. Цзы-Гун из-за своего богатства попал в беду. Получается, что и бедность, и богатство — зло? Как же следует жить? Скажу так: нужно уметь наслаждаться жизнью и быть свободным от всех забот. Тот, кто умеет наслаждаться жизнью, никогда не будет беден, а тот, кто умеет быть свободным от забот, никогда не будет богат».

Ян Чжу сказал:

— «При жизни друг друга жалеть, по смерти друг друга покидать» — в этой древней пословице заключена истина. «Жалеть друг друга» не значит только сочувствовать другим. Если человек устал, нужно дать ему отдохнуть, если он голоден, нужно накормить его, если он замерз, нужно обогреть его, а если он попал в беду, нужно вызволить его. «Друг друга покидать» не значит не скорбеть о покойном. Но не следует одевать его в парчовые одежды, класть ему в рот жемчуг или нефрит, приносить ему жертвы и жаловать ему поминальные предметы.

Янь Пинчжун спросил у Гуань Чжуна, что такое «вскармливание жизни».

Гуань Чжун ответил:

— Это просто жизнь без стеснений; ничего в себе не подавляй, ничем себя не обуздывай.

— Расскажите об этом подробнее.

— Позволь ушам своим слушать то, что им хочется слушать; позволь своим глазам видеть то, что им хочется видеть; позволь носу обонять то, что ему хочется, а устам изрекать то, что им хочется. Позволь телу своему делать то, что ему хочется, а мыслям своим скитаться, как им хочется.

Ушам угодно слышать музыку и пение, и, когда им в этом отказано, они терпят стеснение. Глазам угодно видеть женскую красоту, и, когда им в этом отказано, они терпят стеснение. Носу угодно обонять благоухание перца и орхидей, и, когда ему в этом отказано, он терпит стеснение. Устам угодно обсуждать истинное и ложное, и, когда им в этом отказано, ум терпит стеснение. Телу угодно облачаться в роскошные одежды и питаться изысканными кушаньями, и, когда ему в этом отказано, оно терпит стеснение. Мыслям угодно скитаться привольно, и, когда им в этом отказано, они терпят стеснение. Все эти стеснения — начало жестокости и насилия в человеке.

Если ты можешь освободиться от них и ждать покойно смерти, пусть бы жизнь твоя продлилась один день, один месяц, год или десять лет, то ты сможешь осуществить то, что я называю «вскармливанием жизни». А если ты не сможешь освободиться от гнета этих стеснений, то живи ты в неволе хоть сто, тысячу или десять тысяч лет, ты не постигнешь искусства «вскармливания жизни».

Засим Гуань Чжун сказал Янь Пинчжуну:

— Я поведал тебе о «вскармливании жизни». А что ты можешь сказать мне о том, как провожать мертвых?

— Проводы мертвых — дело незначительное, что тут говорить? — ответил Янь Пинчжун.

— Все же я прошу тебя ответить мне.

— Если я уже мертв, то какое отношение ко мне имеет погребальный обряд? Закопают ли меня в землю или сожгут меня, бросят ли в реку или положат в чистом поле, кинут ли в канаву, завернув в солому, или положат в каменный саркофаг, нарядив в шелковые одежды, расписанные драконами, — мне уже все равно. Остается предоставить это делу случая.

Гуань Чжун повернулся к Баошу Я и Хуан-цзы и сказал:

— Мы оба сказали все, что нужно сказать о том, как следует жить и умирать!

Цзы-Чань был первым советником в Чжэн. После того как он управлял царством в течение трех лет, добрые люди подчинились его установлениям, а злые люди убоялись его запретов. В царстве воцарился порядок, и другие государства стали бояться его. Но у него был старший брат по имени Гунсунь Чао, который любил вино, и младший брат по имени Гунсунь Му, который любил женщин. В доме Чао вино готовили тысячами котлов, а закваски держали целые горы, так что бражный дух разносился на сотни шагов от ворот. Предаваясь непрерывно пьянству, Чао не знал, царит ли вокруг мир, или бушует война, не ведал ни людских промахов, ни сожаления о былом; он забывал о том, что у него в доме, не узнавал своих родственников и не знал, что лучше быть живым, чем мертвым. Да если бы он стоял в воде или огне и перед его глазами мелькали острые клинки, он даже не заметил бы этого.

А на внутренней половине дома младшего брата, Гунсунь Му, тянулись рядами покои, в которых жили прелестные юные девы. Когда Гунсунь Му увлекался красавицей, он прятался от родственников, не встречался с друзьями и дни и ночи напролет проводил в женских покоях. Если ему приходилось хотя бы раз в три месяца выходить оттуда, он бывал недоволен. И если в округе подрастала красивая девушка, он старался непременно заполучить ее к себе в гарем, подкупая ее подарками или заманивая ее с помощью свахи, и оставлял ее в покое, лишь если не мог поймать ее.

Однажды Цзы-Чань, денно и нощно печалившийся о своих братьях, пришел посоветоваться к Дэн Си.

— Я слышал, — сказал он, — что нужно следить за собой, чтобы навести порядок в семье, и нужно навести поряд-

док в семье, чтобы воцарился порядок в государстве. Это означает, что следует начинать с близкого и распространять свое влияние все дальше вокруг себя. Я сумел водворить порядок в государстве, но в моей собственной семье порядка нет. Не значит ли это, что я все сделал наоборот? Посоветуйте, как мне помочь моим братьям.

— Я уже давно дивлюсь этому, но не решился сам заговорить с вами.

Почему бы вам не призвать братьев к порядку, не убедить их заботиться о своем здоровье, не призвать их чтить правила благонравного поведения?

Цзы-Чань последовал этому совету. Он пришел к братьям и сказал им:

— Человек превосходит зверей и птиц своим разумением, а разумение ведет к пониманию ритуала и долга. Претворите ритуал и долг в своей жизни, и вы стяжаете добрую славу и займете высокий пост. Но если вы будете покорны своим страстям и станете потакать своему чревоугодию и сладострастию, вы подвергнете опасности свою жизнь. Внемлите же моим словам, с утра начните новую жизнь и уже к вечеру будете кормиться на жалованье.

Чао и Му ответили:

— Мы уже давно про это знаем и с давних пор сделали свой выбор. Нам не было нужды дожидаться твоих увещаний. Жизнь дается нам так редко, а умереть в ней так легко! Можно ли забыть, что жизнь наша — редкий дар, а смерть в ней приходит так легко? Стараться же удивить людей строгим соблюдением правил благопристойности и долга, подавляя свои естественные склонности ради доброй славы, по нашему разумению, даже хуже смерти. Мы желаем вполне насладиться дарованной нам жизнью и прожить ее целиком.

Горевать мы можем разве что о том, что живот наш слишком слаб, чтобы позволить пить вино дни и ночи напролет, а мужская сила в нас истощается, прежде чем мы удовлетворим свою похоть. А дурная слава или угроза здоровью нас не беспокоит!

Но не жалок ли и не ничтожен ли ты, гордящийся своими успехами в управлении государством и вот теперь пришедший смущать нас поучениями и соблазнять обещаниями посмертной славы и обильного жалованья? Мы сами желаем возразить тебе! Тот, кто любит повелевать людьми, едва ли преуспееет в своем занятии, зато сам себя обрежет на тяготы. А тот, кто умеет владеть собой, едва ли ввергнет мир в смуту, зато даст волю своей природе. Твое искусство

управления миром пригодно на короткое время в одном царстве, но оно не согласуется с прирожденными желани-ями людей. А наш путь угождения самим себе можно рас-пространить на целый мир, и тогда в мире не будет ни госу-даря, ни подданных. Давно уже мы желали научить тебя нашему искусству жизни, но теперь ты сам пришел поучать нас!

Цзы-Чань был так растерян, что даже не нашелся что сказать. На другой день он рассказал об этом разговоре Дэн Си, и тот заметил:

— Ты жил, сам о том не ведая, с настоящими людьми. Кто сказал, что ты мудрец? Твои успехи в управлении цар-ством Чжэн — просто дело случая, их нельзя поставить тебе в заслугу.

Дуаньму Шу из Вэй был потомком Цзы-Гуна. По на-следству ему досталось огромное богатство ценою в целых десять тысяч золотых. Поэтому он не заботился о мирских делах, а давал волю своим желаниям и наслаждался жизнью. Он делал все, что хочется делать всем людям, — все, что тешит душу человека. Стены и покои, башни и тер-расы, сады и уголья, пруды и водоемы, яства и вина, эки-пажи и одеяния, певцы и музыканты, наложницы и слу-жанки — все это у него было не хуже, чем во дворцах пра-вителей Ци или Чу. Какое бы желание ни возникло в нем, чего бы ни захотели слушать его уши, чего бы ни захотели видеть его глаза, чего бы ни захотели вкусить его уста, он тут же посылал за этим, как будто требуемая вещь находи-лась за стеной, даже если ее приходилось доставлять из далеких краев или вообще нельзя было найти в китайских землях. Путешествуя, он шел туда, куда ему заблагорассу-дится, гуляя среди отвесных скал и бурных рек, шагая по узким скользким тропинкам так непринужденно, как дру-гие ходят по своему саду. Каждый день в его доме толпи-лись сотни гостей, в его кухне никогда не гас огонь под оча-гами, а в гостиных никогда не умолкали звуки музыки. Остатки еды после пиршеств он отдавал родичам, остав-шееся после родичей отдавал соседям, а то, что и те не съедали, раздавал по всему царству.

Прожив так шестьдесят лет, он начал дряхлеть и те-лом, и душой, отошел от всех дел, раздал все драгоценности из своей казны, все запасы из своих амбаров, все колесницы и одежды, всех наложниц и служанок. За один год он ли-шился всего, ничего не оставив своим детям и внукам. Ког-да он заболел, в доме не нашлось даже лекарств и лечебных

игл, а когда он умер, не нашлось денег, чтобы его похоронить. Люди со всего царства, пользовавшиеся его милостями, собрали средства, похоронили его и вернули имущество его детям и внукам.

Услышав об этом, Цинь Гули сказал:

— Дуаньму Шу — безумец! Он опозорил своих предков.

А Дуаньгань Му, услышав об этом, сказал:

— Дуаньму Шу — мудрый человек, добродетелью превосшедший предков.

Все его поступки, все содеянное им было удивительно для толпы, но тот, кто постиг истину, их одобрит. Знатные мужи Вэй в большинстве своем живут сообразно правилам благопристойности, оттого они и не могли постигнуть сердце этого человека.

Мэн Суньян¹ спросил Ян Чжу:

— Предположим, есть человек, который ценит жизнь и бережет тело. Может ли он жить вечно?

— По закону природы бессмертия не бывает.

— А может ли он продлить свою жизнь?

— По закону природы нет и долгой жизни. Жизнь нельзя продлить тем, что ценишь ее, здоровье нельзя сбереечь тем, что заботаешься о нем. Да и какой прок от долгой жизни? Все наши чувства, наши пристрастия и склонности таковы, какими они были в старину. Опасности и удобства для нашего тела, радости и горести нашей жизни, удачи и неудачи, благоденствие и смута в мире таковы, какими они были и в старину. Все это мы уже видели, слышали, все испытали. Даже и сотни лет достаточно для того, чтобы мы насытились жизнью. Неужто мы сможем и дальше нести бремя этой жизни?

— В таком случае ранняя смерть лучше долгой жизни? — спросил Мэн Суньян. — И стало быть, чтобы добиться желаемого, нужно ходить по лезвию меча и ступать по остриям пик, бросаться в кипящую воду или огонь?

— Нет. Пока ты жив, откажись от умствования, положишься на свои природные влечения и спокойно жди смерти. Пусть смерть свершит дело, ты же отрекись от умствований и положишься до конца на свою отрешенность.

Тогда ничто не будет потеряно, ибо ты ни на что не будешь полагаться. К чему торопить или задерживать события?

Ян Чжу сказал:

«Бочэн Цзыгао не помогал никому даже волоском. Он

отрекся от престола и пахал землю в глуши. Великий Юй не желал пользы для одного себя; он так трудился, укрощая потоп, что тело его наполовину усохло. Люди в древности не согласились бы лишиться даже одного волоска, чтобы принести пользу Поднебесному миру. А если им преподносили всю Поднебесную, они ее не брали. Если бы никто не жертвовал волоском, если бы никто не старался принести пользу Поднебесному миру, то в Поднебесной воцарился бы мир».

Цинь-цзы спросил Ян Чжу:

— Если бы ты мог помочь миру, отдав один волосок, сделал бы ты это?

— Миру, конечно, одним волоском не помочь, — ответил Ян Чжу².

— Но предположим, это было бы возможно. Тогда отдал бы?

Ян Чжу не ответил.

Цинь-цзы вышел и рассказал об этом разговоре Мэн Суньяну.

— Ты не понял мысли учителя, — сказал Мэн Суньян. — Позволь, я объясню тебе. Согласился бы ты поранить себе кожу, чтобы получить десять тысяч золотых?

— Согласился бы.

— А согласился бы ты лишиться сустава, чтобы получить царство?

Цинь-цзы промолчал.

— Волосок, конечно, меньше кожи, — продолжил Мэн Суньян, — а кожа меньше сустава. Однако по волоску собирается кожа, а кожа, собираясь, образует сустав. Разве можно пренебречь даже одним волоском, если он тоже — часть собственного тела?

— Мне нечего тебе возразить, — ответил Цинь-цзы, — но, если бы я спросил об этом Лао-цзы и Гуань Инь-цзы, они бы сочли истинными твои слова, а если спросить об этом Великого Юя или Мо-цзы, то они согласились бы со мной.

Тут Мэн Суньян, повернувшись к своим ученикам, заговорил о другом.

Ян Чжу сказал:

«В мире всеобщее восхищение снискали Шунь и Юй, Чжоу-гун и Конфуций.

Всеобщее же презрение к себе возбудили Цзе и Чжоу. Однако же Шунь пахал землю в Хяэне и обжигал горшки

в Лэйцзэ. Его руки и ноги не знали ни мгновения отдыха, его рот и желудок не ведали вкусной пищи. Родители его не любили, братья и сестры относились к нему, как к чужаку. Он женился только тридцати лет от роду и притом не испросил согласия отца и матери. Когда Яо уступил ему престол, он был уже в преклонном возрасте, и ум его утратил живость. Поскольку его старший сын, Шан-цзюнь, был не способен к управлению, ему пришлось уступить престол Юю, после чего он и окончил свои дни. Это был самый несчастный и неудачливый человек в целом мире.

Когда Гунь взялся за укрощение потопа и его кропотливые труды оказались напрасными, Шунь казнил его на горе Юйшань. Юй наследовал эту работу и служил человеку, убившему его отца, думая только о том, как принести пользу миру. Он жил среди голой равнины, а когда у него родился сын, не дал ему имени, даже не входил в ворота своего дома и трудился так, что половина его тела усохла, а его руки и ноги сплошь покрылись мозолями. После того как Шунь уступил ему престол, он жил скромно, довольствуясь царской одеждой и короной, и в конце концов умер в бедности.

Это был величайший страдалец Поднебесного мира!

После смерти У-вана, когда Чэн-ван был еще слишком молод, Чжоу-гун взял в свои руки бразды правления, что вызвало гнев Шао-гуна. Всюду поползли клеветнические слухи о Чжоу-гуне, и тому пришлось три года скрываться на восточных рубежах царства. Он казнил своего старшего брата, отправил в ссылку младшего и только так смог сберечь свою жизнь. Это был самый опасный и напуганный человек в Поднебесном мире!

Конфуций постиг Путь Пяти Владык и Трех Царей и принимал приглашения властителей своего времени. На него повалили дерево в царстве Сун, ему пришлось замечать следы в Вэй, он терпел лишения в Сун и Чжоу, его держали в осаде на границе царств Чэнь и Цай, его унижали люди семейства Цзи и подвергал оскорблениям Ян Ху. Так он прожил свою жизнь. Это был самый суетный и беспотолковый человек в Поднебесном мире!

В жизни этих высочайших мудрецов не было ни одного веселого дня, а после смерти они обрели славу на десять тысяч поколений. Однако ж слава — это, конечно, еще не настоящая жизнь. Хотя их и хвалят, но сами они о том не ведают. И хотя их ставят всем в пример, им это невдомек. Теперь они ничем не отличаются от старого пня или кома земли.

Цзе унаследовал богатства, накопленные предшествующими поколениями его династии, и сидел на троне, обратив лицо к югу. У него было достаточно ума, чтобы держать в узде своих советников, и достаточно власти, чтобы заставить всех в пределах четырех морей бояться его. Он предавался всему, что радовало его зрение и слух, делал все, что его мысли и мечты внушали ему, и прожил жизнь, полную удовольствий. Это был самый веселый и жизнерадостный человек в Поднебесном мире.

Чжоу тоже унаследовал богатства, накопленные предшествующими поколениями его династии, и сидел на троне, обратив лицо к югу. Его власть простиралась до всех пределов земли, и его воле были послушны все подданные царства. Он предавался своим страстям во дворце, занимавшем целый цин земли, и давал волю своим плотским желаниям на пирах «вечной ночи»³. Он не заботился о приличиях и долге и, прежде чем был казнен, прожил веселую жизнь. Он был самый свободный, самый беззаботный человек в Поднебесном мире.

Два этих злодея всю жизнь наслаждались счастьем угождать своим желаниям, но стяжали славу глупцов и тиранов. На самом деле они вовсе не заслуживали такой славы. А теперь, если мы станем ругать их, они о том не узнают, а если станем хвалить, они об этом тоже не узнают. Чем они отличаются от старого пня или кома земли?

Четверо же мудрецов, несмотря на то что мир восторгается ими, всю жизнь мучились, а смерть стала последним приютом для них всех. А два злодея, несмотря на то что мир порицает их, жили счастливо, и смерть тоже стала их последним приютом».

Ян Чжу пришел к правителю царства Лян и сказал ему:

— Управлять царством так же легко, как вращать ладонями.

Царь сказал:

— Вы, учитель, не можете справиться даже с одной женой и одной наложницей, не в силах возделывать свой сад размером в три му. Как же вы можете говорить мне, что управлять царством очень легко?

— Видели ли вы, государь, как пасут овец? — ответил Ян Чжу. — Пошлите пастушка, ростом в пять локтей, с шестом на плече пасти стадо в сотню овец, и овцы пойдут туда, куда он захочет, — на восток ли, на запад ли.

Пошлите Яо тянуть на веревке одного барана, а позади них поставьте Шуня с плетью в руке — и баран не сделает

ни шагу. Кроме того, я, ваш слуга, слышал, что рыба, способная проглотить лодку, не плавает в боковых протоках, а лебедь, взмывающий высоко в небеса, не садится в мелкое болото.

Почему так? Да потому, что их привлекают великие цели. Мелодии Хуанчжун и Далюй⁴ не годятся для сопровождения обыкновенных танцев. Почему так? Да потому, что их звучание намного превосходит обыденные звуки. Об этом и гласит поговорка: «Тот, кто занят великим делом, не обращает внимания на мелочи. Тот, кто одерживает большую победу, не имеет маленьких побед».

Ян Чжу сказал:

«События глубокой старины сгинули навсегда. Кто опишет их? Деяния Трех Владык — то ли были, то ли нет. Деяния Пяти Царей — то ли явь, то ли сон. Деяния Трех Правителей отчасти видны, отчасти сокрыты — из сотни тысяч мы едва ли знаем одно. Из событий, происходящих ныне, можешь кое-что знать, а запомнить разве что одно из десяти тысяч. А из событий, случающихся сейчас перед глазами, некоторые мы замечаем, а некоторые нет, запомнится же из них не более одного на тысячу. Сколько лет минуло с начала времен до сегодняшнего дня — то и сосчитать невозможно. Но за триста тысяч лет, прошедших со времен Фуси, память о достойном и презренном, о красоте и уродстве, об успехах и неудачах, о правильном и неправильном меркла и исчезала неотвратимо — то быстро, то медленно.

Если мы из-за мимолетной хвалы или хулы обременяем свой дух и тело и стремимся к славе, которая пережила бы нас на несколько сот лет, то как сможем мы вдохнуть жизнь в наши иссохшие кости и испытать радость быть живым⁵».

Ян Чжу сказал:

«Человек подобен всем прочим существам, живущим на этой земле, и несет в себе свойства всех пяти стихий мироздания. Среди всего живого он самый одухотворенный. Но его когти и зубы недостаточно сильны, чтобы его защитить; его кожа недостаточно прочна, чтобы его обезопасить. Он не может бегать так быстро, чтобы спастись бегством, и у него нет ни шерсти, ни перьев, чтобы предохранить себя от жары или холода. Он должен полагаться на вещи вокруг себя, чтобы возвращать свою природу, и он должен опираться на свой разум, а не силу. Вот почему в разуме самое ценное — это знание, как сохранить себя,

а в силе самое ничтожное — это то, что она побуждает напасть на других.

Своим телом я не владею, но, коль скоро я рожден, должен хранить его в целости. Вещами вокруг себя я не владею, но, коль скоро я существую, не могу без них обойтись. Конечно, я живу благодаря своему телу, но природу свою я возвращаю благодаря вещам. Хотя я сберегаю свою жизнь в целости, телом я не могу владеть. Хотя я не могу обойтись без вещей, я не могу владеть вещами. Владеть своим телом, владеть вещами — значит произвольно присваивать себе то, что принадлежит всему Поднебесному миру. Воистину только мудрый человек и высший человек относятся к своему телу и к вещам вокруг как к общему достоянию Поднебесной. Вот что называется «вершина высшего»».

Ян Чжу сказал:

«Люди не могут найти отдохновения из-за четырех обстоятельств: первое — долголетие, второе — слава, третье — должность и четвертое — имущество. Тот, кто владеет этими четырьмя, боится духов, боится людей, боится власти, боится наказаний. Такого я зову «бегущим от правды»».

Можно погибнуть и можно жизнь спасти.

Веление судьбы — вечно вне нас.

Тот, кто не идет наперекор судьбе, станет ли мечтать о долгой жизни?

Тот, кого не смущают награды, станет ли мечтать о славе? Тот, кто не хочет власти, станет ли мечтать о должности? Тот, кто не хочет богатства, станет ли мечтать об имуществе? Такого я зову «живущим в согласии с правдой».

В целом мире нет ему врагов.

Его судьба таится в нем самом.

Вот почему в народе говорят:

«Без должности чиновной, без семьи

Забудешь половину всех страстей.

Когда не думают о пище и одежде,

Путь государя и слуги не действены более».

Чжоуская пословица гласит: «Земледельца оставить без дела — что убить его». Он считает естественным и неизменным уходить в поле утром и возвращаться домой вечером, он думает, что на свете нет ничего вкуснее бобовой похлебки. Его кожа и плоть толсты и грубы, жилы у него — твердые и прочные. Если однажды утром уложить его на

мягкие меха за шелковыми занавесями, поднести ему лучшего зерна и мяса и сочные мандарины, его разум помутится, в теле поднимется жар и его здоровье придет в расстройство. А если бы цари Сун или Лу поменялись местами с крестьянином и поработали вместо него в поле, то не прошло бы и часа, как они утомились бы. Вот почему неотесанный мужлан называет лучшим в Поднебесном мире то, что ему самому привычно и ему самому нравится.

Когда-то в царстве Сун жил крестьянин. Одевался он в очесы конопли, только чтобы пережить зиму, а когда весной приходили теплые дни, любил греть спину на солнце. Он даже не знал, что в мире существуют просторные дворцы и теплые покои, гладкие шелка и мягкие меха. Однажды он сказал жене:

— Никто не знает, как приятно греть спину на солнце. Пойду доложу об этом государю, наверняка заслужу большую награду!

А его сосед, богатый человек, сказал ему:

— Некогда жил человек, похожий на тебя. Он любил есть большие бобы, конопляные семена, сельдерей и чечевицу и стал расхваливать эти кушанья перед своими соседями-богачами. Отведали богачи его угощение — и рты их словно огонь опалил, а животы у них разболелись. Тут все стали насмехаться над этим человеком, и ему стало очень стыдно.

Ян Чжу сказал:

«Большой дом, роскошная одежда, изысканные яства, красивые женщины — если ты обладаешь этими четырьмя вещами, чего еще желать в этом мире? А тот, кто, обладая этим, хочет еще чего-то, потворствует алчности в себе. Потворствовать алчности — значит тратить впустую свои жизненные силы».

Преданности недостаточно для того, чтобы уберечь государя от опасностей. Преданный человек может лишь подвергнуть опасности себя. Исполнения долга недостаточно для того, чтобы помочь людям. Исполняющий долг лишь мешает жить сам себе. Когда увидят, что преданности недостаточно для того, чтобы уберечь от опасностей государя, добрая слава преданного исчезнет. Когда увидят, что исполнение долга недостаточно для того, чтобы помочь людям, добрая слава мужа, исполняющего долг, перестанет существовать. Правитель и подданные не подвергали себя опасностям, а люди друг другу помогали — таков был Путь древности.

Юй-цзы сказал:

«Тот, кто отказывается от славы, не ведает забот. Лао-цзы говорил, что слава — это гость сущности. Однако же неразумные люди вечно гонятся за славой. Действительно ли от славы невозможно отказаться? Действительно ли имя — только гость сущности?»

Ныне добрая слава приносит почет и восхищение людей. Отсутствие же славы делает человека презираемым и ничтожным. Почет и восхищение доставляют нам удовольствие и радость, позор и презрение несут нам скорби и муки. Скорби и муки противны нашей природе. Удовольствие и радость угодны нашей природе. Значит, все это связано с нашей сущностью. Как же можно отказаться от славы? Как же можно считать славу только гостем сущности? Нужно только избегать привязанности к славе, что обременяет нашу сущность. Если вы привязаны к имени и тем обременяете свою сущность, вы будете жить в постоянной тревоге и волнении. Тогда вам не придется даже выбирать между удовольствием и скорбью, радостью и мукой!»

ГЛАВА VIII
РАССКАЗЫ О СОВПАДЕНИЯХ

Гуань Инь сказал Ле-цзы:

— Будь твои слова прекрасны или уродливы — таким же будет и их эхо.

Будь человек высок или низок — такова же будет и его тень. Наша слава — эхо, наше поведение — тень. А посему сказано:

Будь осторожен в речах,
Ибо кто-нибудь да примет их.
Будь осмотрителен в поступках,
Ибо кто-нибудь да последует им.

Поэтому мудрецы созерцали явленное, дабы познать сокрытое; они созерцали прошлое, дабы познать будущее. Таков закон «знания наперед».

Мы судим о вещах по собственному разумению, а подтверждения находим в других. Если человек любит меня, я тоже буду любить его. Если он ненавидит меня, я тоже буду ненавидеть его. Тан и У стали государями, потому что они любили весь мир. Цзе и Чжоу лишились престола, потому что они ненавидели целый свет. Таково подтверждение тому, что мы полагаем. Когда и разумение наше, и подтверждение ему очевидны, не действовать сообразно им — все равно что не желать проходить через двери, когда ты покидаешь дом, или не идти по дорожке, когда ты прогуливаешься. Если вот так упорствовать, не будет ли затруднительно извлечь для себя нечто полезное?

Я узрел это в доблестях Шэньнуна и Юя, нашел подтверждения этому в преданиях Шуня и Ся, Шан и Чжоу, рассудил об этом в соответствии с речами образцовых ученых и достойных мужей, и я не встретил случая, чтобы успех или неудача, возвышение или упадок не подтверждали эту истину¹.

Янь Хой² спросил у Ле-цзы:

— Те, кто стремятся постичь Путь, на самом деле хотят разбогатеть.

Я могу разбогатеть, добыв себе жемчужину, зачем же мне постигать Путь?

— Цзе и Чжоу ценили только собственные пристрастия и потому погибли, — ответил Ле-цзы. — Как хорошо, что я смогу вовремя рассказать тебе об этом! Человек, не ведающий долга, но живущий только для того, чтобы есть, ничем не лучше собаки или курицы.

Они скрещивают рога в поединке за пищу, и победитель устанавливает правила: такие ничем не лучше диких зверей и птиц.

Если ты ленив, как пес или курица, или дик, как зверь или птица, то тебя никто не будет уважать. А если никто не будет тебя уважать, опасности и унижения будут преследовать тебя.

Ле-цзы сказал:

«Тот, кто молод и красив, — горд. Тот, кто полон сил, — несдержан. С такими нельзя говорить о Пути. С людьми, еще не имеющими седины в волосах, нельзя толковать о Пути, и они отклонятся от Пути еще больше, если попытаются осуществить его. Тому, кто горд и несдержан, никто не скажет правды, а если человеку никто не говорит правды, он живет одиноким и не имеет помощников.

Умный полагается на других, а потому силы его не уменьшаются, когда он достигает старости, и он не пребывает в растерянности, когда знаний его оказывается недостаточно. Следовательно, секрет мудрого правления состоит в том, чтобы признавать ум других, а не быть умным самому».

Ле-цзы жил в большой нужде и голодал. Какой-то человек сказал об этом советнику чжэнского царя Цзыяну:

— Ле-цзы всем известен как муж, постигший Путь. Если он, живя в вашем царстве, так нуждается, то не даст ли это повод к разговорам о том, что его государь не милосерден?

Цзыян немедленно распорядился щедро одарить Ле-цзы зерном.

Ле-цзы вышел к гонцу с дарами, дважды ему поклонился, но подарков не взял. Гонец уехал ни с чем.

Когда Ле-цзы вошел обратно в дом, его жена стала бить себя кулаком в грудь и кричать:

— Я слышала, что семья мужа, постигшего Путь, живет в почете и довольстве, мы же живем впроголодь. Вам преподнесли богатые дары, вы же их отвергли — что за злосчастная судьба!

— Но государь не знает меня лично, — ответил Лецзы. — Он прислал мне дары потому, что кто-то хорошо отозвался обо мне. Если бы кто-то побранил меня, он тоже положился бы на его слова. Вот почему я не принял подарков.

А в скором времени люди и вправду восстали и казнили Цзыяна³.

У жителя Лу по фамилии Ши было два сына. Один любил учение, другой — воинское дело. Тот, кто любил учение, предложил свои услуги правителю Ци, и тот назначил его наставником принцев. Другой сын отправился в Чу, и тамошний царь поставил его во главе царского войска. От жалованья сыновей обогатилось все их семейство, а чины сыновей принесли их родителям всеобщий почет и уважение.

У соседа господина Ши, носившего фамилию Мэн, тоже было два сына, которые были обучены тому же, но семья Мэн была бедна. Завидуя богатству рода Ши, Мэн стал расспрашивать соседа, каким образом он так быстро разбогател, и тот рассказал ему все без утайки.

Тогда Мэн послал одного сына в царство Цинь, и тот предложил циньскому царю стать наставником его детей.

— Ныне, когда все цари борются за первенство в мире, надобно думать лишь об оружии и провианте, — сказал царь. — Если я буду управлять государством с помощью советов ученого, я очень скоро погибну.

С этими словами циньский царь приказал оскотить пришельца и отправить его на родину.

Другой сын пошел в царство Вэй и представился тамошнему царю как искусный полководец.

— Мое царство слабое, окруженное со всех сторон сильными соседями, — сказал вэйский царь. — Большим государствам я служу, маленькие государства я оберегаю от набегов. Если я буду полагаться на военную силу, мне не миновать разорения и гибели. Однако же если я отпущу этого человека, он может пойти в другое царство и причинить мне немало вреда.

С этими словами он велел отрубить пришельцу обе ноги и отправить его обратно в Лу.

Вернувшись домой, сыновья Мэна стали бить себя кула-

ками в грудь и бранить господина Ши. Тогда Ши им сказал:

— Выберешь нужное время — и добьешься успеха.
Упустишь нужное время — и потерпишь неудачу.

Вы действовали так же, как и мы, но мы добились успеха, а вы потерпели неудачу. Так получилось не потому, что вы делали что-то неправильно, а потому, что вы делали это в неподходящее время. Не бывает правила, которое всегда приносит успех, и не бывает действия, которое всегда приносит неудачу. То, что годилось вчера, сегодня, возможно, следует отбросить, а то, что мы отбросили сегодня, глядишь, может пригодиться завтра.

А на то, нужно ли что-то применять или отбрасывать, неизменной истины нет. Только мудрый знает, как действовать в каждый момент времени. Если же мудрости вам не хватает, то, будь вы даже учены, как Конфуций, или храбры, как полководец Люй Шан, вас повсюду будут преследовать неудачи.

Мэн и его сыновья были вполне удовлетворены и перестали сердиться.

— Вам нет нужды продолжать, — сказали они. — Мы все поняли!

Цзиньский царь Вэнь вышел встречать союзное войско с намерением напасть на Вэй. Неожиданно Гунцзы Чу посмотрел на небо и рассмеялся. Царь спросил, отчего он смеется.

— Я смеюсь над соседом, который сопровождал жену, навещавшую своих родителей, — ответил Гунцзы Чу. — Он увидел у дороги женщину, работавшую в тутовой роще, и ласково заговорил с ней. Когда же он обернулся, то увидел, что его жена любезно беседует с чужим мужчиной. Вот над чем смеется ваш слуга!

Царь понял намек и повернул войско обратно. Не успел он дойти до столицы, как на его владения напал сосед с севера.

Царство Цзинь страдало от разбойников. Жил там человек по имени Си Юн, который умел распознавать разбойников, вглядываясь в переносицу и ресницы человека. Цзиньский царь послал его опознавать разбойников, и он не пропускал ни одного из целой сотни и даже тысячи.

Царь очень этому обрадовался и сказал Чжао Вэнь-цзы:

— С помощью одного человека я изведу всех разбойников в царстве! Зачем мне другие?

— Вы, государь, никогда не избавитесь от разбойников, если будете полагаться только на того, кто следит за ними,— ответил Чжао Вэнь-цзы.— А Си Юну не миновать безвременной смерти!

В скором времени разбойники собрались на совет и решили: «Си Юн довел нас до крайности!» Все вместе они пошли к Си Юну и убили его.

Услышав об этом, цзиньский царь очень испугался и позвал к себе Чжао Вэнь-цзы.

— Случилось так, как вы и предсказывали: Си Юн убит! — сказал он.— Как же теперь нам ловить разбойников?

— Чжоуская поговорка гласит: «Кто тщательно выслеживает рыбу в пруду, навлечет на себя беду. Кто до тайны допытаться хочет, только смерть на себя назовет». Если вы хотите избавиться от разбойников, лучше всего назначить на государственные должности достойных людей, чтобы они просветили тех, кто стоит выше их, и наставляли тех, кто находится ниже их. Если у людей будет чувство стыда, откуда взятись разбойникам?

Тогда царь назначил своим советником Суй Хоя, и все разбойники сбежали в царство Цинь.

Когда Конфуций возвращался из царства Вэй в Лу, он придержал коней у моста через реку и стал любоваться красивым видом: перед ним был водопад высотой в тридцать саженей, а вода вокруг бурлила на расстоянии девяноста ли. Там не могли плавать рыбы и черепахи, не могли жить крокодилы, но какой-то человек как раз собрался переплыть реку. Конфуций послал к нему человека, велел сказать ему:

«Водопад достигает в высоту тридцати саженей, вода вокруг бурлит на девяноста ли, там не могут плавать рыбы и черепахи, не могут жить крокодилы. Переправиться в этом месте через реку будет трудно!»

Человек не обратил на эти слова никакого внимания, переплыл через реку и вышел из воды.

— Сколь совершенно твое искусство! — сказал пловцу Конфуций.— Обладаешь ли ты каким-нибудь особым искусством входить в воду и выходить из нее?

— Я вхожу в воду посредством преданности и доверия, а выходя из воды, по-прежнему блюду преданность и доверие. С преданностью и доверием погружаюсь я в поток и не

позволяю себе действовать самочинно — вот почему я могу переплыть через реку!

Конфуций повернулся к ученикам и сказал:

— Запомните же, дети мои. Действуя преданностью, доверием и искренностью, можно справиться даже с водной стихией, что же говорить о людях! ⁴

Бай-гун спросил Конфуция:

— Можно ли говорить с людьми загадками, не выдавая себя?

Конфуций не ответил.

— Допустим, я брошу в воду камень?

— Хороший пловец из У достанет его.

— А если я вылью воду в воду?

— Смешайте воды рек Цзу и Шэн, и И Я различит их на вкус.

— Значит, никак нельзя говорить загадками, не выдавая себя?

— Почему нельзя? Но это возможно только с теми, которые понимают то, что не высказано в словах. Тот, кто способен понять невысказанное в словах, умеет говорить без слов. Кто ловит рыбу, замочит одежду, кто гонится за зверем, устанет бежать, и удовольствия в том не будет. Поэтому предел речи — отсутствие слов, предел деятельности — недеяние. Поверхностные умы соперничают из-за мелочей.

Бай-гун не понял слов Конфуция и в конце концов погиб в бане.

Чжао Сян-цзы послал Синьчжи Муцзу против племени ди. Полководец разбил неприятеля, захватил города Цзо-жэнь и Чжунжэнь и послал гонца с вестью о победе. Сян-цзы как раз сидел за трапезой и выглядел опечаленным.

— Два города пали в один день! Тут кто угодно обрадуется ⁴, — сказали его приближенные. — Отчего же вы печалитесь?

— Половодье на могучей реке не продержится и трех дней, — ответил Чжао Сян-цзы. — Сильный ветер и проливной дождь не продлятся целый день ⁵. Солнце находится в зените на одно мимолетное мгновение. В моем роду еще не бывало столь славных достижений. Если за один день захвачены сразу два города, то беды не миновать!

Когда Конфуций услышал эти слова, он сказал:

— Может ли род Чжао не прославить себя?

Печаль предвещает благоденствие.

Радость предвещает погильель.

Победить нетрудно, трудно удержать победу.

Благодаря печали способный государь удерживает плоды своей победы, так что его счастье переходит на потомков. Царства Ци и Чу, У и Юэ одерживали в прошлом блестящие победы, но не знали, как удержать их, и в конце концов пришли к бесславному концу. Только правитель, постигший Путь, знает, как удержать победу. Конфуций мог голыми руками поднять засов на воротах столицы, но он никогда не кичился своей силой. Мо-цзы придумал оборонительный план, который не смог разгадать Гуншу Бань, но он не хотел прославиться своими полководческими способностями. Тот, кто умеет удержать свою победу, считает свою силу слабостью.

В царстве Сун жила семья, где три поколения подряд совершали добрые дела. Внезапно в этом доме черная корова без всякой причины отелилась белым теленком. Спросили об этом Конфуция, и тот ответил:

— Это счастливое предзнаменование. Принесите теленка в жертву высшему предку.

Минул год, и отец семейства неожиданно ослеп. А та корова снова отелилась белым теленком. Отец вновь велел сыну спросить об этом Конфуция.

— К чему спрашивать? — возразил сын. — Прошлый год мы уже спрашивали об этом, а теперь вы ослепли.

— Слова мудрецов поначалу как будто не находят подтверждения, а впоследствии оправдываются. Дело еще не закончилось, поэтому спроси его еще раз.

Сын пошел к Конфуцию, и тот сказал опять, что рождение белого теленка — счастливое предзнаменование и теленка нужно принести в жертву высшему предку. Сын доложил об этом отцу.

— Делай, как советует Конфуций, — сказал отец.

Прошел еще год, и на сей раз уже сын без всякой на то причины ослеп. А в скором времени войско Чу напало на Сун и осадило столицу. Жителям приходилось обмениваться детьми и есть их, а очаги топить костями.

Все мужчины, способные носить оружие, сражались на стенах, и более половины из них погибло. А отца и сына из-за того, что они были слепы, на войну не взяли. Когда же осада кончилась, зрение к ним вернулось.

В Сун жил бродячий фокусник, который хотел дать представление самому царю. Вот царь Юань призвал его к себе и велел ему показать свое искусство. Фокусник встал на ходули, которые были вдвое длиннее его ног, и быстро бегал на них, подбрасывая в воздух семь мечей. Царь Юань был очень доволен и щедро одарил фокусника золотом и шелком.

Услышал об этом другой бродячий актер, который тоже умел выделывать разные трюки, и пришел к царю, желая дать ему представление. Но царь Юань разгневанно сказал:

— Недавно ко мне уже приходил человек, показывавший разные фокусы. В его искусстве не было ничего необычного, но я был в хорошем настроении и богато наградил его. А теперь этот актер пришел ко мне потому, что прослышал о награде и тоже захотел получить ее!

Тут царь приказал бросить актера в темницу и держал его там целый месяц.

Циньский царь Му-гун сказал Болэ:

— Вы уже в преклонных годах. Есть ли у вас в семье кто-нибудь, кого я мог бы послать на розыски коня?

— Хорошего коня можно опознать по его стати и взгляду, костям и мускулам, — ответил Болэ. — Но лучший конь Поднебесного мира как бы невиден, как бы неуловим, как бы не существует, как бы пропал. Такой конь не поднимает пыли и не оставляет следов. У сыновей вашего слуги способности небольшие. Они могут узнать хорошего коня, но не лучшего коня Поднебесной. Но я знаю человека, который разбирается в конях не хуже меня. Он носит овощи и собирает хворост для меня. Его зовут Цзюфан Гао. Прошу вас призвать его к себе.

Му-гун призвал этого человека к себе и послал его на розыски коня.

Спустя три месяца он вернулся и снова предстал перед царем.

— Я нашел то, что нужно, в Песчаных Холмах.

— Что это за конь?

— Кобыла, каурая.

Царь велел привести кобылу, и она оказалась вороным жеребцом. Му-гун сильно опечалился и призвал к себе Болэ.

— Оказывается, тот, кого мы послали отбирать коней, ни на что не годен. Он не умеет даже отличить кобылу от жеребца и не разбирает масти! Что он может знать про лошадей!

Тут Болэ восхищенно вздохнул:

— Так вот, значит, чего он достиг! Как раз поэтому он стоит тысячи, десяти тысяч, всех в мире знатоков, подобных мне. Такие люди, как Гао, прозревают Небесный исток жизни, они схватывают суть и забывают о ненужном, пребывают во внутреннем и отрешаются от внешнего. Он видит то, на что хочет смотреть, и не замечает того, на что смотреть не нужно. Такие, как он, в лошадях видят нечто куда более важное, чем лошадь.

Чуский царь Чжуан спросил Чжань Хэ:

— Как мне управлять государством?

— Ваш слуга знает, как управлять собой, но не знает, как управлять государством, — ответил Чжань Хэ.

— Я унаследовал храм своих предков и алтари духов плодородия и желал бы знать, как уберечь их.

— Ваш слуга не слышал, чтобы у правителя, который умеет управлять собой, не было порядка в государстве. Корень всему — в управлении собой. Я не смею говорить о верхушках.

— Прекрасный ответ! — воскликнул царь.

Старик с Лисьего Холма спросил Суньшу Ао:

— У людей есть три печали. Знаешь ли ты о них?

— Каковы они?

— Если у тебя высокий ранг, люди будут завидовать тебе. Если у тебя высокая должность, государь будет ненавидеть тебя. Если у тебя большое жалованье, недовольство будет преследовать тебя.

— Чем выше мой ранг, тем скромнее мои желания. Чем выше моя должность, тем смиреннее мои помыслы. Чем больше мое жалованье, тем щедрее мои подарки. Могу ли я избежать трех печалей?

Заболев, Суньшу Ао перед смертью наказал сыну:

— Царь несколько раз жаловал мне удел, я же не принимал. Когда я умру, царь захочет пожаловать удел тебе. Так знай: ты не должен брать хорошие земли. На границе Чу и Юэ есть Холм Мертвых. Земля там бесплодная, название у того места несчастливое. Люди Чу боятся духов, а люди Юэ верят в предзнаменования. Ту землю ты и возьми — только ею ты сможешь владеть долго.

Когда Суньшу Ао умер, царь предложил его сыну лучшие владения в царстве, тот отказался и попросил пожаловать ему Холм Мертвых. Род Суньшу владеет им до сих пор.

Ню Цюэ был знатным конфуцианским ученым Верхо-

вий. Однажды он спустился в Ханьдань и в Оуша повстречал разбойников. Они отобрали у него все, что он имел — и одежду, и поклажу, и повозку, и лошадей. Нью Цюэ отправился дальше пешком как ни в чем не бывало, не выказывая печали и негодования. Догнали его разбойники и спросили, отчего он таков.

— Благородный муж не станет вредить себе из-за своего имущества, которое есть только средство поддержать жизнь, — ответил Нью Цюэ.

— Какой умный человек! — воскликнули разбойники, а потом сказали:

«Если такой умный человек придет к чжаоскому царю и расскажет ему про нас, то нам несдобровать. Уж лучше убить его сейчас!» И они зарубили Нью Цюэ.

Человек из Янь, слышавший про эту историю, собрал своих родичей и сказал им:

— Если встретите разбойников, не будьте такими, как Нью Цюэ.

И все согласились с этими словами.

Вскоре его младший брат отправился в Цинь и, проходя через заставу, действительно встретил разбойников. Помня наказ старшего брата, он стал сопротивляться, а когда его ограбили, еще и побежал за разбойниками, прося их вернуть его вещи. Разбойники рассердились и сказали:

— Мы и так пощадили тебя, а ты еще и преследуешь нас, показывая людям, где мы скрываемся. Коли уж мы стали разбойниками, то к чему нам жалость?

И разбойники убили его, а заодно и несколько его спутников.

Юй был богатым человеком в Лян. Дом его был доверху набит богатствами: денег и шелка — не мерено, товаров и сокровищ — не считано. Вот однажды он поднялся на высокую башню у большой дороги и устроил большой пир: играла музыка, стучали кости.

А под башней прохаживались местные удальцы. Тут на башне послышался смех: какой-то игрок сделал удачный ход, поставив на красный нефрит и выиграв две рыбы⁶. В этот момент пролетавший над башней коршун выронил из клюва дохлую крысу, и она свалилась прямо на голову одного из удальцов. Тут удальцы сказали друг другу:

«Юй давно уже живет в свое удовольствие и презирает других. Мы ничем его не обидели, а он бросил в нас дохлую крысу. Если мы не отомстим за это оскорбление, то нас

назовут трусами и тогда нам не будет жизни! Давайте объединим наши силы, соберем всех наших людей, пойдём к Юю и перебьём всю его семью!»

Все согласились. В назначенный день ночью все они пришли с оружием к дому Юя и перебили все его семейство.

На Востоке жил человек по имени Юань Синму. Однажды он отправился в путешествие, лишился пищи и умирал от голода на обочине. Заметил его разбойник из Хуфу по имени Цю и дал ему еды и питья. Юань Синму глотнул три раза и открыл глаза.

— Кто ты такой? — спросил он.

— Я Цю из Хуфу.

— Что? Уж не разбойник ли ты? Для чего же ты кормишь меня? Я, честный человек, не должен есть твоей пищи.

Тут Юань Синму упал ничком на землю, намереваясь выплюнуть проглоченную еду, но еда застряла у него в горле, он поперхнулся и умер.

Человек из Хуфу был разбойником, но в пище его не было ничего разбойничьего. Тот, кто боится есть, думая, что, съев украденное, сам станет вором, смешивает имя и сущность вещей.

Чжу Лишу состоял на службе у цзюйского царя Ао. Считая, что царь не ценит его, он оставил службу, поселился у моря, кормился водяными каштанами и семенами лотоса летом, а зимой — желудями. Но когда царь Ао попал в беду, Чжу Лишу решил умереть за него и стал прощаться с друзьями.

— Но ведь ты считал, что царь тебя не ценит, и потому ушел от него, — сказали ему друзья. — Если ты пойдешь и умрешь за него, то, выходит, тебе безразлично, ценил он тебя или нет.

— Вовсе нет, — ответил Чжу Лишу. — Я ушел, ибо считал, что царь меня не ценил. И если сейчас я умру за него, то это будет означать, что он и вправду меня не ценил. Я умру за него, чтобы посрамить всех будущих правителей, которые не будут ценить своих подданных. А прямой Путь таков: умереть за правителя, который ценит тебя, и отказаться умереть за правителя, который тебя не ценит.

Можно сказать, что Чжу Лишу был обижен настолько, что самого себя не ценил.

Ян Чжу сказал:

— Если от вас исходит польза, то плоды ее вернутся к вам. Если от вас исходит недовольство, то вред от него вернется к вам. То, что исходит изнутри и находит облик снаружи, есть просто чувство. Поэтому мудрый должен быть осмотрителен по отношению к тому, что из него исходит.

У соседа Ян Чжу пропал баран. Он не только послал на розыски всех своих домочадцев и слуг, но еще попросил в подмогу людей у Ян Чжу.

— Зачем тебе нужно так много людей для поисков одного барана? — спросил его Ян Чжу.

— На дороге много развилок, — ответил сосед.

Когда люди вернулись, Ян Чжу спросил их:

— Ну как, нашли барана?

— Нет, не нашли.

— Почему же?

— После каждой развилки на дороге еще одна развилка. Мы не знали, по какой дороге ушел баран, поэтому вернулись.

Ян Чжу очень огорчился такому ответу, надолго замолчал и за целый день даже ни разу не улыбнулся. Ученики очень удивились этому и спросили его, что было тому причиной:

— Баран — скотина дешевая, да и не ваш он был. Отчего же вы перестали говорить и улыбаться?

Ян Чжу ничего не ответил, и ученики так ничего и не поняли.

Ученик по имени Мэн Суньян вышел и рассказал об этом Синь Ду-цзы. На другой день Синь Ду-цзы вместе с Мэн Суньяном пришел к Ян Чжу и спросил его:

— Однажды трое братьев странствовали в Ци и Лу, учились у одного и того же учителя и вернулись домой, познав досконально учение о человечности и долге. Отец спросил их: «Что вы можете рассказать мне о человечности и долге?» Старший брат ответил: «Человечность и долг велят мне беречь себя, а потом уже заботиться о славе»⁸. Средний брат сказал: «Человечность и долг велят мне искать славу, даже пренебрегая своей жизнью». Младший брат сказал: «Человечность и долг велят мне заботиться и о своей жизни, и о славе». Все трое учились у одного учителя, а понимание у каждого было свое. Кто же из них был прав, а кто заблуждался?

— На берегу реки жил перевозчик, который привык к воде, отлично плавал и управлял лодкой, — сказал в ответ

Ян Чжу.— Перевозя людей, он получал так много денег, что мог прокормить сотню ртов. К нему, неся с собой корзины с едой, приходили учиться множество людей, но чуть ли не половина учеников тонет. Они приходили, чтобы научиться плавать, а не тонуть. Выходит, то, что одному приносит большую пользу, многим приносит огромный вред.

Синь Ду-цзы промолчал и вышел вон, а Мэн Суньян стал его укорять:

— Зачем ты задал такой темный вопрос? И почему учитель ответил так же странно? Я ничего не понимаю!

— Наш сосед потерял барана на большой дороге потому, что на ней было много развилок,— ответил Синь Ду-цзы.— Ученики перевозчика лишились жизни потому, что в учении много сторон. Корень учения один, но ветви его отстоят далеко друг от друга. Чтобы не погубить себя и вернуть себе потерянное, нужно вернуться к общему корню. Как прискорбно, что ты, состарившийся в его учениках, не мог понять его рассказа!

Младший брат Ян Чжу по имени Бу вышел на улицу, надев белое платье.

Внезапно пошел дождь. Бу снял белое платье и одел черное. Когда он вернулся домой, собака его не узнала и набросилась на него с лаем. Ян Бу рассердился и хотел прибить собаку.

— Не бей ее! — сказал Ян Чжу.— Разве ты сам не удивился бы, если бы собака ушла белой, а пришла черной? Ты поступил бы так же, как она.

Ян Чжу сказал: «Добро творят не ради славы, но слава следует за добром. Славы желают, не думая о наградах, но награда следует за славой. Награды желают, не думая о соперничестве, но соперничество приходит вслед за наградой.

Вот почему благородный муж должен быть осматрительным, когда он делает доброе дело».

Некогда жил человек, который утверждал, что знает секрет бессмертия.

Правитель Янь послал за ним гонца, но гонец замешкался в пути, и тот человек умер, прежде чем его нашли. Царь очень разгневался на гонца и хотел его казнить, но царский советник сказал ему:

— Люди больше всего страшатся смерти и превыше

всего ценят жизнь. Тот человек лишился собственной жизни, как же мог он сделать вас бессмертным?

И царь не стал казнить гонца.

Некий человек по имени Ци-цзы тоже хотел научиться бессмертию и, узнав, что человек, знавший секрет бессмертия, умер, с досады бил себя кулаком в грудь. Узнал об этом некто Фу-цзы и стал над ним смеяться:

— Тот, кто, желая научиться бессмертию, огорчается, когда его учитель умирает, сам не знает, чему хочет научиться!

Тогда третий человек по имени Ху-цзы сказал:

— Фу-цзы не прав. Бывает, что человек обладает знанием, но не умеет пользоваться им. А бывает, что владеющий искусством сам не знает его секрета. В царстве Вэй жил человек, умевший хорошо считать. Перед смертью он поведал секрет своего искусства сыну. Сын запомнил слова, но не знал, как применить их. Какой-то человек стал его спрашивать об этом, и он передал ему те слова. И тот человек научился считать не хуже, чем это делал отец. Почему в таком случае смертный человек не может поведасть секрет бессмертия?

Люди Ханьданиа на Новый год подносили Чжао Цзянь-цзы голубей, и тот в великой радости щедро всех одаривал. Кто-то спросил Чжао Цзянь-цзы, зачем ему голуби.

— Я проявляю милосердие — отпускаю птиц на волю в день Нового года.

— Все знают о вашей страсти отпускать на волю птиц и потому наперебой ловят голубей, убивая при этом множество из них. Если вы хотите оставить голубей в живых, уж лучше запретите ловить их. Если же вы будете отпускать на волю пойманных птиц, то ваше милосердие не восполнит понесенных потерь.

Циский царь Тянь, собираясь в путешествие, принес жертвы духам дорог и устроил пир для тысячи гостей. Когда присутствующим стали подносить гусей и рыбу, царь оглядел пирующих, вздохнул и сказал:

— Как щедро Небо к народу! Для нас оно размножает злаки, плодит рыб и птиц.

Все гости согласно откликнулись царю, словно эхо. Но тут вперед выступил двенадцатилетний мальчик из семьи Бао и сказал:

— Неправда ваша, государь. Все живые существа между Небом и Землей рождаются, как и мы, но они не похожи

на нас. Ни одно из них не лучше другого. Просто более умные и сильные повелевают слабыми и глупыми. Одни пожирают других, но не потому, что те родились для того, чтобы быть съеденными. Люди выбирают себе съедобные предметы и поедают их, но разве можно сказать, что Небо создало их только на потребу человеку? А кроме того, нас кусают комары и мошки, нас терзают волки и тигры. Неужели Небо создало людей только для того, чтобы комары и мошки сосали их кровь, а волки и тигры пожирали их?

В Ци жил нищий, который вечно просил подавание на городском базаре и так всем надоел, что ему никто ничего не подавал. Тогда он отправился в конюшни семейства Тянь, стал подручным у коновала и подъедал за ним.

Люди из предместья стали насмехаться над ним:

— Какой позор доедать после коновала!

А нищий ответил им:

— На свете нет большего позора, чем просить подавание. Если я не стыдился побираться, то почему я должен стыдиться доедать после коновала?

В царстве Сун жил человек, который однажды нашел на дороге оброненную кем-то бирку с распиской. Придя домой, этот сунец пересчитал зарубки на бирке⁹ и сказал соседу: «Теперь я разбогател!»

У одного человека засох платан, и старик, живший по соседству, сказал ему: «Сухой платан — предвестник беды!»

Тот человек не мешкая срубил дерево, а сосед выпросил его себе на дрова. Хозяин платана сказал с досадой:

«Мой сосед подговорил меня срубить платан потому, что хотел забрать его себе на дрова. Ну и хитрец же он!»

У одного человека пропал топор. Он решил, что топор украл сын соседа, и стал к нему приглядываться: ходит так, словно и в самом деле что-то украл! И речь у него, и манеры, и взгляд — все выдавало в нем человека, укравшего топор. Но в скором времени тот человек, копая землю в огороде, нашел свой топор. Посмотрел он на следующий день на сына соседа — и тот ни речью, ни внешностью совсем не был похож на человека, укравшего топор!

Бай-гун замыслил мятеж. Выйдя от государя, он стоял, опираясь на перевернутый посох. Острие посоха вонзилось

ему в щеку так, что кровь капала на землю, а он ничего не замечал.

Увидели это люди из царства Чжэн и сказали:

«Если он забыл о собственной щеке, то способен забыть обо всем на свете»¹⁰. Когда человек захвачен одной мыслью, он может наткнуться на бревно, упасть в яму или удариться головой о дерево, даже не замечая, что с ним происходит.

В царстве Ци жил человек, которому очень хотелось золота. Встал он рано поутру, оделся и отправился на базар. Там он подошел к прилавку золотых дел мастера, схватил золото и бросился наутек.

Стражник поймал его и спросил:

— Как мог ты схватить чужое золото на глазах у всех?

— Когда я брал, то никого не видел, видел только золото, — ответил тот человек.

**ПРИЛОЖЕНИЕ
ПРИМЕЧАНИЯ
УКАЗАТЕЛИ**

ПРИЛОЖЕНИЕ

ДАОССКИЕ ГЛАВЫ ИЗ ТРАКТАТА «ГУАНЬ-ЦЗЫ»

Искусство сердца

Часть первая

Сердце в человеке выполняет роль государя, а девять отверстий¹ подобны чиновникам. Когда сердце блюдет свой Путь, тогда и девять отверстий действуют приличествующим им образом. Если человека переполняют страсти, то его глаза не различают цветов, его уши не различают звуков. Поэтому говорится: «Когда господин отходит от Пути, тогда слуга не способен действовать правильно». Не должно заменять собою коня в скачке, но нужно до конца использовать его силу. Нельзя заменить собою птицу в поле, но нужно позволить ей сполна использовать свои крылья. Не следует ставить себя прежде вещей и пытаться понять их порядок. Кто действует прежде времени, тот сбивается с Пути. Лишь в покое мы можем постичь самих себя. Путь всегда близок от нас, но трудно достичь его. Он пребывает вместе с людьми, но трудно постичь его.

Обретите в желаниях Пустоту — и дух наполнит свое вместилище. Где чисто выметено — там покоится дух.

Все люди хотят обладать мудростью, но не знают, откуда берется мудрость. О мудрости! Мудрости! Неужели она скрыта где-то за морями и отыскать ее невозможно? Вместо того чтобы искать ее, лучше хранить ее в себе. Правильный человек не ищет ее и потому может пребывать в пустотно-отсутствующем.

Пустотное, не имеющее формы, зовется Путем. А то, что рождает и вскармливает все вещи, зовется Силой. Отношения между государем и подданным, отцом и сыном зовутся долгом. Повышение и понижение в должности, поклоны при встрече, взаимная уступчивость в обращении, различие между близкими и дальними — все это зовется ритуалом. А образец, по которому решаются все дела — большие и малые, сложные и простые — и применяются все наказания, будь то казнь или запрет, зовется законом.

В Великом Пути можно пребывать, но о нем ничего нельзя сказать. Речи же Настоящего Человека ничему не учат, ни на что не указывают, не сходят с уст, не проявляются на лице. Кто в целом свете поймет их?

Небо — это Пустота. Земля — это покой. И оттого они не совершают ошибок. Очисти свои внутренние покои, отвори свои врата, прогони страсти, откажись от слов — и тебя осенит сиятельная мудрость. Тогда все суетное и все сумбурное в тебе само собой придет к порядку и успокоится. Силой не все можно решить, и знание не везде помогает.

У каждой вещи есть своя форма, и каждая форма имеет свое имя. Кто умеет каждую вещь назвать ее именем, тот и есть высший мудрец.

Посему необходимо сначала уяснить себе суть безмолвования и Недеяния, и тогда постигнешь сущность Пути. Хотя мудрец обладает непохожим на других обликом, его правда не отличается от правды всех вещей, поэтому он может быть господином Поднебесной.

Человека можно убить, и потому он страшится смерти. Его можно лишить выгоды, и потому он любит выгоду. Только благородный муж равнодушен к выгодам и не боится смерти. В душе его царит безмятежная радость, он не озабочен делами, не строит расчетов и не имеет замыслов, ничем не хочет завладеть. Ошибка людей в том, что они стараются извлечь для себя пользу. Преступление их в том, что они переменчивы. Вот почему государь, обладающий Путем, держится так, словно ничего не понимает, но каждый раз действует безошибочно. Таков Путь покоя и следования обстоятельствам.

В этом просторе между Небом и Землей Путь так велик, что не имеет ничего вовне себя, и так мал, что не имеет ничего внутри себя. Потому и говорится, что Путь «всегда близко, но трудно достичь его». Пустота не отделена от людей, но только высший мудрец способен постичь Путь Пустоты. Вот почему говорится, что Путь «пребывает вместе с людьми, но трудно постичь его».

Все люди живут благодаря «семени жизни»². Кто освободится от страстей, стяжает чистоту, а чистота зовет к покою, покой же выявляет в нас «семена жизни». А кто стяжает в себе «семя жизни», тот сможет «стоять одиноко»³. Одинокое стояние делает нас просветленными, а просветленность ума водворяет в нас дух. Дух же есть самое ценное в жизни.

В доме, где не прибрано, знатный человек не поселится. Там, где нет чистоты, дух не будет пребывать.

Все люди стремятся к знанию, но не понимают, почему мы знаем «то» и почему знаем «это». Не имея «этого», можно ли знать «то»? Но тот, кто установил для себя «это», не может быть пустым. Пустота ничего не содержит в себе. Посему говорится: «Устрани знания, и тебе будет нечего добиваться». Разве будет тот, в ком ничего нет, добиваться чего-то? Тот, кто ничего не добивается и ничего не созидает, не имеет мыслей. А отсутствие мыслей возвращает нас к Пустоте.

Небесный Путь пуст и бесформен. Будучи простым, он неисчерпаем; будучи бесформенным, он нигде не встречает преград. Не имея преград, он способен вечно пребывать вместе с вещами.

Сила — это вместилище Пути. Благодаря ей все сущее рождается и произрастает. Познавший Силу познает и сущность Пути. Поэтому Сила есть то, благодаря чему мы обретаем знание о том, почему мы таковы.

То, что пребывает в Недеянии, зовется Путем. А то, в чем покоится Путь, зовется Силой. Поэтому между Путем и Силой нет разрыва, и в словах между ними не делается различия. Если же допустить разрыв между ними, тогда можно сказать, что Путь «покоится» в Силе.

Долг есть то, благодаря чему каждый претворяет должное для него. Ритуал есть то, благодаря чему приводятся в порядок чувства. Кто постиг смысл долга, понимает суть благопристойного поведения. В ритуале скрыто понимание принципов вещей, а понимание принципов вещей ведет к познанию долга. Итак, ритуал происходит из долга, долг происходит из принципов вещей, принципы вещей следуют должному, а закон есть то, благодаря чему все это возникает совместно, и иначе не может быть. Посему применение казней, увечий и запретов следует единому образцу, и закон проистекает из власти. Власть же проистекает из Пути.

Путь действует, а нельзя увидеть его форму, одаривает благом, а нельзя распознать его щедрость. Все вещи живут, обретая его, но нельзя постичь его предел. Вот почему сказано, что «в Пути можно пребывать, но о нем нельзя ничего сказать». Никто из людей не может исчерпать его

суть словами. Однако же слово, вовремя сказанное, откликается истине.

Тот, кто ничего не делает преднамеренно, не совершает ошибок. У Настоящего Человека не бывает ошибок. Его речи не произносятся устами и не проявляются на лице, ибо он подобен Пути, не имеющему формы. Никто в мире не понимает смысла его речей, а это значит, что речи его окутаны глубокой тайной.

Путь Неба — это Пустота. Путь Земли — это покой. Пустое невозможно исчерпать, покойное не претерпевает перемен, а то, что не меняется, не ведает и ошибок.

Когда говорится: «Содержи в чистоте свои покои, отвори свои врата», это означает, что покои — сердце, а сердце — вместилище мудрости. Поэтому, когда говорят, что «покои чисты», это означает, что устранены пристрастия к порокам. А слово «врата» означает здесь глаза и уши, благодаря которым мы видим и слышим.

«Недеяние Пути» означает следование обстоятельствам. Следуя обстоятельствам, мы ничего не прибавляем к вещам и не отнимаем от них, а следуя формам вещей, устанавливаем их имена. Таково искусство «следования обстоятельствам». Посредством имени мудрец определяет все вещи в мире.

Люди ищут опору в силе, уповают на искусственность, полагаются на способности и берут за образец прошлые события. Мудрый лишен всего этого — вот чем он не похож на других! Будучи не таков, как другие, он вечно пуст, Пустота же — начало всех вещей. Поэтому благодаря Пустоте своего сердца мудрый может стать властелином Поднебесного мира.

«Благородный муж держится так, словно ничего не понимает». Это значит, что он пуст. Он откликается вещам, лишь соприкасаясь с ними, и речи его всегда произносятся вовремя. Он подобен тени, следующей за телом, или эху, сопровождающему звук. Когда вещи появляются, он откликается им. Когда вещи исчезают, он отрешается от них. Вот так он возвращается непрерывно к Пустоте.

Часть вторая

Кто обликом неправеден, к тому Сила не приходит. Кто внутри несовершенен, тот не обретет правды в сердце. Выправь свой облик, воспитай в себе Силу — и постигнешь суть всех вещей. Дух само собой обретется в тебе, и действие его не будет иметь конца. Свет твоего разума озарит всю Поднебесную и проникнет до четырех пределов вселенной. Вот почему говорится: «Не позволяй вещам смущать свое сердце». Вот что зовется внутренней Силой. Когда помыслы и энергия человека выправлены, он сам собой становится на праведный путь.

Энергия — это то, что наполняет тело человека. Должное поведение — это смысл праведности. Когда энергия, наполняющая тело, не упорядочена, тогда сердце пребывает в растерянности. Когда поведение не соответствует должному, народ не будет послушен. Поэтому истинный мудрец, подобно небу, беспристрастно все охватывает и, подобно земле, беспристрастно все поддерживает. А все частное вносит смуту в Поднебесный мир.

Вещи, появляясь, получают имена. Мудрый, следуя им, наводит порядок в Поднебесной. Если имя и сущность не будут вредить друг другу, в Поднебесной не будет смуты и воцарится спокойствие.

Собрав воедино свои помыслы, сделав единым свое сердце, можно даже в зримом очами и слышимом ушами постичь недостижимо-далекое.

Обретя в себе такое единение, можно знать удачу и несчастья, не прибегая к гаданию, можно знать, где остановиться, можно постичь истину в себе, не спрашивая других. Вот почему говорится: «Размышляй. А не постигнешь истину размышлением — тебе помогут духи». Тут дело не в силе духов, а в действии семени и энергии жизни. Тот, кто может собрать свою энергию воедино, зовется мастером. Тот, кто постиг до конца один предмет и овладел им, зовется знатоком. Собрание и различение фактов необходимо для того, чтобы оценивать события. Постижение перемен необходимо для того, чтобы соответствовать вещам. Собрание и различение фактов позволяют устранить беспорядок. Постижение перемен позволяет избежать суетности. На такое способен лишь благородный муж, овладевший Единым. Тот, кто способен овладеть Единым и вовек не терять его, может быть властелином над всеми вещами. Он сияет, подобно солнцу и луне. Он живет одной жизнью с Небом и Землей. Высший мудрец управляет вещами, но сам не управляется вещами.

Коли сердце покойно, то и государство покойно. Коли в сердце порядок, то и в государстве порядок. И порядок, и спокойствие зависят от сердца. Когда сердце покойно внутри, из уст исходят спокойные речи и в народе все дела вершатся покойно. А потому воспитывают людей не наказаниями, устрашают людей не угрозы:

Добродетель в людях,
Спокойствие в народе
Из корня Пути исходят.
Как ни ищи — его не найдешь,
Людям его замутить не дано.

А посему порядки, устанавливаемые дворцовыми ведомствами к своей выгоде, не есть Путь. Путь мудрецов как бы виден и как бы не виден, и польза от него не иссякнет вовек. Он изменяется вместе со временем — и все же неизменен; откликается вещам — и никуда не перемещается; действует каждый день — и не меняет своих свойств.

Тот, кто способен выправлять себя и пребывать в покое, гибок мускулами и крепок костями. У того, кто способен объять Великую Сферу и вместить в себя Великий Квадрат⁴, зеркало сердца хранит Великую Чистоту, и в нем прозревается Великое Сияние. Кто не теряет праведности и покоя, у того с каждым днем обновляется Сила, знание же озаряет всю Поднебесную и достигает четырех пределов Вселенной.

Чистое сердце невозможно скрыть внутри. Оно проявляется во внешнем облике и зримо на лице. Если относиться к людям как к родным братьям, то и они отнесутся к вам по-братски. Если относиться к людям как к врагам, то и они будут вас ненавидеть. Слова, которые не высказывают, звучат громче ударов в барабан. Сияние чистого сердца ярче блеска солнца и луны. Такое сердце пронизательнее отца с матерью.

Мудрые правители прошлого любили свой народ, и народ шел за ними. Тираны ненавидели народ, и народ отворачивался от них. Награды недостаточно, чтобы выразить любовь к отличившемуся. Наказания недостаточно, чтобы выразить ненависть к провинившемуся. Награда — последнее дело в проявлении любви. Наказание — последнее дело в проявлении ненависти.

В жизни людей должны быть праведность и беспристрастие. Погибель же людям приходит от чрезмерных радости и веселья, печали и гнева. Нет лучшего средства укротить гнев, чем музыка. Нет лучшего средства поставить границу веселью, чем ритуал. А лучшее средство соблюсти ритуал — это почтение к старшим. Почтительность снаружи и спокойствие внутри непременно позволят возвратиться к изначальной

природе. Хоть и много есть дел, сулящих выгоду, но в сердце моем тогда не возникает стремления к выгоде. Хоть и много есть мест, где можно найти покой, но в сердце моем нет стремления к покою.

Внутри сердца есть как бы еще одно сердце, а мысль предваряет слова. Когда появилась мысль, вслед за ней возникает и образ, вслед за образом появляется обдумывание, а вслед за обдумыванием приходит знание.

Если сердце чрезмерно увлечено знаниями, в нем гибнет жизнь. Посему внутреннее сосредоточение есть неиссякаемый источник жизни сердца. Пока внешнее и внутреннее в человеке свободно сообщаются друг с другом, этот источник не иссякнет, и тело человека не ослабнет. Высший мудрец одним словом разъясняет правду Единого. Вверху он вникает в узоры небес, внизу рассматривает формы земли.

Внутреннее делание

Семена вещей — вот что рождает жизнь. Внизу они порождают пять знаков, вверху образуют созвездия. Распространяясь в просторе между Небом и Землей, они дают жизнь духам, а таясь внутри человека, творят высшего мудреца. Посему жизненная энергия людей взмывает в небеса и погружается в земную бездну, наполняет моря и скапливается на горных вершинах. Эту энергию невозможно остановить силой, но ее можно упокоить духовной благодатью. Ее нельзя привлечь окриком, но можно привлечь сердечностью. Ревностно хранить ее и никогда не терять — вот что зовется совершенством благодати. Когда благодать совершенна, появляется мудрость, и все вещи обретают полноту своих свойств.

Сердце так устроено, что оно само собой наполняется и в себе обретает изобилие, само растет и само приходит к завершению. А если оно теряет себя, то причина тому — скорбь и веселье, радость и гнев, страсть и жадность. Если избавиться от скорби и веселья, радости и гнева, страсти и жадности, сердце само восстановит свои свойства.

Закон жизни сердца таков, что сердцу требуются покой и тишина. Когда нет волнений и тревог, в сердце сама собой воцаряется гармония:

Ясная-ясная: все видишь так отчетливо.

Смутная-смутная: нет ей ни конца, ни края.

Темная-темная: невозможно ее ухватить.

И это состояние находится недалеко от нас; силой его мы пользуемся каждый день.

Путь — это то, что наполняет наше тело, а люди не умеют удержать его. Поэтому он уходит — и не возвращается, приходит — и не задерживается.

Вслушивайся в него — и не услышишь звучания его.

Ищи его — и обретешь его в своем сердце.

Темный-темный: не видно образа его.

Воочию явленный: живет вместе с нами.

Не видишь его формы, не слышишь его звучания, а все живое благодаря ему приходит к завершению: вот что такое Путь!

Путь не имеет места пребывания, только покой сердца угоден ему. Когда сердце покойно и энергия упорядочена, Путь обретает пристанище. Если Путь не удаляется, то люди, оберегая его, преуспевают. Если

Путь не уходит, то люди, следуя ему, получают знание. Как ни возвышен он, а достичь его можно. Как ни необъятен он, а поймать его нельзя. Природа Пути такова, что он не терпит шума и крика. Только взрастив покой в сердце, можно обрести Путь.

Путь — это то, о чем уста не могут говорить, чего глаза не могут видеть и чего уши не могут слышать. Благодаря ему мы совершенствуем свое сердце и выправляем свое тело. Обретя его, человек живет, потеряв его — гибнет. Когда в действиях теряется Путь, будет неудача; когда в действиях есть Путь, будет успех.

У Пути нет ни корня, ни стебля, ни листьев, ни цветов. Но благодаря ему все вещи рождаются и благодаря ему все вещи приходят к завершению. Вот почему он зовется Путем. Небо делает возможной справедливость, Земля делает возможной уравновешенность, а Человек делает возможным покой. Весна и осень, зима и лето — вот четыре времени года. Горы и холмы, реки и долины — вот формы земли. Радость и гнев, приобретение и потери — вот мысли человека. А высший мудрец меняется вместе с временами года, не изменяя себе, следует за вещами, оставаясь на месте. Он способен быть справедливым и спокойным, и, стало быть, он способен быть непоколебимым.

Когда сердце непоколебимо внутри,
Станут чуткими уши и глаза,
Станут крепкими руки и ноги.
Тогда появится вместилище энергии,
А энергия — тончайшее семя жизни.
Если энергия следует Пути, жизнь расцветает.
Есть жизнь — значит, появляется мысль.
Есть мысль — значит, появляется знание,
А обретя знание, достигаем предела.
Когда же сердце имеет знание сверх меры,
Жизнь погибает.

Тот, кто сумел сосредоточиться на одном предмете и овладел им, зовется мастером. Тот, кто сумел сосредоточиться на одном деянии и овладел им, зовется знатоком. Только властелин всего сущего способен изменять все вещи, не меняясь духом, и преобразовать все деяния, не меняя знания. Благородный муж управляет вещами, но не управляется другими. У того, кто постигнет истину Единого, сердце успокоится само собой. Он будет изрекать праведные речи и творить праведные дела. Тогда в целом свете воцарится порядок. То «одно слово», благодаря которому можно покорить всю Поднебесную и заставить ее прислушиваться к вам, есть «справедливость».

Кто обликом неправеден, к тому Сила не приходит. Кто внутри не имеет покоя, тот не обретет правды в сердце. Выправь свой облик, воспитай в себе Силу, будь щедр, как Небо, и справедлив, как Земля, и тогда правда сама просияет в тебе. Знание твое будет озарено высшей просветленностью духа, и ты во всем будешь блюсти должную меру. Не позволяй вещам смущать органы чувств, не позволяй органам чувств смущать сердце — вот что зовется «постижением средоточия».

Дух сам собою пребывает внутри,
То вдруг приходит, то вдруг уйдет,
И никто не может его познать.
Потеряй его — и погрузишься в смуту.
Обрети его — и во всем проявится порядок.

Очищай усердно вместилище духа,
И энергия жизни сама соберется в тебе.
Откажись от стремления узреть и понять ее,
Не пытайся о ней знать и ею владеть,
Будь строг и усерден,
И семя жизни само придет к тебе.

У того, кто обретет в себе семя жизни и не потеряет его, глаза и уши не будут впадать в соблазн, сердце очистится от пошлых мыслей. Когда сердце покойно, мы с каждой вещью будем обращаться должным образом.

Путь наполняет всю Поднебесную, пребывает в сердцах людей, а люди о том знать не могут. Тот, кто поймет одно это слово, вверху вознесется до самого неба, внизу опустится до самого дна земли и объемлет собой все Девять Областей света. Как же понять это слово? В сердце своем водворить покой.

Когда сердце в порядке, органы чувств тоже в порядке.
Когда сердце покойно, органы чувств тоже покойны.

В сердце как бы сокрыто еще сердце. Внутри сердца есть как бы еще сердце. Это сердце в сердце подобно мысли, предваряющей слова и образы. Когда появляются образы, возникают и слова. Когда появляются слова, возникают и действия. А когда есть действия, возникает и порядок. Когда же в делах нет порядка, возникает смута. Смута же ведет к гибели.

Когда в нас есть семена жизни,
жизнь сама кипит в нас,
А облик человека покоен и прекрасен.
Семя жизни в нас подобно бьющему источнику,
Как могуч он и как гармоничен!
Вот исток всех жизненных сил.
Коли источник не иссяк, тело дышит здоровьем.
Коли источник не засорен,
Энергия жизни без помех растекается по телу.
Тогда человек обнимет собою всю Землю и Небо
И достигнет всех пределов мира.
Если внутри нет суетных мыслей,
Вовне не будет несправедливых деяний.
Если сердце целостно внутри,
Будет облик безупречен снаружи.

Над таким человеком не властны природные бедствия и людские невзгоды. Вот такого человека можно назвать высшим мудрецом.

Если человек праведен и покоен, ему будет сопутствовать телесное здоровье. Его глаза и уши станут чуткими, мышцы — упругими, кости — крепкими. Такой человек сможет

Объять собою Великую Сферу,
Охватить собою Великий Квадрат.
Отразить собою Великую Чистоту.
Узреть воочию Великий Свет.

Будучи почтительным, усердным и великодушным, можно каждый день обновлять свою Силу, постичь все события в Поднебесной, объять

своим взором все четыре предела мироздания. Когда почтительно позволять действовать тому, что наполняет нас, это называется «внутренним постижением».

Путь веки пребудет всеобъемным, утонченным, величественным, привольным, крепким, незыблемым. Тот, кто способен хранить в себе добро, искоренять пороки и заблуждения, кто знает свой предел, тот способен возвратиться к Пути и его Силе. Цельное сердце, хранимое внутри, невозможно утаить. Оно проявляется в благообразном облике и прямо воочию в здоровом цвете кожи. Кто относится к людям по-доброму, к тому люди тоже будут относиться по-братски. Кто относится к людям со злым умыслом, к тому люди тоже будут относиться как к врагу. Непроизнесенное слово вопиет громче раскатов грома и ударов барабана. Жизненная сила, хранимая сердцем, сияет ярче солнца и луны и делает человека пронизательнее его отца с матерью. Наградями невозможно побудить людей творить добро. Наказаниями невозможно отвратить людей от преступлений. Только овладев чувствами и мыслями людей, можно подчинить себе Поднебесный мир. Только лелея в себе благие помыслы, можно привести людей к послушанию.

Сосредоточив энергию, как самый дух,
Можно вместить в себя всю тьму вещей.
Можешь ли сосредоточиться? Можешь ли быть единым?
Можешь ли познать удачи и несчастья,
Не занимаясь гаданием?
Можешь ли остановиться? Можешь прекратить?
Можешь ли не искать в других, а обрести в себе?

Думай, думай и думай еще тщательнее. Если ты сам не поймешь, тебе помогут духи. Но причиной тому будет не сила духов, а предельное сосредоточение энергий жизни.

Если тело действует правильно,
Энергия крови тоже покойна.
Одна дума владеть будет сердцем,
Глаза и уши соблазны не будут смущать.
И далекое станет вдруг близким.
Размышления наши рождают знание,
Праздность надменная рождает несчастье.
Печали и скорби рождают болезни.
Безрассудство и ветреность рождают печали.
Болезни и тяготы влекут нас к смерти.

Чрезмерное думание делает дух озабоченным, а тело истощенным. Если пренебрегать этим, то можно лишиться жизни. Если не предаваться чревоугодию, не утомлять свой ум, во всем соблюдать меру и равновесие, то жизненные силы в нас восстановятся сами собой.

Когда рождается человек, Небо дает ему семя жизни, Земля дает ему телесный облик. Когда семя и облик соединяются, получается человек. Когда они пребывают в Согласии, он живет. Когда Согласия между ними нет, он перестает жить. Попробуй вникнуть в Путь Согласия, и увидишь, что суть его незрима, а признаки его неуловимы. Но если привести к порядку и разумно распределить то, что наполняет нас, энергия свободно соберется в сердце, и мы сможем прожить долго.

Когда ярость захлестывает нас, мы должны уметь сдерживаться. Поставь границу пяти страстям, устрани две вредные вещи, не давай воли ни веселью, ни гневу, будь невозмутим и прям.

Всякий человек должен упорядочивать свою жизнь бесстрашием и праведностью. Теряют же то и другое из-за веселья и гнева, печали и отчаяния. Для усмирения гнева нет лучшего средства, чем Песни ². Для устранения печали нет лучшего средства, чем музыка. Для сдерживания веселья нет лучшего средства, чем ритуалы. Чтобы соблюсти ритуал, лучше всего полагаться на почтительность. Чтобы сохранить почтительность, лучше всего лелеять покой. Когда человек внутри покоен, а снаружи почтителен, к нему возвращается его природа.

В питании же следует придерживаться следующего: чрезмерный стол вредит здоровью и не питает тело; скудная пища ведет к худобе и малокровию. Когда человек ест не слишком много и не слишком мало, это называется достижением гармонии. Тогда семья жизни найдет в немместилище для себя, и в нем родится знание. А если в питании нет равновесия, тогда нужно поступать следующим образом: плотно поев, делайте быстрые движения; голодая, предавайтесь своим думам; будучи старым, отвлекайтесь от мыслей. Когда человек сыт, но не делает быстрых движений, энергия в нем не достигает конечностей. Когда человек голоден, но не предаётся вольным думам, он страдает от чувства голода. Когда человек стар, но не отвлекается от мыслей, он утомляет себя и приближает свою смерть.

Нужно иметь широкое сердце и быть мужественным. Нужно быть великодушным и для всех открытым. Нужно быть покойным и невозмутимым. Нужно беречь в себе Единое и отбросить суету.

Увидев выгоду, не соблазняйся.
Встретив опасность, не пугайся.
Будь безмятежным и добрым ко всем,
Радуйся только жизни своей.

Вот что значит «управлять своей энергией, а в помыслах и деяниях своих быть подобным Небу».

Всякий человек должен жить своей внутренней радостью. Когда мы печалимся, мы теряем в себе основу. Когда мы гневаемся, мы теряем в себе равновесие. Когда мы взволнованы или грустны, веселы или разгневаны, Путь не может войти в нас.

Любовь и ненависть: упокой их.
Волнение и смута: выправь их.
Не привлекай их! Не отталкивай их!
И счастье само придет к тебе.
И тогда Путь сам в нас водворится,
Положись на него, спроси совет у него.
Если будешь покоен, его обретешь,
Если будешь взволнован, его потеряешь.
Духовная сила действует в сердце:
То вдруг придет, то вдруг исчезнет.
Столь мало оно: в себе ничего не содержит,
Столь велико: нет ничего вне него.
Мы теряем его потому,
Что не можем унять волнение.
Когда сердце держится твердо покоя,
Путь сам собой наполнит его.

У того, кто обрел Путь, энергия жизни растекается повсюду, не встречая препятствий. Кто умеет сдерживать страсти, тот не терпит ущерб от вещей.

ПРИМЕЧАНИЯ

ЧЖУАН-ЦЗЫ

Текст «Чжуан-цзы» и проблемы перевода

Текстологическая критика книги «Чжуан-цзы» сопряжена с особенными трудностями в силу целого ряда причин. Во-первых, язык этого памятника как в лексическом, так и в структурном отношении отличается большим своеобразием, но о лингвистической среде, в которой родились тексты «Чжуан-цзы», на сегодняшний день почти ничего не известно. Во-вторых, писания древнего даоса всегда привлекали к себе внимание скорее поэтов и подвижников, нежели кабинетных ученых, так что в Китае серьезные исследования текстов Чжуан-цзы велись лишь в последние полтора-два столетия, новейшая же текстологическая критика «Чжуан-цзы» насчитывает лишь несколько десятилетий и пока далека от завершения. В-третьих, не так просто решить вопрос о том, что такое тексты «Чжуан-цзы»: суждения философа, любителя знания, или откровения и фантазии поэта-мистика? А ведь общая оценка духовного опыта древнего даоса обуславливает выбор и стиля, и лексических средств перевода.

О начальном этапе истории книги «Чжуан-цзы» сведений не сохранилось. По некоторым косвенным признакам можно предполагать, что свод текстов, носящий имя древнего философа из царства Сун, впервые сложился в середине II в. до н. э. при дворе известного поклонника даосской мудрости Лю Аня, правителя Хуайнани. Известно, что на рубеже н. э. в императорском книгохранилище имелся список «Чжуан-цзы», насчитывавший 52 главы. В последующие столетия имели хождение списки из 26, 27 и 30 глав, разбитых на четыре или два раздела — Внутренний и Внешний. Наконец, в конце III в. Го Сян создал новую редакцию книги, выделив в ней 33 главы и три раздела: Внутренний (*нэй пянь*), Внешний (*вай пянь*) и раздел «Разное» (*цза пянь*). Го Сяну принадлежит и классический комментарий к текстам «Чжуан-цзы». Судя по приписке к древнейшему известному списку книги (он датируется IX в. и хранится в Японии), Го Сян видел свою задачу как редактора и комментатора древнего мудреца в том, чтобы «выбрать из речей [Чжуан-цзы] самое глубокое и сохранить в них самое главное». Не приходится сомневаться в том, что редакторская работа Го Сяна не ограничивалась упорядочиванием и исправлением существующих текстов «Чжуан-цзы», а сопровождалась также их перестановкой и переосмыслением в соответствии с его собственными представлениями о мудрости Дао. Можно даже предполагать, что часть толкований Го Сяна вошла в основной текст памятника. Как бы там ни было, именно Го Сян придал книге «Чжуан-цзы» ее окончательный, дошедший до наших дней вид. В памятниках древнекитайской литературы сохранилось почти шесть десятков фрагментов книги «Чжуан-цзы», не вошедших в текст Го Сяна. Лишь один из них

включен в данный перевод: диалог царя Тана и его советника Цзи в первой главе книги.

Даже поверхностное знакомство с книгой «Чжуан-цзы» убеждает в том, что перед нами весьма разнородный, многослойный по своему происхождению памятник, отразивший взгляды и стилистику многих авторов. Правда, анализ лексических и метрических структур текста (подобные исследования проводились А. М. Карапетянцем и К. Рэндом) не дает оснований говорить о каких-либо устойчивых качественных отличиях текстов различных разделов книги. Надо сказать, что смысл трехчастного деления книги «Чжуан-цзы» и проблема ее авторства до сих пор остаются предметом оживленных споров среди специалистов. Согласно общепринятому мнению, главы Внутреннего раздела в целом наиболее точно отражают идеи и писательский гений самого Чжуан-цзы. Представленные в них рассуждения и сюжеты объединены общей темой или идеей, обозначенной в заголовке каждой главы. Американский исследователь К. Рэнд считает возможным говорить об общей «мистической» тональности этого раздела. Что касается двух последующих разделов, то в них собраны тексты явно разного характера. А. Грэхэм (и вслед за ним К. Рэнд) выделяет в отдельную группу главы 8—11, определяя их философию как апологию «примитивизма». Ряд китайских ученых относят авторов этих глав к числу последователей Лао-цзы, предполагаемого автора главного даосского канона «Дао-дэ цзин». В главах 17—22 содержатся диалоги и фрагменты, развивающие идеи, которые содержатся во Внутреннем разделе. По этой причине А. Грэхэм предлагает считать их составителей «школой Чжуан-цзы». Главы 12—14 отмечены стремлением согласовать учение древних даосов с другими влиятельными школами китайской мысли, в первую очередь с конфуцианством. А. Грэхэм характеризует их (а также 33-ю главу) как «синкретистские», К. Рэнд называет их «рационалистскими». Тексты раздела «Разное» в еще меньшей степени поддаются систематизации. Наиболее отчетливую группу среди них составляют главы 28—31, в которых высшей ценностью объявляется наслаждение жизнью, — позиция, очень близкая взглядам философа Ян Чжу.

Китайскими, японскими, а в последнее время и западными учеными проделана значительная работа по редактированию текстов «Чжуан-цзы». Здесь нет возможности вдаваться в обсуждение всех проблем и тонкостей этих исследований. Достаточно сказать, что переводчиком были учтены новейшие достижения филологической критики «Чжуан-цзы» (основные труды современных комментаторов «Чжуан-цзы» указаны в помещенной ниже библиографии по текстологии «Чжуан-цзы»). Нельзя не отметить вместе с тем, что значительная часть исправлений, вносимых исследователями в текст «Чжуан-цзы», носит достаточно произвольный и гипотетический характер. Поэтому в настоящем переводе случаи замены знаков сведены до разумного минимума, и лишь наиболее существенные среди этих исправлений оговорены в примечаниях.

Разумеется, остаются еще и общие вопросы тона и стиля перевода, и ответов здесь столько же, сколько самих переводчиков. Так, А. Грэхэм, много лет посвятивший изучению древнедаосских памятников, выступает за вдумчивое, углубленное прочтение текстов «Чжуан-цзы» и против поверхностной гладкости перевода, утверждая, что стремление беллетризировать перевод «приведет к смешению смысла и бессмыслицы под одной аморфной оболочкой» и что парадоксальным образом лучшие европейские переводы «Чжуан-цзы» наихудшим образом передают подлинный интеллектуальный образ даосского мудреца. Другую распрстраненную точку зрения выразил американский синолог В. Мэйр, автор одного из новейших английских переводов «Чжуан-цзы». В. Мэйр под-

черкивает, что книга «Чжуан-цзы» — «это прежде всего и преимущественно литературный текст и, следовательно, нет смысла подвергать ее строгому философскому анализу». Перечень противоречивых высказываний о том, каким должен быть перевод «Чжуан-цзы», легко продолжить. Но в любом случае отвлеченный спор о принципах перевода даосских текстов едва ли будет плодотворен. Конгениальность перевода и оригинала, единство умозрения и поэзии здесь не могут быть заданы в формулах; они должны быть постигнуты как результат духовного искания, как живой опыт, оправдывающий человеческое существование. В конце концов перевод «Чжуан-цзы» требует от переводчика найти свою правду.

В заключение остается сказать несколько слов о переводе ключевых философских терминов даосской мысли. Понятие «Дао» обычно переводится словом «Путь» (в смысле направленного и даже, точнее, *выправленного* движения), но в ряде случаев дается в транскрипции. Наибольшие трудности создает перевод термина «Дэ», который в даосских текстах обозначает внутреннее совершенство вещей, символическую и, значит, лишь предвосхищаемую, прикровенную полноту их жизненных свойств. В русском тексте Дэ передается также словами «Сила» и даже «добродетель». Другое важное понятие даосской космологии — «Ци» — переводится словами «энергия», «жизненная энергия», но в некоторых случаях — словосочетанием «духовные токи». Переводы прочих терминов, как правило, следуют уже устоявшейся в русской литературе терминологии.

КРАТКАЯ ТЕКСТОЛОГИЧЕСКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ ПО «ЧЖУАН-ЦЗЫ»

На русском языке

Атеисты, материалисты, диалектики древнего Китая. «Ле-цзы», «Чжуан-цзы»/Пер. Л. Б. Позднеевой. М., 1967.

На китайском языке

Ван Фучжи. Чжуан-цзы цзе (Толкования «Чжуан-цзы»). Пекин, 1964.

Ван Чжунминь. Цзяо дао-цзан бэнь наньхуа чжэньцзин чжушу ба (Текст «Чжуан-цзы» с комментариями и субкомментариями в Дао-цзане) // Бэйпин тушугуань кань. Т. 4. № 6. 1930.

Ван Шуминь. Ба жибэнь гаошаньсы цзючао цзюаньцзыбэнь чжуан-цзы цаньцзюань (Фрагменты «Чжуан-цзы» в манускриптах монастыря Годзандзи) // Чжунъян яньцзюань лиши юйянь яньцзюсо цзикань. № 22. 1950.

Го Цинфань. Чжуан-цзы цзиши («Чжуан-цзы» со сводом толкований). Т. 1—4. Пекин, 1961.

Лу Дэмин. Цзин-дянь шивэнь (Толкования канонических книг). Сер. «Цуншу цзичэн». Шанхай, 6 г.

Оуян Цзинсянь, Оуян Чао. Чжуан-цзы ши (Перевод и толкование «Чжуан-цзы»). Т. 1—2. Чанша, 1986.

Фэн Юлань. Чжуан-цзы нэй вай пянь фэньбе чжи бяобяо (Критерии разделения глав Внутреннего и Внешнего разделов в «Чжуан-цзы»). Яньцзин сюэбао. № 20. 1936.

Хуан Цзиньхун. Синь и Чжуан-цзы дубэнь (Новое толкование «Чжуан-цзы»). Книга для чтения). Тайбэй, 1976.

Цянь Му. Чжуан-цзы цзуаньдзянь (Собрание заметок о «Чжуан-цзы»). Гонконг, 1955.

Чэнь Гуим. Чжуан-цзы цзиньчжу цзиньи (Новый комментарий и новое толкование «Чжуан-цзы»). Пекин, 1983.

Янь Линфэн. Лао Чжуан яньцзю (Исследования по «Лао-цзы» и «Чжуан-цзы»). Тайбэй, 1966.

На японском языке

Кусуяма Харуки. Вайнань-си ри митару со-си но сэйрицу (Формирование «Чжуан-цзы» с точки зрения «Хуайнань-цзы») // Фуйрософия. 41. 1961.

Савада Такио. Со-си пайхэн ко (Разыскания о Внутреннем разделе «Чжуан-цзы») // Бунка. Т. 62. N 2. 1962.

Со-си («Чжуан-цзы»)/Пер. и коммент. Акацука Ки си. Сер. «Дзэнсяку канбун тайкэй». Т. 16—17. Токио, 1974—1977.

Со-си («Чжуан-цзы»)/Пер. и коммент. Канаэ Осаму. Т. 1—4. Токио, 1973—1975.

Со-си («Чжуан-цзы»)/Пер. и коммент. Фукунага Мицудзи. Т. 1—3. Токио, 1966—1967.

На западных языках

Chang Tsung-tung. Metaphysik, Erkenntnis und Praktische Philosophie im Chuang-Tzu: zur Neu-Interpretation und systematischen Darstellung der klassischen chinesischen Philosophie. Frankfurt am Main, 1982.

Giles H. A. (tr.) Chuang-Tzu // Taoist Philosopher and Chinese Mystic. L., 1926.

Graham A. C. (tr.) Chuang Tzu // The Seven Inner Chapters and other writings from the book of Chuang Tzu. L., 1981.

Graham A. C. Chuang Tzu: Textual Notes to a Partial Translation. L., 1982.

Graham A. C. How much of «Chuang Tzu» did Chuang Tzu write? // Studies in Chinese Philosophy and Philosophical Literature. Albany, 1990.

Legge J. (tr. and annot.) The Texts of Taoism // The Sacred Books of the East. Vol. XXXIX—XL. Oxford, 1891.

Liou Kia-hway (tr.) L'oeuvre complète de Tchouang-tseu. Paris, 1969.

Mair V. H. (tr.) Wandering on the Way: Early Taoist Tales and Parables of Chuang Tzu. N. Y., 1994.

Mair V. H. Introduction and Notes for a Complete Translation of the Chuang Tzu // Sino-Platonic Papers. N 48. 1994.

Rand K. Chuang Tzu: Text and Substance // Journal of Chinese Religion. N 11. 1983.

Watson B. (tr.) The Complete Works of Chuang Tzu. N. Y., 1968.

ВНУТРЕННИЙ РАЗДЕЛ

Глава I

Беззаботное скитание

Собравные в этой главе небылицы, анекдоты и иронические диалоги побуждают неустанно преодолевать ограниченность всякой «точки зрения» и достигать абсолютной свободы в идеале «беззаботного скитания» (сяюя ю), введенного в китайскую литературу, по-видимому, самим

Чжуан-цзы. Образцовый комментатор книги Чжуан-цзы Го Сян, живший в конце III в. н. э., приравнивал «беззаботное скитание» к «обретению себя» (*цзы-дэ*), в котором все люди независимо от их способностей, возможностей и жизненного опыта совершенно равны: по Го Сяну, радости гигантской птицы ничуть не хуже и не лучше радостей мелкой пташки. Все же надо признать, что для самого Чжуан-цзы «беззаботное скитание» означало интуитивное открытие — если угодно, «узрение» — беспредельного поля опыта в творческой игре жизни; открытие, составляющее существо Великого Пути как реальности, превосходящей все сущее, предоставляющей каждой вещи свободу быть. Неизбежная же ограниченность любого кругозора есть повод для иронии — неизгладимой в писаниях Чжуан-цзы. В ряде сюжетов этой главы уточняются особенности проявления «беззаботного скитания» в жизни людей: идеал Чжуан-цзы соотносится с отказом от внешних атрибутов власти и с «грандиозной бесполезностью» вещей.

¹ Неизвестная книга, сведения о которой в древней литературе Китая отсутствуют. Некоторые комментаторы считают, что здесь упоминается имя некоего автора. — 59.

² Имеются в виду «Шесть видов энергии», которые направляют круговорот Неба и Земли. Традиционно к таковым относят силы *Инь* и *Ян*, ветер и дождь, свет и мрак. — 61.

³ В конфуцианской традиции Яо прославлялся как мудрый царь, претворивший в действительности идеал «благого правления». — 61.

⁴ Анекдоты о жителях царства Сун пользовались во времена Чжуан-цзы особой популярностью. Примечательно, что Чжуан-цзы сам был сунцем и, следовательно, обладал редкой во все времена способностью добродушно посмеяться над собой. — 62.

Глава II

О том, как вещи друг друга уравнивают

Эта глава содержит, пожалуй, наиболее важные в философском отношении тексты Чжуан-цзы. Уже первый сюжет о «флейте Небес» излагает исходную интуицию даосской мысли: в мире нет принципа, управляющего явлениями, но все существует «само по себе», так что, по замечанию комментатора Го Сяна, «чем больше вещи отличаются друг от друга по своему облику, тем более они подобны в том, что существуют сами по себе». Реальность, согласно Чжуан-цзы, — это не онтологическое единство, но самое Превращение, неизменная изменчивость. В целом стиль главы характеризуется сочетанием мистических прозрений с утонченной критикой софистов, злоупотребляющих рациональной аргументацией.

В позднейшей комментаторской традиции живоленно обсуждался вопрос о том, как следует прочитывать название главы. Многие толкователи утверждали, что три иероглифа в заголовке главы нужно понимать так: «О том, как уравниваются мнения о вещах». Данное толкование, однако, представляется малоубедительным.

В русском переводе в целях большей последовательности изложение произведена перестановка некоторых фрагментов.

¹ *Великий Ком* (*да куай*) — обозначение, одно из оригинальнейших в истории философской мысли, предельной реальности, «великого единства» абсолютного бытия. Отметим, что *Великий Ком* бытия предстает у Чжуан-цзы пустотой мировой пещеры (или чревом Матери мира), вме-

щающей в себя все сущее, а между покоем пещеры и вихрем мирового движения существует полная преемственность. Другими словами, тело у Чжуан-цзы находится завершение в пустоте, и подлинное бытие для него — пустотелое. — 64.

² Притча о *флейте Неба* — одно из лучших в даосской традиции изложений идеи единения человеческой практики и природного бытия в несотворенной Пустоте. Вместе с тем природный и предметный мир отнюдь не подобны пустоте и сходятся в ней по завершению. — 65.

³ В оригинале употреблены слова «то» и «это», так что разделение мира на субъект и объект имело для древних китайцев еще и демонстрационный аспект: мой взгляд на мир означал буквально «вот это», а то, что мы могли бы принять за субъективность, было для них просто «другой точкой зрения». — 65.

⁴ «Сотня костей, девять отверстий, шесть внутренних органов...» — Чжуан-цзы имеет в виду человеческое тело. Подобная манера обозначать целое через его части традиционна для китайской словесности, являясь в сущности единственно возможным способом именовании пустоты. — 65.

⁵ Данное выражение принадлежит софистам, критикуемым Чжуан-цзы, и ссылка на него конечно же исполнена иронии. — 66.

⁶ Еще один софизм, принадлежащий Хуэй Ши. — 67.

⁷ Данная фраза позволяет с особой ясностью видеть, что Небо у Чжуан-цзы обозначает «таковость», внутреннюю полноту и одновременно предел каждой вещи, в котором все вещи «друг друга уравнивают». — 67.

⁸ Чжуан-цзы упоминает об известном софизме философа Гунсунь Луна, гласящем: «Указатель (или палец) не указывает (не является пальцем)». Сам Чжуан-цзы считает составление подобных софизмов занятием ничемным и даже абсурдным, поскольку для него всякое понятие изначально вмещает в себя противоположные смыслы, всякое А есть также не-А. — 67.

⁹ «Обычное место» вещей, о котором толкует даосский философ, определяется не мнением людей и не логическими аргументами. Оно соответствует чистому Присутствию, или «наполненной Пустоте», которое лишь «помещает себя в формы». Вернуть вещи на их «обычное место» у Чжуан-цзы равнозначно тому, чтобы, говоря словами традиционной формулы, «привести к покою стоячую воду». Сделать это и невозможно, и немисливо легко. — 67.

¹⁰ Идея *идти двумя путями сразу*, утверждать и отрицать одновременно стоит в одном ряду с понятиями Оси Пути (*дао шу*) и «прорения» (*мин*). — 68.

¹¹ Все системы знания, хочет сказать Чжуан-цзы, разрушают «цельность Пути», подобно тому как всякий звук убивает бесконечность безмолвия. Следовательно, мудрый художник умеет соблюсти равновесие между выраженным и сокрытым. — 68.

¹² Пародируя косноязычное рассуждение софистов, Чжуан-цзы в то же время высказывает в данном фрагменте свою оригинальную и вполне серьезную мысль, а именно: анализ, противопоставления понятий не способны охватить нечто среднее, лежащее между ними. Следовательно, всякое «чистое понятие» появляется как бы произвольно, и язык сущностей есть язык огрубления, насилия. — 69.

¹³ Тезис «Небо и Земля составляют одно» принадлежит Хуэй Ши, но Чжуан-цзы понимает неправомерность даже такого суждения, как «все едино», ибо говорящий так уже отделяет себя от всеобъемлющего единства. Он лишь предлагает — не пытаясь ничего доказать — «следовать этому». — 69.

¹⁴ Понятие *потайного света* относится, надо думать, к присутствию абсолютной открытости Пустоты (среда распространения света) в вездешном пределе, предельности бытия (являющем собой мрак, сокрытие). В некоторых даосских текстах древности в сходных контекстах говорится о Блуждающем Свете: так называлась звезда Полярного созвездия, наиболее удаленная от Полярной звезды. Вращение этой звезды как бы отмечало мировой, или, по-китайски, Небесный, круговорот.— 70.

¹⁵ Согласно другому толкованию, речь здесь идет о «точильном камне Небес» и о «сглаживании различий между вещами на точильном камне Небес». — 73.

Глава III

Главное во вскармливании жизни

Цель жизни в Дао, согласно Чжуан-цзы, — это не познание, не творчество, тем более не спасение, а «вскармливание жизни» (*ян шэн*), т. е. именно деятельность, позволяющая реализовать всю полноту жизненных свойств и именно поэтому «превосходящая всякое искусство». Притча о поваре-даосе — классическая иллюстрация сугубо практической, чуждой какого бы то ни было отвлеченного знания даосской мудрости. Впрочем, «практика Дао», признает Чжуан-цзы, делает человека необычным, не похожим на большинство людей, живущих ограниченными понятиями света. Самое же словосочетание «*вскармливание жизни*» стало традиционным обозначением даосских методов совершенствования.

¹ Здесь упоминаются популярные в древнем Китае музыкальные мелодии.— 74.

² Отсечение ступни было в Китае традиционным видом наказания. Образ «Полководца правой руки» вкупе с рассказом о поваре Дине заставляет вспомнить хромоногих мастеровых в других мифологиях мира (ср. образ Гефеста в античных мифах). Возможно, перед нами вариация одной общей темы человеческой культуры: «очеловечивание человека», его выделение из природного мира неизменно сопровождается его увечьем.— 75.

Глава IV

Среди людей

Воображаемые диалоги, собранные в этой главе, посвящены проблеме отношения даосского мудреца к миру. В диалогах, где главным действующим лицом выступает Конфуций, дается ответ на вопрос вопросов «странствующих ученых»: как совместить государственную службу с духовной свободой и даосским идеалом «вскармливания жизни»? Другая серия рассказов разъясняет достоинства «бесполезности» мудреца для мира. Разумеется, эта «бесполезность» вовсе не означает отсутствия способностей или нарочитый уход от мира. Она — неизбежное следствие «внутреннего постижения», безупречной цельности духа, прикровенно отличающих мудрого.

¹ Данная фраза — одно из немногих в книге Чжуан-цзы мест, где уточняется значение очень емкого термина *ци*, изначально связанного с образом «испарений» и переводимого в западной литературе словами «эфир», «пневма», «жизненная энергия», «энергетическая конфигурация» и т. п., в данном случае — «духовные токи». Чжуан-цзы говорит

также о «едином *ци* Неба и Земли» и определяет жизнь как «скопление *ци*». В даосской литературе *ци* трактуется как единая духовно-материальная субстанция мира, в пределе своего бытия совпадающая с Великой Пустотой. Вместе с тем она есть реальность, обладающая качественным своеобразием и потому воплощающая неисчерпаемое разнообразие Хаоса. Наконец, *ци* относится к внутреннему измерению реальности: «слушать посредством *ци*» — значит «внимать внутреннему в себе». — 80.

² Это высказывание лишний раз напоминает о том, что вопреки распространенному мнению Чжуан-цзы считал возможным находиться на службе, если служба оказалась «неизбежной», а мудрец, связанный с правителем узами долга, не теряет своей внутренней свободы. — 80.

³ *Феникс* в древности слыл в Китае благим знамением, предвещавшим появление великого мудреца. Песня чуского безумца, однако, проникнута саркастической иронией. — 86.

Глава V

Знак полноты свойств

«Полнота жизненных свойств» — одно из определений реальности у Чжуан-цзы и вместе с тем главнейшая характеристика «просветленного сердца» в даосской традиции. Что же касается «знака» (*фю*), то речь в данном случае — о печатях, которыми в Китае наделялись государственные чиновники. Такие печати обычно состояли из двух половинок и являлись для служилых людей своеобразными опознавательными знаками. Таким образом, Чжуан-цзы говорит о предмете, весьма сходном с понятием символа в его изначальном греческом смысле — как тайном опознавательном знаке. Что же, согласно Чжуан-цзы, является верным признаком «полноты жизненных свойств» в человеке? Прежде всего ненаигранно спокойное отношение ко всяким жизненным невзгодам или кажущимся «несправедливостям» — например, к собственному уродству или увечью. Похвала мудрым уродам или калекам — популярная тема «внутренних глав» книги Чжуан-цзы.

¹ Отсечение ступни было в древнем Китае распространенным видом наказания. — 87.

² По преданию, Конфуций в молодые годы встречался с патриархом даосской традиции и расспрашивал его о смысле древних ритуалов. — 90.

³ *Волищная Кладовая* — метафорическое обозначение человеческого сердца, которое для Чжуан-цзы воистину есть сосуд, «вместилище духа» (пояснение Го Сяна) и в особенности — хранилище неисчерпаемых превращений мира. Данное понятие сопоставимо с выражением «Небесная Кладовая» из второй главы книги. — 91.

⁴ Имеется в виду *клей*, с помощью которого древние китайцы склеивали свои долговые обязательства. — 92.

⁵ Знак «*ци*», переводимый здесь словами «человеческие наклонности», в позднейших текстах обычно означает просто «чувства». Следует, однако, иметь в виду, что в китайской традиции чувства не противопоставлялись разуму и «жить чувствами» в китайском понимании означало также и «жить разумно». — 93.

Глава VI

Высший учитель

В текстах этой главы, пожалуй, с наибольшей полнотой трактуются характеристики бытия Дао, именуемого здесь «высшим учителем». Термин *учитель* в данном случае имеет также значение «родовой предок», ибо Дао есть то, благодаря чему всякая вещь есть то, что она есть, и оно предшествует всякому существованию. Впрочем, понятия учителя и предка являются для Чжуан-цзы, как вообще свойственно его философии, только метафорами: Дао есть великий учитель именно потому, что оно *не хочет* продлевать свое бытие в последователях; оно есть великий предок потому, что ничего не порождает. Но это не мешает Чжуан-цзы обращаться к бесстрастному, безмятежному, оберегающему лишь *глубину нежелания* учителю-предку в словах, исполненных неподдельного пафоса.

¹ В тексте говорится буквально о «Небесной пружине» (*тянь цзи*). Так в даосской литературе обозначается внутренний импульс саморазвития жизни, символически завершенное бытие, сила «таковости» вещей, соотносившаяся с «Небесным», т. е. предвосхищающим все формы, измерением бытия. Некоторые современные исследователи уподобляют даосский термин «Небесная пружина», или «сокровенная пружина» (*суюнь цзи*), понятию энтелехии у Аристотеля. — 94.

² В оригинале значит: «Для них Небо — это отец». Исправлено в соответствии с предложением китайского комментатора Тао Хунцива. — 96.

³ В оригинале сказано наоборот: «Можно передать, но нельзя воспринять». Исправлено по предложению китайского ученого Вэнь Идо. В памятке древнекитайской поэзии «Чуские строфы», близком даосской традиции, встречается принятая здесь версия этой фразы. — 97.

⁴ Это выражение Чжуан-цзы стало классическим в даосской традиции обозначением высшей стадии прозрения Дао. Опыт неизбежного одиночества сопряжен, очевидно, с познанием абсолютности, безусловности своего бытия. — 98.

Глава VII

Достойные быть владыкой мира

В этой последней главе Внутреннего раздела книги собраны сюжеты, которые, по мысли ее составителя, разъясняют природу идеального правления. Ибо мудрость в даосизме — как и в других китайских учениях — неотделима от власти, хотя бы «сокровенной». Однако об управлении как таковом говорится лишь в первых четырех диалогах, причем некоторые из них читаются как вариации ряда диалогов, вошедших в предшествующие главы. В остальных же сюжетах освещаются различные качества даосского мудреца. По-видимому, среди глав Внутреннего раздела данная глава в наибольшей мере обязана своим внешним видом усилиям позднейших переписчиков и редакторов.

¹ Предполагается, что участники этого разговора живут во времена царствования Шуни, одного из идеальных царей в конфуцианской традиции, но отдают предпочтение еще более древним временам правления царя Тай, когда еще не существовало различия между «небесным» и «человеческим» и тем более между различными понятиями, данными в языке. — 104.

² В данном диалоге отчетливо прослеживаются две ступени даос-

ского совершенствования: первая — вольное скитание в небесном пространстве, делающее человека «другом творца вещей»; вторая — вхождение в «Небесное Единство» за пределами жизни и смерти и всего «человеческого». Таков даосский путь совершенствования как «прекращения прекращения», и путь этот соединяет незыблемую волю с полнейшей произвольностью. — 105.

³ Притча о колдуне Ли Сяне и даосском учителе Ху-цзы помогает отличить Силу даосского мудреца — Силу «Единого превращения» мира — от искусства мага, оперирующего отдельными предметами. Как и в первой главе книги, Ле-цзы в этом рассказе поначалу предстает как не слишком дальновидный поклонник магии. — 107.

Глава VIII

Переponки между пальцами

Восьмой главой книги Чжуан-цзы «Переponки между пальцами» открывается ее так называемый Внешний раздел. В отличие от текстов Внутреннего раздела эта глава написана в монологической форме, и ее основная тема — критика цивилизации. Сложилась она сравнительно поздно: вероятно, спустя несколько десятилетий после смерти Чжуан-цзы. Но в ней выражены — хотя часто с несвойственными Чжуан-цзы резкостью и педантичностью — многие мотивы, заветанные древним философом. Основной пафос главы состоит в защите естественной самодостаточности каждого живого существа.

¹ *Три Династии* — три древнейшие династии в Китае — Ся, Инь и Чжоу, — с которыми древние китайцы связывали образ «золотого века» древности. — 109.

² Данная фраза буквально воспроизводит суждение, содержащееся в шестой главе книги Чжуан-цзы. — 111.

Глава IX

Конские копыта

Глава «Конские копыта» стилистически близка предыдущей главе и развивает содержащуюся в ней апологию природной данности жизни и критику цивилизации. Но примечательно, что, мечтая о дружном соседстве людей и зверей, автор главы считает «неизменной природой» людей и залогом их единения производительный труд. Для него «небесное» и «человеческое» не только не противостоят друг другу, но даже друг от друга неотделимы.

¹ Здесь упомянуты некоторые традиционные черты даосской утопии, кочующие из одного даосского памятника в другой. Ср., например, описание блаженной древности в книге «Дао-дэ цзин» (гл. LXXX). — 113.

Глава X

Взламывают сундуки

Данная глава, которая завершает цикл «примитивистских» (определение А. Грэхэма) глав, содержит, пожалуй, самые резкие в древнекитайской литературе нападки на идеологию деспотического государства в Китае. Здесь же мы находим и классические в своем роде образцы

сатиры на господствующую мораль. Некоторые признаки указывают на то, что глава эта принадлежит к числу наиболее поздних в книге: она была создана, по-видимому, на рубеже III—II вв. до н. э. В переводе главы сделаны незначительные сокращения.

¹ Здесь имеется в виду эпизод из политической истории эпохи «Борющихся царств» (V—III вв. до н. э.). Правитель Лу преподнес в дар правителю царства Чу скисшее вино, и чуский царь в отместку решил пойти войной на Лу. Воспользовавшись моментом, правитель царства Вэй осадил город Ханьдань во владениях соседнего царства Чжао. — 116.

² Цитируются слова из XXXVI главы «Дао-дэ цзин». — 117.

³ Цитата из «Дао-дэ цзин», глава XLV. — 117.

⁴ Имеются в виду конечно же рассуждения софистов. — 118.

Глава XI

Дать волю миру

В какой-то мере данная глава, особенно в первой своей части, продолжает намеченную в седьмой главе тему «управления посредством недеяния». Последняя, надо сказать, свойственна всей китайской традиции, настаивающей на полной преемственности законов общества, государства и природы. Однако писаниям Чжуан-цзы и даосской литературе в целом присуще парадоксалистски-заостренная апология благотворности «неупорядоченного порядка», «всепобеждающей уступчивости» и «все свершающего недеяния». В этой главе предлагаются вариации основополагающего для учения Чжуан-цзы мотива «взаимного забвения того и этого», в котором достигается «сокровенное единство» людей.

¹ Несколько измененное изречение из XIII главы «Дао-дэ цзина». — 120.

² Имеются в виду основатели Трех династий древности. — 121.

³ *Сто фамилий* — распространенное в древнем Китае собирательное наименование китайского народа. — 121.

⁴ Измененная фраза из главы IX «Дао-дэ цзина», где мы читаем: «Покончите с мудростью, отбросьте знания, и выгода людей вырастет стократно». — 121.

⁵ В оригинале употреблено слово «цзин» — «семенная энергия». — 122.

⁶ Аналогичная фраза встречается в главе XXI «Дао-дэ цзина». — 122.

⁷ Слово «небо» в древнем Китае служило также уважительным обращением к человеку. — 123.

⁸ *Фуяо* — в древнекитайских мифах — гигантское дерево, растущее на восточном краю Земли; в его ветвях по ночам отдыхает Солнце. — 123.

⁹ «Дао-дэ цзин», глава XVI. — 124.

¹⁰ *Девять областей* — весь обитаемый мир. — 125.

Глава XII

Небо и Земля

Глава состоит из довольно разнородных диалогов и монологических фрагментов и не обладает сколько-нибудь отчетливым тематическим и стилистическим единством. А. Грэхэм отнес ее к разряду «синкретических». Авторам большинства фрагментов свойственно стремление дать

определения основным понятиям даосской философии и выстроить из них всеобъемлющую систему, связывающую воедино традиционную космологию и политическую теорию. Можно почти не сомневаться в сравнительно позднем происхождении этой главы. Текст ее публикуется с небольшими сокращениями.

¹ Наряду с «человечностью» (*жэнь*) понятие «долга» (*и*) составляет основу основ официальной — главным образом конфуцианской по своим истокам — морали в древнем Китае. В предыдущих главах, развивающих тему протеста против цивилизации, «человечность» и «долг» неизменно подвергались резкой критике и осуждению. В «синкретических» главах, напротив, признается их положительная роль в обществе. — 127.

² С первых же страниц книги Чжуан-цзы, с рассказа о гигантской птице Пэн (прототипом которой послужило, видимо, древнее божество ветра), мотив птичьего полета, родства мудреца и птицы занимает приметное место в писаниях древнего даоса и его последователей. Исторически мотив этот связан с широко распространенным в древнем Китае представлением о том, что души умерших предков являются живым в обличье птиц. — 130.

³ В данном случае «искусство Хаоса» обозначает, по-видимому, возвращение жизненной цельности, противостоящее опредмечиванию мира. Позиция Конфуция изложена не без двусмысленности: с одной стороны, Конфуций отмечает ограниченность «искусства Хаоса», а с другой — считает его недоступным для себя и всех «людей света». — 133.

⁴ Имеются в виду ритуальные гимны, сочиненные, по преданию, мудрыми царями древности. — 135.

⁵ «Ломаем тополь», «Пышные цветы» — названия древних народных песен. — 135.

Глава XIII Небесный Путь

Еще одна, по терминологии А. Грэхэма, «синкретическая» глава, продолжающая темы предыдущих глав и, как подметили еще средневековые китайские комментаторы, во многом не согласующаяся со взглядами Чжуан-цзы, представленными в текстах Внутреннего раздела. В переводе опущены фрагменты, наиболее чуждые оригинальным идеям Чжуан-цзы.

¹ Данная фраза — неплохой образчик «безумных речей» даосов. Но нужно иметь в виду, что в бесконечности мирового круговорота «присутствие» и «отсутствие», «пустое» и «наполненное» взаимозаменяемы и в конце концов неотделимы друг от друга. — 138.

² Напомним, что «следование Пути» есть прежде всего безупречно выверенное движение, правильная ориентация в пространстве и во времени. — 138.

³ В древнем Китае правитель восседал на троне лицом к югу и соответственно его служилые люди обращались к нему, стоя лицом к северу. — 138.

⁴ Цитируется фрагмент шестой главы. — 139.

⁵ Представление о том, что правитель должен управлять посредством недеяния, предоставляя подданным выполнять свой долг, разделялось всеми традиционными политическими учениями Китая и являлось одной из основ традиционной, синкретической по своему происхождению государственной идеологии в Китайской империи. — 140.

⁶ Здесь имеются в виду древние ритуальные пляски, исполнявшиеся

танцорами, которые были украшены птичьими перьями и бычьими хвостами. — 140.

⁷ Цитируются слова из главы LVI книги «Дао-дэ цзин». — 143.

Глава XIV

Круговорот небес

Глава открывается необычным пассажем, содержащим вопросы о первопричине всех явлений. По некоторым сведениям, в древности этот фрагмент входил во Внутренний раздел книги. А. Грэхэм считает его продолжением диалога о «флейте Неба», которым открывается вторая глава. Сходные фрагменты встречаются в одном из древнейших поэтических памятников Китая — «Чуские строфы», близком даосской традиции. Исторически подобные вопрошания были тесно связаны с архаическими мифами и религиозными обрядами, но у Чжуан-цзы они приобрели существенно иное значение «именования безымянного», некоего сознательного мифотворчества. Остальные сюжеты главы представляют собой большей частью диалоги Конфуция и Лао-цзы, в которых подчеркивается превосходство даосского постижения «таковости» вещей над светской моралью конфуцианства.

¹ Ср. с даосским понятием Небесной пружины или Сокровенной пружины мира. — 146.

² Некоторые комментаторы без видимых оснований отождествляют этого «колдуна Сяня» с колдуном Ли Сянем из седьмой главы Внутреннего раздела. Скорее всего перед нами некий легендарный, освященный традицией образ. Так, в «Чуских строфах» тоже упоминается «колдун Сянь», приближенный одного из царей династии Инь. — 146.

³ *Шесть полюсов*: четыре стороны света, зенит и надир. *Пять постоямств*: пять так называемых мировых стихий или, точнее, фаз мирового круговорота: дерево, огонь, земля, металл, вода. — 146.

⁴ По преданию, во времена Фуси из реки Ло вышла волшебная черепаха, на панцире которой был изображен магический квадрат из девяти полей. Схема «письмен из реки Ло» считалась в древнем Китае графическим изображением строения Вселенной. — 146.

⁵ *Сяньчи* — название мелодии, сочиненной, по преданию, Желтым Владыкой. — 146.

⁶ Данный сюжет несколько проясняет смысл загадочного понятия «кары Небес», которая, как неоднократно заявляет Чжуан-цзы, постигла Конфуция. По-видимому, «кара Небес» — это отягощенность сознания внешними вещами, духовная несвобода человека, не испытавшего прозрения. — 150.

Глава XV

Тщеславные помыслы

Тексты данной главы разделяются как бы на две части: в первой содержится критика разного рода ограниченных, односторонних подходов к «жизни в Дао», во второй излагается собственно даосский идеал мудрой жизни.

¹ Одно из самых ранних в китайской литературе упоминаний о гимнастических упражнениях, служащих духовному совершенствованию; стили «медведя» и «птицы» традиционно относились к числу наиболее популярных в даосской практике. — 153.

² *Гань* — другое название южнокитайского царства У. Мечи из южных областей У и Юэ особенно славятся в древнем Китае. — 155.

Глава XVI

Любители поправлять природу

Шестнадцатая глава продолжает линию критики фальши и искусственности цивилизации и апологии «естественного состояния» человечества. Проповедуемый в ней жизненный идеал, однако, вовсе не отрицает достижений цивилизации, а предполагает, скорее, мудрую уравновешенность чувственной и духовной жизни. Глава переведена без сокращений.

¹ Еще одно напоминание о том, что для даосов нормы культуры оправдываются внутренней «полнотой свойств» вещей, которая сама по себе не вмещается в какие бы то ни было образы и понятия. Для них культура неустраима, но не должна долететь над жизнью духа. — 156.

² Подлинная жизнь мудрого — это самоскрывающееся «возвращение к Единому». А подлинное призвание форм культуры, согласно Чжуан-цзы, состоит в том, чтобы через себя явить Незримое. — 157.

Глава XVII

Осенний разлив

Среди всех глав Внешнего раздела глава «Осенний разлив» кажется наиболее цельной и близкой текстам Внутреннего раздела. Так, пространный диалог духа реки и духа океана развивает и уточняет многие положения, высказанные в первых двух главах книги. В помещенных следом диалогов угадывается неповторимый гений самого Чжуан-цзы — блестящего полемиста и иронического фантазера.

¹ В тексте буквально: «с человеком одного угла», т. е. человеком, признающим только один способ познания истины. — 159.

² *Пять Царей и Три Правителя* — вошедшее в традицию общее название мудрых правителей древности. — 160.

³ Данное суждение принадлежало Хуэй Ши. — 161.

⁴ *Скакун Хуалю* — легендарный конь, прославившийся своей резвостью. — 162.

⁵ В этом кульминационном пункте диалога Хэбо и Духа Океана полезно уточнить основные выводы их беседы. Вначале Чжуан-цзы обосновывает тезис о нереальности всех различий, направленный против софиста Гуньсунь Луна — главного объекта критики Чжуан-цзы среди «любителей рассуждать». Различия между вещами, доказывает даосский философ, невозможно установить ни на основе данных чувственного восприятия, ни путем отвлеченных размышлений. Но затем Чжуан-цзы подвергает критике и сформулированное Хуэй Ши понятие нераздельного единства: такое единство не может быть логически обосновано. В итоге Чжуан-цзы воздерживается от окончательного суждения о сущности вещей, принимая идею само-противоречивой реальности (реальности как *превращения*) и многосмысленности естественной речи. Своими «нелепыми суждениями», разговорами «вокруг да около» он внушает опыт внутренней уверенности в присутствии правды, предстающей вездесущей иллюзией, вселенским сном. Практический вывод из рассуждений Чжуан-цзы состоит в признании относительности всех ценностей. Но что в таком случае ценного в самом Пути? Чжуан-цзы вынуж-

ден обращаться к внутреннему постижению: мудрый живет и говорит «как все», но, пребывая в этом нескончаемом сне людского мнения, он «осознает порядок природы» и способен безошибочно определять значение всякого события, блюсти «равновесие вещей». Поэтому он «не терпит никакого урона». Перед нами, конечно, не столько умозрительный вывод, сколько призыв «найти себя» в повседневной жизни. Последнее слово Чжуан-цзы вновь облачается в оболочку метафоры: «Небесная правда уподобляется биологической данности жизни, каковая символизирует реальность, предворяющую всякое знание и опыт.— 164.

⁶ *Одноногий Куй* — мифическое животное, похожее на быка, но с одной ногой.— 164.

⁷ Этот диалог Чжуан-цзы с его извечным другом-оппонентом Хуэй Ши дает повод уточнить позицию даосского философа. Утверждая, что знать «чужую радость» невозможно и что, следовательно, можно знать лишь «свою радость», Хуэй Ши смешивает логическое и фактическое. Его утверждение сообщает лишь о способе употребления слов. Чжуан-цзы принимает правила игры, предложенные его собеседником, но делает прямо противоположный вывод: всякое произвольное высказывание и в самом деле есть непосредственное свидетельство о реальности. Диалог Чжуан-цзы и Хуэй Ши подчеркивает контраст между честолюбивым интеллектуалом, находящим удовольствие в разоблачении людских «предрассудков», и скромным мудрецом, живущим «всеобщей радостью», даже если это радость бабочки или рыбки. Мы видим в этом диалоге еще и контраст между искусственной заинтересованностью сугубо умозрительными проблемами и открытостью миру, в котором реализуется жизнь каждого существа.— 166.

⁸ Однажды Конфуция спутали с беглым диктатором царства Лу Ян Ху, который обладал внешним сходством со знаменитым мудрецом. Эта ошибка едва не стоила Конфуцию жизни.— 166.

Глава XVIII

Высшее счастье

Данная глава посвящена широко обсуждавшейся в эпоху Чжуан-цзы проблеме человеческого счастья. По Чжуан-цзы, истинное счастье — познание «постоянства Великого Пути», в котором нет ни жизни, ни смерти. Суждения о радости, обретаемой в смерти или благодаря смерти, — не более чем обычная в писаниях Чжуан-цзы метафора, призванная побудить читателя преодолеть ограниченность собственных представлений.

¹ Здесь и далее цитируются изречения из книги «Дао-дэ цзин» (гл. XXXIX, XXI).— 170.

² Имеется в виду божество Сымин, которое, по верованиям древних китайцев, ведало судьбами людей.— 171.

Глава XIX

Постигший жизнь

Тема данной главы — пути и плоды даосского самовысвобождения сознания. Особенный интерес представляют собранные в ней рассказы о даосских подвижниках, добившихся необыкновенных результатов в различных искусствах. Даосское совершенствование есть целиком и полностью жизненная практика, и оно приносит подвижнику почти сверхъ-

естественные способности, превосходящие собственно техническое мастерство. Вот эти способности, не требовавшие особых усилий и приобретающиеся прежде всего *силой воли*, внутренней работой духа, именовались в даосской традиции словом *гунфу*, получившим ныне известность и за пределами Китая. Перевод главы публикуется с сокращениями.

¹ Это выражение, пожалуй, наиболее точно определяет существо духовной традиции в даосизме. Ему родственно также понятие вечно-преемственности духа (*и шэнь*). — 174.

² Здесь, как и во многих других случаях, подчеркивается различие между мастерством техническим и мастерством «духовным», которым владеет тот, кто обрел в себе «полноту свойств». — 175.

Глава XX Дерево на горе

В первом сюжете главы предлагается существенное уточнение даосского мотива «пользы бесполезности»: смысл мудрой жизни не в том, чтобы быть «бесполезным», а в том, чтобы ускользать от всяких определений, живя «вольным скитанием» духа. Остальные фрагменты, вошедшие в эту главу, посвящены главным образом все той же теме духовной освобожденности.

Глава XXI Тянь Цзыфан

Диалоги и фрагменты, составляющие данную главу, не объединены какой-либо четко обозначенной темой. Однако же ведущим их мотивом является, пожалуй, преломление «практики Дао» в различных формах человеческой деятельности.

¹ Выражение «*сидеть голым, раскинув ноги*» стало в Китае традиционным обозначением творческого экстаза художника. — 193.

Глава XXII Как Знание гуляло на Севере

Диалоги этой главы выражают тенденцию к преодолению рационального знания и в известной мере дополняют рассуждения, представленные, например, во второй и семнадцатой главах. Так, персонаж одного из этих диалогов признается, что он не знает Пути, ибо он знает, что все — едино. В другом случае прославляется учитель, который умер, не успев ничему научить своих учеников. А философ-рационалист, желающий составить предметное знание о Пути, высмеивается с неподдельным остроумием, достойным гения Чжуан-цзы.

¹ В традиционной китайской космологии Северу соответствовал черный цвет и мрак, а Югу — белый цвет и свет. — 195.

² Это — весьма частое у Чжуан-цзы обозначение реальности, подчеркивающее природу Пути как неисчерпаемой конкретности (ср. названный во второй главе жизненный идеал даоса как «следование этому»). — 197.

³ В оригинале употреблен знак «*у*», чаще всего переводимый на западные языки словом «небытие» или даже «ничто». — 201.

РАЗДЕЛ «РАЗНОЕ»

Как было отмечено во вступительной статье, тексты данного раздела считаются относительно поздними и по большей части неаутентичными. Правда, среди них встречаются фрагменты, которые кажутся обрывками суждений из «Внутренних глав» или рефлексиями на некоторые оригинальные постулаты Чжуан-цзы. Однако подавляющее большинство сюжетов представляют собой изложения или переложения, нередко весьма вольные, «по мотивам» или «в духе» Чжуан-цзы. Трудно сказать, насколько они являются порождением непосредственных учеников знаменитого философа, а насколько — данью некоторым популярным в конце эпохи Борющихся Царств идеям и настроениям. Во всяком случае ряд глав (в особенности главы 28—31) несет на себе отпечаток сильного влияния гедониста Ян Чжу, часть текстов вообще не может быть квалифицирована как памятник определенной философской школы. И все-таки материалы этого раздела являются, без сомнения, ценной частью философского и литературного наследия древнего Китая.

Глава XXIII

Гэсан Чу

¹ Здесь содержится парафраз изречения Лао-цзы. См. «Дао-дэ цзин», гл. LV. — 207.

² *Духовная Башня* — одно из метафорических названий реальности как Великого Кома всего сущего (ср. с образом «Волшебной Кладовой»). — 208.

³ Обряд «ла» — самая торжественная часть новогодних празднеств в эпоху Чжуан-цзы. — 210.

Глава XXIV

Сюй Угуй

¹ По свидетельствам некоторых комментаторов, речь идет о своде сочинений по воинскому искусству и книгах учета населения. Оба памятника были утеряны еще в древности. — 213.

² *Ян* и *Бин* — философы Ян Чжу и Гунсунь Лун. — 216.

³ *Лу Цзюй* — ученый в древнем Китае, сведений о котором не сохранилось. — 217.

⁴ *Шэ* — древний струнный инструмент («гусли») в Китае. — 217.

⁵ *Вэнь Чжун* — сановник царства Юэ, который помог юэскому царю спастись от поражения в 493 г. до н. э., а спустя двадцать лет вернуть себе прежние владения. Но юэский царь задумал казнить Вэнь Чжуна, и тому пришлось спастись бегством. — 220.

⁶ По преданию, чуский аристократ Шинань Иляо сумел прекратить соперничество между двумя могущественными кланами своего царства, оспаривавшими престол. Другой чуский царедворец, Сувьшу Ао, по преданию, сумел без помощи оружия погасить мятеж в своем царстве. — 221.

Глава XXV

Цзэян

¹ Намек на популярные во времена Чжуан-цзы софизмы: «собака может быть бараном» и «белая лошадь — не лошадь». — 230.

² Цзи Чжэнь и Цзе-цзы — малоизвестные философы, примыкавшие, по всей видимости, к течению софистов. — 230.

Глава XXVIII

Уступление Поднебесной

¹ Здесь приводятся собственные слова Конфуция, записанные в книге его изречений «Лунь юй» («Беседы и суждения»). — 248.

Глава XXXII

Ле Юйкоу

¹ Текст данного фрагмента в значительной мере испорчен, окончание же его вовсе утрачено. — 273.

ЛЕ-ЦЗЫ

Происхождение книги «Ле-цзы» известно нам в еще меньшей степени, чем история текста «Чжуан-цзы». Содержание этой книги явно эклектично и несет на себе печать позднейшей обработки (ряд пассажей книги почти буквально воспроизводит сюжеты из «Чжуан-цзы»). Большинство исследователей датируют тексты «Ле-цзы» эпохой Хань, в особенности I—III вв. Сам памятник в его нынешнем виде появился в III в. Это не означает, что в книге нет материалов более раннего времени. Во всяком случае книга «Ле-цзы» имеет немаловажное значение как памятник древнекитайской мысли, и недаром в Китае ее причисляли наряду с «Дао-дэ цзином» и «Чжуан-цзы» к трем классическим сочинениям даосизма. Для настоящего перевода был использован текст «Ле-цзы», изданный в Пекине в 1955 г.

Глава I

Небесная доля

Главная тема этой главы — неизбежность приятия своей «небесной доли» и в особенности примирения со смертью. В даосской космологии обоснованием данного вывода служит учение о «едином дыхании», или едином поле жизненной энергии (*ци*), наполняющей все сущее. Авторы «Ле-цзы» предъявляют и целый ряд других аргументов в пользу покойного приятия смерти: всякое индивидуальное существование иллюзорно, жизнь и смерть в природном мире дополняют друг друга, мы не можем знать, что смерть хуже жизни, и, наконец, «пустотно-отсутствующее» и есть наш родной дом, куда мы с неизбежностью рано или поздно возвращаемся. При переводе были опущены два сюжета, дублирующие текст «Чжуан-цзы».

¹ Цитата из «Дао-дэ цзина», гл. VI.— 288.

² Данный пассаж кажется позднейшей вставкой, призванной пояснить смысл предшествующей фразы.— 288.

³ *Гун* и *шан* — две из пяти основных нот китайской музыкальной гаммы.— 289.

⁴ Данный и предыдущий фрагменты в несколько измененном виде помещены в конце гл. XVIII книги «Чжуан-цзы». — 290.

⁵ Данное высказывание основано на популярном в древнем Китае методе толкования слов, исходя из сходства их звучания: в китайском языке слова «душа умершего», «дух» и «возвращаться» звучат почти одинаково.— 291.

⁶ Отаыв Конфуция следует понимать, видимо, в том смысле, что Линь Лэй способен утешить себя мыслью о том, что в смерти ему будет не хуже, чем в жизни, однако он еще не постиг ложность самого различия между жизнью и смертью.— 293.

⁷ Данный сюжет содержится также в гл. XXII «Чжуан-цзы». — 295.

Глава II

Желтый Владыка

Собранные в этой главе притчи иллюстрируют даосские принципы мудрого поведения: тот, кто пребывает в Дао, постиг тщету всех мыслей и желаний, превозмог всякую рефлексию и неподвластен чарам воображения и потому живет «совместно» со всем сущим — вплоть до того, что может «проходить» через металл и камень». Даосский мудрец живет Великой Пустотой, а пустота, как замечает позднейший даосский комментатор Ван Би, «ничем не может быть ограничена». Обладание Дао равнозначно абсолютной свободе и абсолютной (хотя и непряметной для любой частной перспективы созерцания) власти над миром. При переводе опущены одиннадцать сюжетов, содержащихся в книге «Чжуан-цзы». Кроме того, помещенный в конце главы рассказ о встрече философа Хуэй Ана с сунским царем Каном присутствует и в трактате «Люй-ши чуньцю» (середина III в. до н. э.).

¹ *Хуасюй* была матерью *Фуси*, легендарного родоначальника китайской цивилизации.— 298.

² В древнем Китае ученик считался как бы членом семьи учителя и мог вообще не иметь собственного дома.— 300.

³ Данный фрагмент содержится также в гл. XIX книги «Чжуан-цзы». — 301.

⁴ Аналогичный фрагмент см. в гл. XXI «Чжуан-цзы». — 302.

⁵ *Три Советника* — высшая государственная должность в древнем Китае.— 302.

⁶ См. гл. XIX «Чжуан-цзы». — 305.

⁷ См. гл. XIX «Чжуан-цзы». — 306.

⁸ См. гл. XIX «Чжуан-цзы». — 306.

⁹ См. гл. VII «Чжуан-цзы». — 309.

¹⁰ См. гл. XXXII «Чжуан-цзы». — 310.

¹¹ См. также в гл. XXVII «Чжуан-цзы». — 310.

¹² См. гл. XX «Чжуан-цзы». — 311.

¹³ См. гл. LXXVI.— 311.

¹⁴ См. гл. II «Чжуан-цзы». — 313.

¹⁵ См. гл. XIX «Чжуан-цзы». — 314.

Глава III

Царь Му

Большинство сюжетов этой главы развивают идею (присутствующую уже в книге «Чжуан-цзы») иллюзорности всякой «данности» опыта и присутствия чего-то «подлинного» в его неосознаваемых глубинах, сокровенном истоке всего происходящего в мире. Осознание жизни как сна не делает даосских авторов пессимистами: в конце концов иллюзия не менее реальна, чем сознание ее иллюзорности. Мудрый просто принимает и то и другое: он живет и присутствующим, и отсутствующим.

¹ Здесь упоминается традиционная в древнекитайской литературе обитель божественных предков, расположенная «в самой глубине небес». — 316.

² Мать-Царица Запада (*Сиванму*) — женское божество в древнекитайской религии, имевшее престол на горе Куньлунь. Сиванму считалась хранительницей секретов бессмертия. — 317.

³ Имеются в виду конфуцианские ученые (в эпоху Чжоу *царство Лу*, родина Конфуция, было центром книжной образованности). — 323.

⁴ Царство Янь располагалось на севере древнего Китая, а царство Чу — на крайнем юге. — 324.

Глава IV

Конфуций

В данной главе, как и во многих сюжетах книги Чжуан-цзы, великий мудрец Конфуций выступает глашатаем даосской мудрости, доказывая бесплодность как раз того, за что ратовал настоящий исторический Конфуций, — книжного учения и знания. Другим объектом критики — как и у Чжуан-цзы — оказываются древние софисты, любившие демонстрировать внутреннюю противоречивость и, следовательно, несостоятельность людского «мнения». Впрочем, автора «Ле-цзы» скорее забавляют, чем возмущают, словесные ухищрения софистов.

¹ Имеется в виду последний период жизни Конфуция, который стал временем его наибольших неудач, но и наибольшего величия. — 325.

² Имеются в виду три древнейших правителя мира, согласно китайской традиции. В разных источниках к ним причисляются различные лица. Чаще всего упоминаются Фуси, Шэньун и Нюйва. — 327.

³ Говоря о *мудреце в Западном крае*, Конфуций имеет в виду, вероятно, Лао-цзы, который, по преданию, в конце жизни ушел на Запад и остался там навсегда. Некоторые толкователи усматривают здесь намек на Будду. — 327.

⁴ Смысл этой истории заключается в том, что лучнику даже нет нужды целиться в хвост предыдущей стрелы, если он выпускает стрелы непрерывно. Судя по замечанию комментатора «Ле-цзы» Чжан Чжэня (IV в.), в его эпоху этот парадокс летящих стрел, составляющих одну большую покоящуюся стрелу все еще пользовался популярностью. — 333.

⁵ Приводимые здесь софизмы Гунсунь Луна можно сопоставить со сходным перечнем, содержащимся в 33-й главе книги «Чжуан-цзы». В целом аргументация Гунсунь Луна основывается на противопоставлении единичного и всеобщего, состояния и качества, вещи и понятия. По Гунсунь Луану, всякое понятие — и прежде всего понятия пространства и времени — внутренне противоречиво и, следовательно, несостоятельно. — 334.

⁶ Данное высказывание, приписываемое Гуань Инь-цзы, встречается также в тексте «Чжуан-цзы». — 335.

Глава V

Вопросы Тана

Главная тема данной главы — критика ограниченности людского «мнения» и всякого частного опыта, а равно и учения, исходящего из метафизической идеи бесконечности. Общие положения этой критики содержатся в первом диалоге Тана и Цзи, последующие же сюжеты можно рассматривать как иллюстрации к ним. Отметим, что мотив «вопросов Тана» присутствовал и в книге «Чжуан-цзы», хотя в дошедшем до нас тексте книги он не сохранился.

¹ Вероятно, здесь из текста выпало доказательство существования бесконечности. Комментарий Чжан Чжань, по-видимому, восполняет эту лауну, замечая в своих толкованиях: «Если оно зовется отсутствием, как может существовать что-либо внешнее по отношению к нему? Если оно зовется пустотой, как может оно содержать что-либо в себе?» Аргументация Чжан Чжаня восходит к известному тезису Хуэй Ши, сформулировавшего понятия «предельно большого» и «предельно малого»: «Предельно большое не имеет ничего вовне себя; предельно малое не имеет ничего внутри себя». Чжуан-цзы подверг критике и эти понятия, предлагая вообще отказаться от интеллектуальных классификаций. Для даосов безгранична лишь Великая Пустота, тела же (включая и «предельно малое») неисчерпаемы. — 336.

² Данное высказывание опровергает предыдущий тезис о существовании беспредельного: бесконечное не может содержать в себе, иметь своей частью еще одно бесконечное. Даосская мысль останавливается на признании совместного существования ограниченного и безграничного. — 336.

³ *Небесная Река* — Млечный Путь. — 337.

⁴ *Долина Юйюань* — место ночного отдыха солнца, согласно древней китайской мифологии. — 340.

⁵ *Тайсуй* — божество — повелитель времени в китайской мифологии, отождествлявшееся с Юпитером. — 340.

⁶ Данное суждение содержится в «Моистском каноне», собрании сочинений последователей Мо Ди, где даются определения основных понятий логики. — 343.

⁷ В китайской традиции принята пятиступенчатая музыкальная гамма, причем каждая нота (за исключением первой ноты *гун*) ассоциировалась с определенным временем года. Высота ноты определялась системой двенадцати полутонов, отождествлявшихся с двенадцатью месяцами года. Воздействие музыки на природный мир — популярная тема в древней китайской литературе. — 345.

Глава VI

Сила и Судьба

Тема этой главы — значение судьбы в человеческой жизни — принадлежит к числу традиционных тем даосизма и всей китайской мысли. Для конфуцианцев судьба есть тот результат, или плоды человеческой деятельности, который не зависит от желаний и усилий людей. Судьба, по убеждению Конфуция, «ниспосылается Небом». Последователи Мо

Ди держались мнения, что добрые или злые дела обязательно будут иметь соответствующие последствия и что, стало быть, человеку «не миновать судьбы». В книге «Ле-цзы», как и у Чжуан-цзы, развивается тема непостижимости действия судьбы, которое совершенно спонтанно и непредсказуемо; сознательный выбор — это всегда заблуждение, так что мудрый позволяет всему «быть самим собой». Даосское учение о судьбе, разумеется, не отрицает важности действия, но ориентирует на действие совершенно естественное, ненасильственное, искреннее и превыше всего — целостное, «универсальное».

¹ Имеются в виду три добродетельных советника последнего иньского царя: Вэй-цзы, Цай-цзы и Бигань. Первый был вынужден бежать из царства, второй был обращен в рабство, а третий — подвергнут мучительной казни. — 352.

² Цитируется «Дао-дэ цзин», 73. — 358.

Глава VII

Ян Чжу

Данная глава столь разительно отличается от остального текста «Ле-цзы», что, по мнению большинства исследователей, едва ли может считаться памятником древней даосской мысли. Большинство ее сюжетов восходит к школе философа Ян Чжу, жившего в середине 4 в. до н. э. Наибольший интерес среди них представляет диалог Ян Чжу с последователем Мо Ди Цинь Гули — вероятно, наиболее достоверное свидетельство подлинного учения Ян Чжу. Это учение предстает как бесхитростная, почти целомудренная в своей воинственности проповедь гедонизма (который, заметим в скобках, недвусмысленно осуждается в других главах «Ле-цзы» — например, в начальных сюжетах 2-й и 3-й глав). Страстность этой проповеди заметно контрастирует с общим для древней даосской литературы отстраненно-ироническим тоном.

¹ Здесь имеется в виду *Мэн Суньян* — ученик Ян Чжу. — 362.

² Следует учитывать совершенно различные взгляды спорящих сторон на природу и назначение власти. Для ученика Мо Ди власть — это средство «помощи миру», ибо, согласно Мо Ди, настоящий правитель — убежденный альтруист, пекущийся единственно о благе народа. Для последователя Ян Чжу, напротив, власть — тяжкая и бессмысленная обуза, так что «приобрести царство» означает для него пожертвовать своим покоем и, следовательно, целью своей жизни. Сама мечта о власти для Ян Чжу — признак слабости. — 370.

³ Пир «вечной ночи» — экстравагантная забава власть имущих в древнем Китае. Он должен был продолжаться четыре месяца кряду. — 372.

⁴ *Хуанчжун* и *Далюй* — древние церемониальные мелодии, исполнявшиеся на каменных пластинах и колоколах. — 373.

⁵ В этом сюжете заметно стремление преодолеть плоский гедонизм Ян Чжу: заботиться только о своем теле — это не меньшая ограниченность, чем сведение человеческого бытия к умственной деятельности. — 373.

Глава VIII

Рассказы о совпадениях

Последняя глава «Ле-цзы» — наиболее пестрая по композиции и в философском отношении наименее значимая глава книги. Больше половины ее сюжетов заимствованы из различных памятников III — II вв. до н. э., и притом не обязательно даосских. Тем не менее в ней есть свой лейтмотив, каковой составляет идея случайной связи событий. Только эти случайные комбинации вещей определяют, правильны ли наши поступки. Следовательно, в своем поведении мы должны отказаться от абстрактных критериев истинности и действовать, безотчетно «сообразуясь с обстоятельствами времени», откликаясь общему ходу событий. Таков даосский идеал «недеяния».

¹ Этот сюжет встречается также в книге «Люй-ши чунью» («Весна и осень господина Люя», ок. 240 г. до н. э.), где он призван проиллюстрировать тезис, довольно чуждый даосизму, а именно: успех действия предопределен способностью постичь «причины вещей». — 377.

² Этот персонаж не следует путать со знаменитым учеником Конфуция Янь Хоем. Его имя в оригинале пишется иначе. — 378.

³ Данный фрагмент содержится также в гл. XXVIII «Чжуан-цзы». — 379.

⁴ Данный сюжет содержится также в «Чжуан-цзы» и в конфуцианском памятнике «Семейные предания о Конфуции» («Кун-цзы цзяю»), причем в данном случае воспроизводится конфуцианская его версия: пловец добивается успеха благодаря добросовестному соблюдению принципов «человечности и долга». — 382.

⁵ Эта фраза заимствована из «Дао-дэ цзина». — 382.

⁶ Имеется в виду игра любо, где фишки передвигают после бросания костей к центральной линии, разделяющей игральную доску на две половины, — так называемой реке. Побеждает в игре тот, кто забирает в «реке» две фишки, именуемые «рыбами». — 386.

⁷ Этот и предыдущий сюжет содержатся также в «Люй-ши чунью», где Юань Синму и Чжу Лишу представлены как образцы для подражания. — 387.

⁸ Согласно конфуцианской морали, человек должен сохранять свое тело в целостности и сохранности, ибо в нем продлевалась жизнь его предков. Сохранить свое тело в целостности означает для конфуцианства соблюсти принцип «сыновней почтительности» — основу основ конфуцианского благочестия. — 388.

⁹ В Китае с древности зарубки на специальных бирках служили знаком долговых обязательств. — 391.

¹⁰ Жители царства Чжэн убили отца Бай-гуна, и тот вынашивал планы мщения. Этим объясняется и обостренное внимание чжэнцев к поведению Бай-гуна.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ДАОССКИЕ ГЛАВЫ ИЗ ТРАКТАТА «ГУАНЬ-ЦЗЫ»

Книга «Гуань-цзы» носит имя знаменитого государственного деятеля и ученого Гуань-цзы (Гуань Чжуна), жившего в VII в. до н. э. в царстве Ци, и традиционно ему приписывалась. В действительности она

представляет собой довольно эклектичное собрание текстов, принадлежащих разным авторам. Свой окончательный вид эта книга приняла в конце III в. до н. э., а составителями ее были, по всей вероятности, ученые из академии Цзися в столице царства Ци — одном из ведущих центров учености в ту эпоху. В составлении книги приняли участие ученые разных политических и философских взглядов.

Здесь публикуются новые переводы двух глав: «Искусство сердца» (в двух частях) и «Внутреннее делание». Оба текста являются важным памятником даосской мысли древнего Китая. Впрочем, в стилистическом отношении они заметно разнятся между собой. В «Искусстве сердца» высказывается ряд тезисов, которые ниже сопровождаются комментариями. Значительная же часть «Внутреннего делания» написана свойственной и книге Чжуан-цзы ритмической прозой. Последняя глава, по общему мнению исследователей, может быть древнейшим в Китае текстом, специально посвященным практике духовно-телесного совершенствования. Его автор, вероятно, жил в одно время с Чжуан-цзы.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- А Хэгун 200
Ай-гун 90—92, 191, 272
Ао 387
- Бай-гун 382, 391
Баймэнь Чэн 146
Байфэн 290, 331
Бао Цзяо 255
Бао-цзы 258
Баошу Я 218, 354, 355, 356, 366
Беззубый 70, 71, 104, 129, 197, 221
Безымянный 104, 105
Бигань 78, 116, 232, 255, 258
Бо Гу 226, 227
Бо Чанцзянь 227, 228
Бо Яо 317
Богдо-цзы 300
Богун 162
Божественный Земледелец *см.*
Шэньгун
Божественный человек 299
Боя 111, 159, 249, 250, 254, 338,
352, 363, 364
Бола 112, 384
Бохуан 118
Бохунь-Безвестный 88, 193, 269,
287, 301, 302, 309, 310, 328
Бочэн Цыгао 135, 136, 369
Боя 346
Булян И 97
Бэйгун-цзы 353
Бэнь Жун 317
Бянь Суй 248, 249
Бянь Цин-цзы 180
Бянь Цяо 344
- Ван Го 223
Ван Ни 70, 71, 104, 129
Ван Тай 87
Ван Цян 257
Великая Глыба 215
Верховный Владыка 338, 340
Вечно Алчущий 256, 257
Возвышенный Безумец 195, 196
Всех-Примиряющий 228—230
- Вэй-гун 178
Вэй Хэйлуань 350
Вэй Хэймао 349—351
Вэй Шэн 255, 258
Вэнь 344, 345
Вэньбо Сюэ-цзы 190
Вэнь-ван 191, 192, 252, 254, 259,
277, 307, 358
Вэнь-хой 74, 75
Вэнь-хоу 188
Вэнь Чжи 330
Вэнь Чжун 230
- Гань Ин 347
Го 294, 296, 297
Горбун 175, 306
Гоуцзянь 220
Гу 110
Гуан Чэн-цзы 122, 123, 326, 327
Гуань Инь, Гуань Инь-цзы 174,
175, 281, 301, 335, 358, 377
Гуань Лунфэн 78, 232
Гуань-цзы, Гуань Чжун 171, 218,
257, 341, 342, 354—356, 362,
365, 366
Гуаньсун Лун 283
Гун-гун 121, 337
Гун Ху 344
Гун Юэсюй 223
Гунбо 248
Гунвэнь Сюань 75
Гунсун Лун 166, 168, 333, 334
Гунсунь Му 366, 367
Гунсунь Чао 366, 367
Гунсунь Янь 225
Гунцзы Чу 380
Гуншу Бань 347, 383
Гунь 371
Гэнсан Чу 204—206
- Да Тао 227, 228
Дай Цзиньжэнь 225, 226
Дань Бао 178, 179
Даньфу 243
Датин 118

- Дян (Повар Дян) 74
 Драконий Князь 338
 Дуаньгань Му 369
 Дуаньму Шу 368, 369
 Дунмэнь Цзя 347
 Дун У 218
 Дунго-цзы 199, 200, 297, 353
 Дунго Шунь-цзы 188
 Дэн Си 331, 332, 356, 366, 368
 Дэнлин-цзы 278
 Дэнхэн 224
- Жань Цю 202
 Жаньсян 224
 Желтый Владыка (Хуан-ди) 71,
 97, 102, 121, 122, 129, 142, 146,
 147, 172, 182, 195, 196, 203,
 215, 216, 218, 254, 277, 288,
 290, 291, 298, 299, 312, 317,
 321, 322, 339, 359
 Женщина Цяюй 97, 98
 Жо (Дух Океана Жо) 159—163
 Жун Цици 291
 Жунчэн 118, 225, 339
 Жэнь 233
- Забывчивый 172
 Землепашец из Шиху 243
- И (Стрелок И) 211, 216
 И Инь 211, 249, 290
 И Цзе 223
 И Я 382
 Иляо из Шинани 182
 Инь 320
 Инь Вэнь 278, 317, 318
 Инь Шэн 300, 301
 Ицзянь 338
 Иэр-цзы 102
- Кай 302, 303
 Кан 314
 Каньпэй 97
 Као-фу (Праведный) 273
 Конфуций 66, 71, 72, 77—81, 86,
 87, 89, 90—92, 100, 101, 121,
 131—133, 144, 148, 149, 151,
 152, 159, 166, 175, 176, 184,
 185, 188, 189—192, 198, 202,
 203, 217, 220, 221, 225, 227,
 228, 234, 235, 239, 240, 246,
 247, 248, 251, 252, 254, 256—
 258, 263, 264, 266, 267, 272,
 291—293, 304—307, 314, 321,
- 322, 323, 325, 326—328, 342,
 343, 352, 370; 371, 380—383
 Ку Хоу 278
 Куай 162
 Куан 68, 108, 117, 338, 345
 Куан Чжан 258
 Куафу 340
 Куаэр 340
 Куй 164, 259, 312
 Кун Чжоу 350, 351
 Кун Чуань 333
- Лайдань 349—351
 Лань Це 187
 Лао Дань, Лао-цзы 75, 90, 92, 105,
 120, 131, 142—144, 149, 151,
 152, 188—190, 198, 204, 206,
 207, 226, 240, 241, 281, 326,
 358, 370
 Лао Лай-цзы 234
 Лао Чэн-цзы 317, 318
 Лао-цзы 310, 311, 317, 323
 Ле-цзы 61, 106, 107, 172, 174, 244,
 269, 287, 288, 290, 294, 296,
 300, 301, 307—309, 318, 319,
 328, 329, 331, 377—379
 Ле Юй-коу 193, 269, 301, 302
 Ли (Красавица Ли) 72
 Ли Сянь 105, 146, 307
 Ли Чжу 108, 110, 338
 Лилу 118
 Лиму 299
 Лин-гун 82, 92, 183, 228, 360
 Лисюй 118, 360
 Линь Лэй 292
 Линь Хой из Цзя 184, 185
 Лу Цяюй 217
 Лун Шу 330
 Лэнфэн 116
 Люй Шан 380
 Люся Цзя 251, 256
 Лян Шу 61, 62
 Лян Ян 304
 Лянцю Цяюй 360
- Мало-Знаю 228, 229
 Мао Цююань 304
 Маоцзян 71
 Минь Сунь, Минь-цзы 92
 Мо Ди, Мо-цзы 66, 108, 117, 121,
 203, 216, 217, 221, 256, 257,
 270, 277, 278, 314, 347, 370,
 383
 Мосе 99, 209
 Моу 166, 167, 247, 333

Му (царь) 315—317, 341, 346,
347, 351

Му-гун 194, 211, 384

Мэн, Мэн Сунъян 362, 369, 370,
388, 389

Мэн Угуй 136

Мэнсунь Тай 101

Наньго-цзы 328, 329

Наньжун Гу 205—207

Нареченный Недеянием 195, 196

Небесный Владыка 316

Ню Цюэ 385, 386

Нюй Шан 213, 214

Нюйва 337

Облачный Полководец 123, 124

Отрешенный 172

Пинъи 97

Полуденное Начало 104

Простак с Северной Горы 339, 340

Пу Цзюй-цзы 343

Пэн Мэн 279, 280, 333

Пэн-цзы см. Пэнцау

Пэнцау 60, 69, 97, 153, 352

Свободный от Условностей 257

Си Пэн 218, 341, 342, 355,
356

Си Юн 380, 381

Сивэй 97

Симэнь-цзы 353

Синь Ду-цзы 388, 389

Сиши 67, 71, 149

Старый Дракон Счастливый 200

Старый Шан 300

Суй Хой 381

Суйжэнь 157, 171

Сун Жун-цзы см. Сун Син

Сун Син 60, 278

Сунь Сю 180

Суньшу Ао 221, 385

Сюань 304, 332

Сюй Угуй 213, 215

Сюй Ю 61, 102, 129, 221, 237, 242,
248, 363

Сюэ Тань 345

Ся Цан 60, 252, 336, 340

Сян 294, 296, 297, 344, 345

Сянли Цинь 278

Сянь см. Ли Сянь

Сяньюань 118

Сяо Цзи 232

Сяо Шу 351

Сяобо см. Хуань-гун

Тай-гун 360

Тай-гун Жэнь 183, 184

Тайбин 317

Тайдоу 348, 349

Тайшань Цзи 299

Тан см. Чэн Тан

То (Урод То) 90, 91

Тростниковая Накидка 129, 197

Тянь 390

Тянь Кайчжи 178

Тянь Пянь 279, 280

Тянь Хэ 220

Тянь Хэн 352

Тянь Цзыфан 188

Тянь Чэн-цзы 115

Тяньлао 299

Тяньчэн Цзы-Чан 257

У 162, 203, 253, 254, 377

У-ван 249, 252, 254, 257, 277,
371

У Гуан 237, 249

У Дин 97

У с Восточных Ворот 361

У-хоу 213, 214, 278

У-пээ 248

У Цзысюй 116, 169, 232, 255

Укорененный в Небе 105

Умник с Излучины Реки 340

Учжуан 102

Фу-цзы 390

Фуси 80, 97, 118, 157, 338, 373

Фуюэ 97

Фэй Вэй 347, 348

Хаос 107

Хоу Цзи 289

Ху Ба 344

Ху-цзы (даосский учитель) 106,
107, 287, 307, 308, 328, 329

Ху-цзы (философ) 390

Хуа-цзы 225, 244, 322

Хуан Ляо 284

Хуан-цзы 351, 366

Хуань 270

Хуань-гун 92, 143, 257, 341, 342,
354, 355, 360

Хуань Доу 121

Хуань Туань 283

Хун Мэн 123, 124

Хун Чао 333

Хуэй Ан 314

Хуэй-цзы, Хуэй Шя 62, 63, 68, 93,
165, 170, 216—218, 225, 226,
235, 239, 282—284

- Хэбо 159—163, 234
 Хэсюй
 Хэшэн 302
- Цао Шан 271
 Царица-Мать Запада (Сиванму)
 97, 317
 Ци Ин 344
 Цзай Во 304
 Цзан 110
 Цзао 348, 349
 Цзао-фу 317
 Цзе 78, 96, 121, 162, 199, 232, 234,
 248, 249, 256, 257, 364, 370,
 371, 377, 378
 Цзе-цзы 230
 Цзе Цзытуй 255
 Цзе Юй 61, 86, 104
 Цзи с.м. Ся Цзи
 Цзи из Восточных степей 179
 Цзи Лян 357, 358
 Цзи Сян-цзы 176, 177, 313
 Цзи Та 237
 Цзи Цзюйюй
 Цзи-цзы 225, 232
 Цзи Цинь 278
 Цзи Чан 348
 Цзи Чжа 352
 Цзи Чжэнь 230
 Цзи Чэ 133
 Цзин-гун 360, 361
 Цзипь 148
 Цзоу Янь 345
 Цзуньлу 118
 Цзы-Гун 100, 101, 131—133, 171,
 246—248, 252, 263, 264, 292,
 293, 323, 325, 326, 328, 364,
 368
 Цзы-Лай 98, 99
 Цзы-Ляо 226
 Цзы-Ли 98, 99
 Цзы-Лу 144, 228, 247, 248, 254,
 263, 267, 328
 Цзы-Санху 99, 100
 Цзы-сан Ху 184, 185
 Цзы-Сы 98
 Цзы-Ся 307, 328
 Цзы-Цзюй 80
 Цзы-Ци из Наньбо с.м. Цзы-Ци
 из Наньго
 Цзы-Ци из Наньго 64, 85, 219
 Цзы-Циньчжан 99
 Цзы-Чань 88, 89, 356, 366—368
 Цзы-Чжан 256, 257, 328
 Цзы-Юй 338
- Цзыбо 302
 Цзыгао 80
 Цзыкуй из Наньбо 97, 98
 Цзыской 258
 Цзыхуа 302—304
 Цзычжоу Цзыфу 242
 Цзыян 244, 378, 379
 Цзэн, Цзэн-цзы 108, 117, 119, 121,
 137, 232, 239, 246
 Цзю 354, 355
 Цзюйлян 102
 Цзюфан Гао 384
 Цзюфан Янь 219
 Цзянлюй Мьянь 133
 Цзяньу 61, 97, 104
 Ци-цзы 389
 Цин (Краснодеревщик Цин) 177
 Цинь Гули 277, 278, 347, 369, 370
 Цинь И 75
 Цинь Цин 345
 Цуй Шу 120
 Цю 387
 Цю Бинчжан 349
 Цюй Боюй 82, 83, 227
 Цюйцяо-цзы 71
- Чан Хун 232
 Чан Цзи 87, 88
 Чанлу-цзы 296
 Чаньгу, Чаньгу-цзы 71, 226
 Чжан И 179
 Чжан Хэ 343
 Чжан Ци 352
 Чжань Хэ 385
 Чжань-цзы 247
 Чжао (лекарь) 357
 Чжао (царь) 245
 Чжао Вэнь 68
 Чжао Вэнь-цзы 380, 381
 Чжао Сян-цзы 307
 Чжао Цзянь-цзы 390
 Чжаоси (вэйский царь) 244
 Чжоу-гун 149, 249, 257, 277, 370,
 371
 Чжи (Калека Чжи) 85, 86
 Чжи (Разбойник Чжи) 111, 116,
 117, 119, 121, 137, 251—253,
 256
 Чжи (правитель) 162
 Чживэй 227
 Чжили И 271
 Чжицзюй 258
 Чжоу 78, 232, 254, 256, 364, 370,
 371, 377, 378
 Чжу Лишу 387
 Чжу Пинмань 271

Чжу Шэнь 178
Чжуан-гун 179, 360, 385
Чжуан-цзы, Чжуан Чжоу 62, 63,
73, 93, 139, 165, 167, 170, 171,
181, 182, 186, 187, 199, 200,
216, 217, 226, 232, 235, 239,
259, 260, 262, 271, 273, 274,
282
Чжуаньсюй 97, 337
Чжужун 118
Чжун Цзыци 346
Чжунъян 118
Чи Ю 254
Чи Юй 338
Чичжан Маньцзи 136
Чуй 117, 177
Чэн 197
Чэн-ван 371
Чэн Тан 60, 162, 203, 211, 248,
249, 253, 254, 257, 273, 277,
336, 337, 377

Шан-Цяюнь 371
Шань Цюань 242, 363
Шао-гун 371
Шао Ху 354, 355
Ши (Плотник Ши) 84, 217
Ши Кун 360
Ши, Ши Цю 108, 117, 119, 121,
137
Шичэн Ця 142
Шоу (царевич) 244
Шунь 62, 80, 88, 97, 115, 121,
133, 135, 136, 142, 157, 162,
166, 171, 185, 197, 205, 226,
242, 243, 248, 253, 257, 277,
295, 335, 352, 363, 364, 370—
372, 377
Шусунь 326
Шуци см. Бои
Шушань Беспалый 89, 90
Шэ из Северного дворца 183
Шэнь Дао 279, 280
Шэнь То 350
Шэнь-цзы 258
Шэнь Цзи 347
Шэньнун 118, 157, 171, 182, 200,
249, 253, 338, 377
Шэньту Ди 237, 255
Шэньту Цзя 88, 89

Э 345, 346

Юань 192, 217, 234, 383, 384
Юань Синму 387
Юань Сянь 246, 364
Юань Фэн 133
Юй (богач) 386, 387
Юй (легендарный царь) 66, 78,
80, 135, 185, 273, 277, 278, 338,
340, 341, 369—371
Юй (лекарь) 357
Юй (Рыбак Юй) 234, 235
Юй Сюн 294, 311, 358
Юй-цзы 376
Юй Эр 110
Юйгун 188
Юйцян 97, 338
Юэ 245
Юэчжэн Цыкюй 333
Ююй 104, 136, 194
Юян 377

Ян 323
Ян Бу 358, 389
Ян Ху 166, 371
Ян-цзы 187, 293, 310, 311
Ян Цыцзюй 240, 241
Ян Чжу 108, 117, 216, 217, 310,
357, 358, 362—365, 372—375,
388, 389
Янь Буи 218
Янь Гандяо 200
Яньди 312
Янь Пинчжун 365, 366
Янь Тай 179
Янь Хой 77—81, 101, 148, 171,
185, 190, 192, 193, 203, 247,
248, 252, 267, 305, 323, 325,
326, 352, 378
Янь Хэ 82, 242, 272
Янь Юань см. Янь Хой
Яньчэн Цыкю 239
Яньчэн Янь 64
Яньши 346, 347
Яо 61, 62, 78, 88, 89, 96, 102, 115,
119, 121, 129, 130, 133, 135,
136, 142, 157, 162, 166, 171,
199, 205, 216, 221, 226, 234,
237, 242, 248, 253, 254, 257,
277, 312, 334, 352, 363, 364,
371, 372

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Ай (удельное владение) 72
Аньцюань (равнина) 312
- Байли (местность) 194, 211
Бинь (город) 243
Бинь (область) 336, 337
Бохай (море) 261, 337, 339
Бычья гора 360
- Ванъу (гора) 339
Восточный Океан 133, 233
Вэй (царство) 78, 148, 184, 213,
225, 226, 244, 246—248, 253—
255, 261, 265, 287, 290, 292,
334, 360, 364, 368, 379, 380,
381, 390
Вэй (река) 340
Вэй (область) 315
Вэйлюй (проток) 159
Вэнь (река) 339
- Гуешань, Гуишань (мифическая
гора) 61, 62, 299
Гуман (мифическая страна) 319
Гун (гора) 248
Гунъи (удельное владение) 332
Гучжу (местность) 249
- Дайюй (мифическая гора) 337,
338
Дань (пещеры) 244
Дунтин (озеро) 146, 172
- Желтая Река (Хуанхэ) 159, 270,
299, 319, 340, 346
- Ин (город) 221, 283
Ин (область) 336
Ин (река) 248
Инчжоу (мифическая гора) 337
Инь (гора) 105
Инь (царство) 352
Иньгу (местность) 339
Ицюй (местность) 342
- Красные воды (мифическая ре-
ка) 129, 317
Куан (царство) 166
Кувшин-гора 341
Куйцзи (гора) 220, 233
Кунтун (гора) 339
Куньлунь (горный хребет) 97,
129, 201, 317, 346
- Лу (река) 249
Лу (царство) 87, 89, 101, 116,
133, 149, 172, 177, 178, 182—
184, 190, 191, 242, 245, 248,
252—254, 256, 263, 265, 272,
276, 322, 323, 325, 326, 327,
331, 344, 354, 362, 364, 375,
379, 380, 389
- Лэйцзэ (местность) 370
Люйляя (водопад) 305
Лян (город) 226, 386
Лян (царство) 165, 372
Ляокоу 341
- Озеро Белой Яшмы 317
Оуша (местность) 385
- Путянь (местность) 287
Пудзэ (местность) 331
Пушуй (река) 165
Пэй (удельное владение) 149
Пэй (царство) 310
Пэйлай (мифическая гора) 337
- Саньвэй (местность) 121
Северный Океан 59, 159, 165, 341
Срединное государство (самона-
звание Китая) 199, 276, 277,
298, 319, 336, 338, 341, 346
Срединные горы 307
Сун (царство) 62, 85, 148, 166,
184, 187, 192, 217, 234, 248,
253, 261, 265, 271, 274, 294,
296, 310, 313, 322, 327, 371,
383, 389, 391

- Суншань (гора) 339
 Сы (мифическая страна) 289
 Сюао (удельное владение) 78
 Ся 377
 Сянчэн (город) 215

 Тайчжоу (область) 298
 Тайхан (гора) 339
 Тайшань (гора) 60, 69, 252, 291,
 319, 346
 Танци (удельное владение) 332
 Тяолин (парк) 186

 У (царство) 62, 233, 245, 253, 339,
 352, 382, 383

 Фанху (мифическая гора) 337
 Фуло (мифическая страна) 320
 Фэньшуй (река) 62

 Хань (река) 131, 339, 340
 Хань (царство) 244, 261, 345
 Ханьдань (город) 116, 168, 385,
 390
 Хао (река) 165, 166
 Хуа (мифическое царство) 129
 Хуай (река) 339
 Хуасюй (мифическая страна)
 298, 299
 Хуашань (гора) 278
 Хуфу (местность) 387
 Хэ (река) 237
 Хэн (гора) 261
 Хэян 339
 Хэян (город) 370

 Цай (удельное владение) 148,
 183, 184, 185
 Цай (царство) 247, 248, 254, 256,
 352, 371
 Цапъу 233
 Цзан (удельное владение) 110,
 191, 192
 Цзе (мифическая страна) 312
 Цзи (река) 339
 Цзинши (местность в царстве
 Сун) 85
 Цзинь (царство) 72, 131, 253, 302,
 324, 380
 Цяичжоу 339, 340
 Цзо-жэнь (город) 382
 Цзоу (царство) 276
 Цзу (река) 382
 Цзы (река) 331
 Цзывэй (местность) 263
 Цзюй (город) 354

 Цзяояо (царство) 338
 Ци (царство) 84, 92, 115, 171, 190,
 217, 219, 220, 225, 227, 253,
 254, 269, 270, 294—296, 309,
 315, 342, 345, 352, 354, 360,
 362, 368, 379, 383, 390—392
 Цинлин (река) 248
 Цинь (царство) 194, 271, 310, 323,
 379, 384, 386
 Цичжоу (область) 339
 Цишань (гора) 243
 Цюсюань (местность в царстве
 Ци) 84

 Чжао (царство) 333, 344
 Чжи (гора) 249
 Чжи (удельное владение) 78
 Чжолу (равнина) 254
 Чжоу (река) 249
 Чжоу (царство) 144, 184, 248—
 250, 257, 261, 320, 377
 Чжун-жэнь (город) 382
 Чжуннань (гора) 315
 Чжуншань (горы) 247, 333
 Чжэ 233
 Чжэму (царство) 342
 Чжэн (область) 315
 Чжэн (царство) 270, 287, 307,
 321, 344, 356, 368, 391
 Чу (царство) 86, 87, 91, 131, 165,
 170, 175, 217, 220, 223, 245,
 253, 306, 324, 328, 338, 339,
 342, 368, 383, 385
 Чун (мифическая гора) 121
 Чэнь (царство) 148, 183—185,
 247, 248, 254, 265, 323, 326,
 371

 Шан (царство) 184, 377
 Шанцю (гора) 302
 Шаншэнь (река) 176, 305
 Шао (область) 340
 Шаогуан (мифическая гора) 97
 Шимэнь (горы) 261
 Шиху (местность) 243
 Шоулин (город) 168
 Шоуян (гора) 250, 352, 363
 Шу (область) 232
 Шэн (река) 331, 382

 Щербатая (гора) 337

 Юаньцзяо (мифическая гора)
 337, 338
 Юду (мифическая страна) 121
 Юй (долина) 340

Юйчжоу 339
Юйшань (гора) 370
Южный Океан 59, 165
Юн (область) 340
Юэ (царство) 62, 63, 66, 87, 214,
220, 233, 253, 282—284, 342,
383, 385

Яяли 322
Янцзы 233
Янь (гора) 317, 346
Янь (долина) 260
Янь (царство) 219, 236, 283, 324,
386, 389
Яньчжоу (область) 298

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Безумство (*куан*) 61, 71, 86, 200, 323, 330
 Беспредельное (*у цюн, у цзи*) 60, 61, 63, 67, 100, 281, 336
 Бесформенное (*у син*) 97, 105, 131, 138, 161, 209, 281, 395
 Бытие *см.* Наличие
 Великий Ком (*да куай*) 64, 96
 Великий Плавильщик *см.* Творец вещей
 Вещь (*у*) 67, 82, 87, 123, 125, 161, 163, 175, 202, 203, 208, 209, 220, 229, 337
 Внешнее (*вай*) 61, 79, 104, 161, 194, 203, 207, 208, 279, 385
 Внутреннее (*нэй*) 61, 79, 80, 122, 156, 161, 201, 203, 208, 279, 385, 400
 Возвращение (*фань*) 163, 164, 199, 258; 291
 Возможное (*кэ*) 67, 90
 Воля (*чжи и*) 80
 Время (*ши*) 72, 76, 95, 99, 100, 181, 209, 224, 258, 380
 Всепроницающее (*гун*) 68, 103, 127, 168
 Вскармливание жизни (*ян шэн*) 75, 178, 207, 365
 Гармония (*хэ*) 64, 128, 147, 181, 307
 Гуляние (*ю*) 59, 75, 100, 123, 124, 134, 150, 160, 183, 189, 200, 270, 282, 300, 330, 365
 Дао *см.* Путь
 Добродетель *см.* Совершенство
 Доверие (*синь*) 65, 81, 82, 97, 101, 222, 256, 304
 Доказательство (*бянь*) 70, 72, 283, 284, 318
 Долг (*и*) 75, 81, 102, 144, 249, 250, 255, 258, 375, 387, 397
 Духовная Башня *см.* Небесная Кладовая
 Духовная сила *см.* Совершенство
 Духовность (*шэнь*) 71, 72, 74, 80, 129, 139, 155, 174, 214, 274
 Дыхание *см.* Энергия
 Единение Великое (*да гун*) 124
 Единое (*и*) 68, 69, 87, 96, 102, 125, 130, 157, 163, 196, 207, 222, 271, 281, 288, 398, 404
 Естественность (*цзы жань*) 73, 93, 96, 124, 163, 190, 197, 210—211, 240, 341, 352, 356, 358
 Жизненные свойства *см.* Совершенство
 Жизненные силы *см.* Энергия
 Жизнь (*шэн*) 66, 74, 163, 172, 174, 196, 199, 202, 210, 211, 240, 241, 243, 247, 270, 287, 320, 358, 363, 365, 367, 369, 374
 Забытье (*ван*) 64, 92, 100—103, 131, 177, 195, 237, 300
 Знание (*чжи*) 60, 65, 68, 70, 72, 74, 88, 94, 95, 101, 118, 143, 156, 160, 176, 187, 190, 196, 198, 199, 201, 202, 209, 211, 222, 227, 235, 238, 271, 274, 275, 326, 327, 335, 396
 Имя (*мин*) 67, 141, 142, 228, 229, 231, 396
 Инь — Ян 98, 119, 123, 147, 150, 154, 189, 217, 230, 264, 272, 276, 287, 289, 297, 299, 317—319, 340
 Искусство (*шу*) 74, 82, 83, 101, 112, 117, 144, 168, 176, 177, 179, 183, 193, 202, 211, 260, 261, 275, 276, 278, 301, 302, 304—306, 347, 349, 381, 384, 390

Истина (*ши*) 66, 70—73, 207, 222
Исток *см.* Начало

Конфуцианцы (*жу*) 191, 233, 263,
276, 322, 323

Корень (*бэнь*) 97, 138, 197, 201,
227, 280, 291, 389

Моисты 278

Молчание (*мо*) 189, 196, 228, 329

Мрак (*мин*) 128

Музыка (*юэ*) 64, 68, 147, 148, 156,
217, 344, 345

Наличие (*ю*) 69, 96, 170, 210, 290

Начало (*ши*) 69, 131, 133, 209,
224, 239, 271, 281, 336

Небесная Кара (*гянь син*) 76,
101, 139, 150, 270

Небесная Кладовая (*гянь фу*) 70,
88, 91, 208

Небесная Освобожденность (*гянь
фан*) 112

Небесное Равновесие (*гянь
цзюнь*) 73, 239, 343

Небесное Сияние (*гянь гуан*) 67,
79, 208, 222

Небесное Торжище (*гянь юй*) 92

Небесный Закон (*гянь цин*) 75

Небо, небесное (*гянь*) 59, 75, 79,
82, 91—94, 106, 126, 129, 131,
139, 175, 185, 186, 211, 219,
222, 224, 226, 229, 236, 239,
258, 271, 272, 356, 397

Небытие *см.* Отсутствие

Неделие (*у вэй*) 63, 97, 100, 120,
124, 127, 133, 138—140, 146,
164, 170, 195, 200, 212, 289,
382, 397

Образ (*сян у*) 65, 97, 100, 107

Одинокое (*ду*) 93, 98, 125, 130,
189, 208, 309

Оставление (*фан и*) 67, 69

Ось Пути (*дао шу*) 67, 222, 224

Отсутствие (*у*) 63, 105, 130, 200—
202, 209, 271, 281, 290

Подлинное (*чжэнь*) 65, 66, 97,
187, 188, 219, 243, 263, 266

Покой (*цзин*) 64, 88, 98, 138, 147,
154, 155, 270, 404

Полнота *см.* Целостность

Польза (*юн*) 63, 67, 84—86, 92,
181, 235, 335

Помраченность (*юй*) 131, 148

Пороки (*цы*) 265

Порядок (*ли*) 61, 102, 155, 197,
211, 264

Преобразование (*хуа, бянь*) 73, 91,
96—99, 101, 152, 170, 173, 197,
281, 288, 290, 295

Предел (*цзи*) 60, 68, 220, 231, 336

Преращение (*чжи*) 80

Принцип *см.* Порядок

Природа (*син*) 110, 112, 119, 131,
137, 152, 155, 157, 177, 178,
226, 306

Пробуждение (*цзюэ*) 72, 101, 102,
318, 319

Просветленность (*мин*) 66, 67,
69, 70, 98, 197, 210, 275

Простота (*пу*) 113, 151, 288.

Пружина (небесная, жизненная,
сокровенная) 94, 148, 164

Пустота (*сюй, кун*) 65, 75, 80,
105, 106, 294, 308

Путь (*дао*) 66—71, 74, 80, 93—
99, 101, 108, 116, 122, 123, 126,
128, 138, 141, 150, 154—158,
163, 164, 175, 184, 195, 197—
201, 209—212, 221, 231, 243,
248, 267, 268, 271, 275, 278,
280, 284, 287, 289, 299, 311,
327, 330, 335, 356, 378, 395—
397, 399—405

Радость (*лэ*) 73, 95, 139, 146,
165, 166, 169, 219, 291, 292,
325, 326, 405

Ритуал (*ли*) 95, 140, 141, 147—
149, 185

Сверхчеловек (божественный че-
ловек, высший человек, ду-
ховный человек, настоящий
человек, великий человек)
61, 62, 64, 69, 87, 88, 94—96,
98, 100, 123, 125, 126, 130, 134,
145, 154, 155, 161, 168, 180,
189, 190, 199, 207, 221, 223,
236, 298, 299, 301, 303, 307,
313, 327, 337, 359, 401

Семья (*цзин*) 122, 129, 197, 396,
400, 402, 404

Сердце (*синь*) 62, 64, 80, 82, 87,
88, 95, 98, 107, 120, 194, 232,
272, 278, 300, 307, 330, 395,
398—403

Сила *см.* Совершенство

Слава (*мин*) 61, 95, 234, 236, 255,
257, 362, 363, 376, 377

- След (*цзи*) 136, 151, 157
 Следование (*инь, шунь, цун*)
 67—69, 93, 95, 96, 98, 104, 177,
 192, 224, 239, 279, 287
 Служение (*ши*) 81
 Смерть (*сы*) 66, 71, 96, 100, 171,
 172, 202, 274, 293, 364
 Смысл (*и*) 69, 143, 237, 282
 Совершенство (*да*) 79, 87, 88,
 90—92, 96, 104, 112, 113, 118,
 121, 126, 127, 131, 136, 139,
 141, 142, 145, 146, 154—157,
 177, 195—197, 206, 210, 236,
 240, 243, 248, 254, 258, 275,
 281, 293, 340, 395—399, 401
 Сокровенное (*сюань*) 168, 288
 Сон (*мэн*) 65, 72, 73, 99, 101, 102,
 298, 318, 319, 321
 Срединное (*чжун*) 82, 176
 Страх (*хун*) 65, 98, 148, 172
 Судьба (*мин*) 81, 89, 96, 103, 130,
 148, 178, 291, 292, 325, 352,
 356, 358—361, 374
 Сущность (*ши*) 231
- Творец вещей (*цзао у чжэ*) 98—
 100, 102, 105, 139, 270, 288,
 289, 318, 347
 Тело (*ти*) 64—66, 87, 91, 93,
 98—100, 170, 174, 187, 197,
 205, 244, 295, 297
 Тень (*ин*) 125, 266, 290, 377
- Уступление (*жан*) 107, 163
 Утонченность (*мяо*) 239
 Учение без слов (*уянь чжи цзяо*)
 70, 87, 124
- Форма (*син*) 130, 209, 288, 289,
 291
- Хаос (*хунь дунь*) 107, 124, 133,
 170, 288
- Царственное освобождение (*ди
 цзе*) 76
- Целостность (*цюань*) 132, 174,
 175, 180, 205, 301
- Человек, человеческое (*жэнь*) 61,
 62, 71, 75, 92—94, 101, 134,
 142, 155, 160, 161, 164, 186,
 203, 207, 208, 211, 214, 221,
 247, 257, 271, 312, 367, 373,
 374
- Человечность (*жэнь*) 70, 102, 108,
 144, 151, 210, 249
- Чувство (*цин*) 93, 134
- Энергия (*ци*) 61, 80, 100, 106,
 123, 170, 288, 291, 318, 339,
 344, 401—403
- Язык (*янь*) 65, 66, 69—71, 82,
 203, 221, 222, 231, 238, 282,
 329, 382, 383
- Ян см. Инь — Ян

ОГЛАВЛЕНИЕ

В. В. Малявин. Мудрость «безумных речей» 3

ЧЖУАН-ЦЗЫ

Внутренний раздел

<i>Глава I. Беззаботное скитание</i>	59
<i>Глава II. О том, как вещи друг друга уравнивают</i>	64
<i>Глава III. Главное во вскармливании жизни</i>	74
<i>Глава IV. Среди людей</i>	77
<i>Глава V. Знак полноты свойств</i>	87
<i>Глава VI. Высший учитель</i>	94
<i>Глава VII. Достойные быть владыкой мира</i>	104

Внешний раздел

<i>Глава VIII. Перепонки между пальцами</i>	108
<i>Глава IX. Конские копыта</i>	112
<i>Глава X. Взламывают сундуки</i>	115
<i>Глава XI. Дать волю миру</i>	119
<i>Глава XII. Небо и Земля</i>	127
<i>Глава XIII. Небесный Путь</i>	138
<i>Глава XIV. Круговорот небес</i>	146
<i>Глава XV. Тщеславные помыслы</i>	153
<i>Глава XVI. Любители поправлять природу</i>	156
<i>Глава XVII. Осенний разлив</i>	159
<i>Глава XVIII. Высшее счастье</i>	169
<i>Глава XIX. Постигший жизнь</i>	174
<i>Глава XX. Дерево на горе</i>	181
<i>Глава XXI. Тянь Цзыфан</i>	188
<i>Глава XXII. Как Знание гуляло на Севере</i>	195

Раздел «Разное»

<i>Глава XXIII. Гэнсан Чу</i>	204
<i>Глава XXIV. Сюй Угуй</i>	213
<i>Глава XXV. Цзяян</i>	223
<i>Глава XXVI. Внешние вещи</i>	232
<i>Глава XXVII. Иносказательные речи</i>	238
<i>Глава XXVIII. Уступление Поднебесной</i>	242
<i>Глава XXIX. Разбойник Чжи</i>	251
<i>Глава XXX. Радости меча</i>	259
<i>Глава XXXI. Рыбак</i>	263
<i>Глава XXXII. Ле Юйкоу</i>	269
<i>Глава XXXIII. Поднебесный мир</i>	275

ЛЕ-ЦЗЫ

<i>Глава I.</i> Небесная доля	287
<i>Глава II.</i> Желтый Владыка	298
<i>Глава III.</i> Царь Му	315
<i>Глава IV.</i> Конфуций	325
<i>Глава V.</i> Вопросы Тана	336
<i>Глава VI.</i> Сила и Судьба	352
<i>Глава VII.</i> Ян Чжу	362
<i>Глава VIII.</i> Рассказы о совпадениях	377
<i>Приложение.</i> Даосские главы из трактата «Гуан-цзы»	395
<i>Примечания</i>	404
<i>Указатели</i>	428—438

НАУЧНАЯ

ЧЖУАН-ЦЗЫ ЛЕ-ЦЗЫ

Заведующая редакцией *Л. В. Литвинова*
Редактор *Е. Д. Вьюнник*
Младший редактор *С. И. Ларичева*
Оформление художника *В. В. Максина*
Художественный редактор *Е. М. Омеляновская*
Технический редактор *С. П. Лебедева*
Корректор *Ф. Н. Морозова*

ЛР № 010150 от 25.12.91

Сдано в набор 14.03.95. Подписано в печать 22.08.95. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура Обыкн. новая. Высокая печать. Усл. печ. листов 23,10. Усл. кр.-отт. 23,10. Учетно-издат. листов 25,31. Тираж 7000 экз. Заказ № 1190.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

ГПП «Печатный Двор» Комитета РФ по печати. 197110, Чкаловский пр., 15.

